

И.Е.Зеленин

**АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА
Н.С.ХРУЩЕВА
И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО**

Москва - 2001

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

И.Е.Зеленин

**АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА
Н.С.ХРУЩЕВА
И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО**

Москва – 2001

Рецензенты:
академик РАН Ю.А.Поляков,
доктор исторических наук, профессор И.М.Волков

ВВЕДЕНИЕ

Определение «Аграрная политика Хрущева», вынесенное в название темы, разумеется, не точно, до известной степени условно, грешит персонификацией. Это хорошо понимали даже участники мартовского пленума 1965 г. («пленума победителей!»), состоявшегося через полгода после октябрьских событий 1964 г., когда имя Хрущева, и это понятно, было у всех членов президиума и пленума ЦК на устах, а об органах «коллективного руководства» старались не вспоминать. Через полгода все было иначе: имя Хрущева не упоминалось ни в докладе Брежнева, ни в постановлении пленума, да и в выступлениях ораторов (кажется, только один Д.Кунаев, спровоцированный репликой Брежнева, отступил от сценария). Правда, почти все рассуждали о «волюнтаризме», «субъективизме», «нарушении экономических законов социализма» и т.п., имея в виду «отставника». А «фигура умолчания» появилась не в последнюю очередь в связи с тем, что когда элитные пропагандисты из Кремля начали «разъяснять» трудящимся причины отставки Хрущева и решения октябрьского и мартовского пленумов, на них обрушился шквал «провокационных» (по старой терминологии) вопросов, например, таких: «Встречал ли Хрущев хоть какой-то отпор со стороны членов президиума ЦК или они его также активно хвалили как теперь ругают?»; «Почему ошибки признают через много лет, когда государству и народу нанесен огромный ущерб?»; «Хрущев, оказывается, наделал много ошибок... где же был президиум ЦК?»; «Все недостатки в сельском хозяйстве приписывают только Хрущеву. Какова же роль в этом деле ЦК КПСС, крайкомов и обкомов?» и т.п. (см. § 4 III гл.).

И в самом деле, ведь не один же Хрущев все-таки вершил аграрную политику, в той или иной мере функционировали все партийные структуры, регулярно созывались съезды партии, прошло 14 «сельскохозяйственных» пленумов ЦК. За период с осени 1960 г. по июль 1964 г. первый секретарь направил в президиум ЦК 12 Записок по различным проблемам развития аграрного сектора экономики, каждая из которых обсуждалась, а некоторые даже рассылались для руководства местным партийным органам. И тем

не менее термин «аграрная политика Хрущева», особенно с конца 50-х — начала 60-х гг., когда фактически установилась диктатура его личной власти, вполне уместен, во многом оправдан, как скажем «сталинская коллективизация», «ленинский нэп», «реформы Горбачева».

Хрущеву как реформатору не повезло: пережив в 1953-1958 гг. свой «звездный час» и замахнувшись «на великое десятилетие», он с начала 60-х гг. стал терять свой авторитет, а после отстранения от власти был предан забвению, как бы вычеркнут из истории почти на 20 лет, пока у власти находился Брежнев. И все это не могло не сказаться на историографии аграрной политики и аграрного реформирования, осуществлявшихся под руководством Хрущева. В этом можно убедиться на примере освоения целинных и залежных земель — знаменитой «целинной эпопеи» — детища Хрущева, первой его «сверхпрограммы».

Проблема эта, судя по числу издаваемых на протяжении второй половины 50-х — 70-х гг. сборников документов, статей и монографий, материалов научных конференций, — одна из наиболее популярных и разработанных в советской историографии. Однако основные ее этапы определялись главным образом позициями и взглядами лидеров партии, непосредственно участвовавших в этих процессах — сначала это был Хрущев, потом Брежнев и соответствующими «основополагающими» документами КПСС этих лет, разумеется, официальными, а не теми, которые находились в тайниках партийных архивов, доступ к которым ученым был наглухо закрыт. Официальные документы партии с приходом нового лидера нередко подвергались существенной корректировке, переоценке. Иногда важнейшие положения и оценки менялись на противоположные. В этой связи перед историками возникали серьезные проблемы — как увязать новые подходы со старыми при сохранении преемственности, состыковать то, что плохо стыкуется или совсем не стыкуется.

О такого рода метаморфозах свидетельствуют, например, такие факты. В 1962 г. в издательстве «Молодая гвардия» был опубликован сборник документов об участии молодежи в освоении целинных земель (среди составителей был и автор этих строк, другие сотрудники Института истории АН СССР)¹. Первый раздел сборника «Программа великой работы» включал многочисленные выдержки из докладов и выступлений Хрущева, а последний раздел — «Освоение целины — великий подвиг советского народа» по существу сводился к выдержкам из докладов главы партии на XXII съезде КПСС и пленумах ЦК. Да и в других разделах сборника первый

секретарь отнюдь не был забыт, он как бы связывал помещенные в них документы, являлся своего рода «путеводной нитью».

В 1979 г. в издательстве «Наука» при участии Института истории СССР АН СССР, Главного архивного управления при Совете Министров СССР и Центрального государственного архива Народного Хозяйства СССР выходит сугубо научный, своего рода фундаментальный новый сборник документов об освоении целины². Подходы к ряду документов и их оценка изменились коренным образом. Имя Хрущева в сборнике объемом около 30 п.л. не упомянуто ни разу, а путеводной нитью на этот раз явились труды Брежнева; эпиграфом к сборнику стала одна из его цитат; в аннотации указывается: «Широко представлены выступления Л.И.Брежнева, показана его выдающаяся роль в освоении целинных земель»; среди публикуемых документов многочисленны выдержки из выступлений генсека на пленумах и съездах, много ссылок на сборник его речей, изданных к 20-летию освоения целины³.

Не приходится удивляться, что в изданной в 1968 г. книге одного из активных участников целинной эпопеи Ф.Т.Моргуна (весьма ценной, во многом уникальной по вводимому в оборот конкретному материалу) имя Хрущева тоже не значится, как и в изданной в 1978 г. монографии В.И.Куликова⁴, в то время как в последней о Брежневе говорится многократно, с особым пафосом, от ссылок на его работы рябит в глазах. Своего рода «методологическое указание» по этому вопросу дал сам Брежнев. «Иногда спрашивают, — поставил он риторический вопрос в своих воспоминаниях о целине: — кто был автор идеи поднять целину?» И ответил: «Считаю, что сам вопрос неверен, в нем кроется попытка выдающееся свершение нашей партии и народа приписать “прозрению” и воле какого-либо одного человека. Подъем целины — это великая идея коммунистической партии...»⁵.

Впрочем, собственную роль в освоении целины новый лидер отнюдь не отрицал. В речи на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященной 20-летию освоения целины в марте 1974 г., он без ложной скромности заявил: «Двадцать лет назад, в феврале 1954 года партия, как вы знаете, направила меня для работы в Казахстане. И я горжусь тем, что мне было доверено такое большое дело. (Продолжительные аплодисменты)». А потом, как само собой разумеющееся, выслушивал в речах всех без исключения выступавших дифирамбы в свой адрес. Так, первый секретарь Кустанайского обкома партии А.М.Бородин заявил: «Леонид Ильич дал ценные практические указания и советы: как и с чего начинать освоение целинных земель, какими делами заняться с тем, чтобы не допустить ошибок и промахов в этом деле. Трудящиеся Казахстана гор-

дятся, что в этот ответственный для Казахской партийной организации период ее возглавил выдающийся деятель нашей партии и государства Леонид Ильич Брежнев... И мы вправе называть Вас, Леонид Ильич, первым целинником, зачинателем тех великих дел, которые совершались в Казахстане, Сибири, на Урале, в Поволжье и других районах!». Д.А.Кунаев, открывая заседание, сказал: «Мы хорошо знаем, сколько сил, труда и энергии вложил в освоение целинных земель сам Леонид Ильич (Продолжительные аплодисменты)»⁶.

О Хрущеве, которого уже не было в живых, никто не вспоминал. Брежнев, как по мановению волшебной палочки, полностью и, как он вероятно думал навсегда, отлучил его от целины, претендуя на главную роль в руководстве освоением целинных земель. Реализуя его указания, авторы и редакторы второй книги V тома Истории КПСС, изданной в 1980 г., пошли на прямую фальсификацию, назвав записку Хрущева в президиум ЦК партии от 22 января 1954 г. «Пути решения зерновой проблемы», в которой излагался и обосновывался предложенный им план освоения целинных земель, документом ЦК КПСС⁷.

Искушенные историки быстро сориентировались: в большой историографической статье, посвященной 20-летию освоения целины, отмечалось, что в литературе «чрезмерно преувеличивалась роль отдельных личностей в разработке программы освоения целины в 1954-1958 гг.», без упоминания, естественно, этих личностей, хотя Брежнев в их число не входил⁸. Любопытен еще такой штрих, касающийся «новой ориентации». Дело стало представляться таким образом, что курс на массовое освоение целинных земель был якобы определен XIX съездом партии, а затем продолжен сентябрьским пленумом 1953 г.⁹, хотя, как известно, XIX съезд исходил из того, что зерновая проблема в стране была «решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно», а главной задачей в области сельского хозяйства провозгласил «повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур». Этот курс фактически был подтвержден и постановлением сентябрьского пленума, который выдвинул задачу «всемерно развивать зерновое хозяйство» путем «дальнейшего повышения урожайности», в том числе и в районах Юго-Востока, Казахстана и Западной Сибири; о расширении посевных площадей зерновых культур речь не шла¹⁰.

Все сказанное отнюдь не означает отрицание значения литературы 50-70-х гг. по данной теме. Она содержит немало ценного и полезного, прежде всего о «всенародном движении за освоение целинных и залежных земель» — основная и чуть ли не единствен-

ная (если не считать вопроса о роли партии) проблема историографии тех лет.

В последующие годы историки почти полностью утратили интерес к исследованию целинной эпопеи, да и возможностей не было: документы принципиального характера оставались недоступными вплоть до середины 90-х гг. — стенограммы июньского (1957 г.) и октябрьского (1964 г.) пленумов ЦК были опубликованы только в 1993-1994 гг., к тому же продолжало недооцениваться значение (по существу игнорироваться), изданного в начале 60-х гг. восьмитомника Хрущева по вопросам сельского хозяйства¹¹.

Применительно к целине многие вопросы нужно разрабатывать заново, на основе использования недавно рассекреченных документов бывшего текущего архива Политбюро — ныне Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), в частности такие, как разработка и принятие программы освоения целинных земель, начало ее осуществления и результаты, роль Хрущева, а также Брежнева в этих процессах. Пришло, наконец, время ответить на вопрос — была ли у этой программы оппозиция, представлявшая серьезную опасность.

Подобного рода неисследованных или недостаточно разработанных вопросов немало и по ряду других проблем данной темы, которая нуждается в специальной и систематической разработке с привлечением новых источников принципиального характера. Известные предпосылки для этого, хотя и медленно, создаются. Так, в начале 90-х гг. существенные результаты достигнуты в изучении актуальных проблем истории советской деревни, в конце 40-х — начале 50-х гг. — в канун хрущевских реформ. Здесь выделяются публикации и статьи В.П.Попова, монография В.Ф.Зимы, посвященная голоду 1946-1947 гг. и связанных с ним проблем¹². Е.Ю.Зубкова высказала интересные соображения в связи с проведением денежной реформы 1947 г. и отменой карточной системы, снижением розничных цен на продовольственные и промышленные товары; появились специальные публикации и статьи о снижении цен¹³.

Пальма первенства в попытке переосмысления аграрной политики и развития сельского хозяйства в 1953-1964 гг. принадлежит известному экономисту-аграрнику И.В.Русинову. В конце 1988 г. он выступил на конференции в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС с докладом «Аграрная политика КПСС в 50-е — первой половине 60-х годов: опыт и уроки», основные положения которого, а также материалы обсуждения были вскоре опубликованы¹⁴.

В критике хрущевских аграрных реформ Русинов пошел значительно дальше даже мартовского пленума ЦК 1965 г. Его общий вывод звучит так: «Три сверхпрограммы (имеется в виду освоение целинных земель, распространение посевов кукурузы и других “чудо-культур”, сверхпрограмма по животноводству. — И.З.) и четыре провала». А четыре потому, что не только все эти программы «были провалены», но и «весь план крутого подъема сельского хозяйства»¹⁵.

Автор не без оснований был обвинен в необъективности, одностороннем подходе. Сначала В.П.Даниловым, выступившим в прениях на конференции, затем ростовским историком Ю.П.Денисовым¹⁶. В то же время заслуживает внимания весьма неожиданный общий вывод Русинова. Он полагает, что к концу 1963 г. Хрущев «по-видимому, осознал бесперспективность прежних своих попыток обеспечить методом проб и ошибок устойчивый подъем сельского хозяйства и со свойственной ему энергией сделал крутой поворот в направленности аграрной политики партии...». Были «заложены основы курса на интенсификацию сельскохозяйственного производства». Журналист А.И.Стреляный в этой связи выразился более образно: «Хрущев устремился вперед, да был на скаку остановлен»¹⁷.

Одновременно с новаторской (постановочной) статьей Русинова вышел в свет четвертый том «Истории советского крестьянства», охватывающий первые послевоенные годы и хрущевский период до конца 50-х гг.¹⁸ Содержащиеся в нем ценные, нередко впервые вводимые в оборот, фактические данные, весьма обогатили историографию, однако концепционные подходы остались в основном прежние, хронологическое завершение тома концом 50-х гг. не позволило авторам довести до логического конца хрущевское реформирование. К тому же вынужденный «крестьянский уклон», особенно в связи с осуществлением Хрущевым политики массовой «совхозизации» сузил возможности авторов дать масштабную оценку развития аграрных реформ и сельского хозяйства. Сказанное — в известной степени и самокритика, поскольку автор этих строк — один из участников названного труда.

Примерно аналогичными достоинствами и недостатками обладает 4-й том истории крестьянства Сибири, вышедший тремя годами раньше. Правда, в 5-м томе этой серии, опубликованном в 1991 г., авторы пересмотрели некоторые оценки предыдущего тома применительно к 50-м гг.: более критически оценили «совхозизацию», а также программу освоения целинных земель, а главное — довели до конца аграрное реформирование Хрущева¹⁹. Большая заслуга (редакторская и авторская) в подготовке названных

томов принадлежит их ответственным редакторам И.М.Волкову и Н.Я.Гушину.

Первой обобщающей работой, характеризующей осуществление и результаты хрущевских аграрных реформ на новом этапе российской историографии стала монография О.М.Вербицкой, посвященная крестьянству России²⁰. Введение в оборот новых архивных источников, в том числе сводных годовых отчетов колхозов, бюджетных обследований крестьянских семей, демографической статистики, позволило автору дать объективную и достаточно полную характеристику социально-демографических изменений в деревне, материально-бытового положения крестьянства на первом этапе хрущевских реформ. Значительное внимание уделено колхозному двору, ЛПХ, соотношению общественного и личного в доходах крестьян, семейному быту. Однако отсутствие в то время возможности воспользоваться архивными материалами КПСС при освещении проблем аграрной политики, сказалось на изложении этой проблемы (известная неполнота, схематизм, некритическое воспроизведение официальных документов). К тому же работа доводится до 1960 г., второй этап хрущевского реформирования (как и в 4-м томе Истории советского крестьянства) опять-таки остался за рамками книги, тема не доведена до логического завершения.

Более повезло российскому Нечерноземью, «неперспективной» (исчезающей) деревне, истории которой посвящен ряд работ, охватывающих широкие хронологические рамки²¹. Однако авторов интересует главным образом социально-экономические и демографические изменения в деревне. Проблемы аграрной политики и сельскохозяйственного производства остаются в тени. Попытку М.А.Безнина распространить некоторые выводы, сделанные на материалах Российского Нечерноземья и прежде всего его Северо-Западного региона, на всю страну вряд ли можно признать удачной. В частности, вывод о завершении процесса «раскрестьянивания», а в этой связи и «тысячелетней истории российского крестьянства» (!) к концу рассматриваемого автором периода, т.е. к середине 60-х гг. По его мнению, крестьянин в результате хрущевских реформ превратился в «рабочего с огородом»²². Это не подтверждают данные, приводимые в монографии уральского историка М.Н.Денисевича, посвященной личным подсобным хозяйствам, и в обобщающем исследовании А.П.Тюриной²³.

Эта проблема, на мой взгляд, нуждается в более широком подходе и дальнейшем осмыслении.

Замечу, что «неперспективная» деревня – это прежде всего результат просчетов и грубейших ошибок политиков, а после их осознания (Хрущевым, а затем и Брежневым) – неумение их ис-

правлять, в основе которого некомпетентность, нежелание прислушаться к голосу ученых и специалистов. Характерный пример — известное постановление ЦК партии и правительства по Нечерноземью в марте 1974 г., а еще раньше — пагубная политика «агрокотропов», начатая Хрушевым с лучшими намерениями. Эти проблемы ждут еще своего исследования²⁴.

Особое место в историографии данной темы занимает обобщающее исследование академика А.А.Никонова об аграрной науке и политике России с XVIII по XX в.²⁵ Специальные главы посвящены первым послевоенным годам и аграрной политике Хрущева (гл. 8, 9), которую автор сначала постигал не в тиши кабинетов и библиотек, а на практике, будучи министром сельского хозяйства Латвии (вплоть до 1961 г.), в ходе проходивших в то время пленумов ЦК, в том числе февральского — мартовского 1954 г., в стенограмме которого значится и его выступление. А поста министра, как выясняется из книги, будущий академик, президент ВАСХНИЛ, лишился вскоре после «обмена мнениями» с внезапно нагрянувшим в Латвию Хрушевым по поводу расширения посевов кукурузы. «Вы не любите кукурузу», — сделал вывод глава партии и государства. Однако Никонов далек от того, чтобы задним числом «сводить счеты» с бывшим «собеседником» (как это просматривается в недавно опубликованных мемуарах Д.Т.Шепилова²⁶). Он дает объективную характеристику Хрущеву как человеку и политику, весьма позитивно в целом оценивает его реформы, в том числе и освоение целинных земель.

Обращают на себя внимание компетентные, основанные на глубоких знаниях ученого и практика, суждения Никонова о таких ученых-аграрниках, как Д.Н.Прянишников, Н.М.Тулайков, В.Р.Вильямс, Т.С.Мальцев (почетный академик ВАСХНИЛ), А.И.Бараев и др., взгляды которых Хрущев нередко (при помощи своих помощников) пытался использовать для «подкрепления» своих позиций. Никонов бескомпромиссен в разоблачении псевдоученых (Т.Д.Лысенко и лысенковщины, Г.А.Наливайко и др.), нанесших большой вред аграрной науке и сельскому хозяйству, к сожалению, при поддержке Хрущева.

Следует назвать и последнюю книгу Д.А.Волкогонова «Семь вождей», вышедшую после его смерти, одна из глав которой посвящена Хрущеву²⁷. Главная ценность этого труда, рецензентом которого выступил директор Архива Президента Российской Федерации (АПРФ) А.В.Коротков, — широкое использование автором документов этого архива. Так, опираясь на эти уникальные документы (ссылки на каждый из которых даются в конце книги), Волкогонов осветил такие события, как приход Хрущева к власти после

смерти Сталина, отстранение от власти палача Берия, борьба с Маленковым за лидерство в партии, подготовка доклада о культе личности Сталина на XX съезде КПСС, отстранение Хрущева от власти и т.д. Автор приводит уникальные данные, оформленные в виде двух таблиц, из «особой папки» АПРФ о заготовках и расходе зерна в СССР, в том числе и за счет госрезерва за 1940-1953 и 1954-1964 гг. (с. 382, 384), свидетельствующие о резком снижении, начиная с 1960 г., государственных резервов зерна, «проедании» этих резервов, а затем и золотого запаса страны в связи с началом массовых закупок зерна за рубежом.

Интерпретация приводимых в книге тех или иных документальных материалов, извлеченных из АПРФ, может уточняться (автор имеет право на собственный анализ и оценку их), но достоверность их, а в ряде случаев уникальность, не вызывает сомнения. Иными словами, книга Волкогонова, в частности глава, посвященная Хрущеву, в ряде случаев является ценнейшим источником фактических данных.

Аналогичное значение в данном случае имеет фундаментальное исследование Р.Г.Пихоя «Советский Союз: история власти 1945-1991» (М., 1998), в котором широко использованы уникальные документы из архивов бывших Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, Внешней политики России и др. 2 и 3 главы непосредственно посвящены политике Н.С.Хрущева, обстоятельствам, связанным с его приходом к власти и отставкой, подготовкой доклада о культе личности и т.д.

Источниковая база монографии определяется совокупностью различного вида источников, позволяющих, на мой взгляд, достаточно полно и обстоятельно раскрыть основные проблемы темы и тему в целом. Важнейший из них — это свидетельства самого Хрущева по вопросам аграрной политики и ее реализации, опубликованные в восьмитомнике «Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства», изданном при его жизни. В него вошли как опубликованные, так и не публиковавшиеся ранее доклады, речи и выступления лидера партии и государства, различные приветствия и, что имеет особое значение, — записки в президиум ЦК КПСС с постановкой и обоснованием тех или иных вопросов, беседы с иностранными делегациями и отдельными деятелями и т.д. Это как бы аграрная политика в действии в изложении самого Хрущева со всеми ее зигзагами и противоречиями, так характерными для периода реформ. И совершенно четко просматривается, что для автора или соучастника этой политики не было чуждым в той или иной мере признать ошибки, в том числе и собственные,

попытаться их смягчить или исправить, наметить новые ориентиры.

Далее — это документы партии и правительства, как опубликованные, так и не публиковавшиеся в открытой печати или опубликованные по прошествии ряда лет, а некоторые, к большому сожалению, недоступные исследователям и до сих пор. В числе их — святая святых КПСС — протоколы заседаний президиума ЦК, оргбюро, ряда отделов. Да и стенограммы некоторых пленумов ЦК, среди которых (как ни странно, на первый взгляд) сентябрьского пленума 1953 г.; февральско-мартовского 1954 г. (здесь все ясно: на нем обсуждалась программа освоения целинных земель, были критические выступления ученых, выяснилось, что против освоения целины были и некоторые руководители Казахстана); январского 1955 г., обсудившего проблемы животноводства, но не только: был еще и закрытый вопрос «О тов. Маленкове», о выражении ему недоверия как главе правительства, на должность которого претендовал Хрущев. Не публиковалась и стенограмма февральского 1947 г. («сталинского») пленума ЦК, как, впрочем, и всех других пленумов генсека.

Большое значение для разработки данной темы имеет публикация в Известиях ЦК КПСС с санкции М.С.Горбачева доклада Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности (1989, № 3) и стенограммы июльского пленума 1953 г., обсуждавшего вопрос «о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» (1991. № 1, 2). Затем порадовал журнал «Исторический архив», учрежденный в 1992 г. Государственной архивной службой России. В 1993-1994 гг. были опубликованы стенограммы июньского 1957 г. пленума ЦК («Последняя антипартийная группа») и октябрьского 1964 г. пленума («Как снимали Н.С.Хрущева»), подборка документов о событиях в Новочеркасске («Новочеркасская трагедия, 1962»).

Ценнейшим источником являются стенограммы «сельскохозяйственных» пленумов, опубликованные сразу после их проведения (декабрьских 1958 и 1959 гг.; мартовского и ноябрьского 1962 г., декабрьского 1963 г. и февральского 1964 г., а также мартовского 1965 г., «брежневского»), до сих пор еще не подвергавшиеся серьезному научному анализу.

Партийно-государственные постановления по сельскому хозяйству сравнительно полно представлены в официальных публикациях «КПСС в резолюциях...», в двухсерийных сборниках по народному хозяйству²⁸. Но есть и пробелы: не были включены, например, полусекретные и секретные постановления о повышении закупочных и розничных цен на животноводческую продукцию (31

мая 1962 г.), об ограничении размеров ЛПХ рабочих и служащих совхозов (декабрь 1958 г.), о запрещении горожанам и жителям рабочих совхозов содержать скот (июль – август 1959 г.) и др.

Особое значение при исследовании данной темы имеет сельскохозяйственная статистика, на основе которой в конечном счете только и можно определить ход и результативность аграрного реформирования, сделать выводы о тенденциях и развитии сельскохозяйственного производства. В 1960 и 1971 гг. ЦСУ СССР впервые после 1936 г. опубликовало два специальных сборника по сельскому хозяйству²⁹. В них включены уточненные по указанию Хрущева данные о валовых сборах и урожайности зерновых культур, исчисленные на основе амбарной урожайности (годовых отчетов хозяйств) и уточненные в связи с этим показатели валовой и товарной продукции сельского хозяйства (динамические ряды) в стоимостном выражении. В сборнике 1971 г. впервые после 1936 г. даны методологические и методические пояснения о том, как определялись статистические показатели по полеводству и животноводству.

Эта статистика, на мой взгляд, в целом достоверна, что обосновывается в работах некоторых экономистов и историков³⁰.

Искажения допускались при исчислении показателей производства мясной продукции, в которую включали жир-сырец и пищевые субпродукты, что оговаривалось и в пояснениях к сборнику 1971 г. И.В.Русинов в упомянутой статье обратил внимание на то, что при определении удельного веса целины в поставках зерна приводились данные не по собственно целинным землям, а по «районам освоения целинных и залежных земель», поставки которых сопоставлялись с поставками до и после освоения целины. Но, строго говоря, тут никакой фальсификации не было, и совсем нетрудно определить путем вычитания, сколько давали хлеба вновь распаханые земли.

Но были еще и маленькие «статистические хитрости». Сошлюсь на один документ сельхозотдела ЦК. В конце октября 1958 г. начальник ЦСУ В.Н.Старовский направил в отделы ЦК на апробацию верстку статистического сборника: «Животноводство СССР». Заведующий отделом пропаганды и агитации Л.Ф.Ильичев высказался против публикации данных о производстве мяса, свинины, молока, шерсти и яиц по областям, краям и автономным республикам, мотивируя это тем, что по некоторым из них показателям по животноводству в 1958 г. снизились по сравнению с 1956 г., а иногда и с 1953 г. «Опубликование таких данных, — считал он, — не будет мобилизовать соревнующихся на выполнении взятых обязательств»; к тому же «недружелюбная к СССР пропаганда может в

извращенном виде это использовать». С этим согласился и заведующий сельхозотдела П.Дорошенко, а после этого и Старовский³¹. Озабоченность Ильичева понятна: в это время подводились итоги выполнения обязательств в связи с выдвинутым Хрущевым весной 1957 г. призывом к животноводам страны догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения.

Видимо, исходя из принципа «политической целесообразности», в сборниках затушевывались показатели по ЛПХ. В сборник 1971 г. был введен термин «ЛПХ населения», благодаря которому показатели по этим хозяйствам не дифференцировались по видам; в сборнике 1960 г. упор делался на товарную продукцию ЛПХ, в сборнике 1971 г. — на валовую. Показатели по ЛПХ горожан не публиковались. Такого рода пробелы и нестыковки в той или иной мере можно преодолевать, используя материалы недавно рассекреченного фонда сельхозотдела ЦК (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45). Начальник ЦСУ В.Н.Старовский систематически представлял в этот отдел, лично Хрущеву годовые и за ряд лет отчеты о производственно-финансовой деятельности колхозов и совхозов, по сельскому хозяйству в целом, а иногда и материалы бюджетных обследований семей колхозников и рабочих совхозов.

Значительный интерес представляют сконцентрированные в этом фонде аналитические записки о состоянии сельского хозяйства и путях решения возникающих в ходе аграрного реформирования проблем, направляемые в ЦК КПСС и лично Хрущеву (с октября 1964 г. — Брежневу) научными коллективами аграрно-экономических институтов и академий (ВНИИ экономики сельского хозяйства, Институтом экономики АН СССР, ВАСХНИЛ, Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева и др.) или отдельными учеными. Работники сельхозотдела ЦК активно участвовали в подготовке тех или иных мероприятий в области сельского хозяйства, разработке законодательных актов и постановлений. В фонде отложились неопубликованные письма граждан (обычно резко критического характера), посылаемые в прессу или непосредственно в ЦК КПСС, лично Хрущеву, с оценкой ситуации в деревне и сельском хозяйстве, их реакции на принимаемые партией и правительством решения, различного рода жалобами и предложениями.

В книге обстоятельно использованы публикации документов по истории деревни в первые послевоенные годы, о чем уже говорилось. Особенно ценными, на мой взгляд, являются публикации В.П.Попова, в которых вводятся в оборот документы из Президентского архива (об указе 1948 г. о выселении колхозников, об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х гг.), из фонда Совета по делам колхозов (РГАЭ) и Правительства СССР (ГАРФ).

Особенно важны для понимания эволюции взглядов Хрущева, его «дрейфа» в сторону авторитаризма и волюнтаризма, граничившего с самодурством (замечу: при попустительстве коллег по «коллективному руководству») воспоминания В.Н.Новикова — председателя Госплана и заместителя председателя Совета Министров СССР — правой руки Хрущева, хорошо знавшего реальную обстановку на вершине власти в начале 60-х гг.

Пусть не посетует читатель, что, проявив известную нескромность, я, как непосредственный очевидец, а отчасти и участник тех событий, профессиональный историк-аграрник, рискнул поделиться некоторыми личными воспоминаниями. Имеется прецедент: мои молодые коллеги по Институту российской истории Е.Ю.Зубкова и В.Ф.Зима включили в свои монографии запись интервью с известными историками и экономистами, в том числе и сотрудниками нашего института и, на мой взгляд, это весьма обогатило их содержание.

Замечу, что «хрущевский период» аграрной истории я начал осваивать как исследователь более 35 лет назад. В начале 60-х гг., как отмечалось выше, участвовал в подготовке сборника документов «Молодежь на целине», изданном в 1962 г.; в 1969 г. была опубликована моя монография «Совхозы СССР 1941-1950 гг.»; в 1978 г. — книга «Общественно-политическая жизнь Советской деревни 1946-1958 гг.»; участвовал в написании двух глав коллективной работы Института «История советского крестьянства», т. 4 (1945 — конец 1950-х гг.), увидевшей свет в 1988 г.; являлся ответственным редактором и автором небольшого предисловия упоминавшейся монографии О.М.Вербицкой (1992 г.). Прошлые знания пригодились, однако, тему во многом пришлось переосмысливать на основе овладения новым корпусом источников, вышедшей литературой.

В замысел работы входило прежде всего сделать ее основой фундаментальную фактологическую базу, ввести в оборот как можно больше добротного документального материала, на основе которого (а никак не раньше) провести анализ, сформулировать обобщения и выводы.

Несколько слов о периодизации и структуре книги. Первая глава посвящена первым послевоенным годам, поскольку именно тогда, после завершения восстановительного периода, стали складываться предпосылки для радикального аграрного реформирования. Однако сталинский режим был неспособен к этому, продолжая политику насилия и репрессий. В начале 50-х гг. он подошел к последней черте, наблюдались признаки его агонии и распада. Неизбежность глубоких перемен в обществе, в том числе в аграрной

сфере, ни у кого не вызывала сомнения. «Сторонниками» их были даже Берия и его всемогущее ведомство.

Далее выделяются два общепризнанных этапа аграрной политики и реформ, непосредственно связанных с деятельностью Н.С.Хрущева: 1953-1958 гг. (вторая глава), 1959-1964 гг. (третья глава). Однако четкого рубежа между ними, на мой взгляд, нет, поскольку переходный период носил скачкообразный, весьма противоречивый характер, а в 1963 — начале 1964 г. начал формироваться новый курс аграрной политики, направленный на глубокую и всестороннюю интенсификацию сельского хозяйства, разработка и осуществление которого продолжалась и после отставки Хрущева.

Заключительный раздел третьей главы (§ 3) посвящен мартовскому пленуму 1965 г. («брежневскому»). И это, на мой взгляд, логично, вполне оправдано, поскольку участники «дворцового переворота» не только не поставили крест на хрущевских реформах, но вынуждены были, вольно или невольно, признать необратимость их рациональной основы, а определенные «пленумом победителей» «неотложные меры по дальнейшему развитию сельского хозяйства» означали прежде всего возвращение к курсу сентябрьского пленума 1953 г. «Решения мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС и последовавшие за ним меры, — пишет А.А.Никонов, — были в русле политики, обозначенной сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК»³².

Некоторые дополнения и суждения историографического и историковедческого характера даются по ходу изложения непосредственно в тексте или в примечаниях.

**ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.
ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ.
НАЗРЕВАНИЕ АГРАРНЫХ РЕФОРМ
(1945 – МАРТ 1953 ГОДА)**

**1. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.
УЧАСТИЕ Н.С.ХРУЩЕВА В РАЗРАБОТКЕ НЕКОТОРЫХ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ
ЧЕТВЕРТОЙ ПЯТИЛЕТКИ В ОБЛАСТИ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

Восстановление уничтоженных и разграбленных немецко-фашистскими захватчиками колхозов и совхозов, сел и деревень началось уже в ходе войны, по мере освобождения войсками Красной Армии оккупированной территории. Одним из первых законодательных актов, определивших начальный рубеж этих процессов, было постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 января 1943 г. «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов», которое было распространено и на совхозную систему. Конкретно речь шла о Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской, Сталинградской, Воронежской, Курской и Орловской областях, освобождаемых районов Украины. Предусматривалась мобилизация исправных и возврат ранее эвакуированных тракторов, автомашин, комбайнов, моторов и сельхозмашин с передачей в названные области; направление туда наиболее опытных кадров механизаторов, специалистов и руководителей производства; отпуск из резервного фонда Совнаркома на восстановление МТС, МТМ и совхозов 223,6 млн. руб.; руководителям хозяйств предлагалось определить план ярового сева в 1943 г. и т.д.¹ В августе 1943 г., феврале и марте 1944 г., в феврале и мае 1945 г. были приняты аналогичные постановления, как по стране в целом, так и по освобожденным территориям².

Приведу некоторые данные, характеризующие начало восстановительных работ в совхозах. Типичную картину начала работ по возрождению совхозов на освобожденной от врага территории нарисовал секретарь Курского обкома партии П.Тарасов. В ноябре

1943 г. он писал: «Как только Красная Армия освободила совхозы, рабочие с величайшим воодушевлением принялись за возрождение хозяйства. Рядом еще шли жестокие бои. Не умолкали залпы орудий, а на освобожденной земле уже кипела творческая созидательная работа. Бригады строителей из развалин извлекали остатки кирпича и дерева и тут же возводили стены и крыши зданий. На месте пепелищ снова появлялись дома. За короткий срок восстановлено 584 здания. Механизаторы провели огромную работу по восстановлению машинно-тракторного парка. Для этого они собирали отдельные части разбитых, брошенных машин. К началу весенне-полевых работ было восстановлено 170 тракторов... Рабочие по пуду, по килограмму приносили семена. Копали землю лопатами, сеяли вручную».

Директор совхоза им. Шевченко Николаевской области Я. Брек рассказывал: «В первые же дни после изгнания немецких захватчиков большинство рабочих и специалистов вернулись в свои родные места. Многие пришли вместе с частями Красной Армии. Жуткая картина предстала перед нашим взором. На местах построек — груды щебня и мусора. Ни жилья, ни одной целой машины, ни лошади, ни повозки. Наступило время сева, а нам не на чем было выехать со двора... Рабочие и служащие стали собирать машины, инвентарь, повозки, лошадей, части машин. Часть людей пришлось переключить на восстановление построек. Выезд в поле хоть с запозданием, но состоялся»³.

В молочном совхозе «Ромоданово» Смоленской области была сходная ситуация. Чтобы весной засеять хлеб, землю пришлось копать вручную, лопатами. Семена доставляли на себе за 18 км. На поля выходило буквально все население совхоза. В результате самоотверженного труда было засеяно 60 га зерновых, 9 га гороха, 17 га картофеля и овощей. (До войны в этом совхозе площадь обрабатываемой пашни составляла 848 га). А вот отрывок из письма директора зерносовхоза «Большевицкий наступ» Херсонской области Мартынова (октябрь 1944 г.): «Восемь месяцев назад Красная Армия освободила от немецко-фашистских захватчиков наш совхоз. С величайшим подъемом, от мала до велика принялись восстанавливать родной совхоз. Нет слов — было трудно... Надо было сеять, а в совхозе почти не было тракторов и живого тягла... И все же план весеннего сева выполнили. Отличились женщины, главным образом домохозяйки. К началу уборочной восстановили несколько тракторов; нужные для ремонта части собирали везде — в поле, у обочин дорог. Иногда рабочие на своих плечах несли их за много километров. Каждый вкладывал в дело все...».

Благодаря невиданному энтузиазму населения, освобожденного от немецко-фашистского ига, и мобилизации всех внедренных ресурсов совхозам Краснодарского треста удалось весной 1943 г. засеять 126 тыс. га. Уборка прошла с большими трудностями при использовании живой тягловой силы и ручного труда. Урожайность хлебов оказалась низкой (5 ц), а валовой сбор зерна составил всего 25% от довоенного. Коллегия Наркомата совхозов СССР отметила, что в большинстве совхозов нарушалась агротехника, следствием чего и была низкая урожайность, подчеркнула в то же время, что «проделана значительная работа по восстановлению хозяйств»⁴.

В приведенных документах бросается в глаза важнейшая особенность: первые шаги по пути к возрождению совхозы делали, опираясь на свои собственные силы, мобилизуя внутренние ресурсы. Государственная помощь поступала значительно позже и не в полном объеме, но все же поступала. И все это позволило восстановить основную сеть совхозов страны уже в 1944-1945 гг. В конце 1945 г. в стране действовало 3932 совхозов против 4159 в 1940 г., что свидетельствует о большом достижении тружеников сельского хозяйства. Однако еще немало предстояло сделать, чтобы достигнуть довоенного уровня производства, улучшить материально-бытовое положение работников совхозов⁵.

Основные направления плана первой послевоенной пятилетки были определены в феврале 1946 г. в Обращении ЦК ВКП(б) к избирателям (2 февраля) и в речи Сталина перед избирателями (9 февраля). Основные задачи новой пятилетки, сказал он, «состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и превзойти его в более или менее значительных размерах», пообещав при этом под бурные аплодисменты в ближайшее время отменить карточную систему и поднять жизненный уровень трудящихся «путем последовательного снижения цен на все товары». А планы на более длительный период («три новых пятилетки, если не больше») свел к тому, сколько наша промышленность должна производить ежегодно миллионов тонн чугуна, стали, угля и нефти. И тогда страна будет гарантирована от всяких случайностей⁶. Это означало, как потом выяснилось, решить основную экономическую задачу, содержание которой определялось производством промышленной продукции на душу населения. Никто не выражал недоумения — почему только промышленной, разве не менее важно сколько будет производиться мяса, молока, масла? Только через 10 лет Хрущев выдвинет эту задачу.

В марте 1946 г. Сессия Верховного Совета СССР приняла «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного

хозяйства СССР на 1946-1950 гг.». Традиционно значительный приоритет предоставлялся тяжелой промышленности, включая оборонную («оснащение вооруженных сил новейшей техникой»), производство которой («Группа А») к концу пятилетки должно возрасти на 48%, а сельскохозяйственной – на 27% по сравнению с 1940 г.⁷ Планировали, как всегда, с большим опережением, плохо просчитывая реальные возможности, во всяком случае в отношении сельского хозяйства, всей «Группы Б».

В то же время, даже достижение уровня 1940 г. после такой длительной и разрушительной войны требовало огромного напряжения, подвижнического труда миллионов тружеников города и деревни. И люди, вдохновленные Великой Победой, были готовы к этому, рассчитывая и надеясь на то, что их ратный и трудовой подвиг будет вознагражден ослаблением пут тоталитарного режима, особенно в деревне – вечного пасынка города после 1917 г. – предоставлением производителям большей самостоятельности, а многострадальному крестьянству – снижением заготовительного и налогового гнета, превращением колхозов в подлинные кооперативные объединения.

Народ-победитель, принесший на алтарь Отечества более 27 млн. жизней лучших своих представителей, заслуживал это. И Сталин, казалось, правильно оценивал ситуацию. В выступлении на торжественном приеме в Кремле в честь командующих войсками 24 мая 1945 г. он предложил тост за русский народ «не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, устойчивый характер и терпение». «У нашего правительства, – напомнил он, – было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города... Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство... Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом.

Спасибо ему, народу, за это доверие!»⁸.

Такое признание вождя многого стоит. Однако, как показали дальнейшие события, дальше слов Сталин не пошел. Более того, фактически присвоил себе победу народа в войне. По мнению Е.Ю.Зубковой, май 1945 г. – «пик авторитета Сталина, имя которого в сознании большинства современников не только сливалось с Победой, но и сам он воспринимался как чуть ли не носитель боже-

ственного промысла». Творцом победы мог теперь считаться только Сталин⁹. Писатель-фронтовик Виктор Некрасов с горечью заметил: «Увы! Мы простили Сталину все! Коллективизацию, тридцать седьмые годы, расправу с соратниками, первые поражения»¹⁰.

Свежий ветер в деревне, на что очень рассчитывало крестьянство, так и не подул. Более того, антикрестьянская политика в деревне, как и до войны, проводилась в полном объеме, даже усиливалась в отдельных сферах. Так, 27 марта 1946 г., через 9 дней после принятия Верховным Советом СССР Закона о пятилетнем плане, ЦК ВКП(б) издал постановление об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с этим законом. В жестко-директивной форме перед парторганизациями ставился вопрос об их непосредственном участии в «мобилизации советских людей на борьбу за выполнение и перевыполнение нового пятилетнего плана», в том числе годовых, начиная с 1946 г., квартальных и месячных, а на селе — еще и «боротся за успешное и высококачественное проведение всех сельскохозяйственных работ». При этом подчеркивалось, что ЦК ВКП(б) будет оценивать работу каждой партийной организации по тому, как будет осуществляться выполнение и перевыполнение пятилетнего и текущих хозяйственных планов¹¹. Фактически речь шла о прямом силовом вмешательстве партийных организаций, в том числе и первичных, в хозяйственную деятельность предприятий, колхозов, МТС, совхозов вплоть до принятия административных мер в отношении руководителей хозяйств, специалистов, рядовых тружеников.

19 сентября 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) принимают постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», которому отводилась ключевая роль в мобилизации колхозников на ударную работу в общественном хозяйстве, преодоления укоренившихся в годы войны «частнособственнических инстинктов». Под огнем острой критики постановления оказались выявленные контролерами Л.З.Мехлиса (министр Госконтроля СССР) факты разбазаривания и расхищения колхозной собственности и прежде всего «расхищение общественных земель... по линии увеличения приусадебных участков колхозников путем самовольных захватов или незаконных прирезок со стороны правлений и председателей колхозов в целях раздувания личного хозяйства в ущерб общественному». При этом делалась ссылка на печально знаменитое постановление майского 1939 г. пленума ЦК ВКП(б) «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», установившего, что в колхозах имеется довольно значительная часть «мнимых колхозников», которые либо вовсе не работают в колхозах, либо работают для вида, отдавая большую

часть времени своему личному хозяйству, пользуются всеми благами колхозной жизни в целях спекуляции и личной наживы. И особенно раздражало партийную верхушку, что приусадебные хозяйства нередко теряли характер подсобного хозяйства, превращаясь в основной источник дохода колхозника¹².

Пленум 1939 г. быстро навел порядок в этом деле: по его указанию был срочно проведен обмер приусадебных земель, а все излишки (отнюдь не астрономические) переданы колхозам; установлен годовой минимум выработки трудодней трудоспособными колхозниками, за невыполнение которого нарушители исключались из колхоза, теряя право на приусадебную землю. Однако в годы Великой Отечественной войны колхозники при молчаливом согласии, а нередко и содействии председателей колхозов, расширяли размеры своих личных участков за счет пустующих земель (в Сибири, например, до 0,5, а иногда до 1 га)¹³.

Крестьяне-колхозники в годы войны своим самоотверженным, фактически безвозмездным трудом в общественном хозяйстве в целом обеспечивали почти бесперебойное снабжение армии и горожан продовольствием, а промышленность — сырьем; сами же выжили только благодаря приусадебному («личному подсобному») хозяйству. А после окончания войны на кормильцев страны вновь обрушился «карающий меч» властей, ополчившихся против «самовольных захватчиков». Возвращенные же колхозам земли, отрезанные у крестьян, как правило, не использовались, зарастали бурьяном.

В постановлении от 19 сентября 1946 г. обращалось внимание и на другие нарушения колхозного устава: неправильное расходование трудодней по причине раздувания штатов управленческого и обслуживающего персонала, отпуска продуктов по запискам председателей районному начальству, растаскивание колхозного имущества (изъятие из колхозов бесплатно или за низкую плату по требованию того же начальства скота, зерна, кормов, животноводческой продукции, овощей и т.д.); и особенно умиляло в устах партийных чиновников самого высокого ранга забота о соблюдении колхозной демократии: «во многих колхозах перестали собирать общие собрания колхозников и, таким образом, колхозники оказались устраненными от участия в делах колхоза», председатели не отчитывались перед ними в своей деятельности, «дело доходит до такого безобразия, что председатели колхозов назначаются и снимаются районными партийно-советскими организациями».

Далее звучали грозные слова «осудить извращения политики партии и правительства в колхозном строительстве», «виновных привлечь к судебной ответственности», «обязать руководителей

партийно-советских организаций... срочно ликвидировать нарушения Устава» и т.д. А «в целях установления строгого контроля за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели» решили при правительстве СССР создать Совет по делам колхозов¹⁴.

Суть же этой словесной мишуры состояла в том, что колхозникам давали понять, что если они будут исправно трудиться в общественном хозяйстве, не взирая на все нарушения «колхозной демократии» и не претендуя на высокие доходы от общественного хозяйства, то за ними будут сохранены приусадебные хозяйства, хотя и в пределах норм, предусмотренных Уставом. Авторы постановления хорошо понимали, что реализовать первую часть этой программы, касающуюся общественного хозяйства, практически невозможно, поскольку это было бы прямым посягательством на прерогативы местной власти, нарушением укоренившейся системы взаимоотношений центральной власти с партийно-государственными чиновниками на местах, строящими свое благополучие за счет всевозможных (скрытых или явных) изъятий из колхозов, откровенных поборов. Можно было лишь в какой-то мере пресечь нарушения отдельных чиновников низшего звена, ограничить их аппетиты, но не более того. На своеобразной «системе кормления» и держалась рабская преданность нижестоящих чиновников вышестоящим, готовность не раздумывая выполнить (хотя бы на словах) все идущие указания сверху.

В докладной записке министра Госконтроля СССР Л.З.Мехлиса заместителю Совмина СССР Л.П.Берия от 28 августа 1946 г., послужившей основой для разработки грозного постановления от 19 сентября, выделялись такие, например, рубрики нарушений колхозного устава: «изъятие у колхозов продукции и денег на покупку запасных частей и ремонт тракторов МТС» (это «изъятие» было явно в пользу государства, а может быть даже санкционировалось им), «разбазаривание общественного скота колхозов», «вечера и банкеты за счет колхозов», «о поборах в колхозах работников прокуратуры»¹⁵.

Решить большинство этих проблем кардинально было невозможно (да и государство не было заинтересовано в этом). За исключением, пожалуй, одной – ограничить земельные размеры и численность скота приусадебного хозяйства колхозника до уставных норм, задавить его налогами и натуральными поставками, доведя до уровня «личного подсобного». А в случае нарушений порядка – пригрозить владельцам исключением из колхоза и лишением приусадебного хозяйства. Такой механизм «повышения трудовой активности», как уже отмечалось, был разработан в 1939 г. и осуществлен на практике. Так поступили и на этот раз. Чувстви-

тельный удар по ЛПХ колхозников был нанесен незамедлительно: уже к началу 1947 г. у «захватчиков» было отобрано и передано общественному хозяйству 4,7 млн. га земель и продано по низким ценам более 140 тыс. голов скота¹⁶.

8 октября 1946 г. постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) был учрежден Совет по делам колхозов во главе с секретарем ЦК партии и заместителем председателя правительства А.А.Андреевым. Членом этого Совета являлся и председатель Совета Министров УССР Н.С.Хрущев. Совет по существу был совещательным органом при правительстве СССР. Он разрабатывал и вносил на рассмотрение правительства проекты законов и постановлений по вопросам колхозного строительства, издавал правила и инструкции, регулирующие внутреннюю жизнь колхозов, следил за соблюдением устава сельскохозяйственной артели. В республиках, краях и областях он имел своих представителей, независимых от местных властей. К ним, а также в центральные органы Совета (президиум, секретариат, отделы) могли непосредственно обращаться крестьяне, а также руководители колхозов, что они и делали. Совет по делам колхозов стал своего рода аккумулятором писем из деревни, известной отдушиной для крестьян-колхозников.

В крестьянских письмах излагались многочисленные жалобы, просьбы и обращения в высокие инстанции людей, нередко доведенных до отчаяния условиями жизни, несправедливым отношением к себе начальства. Работники Совета составляли многочисленные справки, сводки и докладные записки о результатах проверки этих жалоб, их видах и классификации, сообщали о принятых мерах по устранению нарушений колхозного устава, реализации тех или иных просьб и прошений колхозников. Правда, нередко эти «меры» носили характер формальных отписок, многие вопросы, поставленные колхозниками, решались не в их пользу. В справке секретаря Совета по делам колхозов Г.Голубева, составленной в январе 1951 г., приводились такие данные за 1947-1950 гг. (общие и по годам): о числе поступивших жалоб и заявлений (92,8 тыс.), в том числе жалоб на нарушения Устава (27,3 тыс.), о количестве принятых Советом ходяков (3,3 тыс.), о взятых жалоб и заявлений на контроль (36 тыс. — 41% к общему числу писем), о принятых мерах по жалобам и заявлениям колхозников)¹⁷.

Группа председателей колхозов Кировской области в октябре 1948 г. направила на имя председателя Совета по делам колхозов А.А.Андреева письмо, в котором оценивала хлебозаготовки этого года как насильственное изъятие хлеба у крестьян. «Руководители районов и области, — писали они, — в стремлении заработать ордена и благодарность правительства выкачивают хлеб из колхозов,

оставляя колхозников голодными... нарушая устав с.-х. артели, занимаются поборами с колхозов, в целях создания собственного благополучия... Если бы не приусадебные участки, ...многие колхозники умерли бы от истощения... Трудовая дисциплина в колхозах низкая: интерес к колхозному производству исчез, так как на трудодни колхозник хлеба не получает... Чувствуется наличие занавеса между *центральными органами власти и массой народа*. Они просили и требовали уменьшить хлебозаготовки, чтобы не оставлять колхозников голодными, меньше вывозить хлеба за границу, уменьшить налоговое бремя. Призывали: «Наш народ золотой, терпеливый, он многое перенес, надо получше о нем заботиться»¹⁸.

Такого рода письма — а их было немало — сами по себе не могли не раздражать кремлевских вождей, не посеять сомнения в целесообразности сохранения этого органа. С начала 50-х годов стало распространяться мнение, что по ряду вопросов Совет дублировал Министерство сельского хозяйства. В марте 1953 г. он был упразднен. Н.С.Хрущев в одной из своих записок в президиум ЦК (март 1961 г.), размышляя о том, как покончить с нарушениями колхозной демократии, вспомнил о Совете по делам колхозов, который, по его словам, «приводил в бодрое состояние некоторых местных руководителей». А его ликвидировали «не потому, что он не оправдал себя, а потому, что Маленков, на которого тогда была возложена ответственность за сельское хозяйство, не хотел иметь Совет по делам колхозов» и добился его ликвидации¹⁹.

В конце 1946 г. Сталин, по свидетельству Хрущева, поставил вопрос о созыве пленума ЦК по сельскому хозяйству, исходя из того, что пленумов давно не было, предложив Хрущеву выступить с докладом. «Я бы мог сделать, — возразил Никита Сергеевич, — доклад по Украине, но я не знаю Российской Федерации». «Ну хорошо, — согласился Сталин, — давайте поручим Андрееву», который, замечает Хрущев, «создал себе в партии славу знатока деревни, хотя я был не особенно высокого мнения о его познаниях». Выступление самого Хрущева на пленуме, по его словам, вызвало «ярость Сталина», поскольку был затронут вопрос «о первой заповеди», которую Хрущев предложил сделать второй после семян. Была создана комиссия по рассмотрению этого предложения, которая предложила хлебозаготовки и засыпку семян проводить одновременно. Но Сталин и с этим не согласился, «просто взбесился, когда узнал об этом». А вскоре решил переместить инакомыслящего Хрущева с поста первого секретаря ЦК КП Украины на пост председателя Совета Министров республики; пост же партийного лидера занял Л.М.Каганович, а секретаря по сельскому хозяйству —

Н.С.Патоличев. Оба должны были позаботиться о наведении порядка в выполнении республикой плана хлебозаготовок²⁰.

А пленум между тем, после пятидневных прений, принял беспрецедентно громоздкое (почти 60 стр. печатного текста) постановление, весьма противоречивое по содержанию. Так, решительно высказавшись в поддержку постановления 1940 г. об исчислении обязательных поставок колхозами продукции полеводства по площади пашни, а животноводства — по общей земельной площади; осудив систему оценки работ МТС только в гектарах «мягкой пахоты»; признав необходимым наделение постоянных работников совхозов земельными участками размером до 0,5 га на личное хозяйство (с учетом строительства собственных домов и подсобных помещений), в то же время посчитал необходимым восстановить порядок планирования посевных площадей зерновых культур по каждому виду в отдельности; сохранить установленный в годы войны повышенный размер обязательного минимума выработки трудодней трудоспособным колхозником; повысить общие нормы выработки в колхозах и т.д. Кроме того, подтверждалась порочная практика исчисления натуроплаты МТС на основе видовой урожайности²¹.

В целом это постановление, изобилующее различными цифровыми выкладками, детальными конкретными заданиями в области полеводства и животноводства, по техническому оснащению сельского хозяйства, применению агротехнических приемов и т.д. и т.п., производило довольно странное впечатление, тем более после принятого год назад Верховным Советом СССР не менее детального Закона о плане четвертой пятилетки. А дело в том, что основная целевая установка партийного форума определялась тем, чтобы ускорить сроки выполнения заданий первой послевоенной пятилетки. «Обеспечить, — подчеркивалось в постановлении, — безусловное выполнение и перевыполнение поставленной пятилетним планом задачи получения валового сбора зерна в 1950 г. в размере 127 миллионов тонн». Восстановить же довоенный уровень производства предписывалось в течение трех лет, к 1949 г.²², что, конечно, было нереально.

А между тем, обещанную Сталиным отмену карточной системы «в ближайшее время» (предполагалось в 1946 г.), пришлось отложить в связи с засухой и недородом. Но слишком затягивать эту акцию никак не входило в планы кремлевских политиков, поскольку речь шла о демонстрации преимуществ социалистической экономики, во чтобы то ни стало надо было опередить в решении этой проблемы Англию и Францию. Кроме того, ощущалось определенное давление «снизу», поскольку в глазах народа отмена карточной системы тесно увязывалась с преодолением последствий войны. И

вот в условиях недорода и начавшегося голода власти начали решать проблему накопления минимально необходимых продовольственных резервов, прежде всего зерна.

«Засуха 1946 г. в зерновых районах, — приходит к выводу В.Ф.Зима, — автор первого монографического исследования данной проблемы, — не поколебала установку правительства на проведение продразверстки... Даже тем республикам и областям, которые подверглись губительному воздействию стихии, размеры обязательных поставок зерна в 1946 г. были увеличены». В закрытом постановлении Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 14 июля 1946 г. «О хлебозаготовках» подчеркивалось, что «установленный план должен быть выполнен при любых условиях»²³. Как будто ничего не изменилось по сравнению с трагическими для деревни 1932-1933 гг.: те же секретные постановления правящей элиты о личной ответственности руководителей краев, областей и республик за полное выполнение плана хлебозаготовок в установленные сроки, посылка в целях «всемерного усиления» темпов хлебосдачи наделенных неограниченными полномочиями чрезвычайных комиссаров и комиссий из Москвы (на этот раз А.И.Микояна — в Казахстан, Г.М.Маленкова — в Сибирь, Л.П.Берия и Л.З.Мехлиса — в Краснодарский край, К.Е.Ворошилова — на Урал и в Поволжье, Л.М.Кагановича и Н.С.Патоличева — на Украину). И это без учета того, что в некоторых из названных регионов урожайность зерна из-за засухи упала до 2-3 ц с гектара, а в среднем по стране она составляла всего 4,6 ц.

Более того, засуха не повлияла и на то, чтобы прекратить или хотя бы свести к минимуму экспорт зерна, который в 1946-1947 гг. составил 2,5 млн. т, а в 1948 г. — 3,2 млн. т — всего на 400 тыс. т меньше, чем за три предвоенных года²⁴. Зерно шло в страны Западной Европы нередко в счет оплаты за поставки оборудования, а в страны социалистического блока обычно в виде «братской помощи» (в 1946 г. такая помощь была оказана Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии). «Советский Союз, — восхищался президент Чехословакии К.Готвальд, — спас нас от голода»²⁵. Не скупясь на экспортные операции, сталинское руководство крайне неохотно и с большим опозданием реагировало на просьбы и требования руководителей краев, областей и республик оказать помощь голодающим крестьянам собственной страны, в том числе и за счет разбронирования государственного резерва зерна.

С такой просьбой, например, в 1947 г. к Сталину обратился глава правительства Украины Н.С.Хрущев. Вот характерная реакция вождя на эти просьбы: «Мягкотелость! Вас обманывают, нарочно докладывают о таком, чтобы разжалобить и заставить израсходовать резервы». В то же время, вспоминал Хрущев, Сталину «докла-

дывали чекисты и инструкторы ЦК ВКП(б), которые разъезжали по районам. Какая-то правдивая информация все же просачивалась, но обычно ее очень боялись давать и припрятывали, чтобы “не нарваться”, не поставить себя под удар, потому, что Сталин реагировал очень резко. Он считал, что “все под ним благоденствуют”. В числе «нарвавшихся» оказался и сам Хрущев. Когда еще только назревал голод, он подготовил документ с изложением нужд голодающих крестьян Украины, просил о продовольственной помощи. Сталин в это время находился на отдыхе в Сочи и ответил «грубейшей оскорбительной телеграммой, в которой говорилось, что я сомнительный человек, что мне нельзя доверять». Никакой помощи республика, разумеется, не получила. «И пошел, — резюмировал Хрущев, — голод, люди умирали, кое-где началось людоедство»²⁶.

В.П.Попов полагает, что государство в это время располагало необходимыми запасами хлеба для помощи голодающим районам и в этой связи приводит данные Министерства заготовок, согласно которым запасы зерна, муки и крупы (в зерновом выражении) составляли: в 1946 г. — 16987,4 тыс. т, в 1947 г. — 12680,3 тыс., в 1948 г. — 19564,1 тыс. т²⁷. Однако вожь в это время больше думал не о спасении голодающих, а об отмене карточной системы.

В исследовании В.Ф.Зимы показано, что голод 1946-1947 гг., в отличие от предыдущих «советских голодов» 1921-1922 и 1932-1933 гг., охватил не только деревню, крестьянство, но и горожан — рабочий класс, интеллигенцию. И на это были свои причины. Одна из них, на мой взгляд, основная, определялась тем, что, готовясь к осуществлению крайне престижной для правящей элиты и с нетерпением ожидаемой населением отмене карточной системы (если не в 1946 г., то не позже 1947 г.), Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) 27 сентября 1946 г. приняли секретное постановление «Об экономии и расходовании хлеба», согласно которому с 1 октября этого года на 70% (для 23 млн. чел.) был сокращен контингент снабжения в сельской местности иждивенцев, рабочих и служащих совхозов, МТС, местной промышленности, лесоохраны, а в городах и рабочих поселках сняты с пайкового снабжения хлебом взрослые иждивенцы (т.е. больные и старики) и значительно уменьшены нормы выдачи хлеба всем иждивенцам и детям (соответственно до 250 и 300 грамм в день на человека)²⁸. Тем самым многие городские жители, а частично и сельские, заведомо обрекались на полуголодное существование. А сразу же после отмены карточной системы (в декабре 1947 г.) начались серьезные перебои со снабжением хлебом, далеко не всем удавалось его купить. Мероприятия такого рода, пишет Зима, «ускорили наступление голода, способствовали

расползанию его по территории огромной страны». По его подсчетам, в стране голодало около 100 млн. чел. — почти половина ее жителей, а от голода и связанных с ним болезней погибло не менее 2 млн.²⁹

Основной удар всенародного бедствия приняло крестьянство, село в целом, а в эпицентре голодомора оказались почти все зерновые районы страны — Украина, Молдавия, Нижнее и Среднее Поволжье, Ростовская область, Центральнo-Черноземная зона. В той или иной мере его смертоносное дыхание ощутили и жители многих областей Нечерноземья, Восточной Сибири и Урала. Серьезно пострадало и население крупных промышленных центров, в том числе Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Сталинграда, Красноярска, Ярославля и др.

В то же время, продолжая сопоставление голода 1946-1947 гг. с голодомором 1932-1933 гг., возникает вопрос — почему все же первый, венчавший сталинскую сплошную коллективизацию, менее масштабный (включал в свою орбиту примерно 25-30 млн. крестьян основных зерновых районов) привел к значительно большим человеческим жертвам по сравнению со вторым (соответственно 8 и 2 млн. чел. или 27 и 2% от общего числа голодающих)?

Прежде всего, термин «рукотворный голод», вынесенный в заголовок II части монографии В.Ф.Зимы и неоднократно повторенный в тексте, вызывает известные сомнения. На мой взгляд, его употребление более оправданно по отношению к голоду 1932-1933 гг., поскольку есть веские основания полагать, что Сталин в те годы сознательно пошел на такую меру, чтобы усмирить крестьянство, отомстить ему за неприятие коллективизации, «саботажа» хлебозаготовок. Одна уже директива Сталина и Молотова от 22 января 1933 г. — свидетельство тому. Голод в это время почти достиг своей высшей точки, и голодающие крестьяне Украины и Кубани, спасая свои жизни, вместе с семьями устремились в ЦЧО, на Волгу, Московскую и Западную области. Авторы директивы расценили это как «подрыв колхозов и советской власти, организованный врагами» и дали указание местным органам, прежде всего ОГПУ, не допускать массового выезда крестьян в другие районы, а «пробравшихся на Север» немедленно арестовывать и после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, выдворять на места их прежнего жительства. К началу марта 1933 г. было задержано 219,5 тыс. крестьян, из которых 186,6 тыс. возвращено, а остальные привлечены к судебной ответственности. Во исполнение этой директивы развернулась настоящая «охота на людей». Из работников ОГПУ и милиции с привлечением коммунистов организовывались кордоны и посты на дорогах и железнодорожных станциях для задержания

беглых крестьян. «Огромные количества оборванных, изможденных, опухших от голода, еле передвигавшихся взрослых и детей заполнили вокзалы. Вспыхнули эпидемии. Многие беженцы, сваленные голодом и болезнью, умирали в вагонах, на перронах, в залах ожидания и пристанционных скверах»³⁰.

В 1946-1947 гг. ситуация изменилась. Несмотря на наличие, как и в 1933 г., строгого паспортного режима, пересечь административные границы краев, областей и даже республик сельским жителям было не так уж трудно, кордонов и постов на дорогах и железнодорожных станциях не было. И многие воспользовались этим: миграция селян в город в это время возросла в несколько раз.

В отличие от 1932/1933 г., послевоенный голод не был уж таким секретным, хотя прямые сообщения в открытой печати отсутствовали. Однако сведения о голоде проникали и в советскую прессу, в том числе и в связи с публикацией некоторых постановлений правительства об оказании продовольственной помощи населению. Конечно, помощь была и запоздалой, и крайне небольшой («символической»), как подчеркивают В.Ф.Зима и В.П.Попов, но все же она была и ее нельзя недооценивать, в частности, результаты поездки комиссии А.Н.Косыгина в Молдавию, где последствия голода были особенно тяжелыми. Сталин все же пошел на ее создание. А ведь это, пожалуй, первый в истории советского государства случай, когда комиссия во главе с членом политбюро ЦК ВКП(б), заместителем председателя Совета Министров СССР, в состав которой входила большая группа ответственных работников различных министерств и ведомств, в феврале 1947 г. выехала в Молдавию не для «усиления заготовок», а изучения положения с продовольствием в одной из наиболее пострадавших от голода республик и оказания помощи голодающим. И такая помощь, реальная и немалая, была оказана³¹. После возвращения в Москву Косыгин проинформировал Сталина о проделанной работе. Вождь и на этот раз, как свидетельствует Хрушев, посетовал на то, что председатель комиссии был введен в заблуждение в отношении масштабов и последствий голода в Молдавии, иронически стал называть его «братом-дистрофиком».

Установлено, что, в отличие от «совершенно секретного» голода 1932-1933 гг., помощь голодающим крестьянам поступала и из-за рубежа. На этот раз советское государство не отказывалось от нее, правда, под предлогом помощи жертвам войны. Но на Западе этому не придавали большого значения, входили в положение Сталина. Американский историк Роберт Конквест, автор известной книги о коллективизации и голодоморе 1932-1933 гг.³², пришел к выводу, что Украина, Белоруссия и пограничные с ними области «были спасены от гибели Комитетом помощи ООН и Управлением

по делам спасения, в основном американским, которые поставили к январю 1947 г. только одной Украине продовольствия на 100 млн. долларов (288 тыс. т)». Российский историк В.М. Кабузан, живший с родителями в Западной Украине, подтверждает, что помощь ЮНРРА спасла их от голодной смерти. К ним бежали от голода молдавane, «падали прямо на улице с протянутой рукой».

И преодоление последствий голода 1946-1947 гг. происходило значительно быстрее, чем после голода 1932-1933 гг. «Начало массового голода, — пишет Зима, — пришлось на осень 1946 г. Самый тяжелый период — весна и лето 1947 г. Голод уходил медленно, словно нехотя, примерно в течение 3-х лет». Последствия же голода 1932-1933 гг. преодолевались на всем протяжении 30-х гг., начиная с весны 1933 г., а по отдельным показателям (например, по численности поголовья скота, демографическим процессам) — только к концу 50-х и даже 60-х гг.³³

В конце 1947 г. Сталин все же решил отменить карточки на продовольственные и промышленные товары, правда, при одновременном проведении денежной реформы ярко выраженного конфискационного характера. Это было необходимо, но для населения — неожиданно, без предварительного оповещения и разъяснения. Постановление Совмина СССР и ЦК ВКП(б) было принято 14 декабря 1947 г. и состояло из пространной преамбулы, где аргументировалась необходимость одновременного проведения обеих мер и двух разделов — о денежной реформе и отмене карточной системы. Денежная реформа на практике свелась к изъятию у населения «лишних» денег — которые имелись на руках или находились на счетах в сберегательных кассах. Соотношение между старыми и новыми деньгами (которые в течение недели нужно было обменять на новые) устанавливалось как 10:1, а по вкладам — в соотношении 1:1, но менять на льготных условиях можно было только 3 тыс. руб. Кроме того, проводилась конверсия всех ранее выкупленных государственных займов (за исключением займа 1947 г.) в соотношении 3:1. При этом разъяснялось, что «при проведении денежной реформы требуются известные деньги. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более, что это будет последняя жертва»³⁴. Предполагалось, что основной удар при обмене денег будет нанесен по спекулятивным элементам, накопившим крупные запасы денег, потери же большинства трудящихся «будут кратковременны и незначительны» и вскоре полностью перекрыты благодаря отмене высоких коммерческих цен и снижению пайковых цен на хлеб и крупу в связи с отменой карточной системы и введения единых государственных розничных цен взамен коммерческих и пайковых.

Однако уже в 1946 г. пайковые цены были существенно повышены, а после отмены карточек снижены незначительно: на хлеб и муку в среднем на 12%, на крупу и макароны – на 10%, а на мясо, жиры, сахар и кондитерские изделия, соль, картошку и овощи, на водку и вино не изменились³⁵. Основная тяжесть реформ легла отнюдь не на спекулятивные элементы, которые узнали о ней заблаговременно, как и основная часть партийных и советских работников, и приняли соответствующие меры. «Теневики», например, перевели большую часть своих денег в золото, драгоценности и недвижимость³⁶; власть имущие разбили свои вклады на более мелкие, наличные деньги истратили на приобретение ценных вещей, недвижимости. Пострадали, как всегда, рядовые граждане, простые труженики города и деревни. Формально Сталин выполнил свои обещания: была отменена карточная система, началось постепенное снижение цен.

Разумеется, отмена карточек – серьезная позитивная акция, свидетельствующая о крупных достижениях страны на нелегком пути перехода от войны к миру. А основной вклад, как всегда, внесло крестьянство, поднимая из руин деревни, восстанавливая колхозы и МТС, сеявшее и убиравшее хлеб, отдавая при этом большую часть выращенного урожая сталинским заготовителям за бесценок. И в целом правильно понимало и оценивало свою роль в проведении реформы 1947 г. Так, известный механизатор, бригадир тракторной бригады Мало-Пошлянской МТС Кировоградской области А.В.Гиталов, выступая в декабре 1947 г. на одном из сельских съездов, сказал: «Мы гордимся, тем, что усилиями колхозников и трактористов, добившихся в этом году высоких урожаев всех культур, созданы условия для отмены карточной системы... Новая денежная реформа и отмена карточной системы наносят удар по спекулятивным элементам и укрепляют наш трудовой рубль». А председатель колхоза имени Буденного Харьковской области С.Войтенко, выступая перед односельчанами, подчеркнул, что «отмена карточной системы и укрепление советского рубля стали возможными только в результате больших успехов в деле восстановления народного хозяйства... В этих достижениях есть доля труда и членов нашего колхоза»³⁷.

Однако отмена карточной системы, начатая с излишней поспешностью амбициозными политиками, поначалу не оправдала возлагавшихся на нее надежд, тем более, что она сопровождалась денежной реформой конфискационного характера и началась в условиях не преодоленного еще голодного кризиса. Поступавшие в открытую продажу хлеб и другие продукты, далеко не удовлетворяли потребности населения. На селе хлеб продавался по спискам из

расчета 200-250 г в руки, главным образом, партийно-советскому активу. В городах торговля хлебом, жирами, сахаром прекращалась уже через 2-3 часа после открытия магазинов, а очереди устанавливались с раннего утра. Относительно лучше дело обстояло в Москве и других крупных городах³⁸. Положение стало улучшаться с конца 1948 — начала 1949 г. по мере преодоления последствий голода. Процесс шел медленно и трудно. «Вместо курса на обновление общества, — констатирует Е.Ю.Зубкова, — народу была предложена концепция “временных трудностей”, которые должны были разрешаться чуть ли не сами собой»³⁹.

Что касается снижения цен на продовольственные и промышленные товары, то оно в течение четвертой пятилетки проводилось трижды (в декабре 1947 г. одновременно с денежной реформой, в феврале 1949 и 1950 г.). Разумеется, первые два явно не вытекали из естественного развития экономики, были следствием командного руководства ею, перераспределением средств из одной сферы (главным образом из аграрного сектора) в другие. Выигрывали от этих снижений главным образом горожане, хотя и их выигрыш, вопреки громким заявлениям в печати, был небольшим, поскольку цены, как правило, снижались на менее ходовые продукты и товары, спрос на которые уже заметно упал⁴⁰. Однако никак нельзя отрицать большого психологического воздействия этой акции: люди привычно ждали, когда (обычно в конце февраля — начале марта) будет объявлено об очередном снижении цен, радовались каждому, пусть небольшому, улучшению их жизни, а больше всего — малообеспеченные, преклонного возраста.

В этой связи могу сослаться на личные впечатления. Весной 1949 г., получив от командования воинской части небольшой поощрительный отпуск, я побывал в Москве. Повсюду чувствовалось оживление, праздничное настроение по случаю объявленного понижения цен, люди прикидывали, что можно купить дополнительно, какой выигрыш получит семья. Такие подсчеты делались и в нашей семье, исходя из принципа «дареному коню в зубы не смотрят», хвалили Сталина. В постановлении Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 28 февраля 1949 г. говорилось и о снижении розничных цен на зернофураж, отруби и корма на 20%, на сено — на 30 и на скобяные изделия — на 20%⁴¹. Кое-что перепало и крестьянам. Как бы хотелось снова окунуться в эту атмосферу мимолетного счастья и надежд! Всем казалось, что открываются новые горизонты, широкие и светлые перспективы ближайшего будущего.

Однако реальная действительность была намного сложнее, противоречивее, особенно в деревне. Власти обдумывали новые акции силового воздействия на крестьян, дабы заставить их лучше рабо-

тать в общественном хозяйстве. Постановление от 19 сентября 1946 г. как бы уже исчерпало себя: исходили из того, что основные нарушения устава сельскохозяйственной артели были устранены, в основном реализованы и указания февральского пленума 1947 г. об укреплении трудовой дисциплины, повышении норм выработки и т.п. Думали о некоем универсальном средстве воздействия на крестьян, отнюдь, не горящих желанием полностью выкладываться в общественном хозяйстве за мизерное вознаграждение.

Инициатором в решении этой головоломной проблемы, не вполне осознанно и неожиданно для себя, выступил Н.С.Хрущев, вновь (после отставки Кагановича и отзыва его в Москву) занявший пост первого секретаря ЦК КП Украины. Именно там, так сказать, в глубинке, и родилась его «ценная» инициатива.

Речь идет об указе Президиума Верховного Совета СССР «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни», принятом 21 февраля 1948 г. на основе докладной записки Хрущева Сталину. К докладной записке, датируемой 10 февраля, Хрущев приложил проект постановления политбюро ЦК ВКП(б) и Указа Президиума Верховного Совета СССР, а также постановления Совмина УССР и ЦК КП республики. В записке давалось подробное обоснование необходимости принятия указа или постановления по данному вопросу. При этом автор исходил из того, что в украинской деревне в это время сложилась довольно сложная, взрывоопасная обстановка. В западных областях преобладали единоличные хозяйства (на начало 1948 г. было коллективизировано чуть больше 10% хозяйств); начавшаяся коллективизация методами сталинской «революции сверху» вызвала яростное сопротивление крестьян. Насильно загнанные в колхозы, они отказывались работать, выполнять хлебозаготовки. Нередки были случаи убийства активистов. Хрущев отмечал, что в 1946 г. на Украине почти 87 тыс. колхозников не выработало ни одного трудодня; в 1947 г. в Каменец-Подольской и Житомирской областях не вырабатывало минимума трудодней более 40 тыс. крестьян. Сказывалось и влияние открыто враждебных советской власти националистических элементов. Те, кто не состоял в колхозах, нередко нигде не работали, занимались спекуляцией и воровством. «Был ряд случаев, особенно во время уборки и хлебозаготовок, когда преступные элементы убивали активистов или сжигали их дома и имущество». «Колхозники резко отрицательно настроены против таких людей, но многие боятся с разоблачением их преступных действий из-за боязни мести».

«Мне кажется, — предлагал Хрушев в весьма осторожной форме, — следует издать закон, которым предоставить общим собраниям колхозников или общим собранием крестьян села право выносить приговоры о выселении из села за пределы Украинской ССР наиболее злостных и неисправимых преступников и паразитических элементов, на которых не оказывают необходимого влияния обычные меры воздействия и предупреждения, и дальнейшее пребывание в колхозе (селе) угрожает благосостоянию колхоза, колхозников и их безопасности». При этом он ссылаясь на закон царской России, по которому крестьянские общества могли выносить приговоры об удалении из села лиц, «дальнейшее пребывание коих в этой среде угрожает местному благосостоянию и безопасности».

Хрушев предлагал: если лицо, о выселении которого рассматривается вопрос на общем собрании, чистосердечно и искренне раскается перед населением в своих преступлениях и даст обещание исправиться, собрание может ограничиться предупреждением и установить срок, в течение которого данное лицо должно исправиться частным трудом и хорошим поведением⁴².

Над проектом Хрущева основательно поработали Л.П.Берия, а затем комиссия ЦК ВКП(б) в составе Г.М.Маленкова, А.А.Жданова, М.А.Суслова и С.Н.Круглова (министр внутренних дел СССР). Правка шла по линии ужесточения репрессивных санкций. Так, Берия особенно не понравился пункт, предлагавший такую превентивную меру, как предупреждение, если провинившийся искренне раскаивается и дает обещание исправиться; в проекте Хрущева срок высылки не указывался, а в тексте указа был определен и довольно суровый — 8 лет; решили опустить положение о том, что высылка не должна распространяться на лиц, старше 60 лет или страдающих физическими недостатками; исчезло указание о том, что выселению подлежат наиболее злостные и неисправимые преступники, на которых не действуют обычные меры воздействия и предупреждения⁴³. Хрушев, разумеется, не протестовал против этой правки и ни на чем не настаивал. Более того, в апреле 1948 г. он направил письмо Сталину, в котором отмечал влияние «своего» указа на укрепление трудовой дисциплины колхозников республики⁴⁴.

Но, вероятно, самое удивительное и неожиданное для автора «почина», было то, что всего через три месяца после указа от 21 февраля 1948 г. о выселении крестьян Украины, 2 июня 1948 г. был принят аналогичный указ, распространивший эту акцию на всю страну. Вот его полное название: Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественную жизнь».

ственный, паразитический образ жизни». 26 мая 1948 г. проект этого Указа с докладной запиской перечисленных выше членов комиссии был представлен на рассмотрение Сталину, который его полностью поддержал, сделав на документе красноречивую пометку красным карандашом: «Не для печати. И.Сталин».

В преамбуле Указа говорилось, что основная масса колхозного крестьянства честно трудится над восстановлением и развитием сельского хозяйства, но «во многих колхозах имеются отдельные лица» которые злостно уклоняются от честного труда, ведут паразитический образ жизни, подрывают трудовую дисциплину и тем самым наносят ущерб сельскому хозяйству.

В целях пресечения и предупреждения преступной деятельности антиобщественных, паразитических элементов в деревне общим собраниям колхозников или общим собраниям крестьян сел и деревень на территории РСФСР, Украинской и Белорусской ССР (за исключением западных областей), а также других союзных республик (за исключением Прибалтийских) предоставлялось право выносить общественные приговоры о выселении из села — деревни лиц, о которых говорилось в преамбуле. Требовалось присутствие на этих собраниях большинства колхозников или крестьян. Общественный приговор принимался открытым голосованием простым большинством. Решения собраний утверждались исполкомом районного Совета. Срок выселения (за пределы области, края, республики) устанавливался в 8 лет. По истечению 5 лет лицо, выселенное по общественному приговору, могло возбудить ходатайство перед исполкомом районного совета о возвращении на прежнее место жительства⁴⁵.

Следует подчеркнуть, что выселение носило административно-дисциплинарный характер, переселенцам не предъявлялись обвинения в совершении противоправных действий, они в случае выселения не лишались имущества и избирательных прав. Поэтому термин «второе раскулачивание», используемый в работах некоторых историков, не может быть обоснован ни юридически, ни фактически. Акция эта была кратковременной (фактически завершилась к 1950 г.) и в общем-то локальной. По данным МВД СССР, за период с 1948 по 1952 г. было направлено на поселения (своего рода административная ссылка) на основе указа от 2 июня 1948 г. 32266 чел. (46,9 тыс. вместе с семьями), из них в 1948 г. — 27335 (85%), в 1949 г. — 4756, в 1950 — 675, в 1951-1952 — 507. К июлю 1950 г. было освобождено по протестам общественных и государственных организаций более 2500 чел., а всего — 3915⁴⁶. Разумеется, все сказанное ни в коей мере не умаляет трагедию десятков тысяч

крестьянских семей, не оправдывает антигуманную, антикрестьянскую по своей сущности акцию тоталитарного режима.

Крестьян выселяли в Карелию, Сибирь, на Дальний Восток. Среди «провинившихся» было немало инвалидов, больных, стариков, даже участников Великой Отечественной войны. Один из них писал: «За что было воевать и бить немцев, если мы после войны попали в Карелию мучиться в этих болотах». Генеральный прокурор СССР Г.Сафонов в докладной записке председателю Совета по делам колхозов А.А.Андрееву в марте 1949 г. сообщал, что после вмешательства краевых организаций и Генеральной прокуратуры были отменены общественные приговоры о выселении в отношении многих лиц. Но были и другие факты, почти курьезные. Выселенные из колхозов Читинской области в поселок Бытыган Верхоянского района Якутской АССР писали своим родным и знакомым, что довольны своей судьбой, зарабатывали большие деньги, жили лучше, чем в прежних колхозах, приглашали к себе.

Довольны своим выселением в ту же Якутию были и колхозники Амурской области, они советовали землякам последовать их примеру. Правда, некоторые райкомовские руководители считали эти письма провокационными, нацеленными на подрыв колхозного строя⁴⁷. Вряд ли это так. Видимо, просто переселенцы попали к хорошим людям.

В целом же указы от 21 февраля и 2 июня 1948 г. носили не столько открыто-репрессивный, сколько запугивающий характер, предупреждая колхозников, что их ждет, если немедленно не изменят своего отношения к работе в общественном хозяйстве. И в той или иной мере эти указы способствовали решению поставленной задачи. Об этом в сентябре 1948 г. сообщал А.А.Андрееву зав. отделом по проверке соблюдения устава сельхозартели Совета по делам колхозов М.Дьяконов. Сведения были получены из 25 областей, трех автономных республик и Карело-Финской ССР на 1 августа. Было проведено, подсчитал информатор, 1570 сельских сходов и общих собраний колхозников, на которых вынесены общественные приговоры о выселении 2829 чел. и приняты решения о предупреждении 3736, что не было предусмотрено указом от 2 июня, но, как мы видели, предлагалось в проекте Хрущева. Иначе говоря, собрания в этом случае действовали как бы по своему усмотрению, но скорее всего согласовывали эту меру с секретарями райкомов партии, присутствовавшими, как правило, на собраниях. Дьяконов подчеркнул, что указ сыграл большую роль в укреплении трудовой дисциплины, многие колхозники изменили свое отношение к работе в общественном хозяйстве⁴⁸.

На Украине уже к лету 1948 г. на сельских сходах и колхозных собраниях было вынесено около 10 тыс. общественных приговоров

о выселении крестьян; 29 тыс. колхозников получили серьезные предупреждения и пообещали исправиться. Значительно возросла выработка трудодней во всех колхозах⁴⁹.

Все это так, но возникает вопрос — насколько оправданы, даже с учетом сложившейся обстановки, были применяемые тоталитарным режимом такого рода меры, явно противоречившие Конституции СССР и насколько прочны и долговечны были достигнутые таким путем «успехи», которые в любой момент могли обернуться пирровой победой?

В русле аграрного законодательства конца 40-х годов обращает на себя внимание своими масштабами и грандиозными замыслами т.н. «Сталинский план преобразования природы», или если говорить точно, постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР»⁵⁰. Это, безусловно, реакция сталинского руководства на засуху, неурожай и голод 1946-1947 гг., а в некоторых районах страны (Среднее и Нижнее Поволжье, часть Южного Урала) и в 1948 г. Этот план, разрабатывавшийся учеными и практиками, основывался на научном наследии В.В.Докучаева, П.А.Костычева и других выдающихся российских ученых конца XIX в., исследовавших проблемы борьбы с засухой и иссушением степей. Были использованы также положения академика В.Р.Вильямса о травопольных севооборотах. Однако, к сожалению, полностью проигнорированы работы академика Н.М.Тулайкова — крупнейшего теоретика и практика полезащитного земледелия в засушливых районах Юго-Востока страны, создателя теории борьбы с засухой. И это неудивительно: в 30-х гг. выдающийся ученый был объявлен вредителем, а в начале 1938 г. расстрелян⁵¹. Идеи и разработки Тулайкова, реабилитированного Хрущевым, были восприняты Т.С.Мальцевым и А.И.Бараевым и легли в основу целинного земледелия конца 50-х — начала 60-х гг., когда потребовалось срочно укрощать «черные бури» в Казахстане, Сибири, Поволжье, на Урале, исправлять ошибки, допущенные при освоении целинных земель.

План преобразования природы был рассчитан не менее чем на 15 лет (1949-1965 гг.), на протяжении которых предполагалось осуществить ряд мер, а решающее значение имели такие: 1) Создание системы из восьми крупных государственных лесных полос в степных и лесостепных районах общей протяженностью 5320 км, шириной до 100 метров каждая от Саратова до Астрахани по обеим берегам Волги, от Пензы до Каменска на Северном Донце, от Во-

ронежа до Ростова-на-Дону по обоим берегам Дона и др.; 2) посадки защитных лесонасаждений на полях колхозов и совхозов на площади 5,7 млн. га, в том числе и для закрепления песков на Нижней Волге, в Калмыкии и Чечено-Ингушетии; 3) строительство прудов и водоемов для накопления воды и орошения полей; 4) правильная организация территории с введением травопольных севооборотов и рациональным использованием земель, применения органических и минеральных удобрений, качественных семян.

Вторым существенным изъяном этого плана, помимо полного игнорирования наработок школы Тулайкова, была жесткая его замкнутость на травопольных севооборотах в соответствии с учением Вильямса, что, конечно, не могло не вызвать возражения со стороны ряда ученых, в частности А.М. Бараева. Однако при жизни Сталина публичная критика плана преобразования природы была невозможна, все тонуло в потоке восхвалений и одобрений. Известным художником было даже создано грандиозное полотно, продублированное в тысячах репродукций о том, как Сталин излагает членам политбюро свой знаменитый план. Правда, вскоре было дано указание затушевать одного из них — председателя Госплана Вознесенского, привлеченного по «ленинградскому делу».

Работы по реализации плана преобразования природы, при всех его недостатках, весьма перспективного, однако не сулившего скорой отдачи, широко развернулись в конце 40-х — начале 50-х гг. Как обычно, вначале методом штурмовщины, а затем, когда возникли серьезные трудности, темпы постепенно снизились, ударная стройка превратилась в долгострой, а к 1953 г. была фактически свернута⁵². На первый план вышли «великие стройки коммунизма», среди которых Волго-Донской и Большой Туркменский каналы, крупные гидроэлектростанции на Волге. Именно они, полагали теперь, и должны были решить проблему засух и неурожаев.

Пришедший к власти Н.С. Хрушев не проявил интереса ни к плану преобразования природы, ни к Главному Туркменскому каналу. «Стало уже традицией на Руси, — пишет А.А. Никонов, что каждый пришедший к власти руководитель предлагал какие-то крупные планы, а с его уходом с политической арены эти планы отвергались и вносились новые. И страна, народ силой тоталитарной системы переключались на эти новые задачи»⁵³.

Вот оценка Хрушевым плана преобразования природы, данная им в докладе на пленуме ЦК КПСС в марте 1962 г.: «В 1948 году был принят так называемый план преобразования природы, в основу которого опять-таки легла травопольная система земледелия Вильямса. К чему сводили авторы план преобразования природы? К повсеместному введению травопольных севооборотов и к созда-

нию на территории Советского Союза нескольких государственных лесных полос. Видимо, некоторые товарищи всерьез верили, что если протянуть лесную полосу, скажем, от Саратова до Астрахани или от Уральска до Каспийского моря, то будет закрыт путь юго-восточным ветрам, и обширные степи Поволжья избавятся от суховея. Я не отрицаю значения лесных полос, но нельзя считать, что лесные полосы являются универсальным, исцеляющим средством в борьбе против черных бурь, против суховеев. Известно, что в тех районах, где есть лесные полосы, они не спасают от черных бурь»⁵⁴.

Хрущев, разумеется, здесь немного лукавит, стремясь во что бы то ни стало доказать полную несостоятельность травопольной системы Вильямса, сознательно упуская такие важнейшие элементы плана преобразования природы, как защитные лесонасаждения на полях колхозов и совхозов и строительство в хозяйствах прудов и водоемов для закрепления песков и накопления воды для орошения полей. А ведь именно эти меры имели гораздо большее значение своим массовым охватом, чем государственные лесные полосы для преодоления засухи и закрепления песков, и реализовать их было значительно легче.

А в конце 60-х гг. в журнале «Коммунист» высказывается уже иная точка зрения: «План этот, нуждающийся, конечно, в дальнейших уточнениях и поправках, может и должен быть претворен в жизнь»⁵⁵. Однако время было упущено, что успели сделать было заброшено, стало разрушаться, а создавать все заново долго и дорого.

30 мая 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле», имевшее далеко идущие последствия. Необходимость укрупнения обосновывалась невозможностью в мелких хозяйствах производительно использовать технику, успешно развивать общественное хозяйство⁵⁶. Таким образом, исходили прежде всего из технологического фактора. По мнению А.А.Никонова, это «весьма спорное обоснование», поскольку «в среднем колхозы до их укрупнения имели более 600 га пашни и более 1400 га сельскохозяйственных угодий, что позволяло им успешно использовать любую полевую технику. Использование техники и достижений науки долго будет оправдываться укрупнением хозяйств»⁵⁷. Но были еще и другие причины, более существенные для правящей элиты, о которых умалчивалось в публикуемых документах.

Вот какое соображение высказал секретарь Вологодского обкома партии Дербинов в донесении секретарю ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову накануне принятия решения об укрупнении колхозов: в мелких колхозах «большинство колхозников имеют родственные связи, создается семейственность, отсутствуют деловые производ-

ственные отношения и, как правило, более ярко проявляются личные интересы в ущерб интересам артельного хозяйства». Об этом же сообщал и секретарь Новгородского обкома ВКП(б) Тупицын: «Многие колхозники мелких колхозов особого желания на слияние не имеют. Считают лучше жить в маленьком колхозе..., в мелком колхозе все делается по-семейному, к тому же они в большинстве своем родственники. Всю полученную продукцию распределяют по трудодням, не утруждая себя в строительстве общественных построек»⁵⁸. Таким образом, мелкими колхозами властям было труднее управлять, диктовать свои условия колхозникам. Однако не так просто было добиться, чтобы решение об объединении было принято на общем собрании колхозников, ибо, как говорилось в постановлении от 30 мая 1950 г., при решении этого вопроса должно было присутствовать «не менее двух третей общего числа членов сельскохозяйственной артели», причем решение должны были принимать «каждым из объединяемых колхозов в отдельности большинством голосов»⁵⁹.

Местным властям приходилось идти на различного рода уловки, грубейшие нарушения «колхозной демократии», чтобы реализовать постановление ЦК. Так, с января по февраль 1951 г. в Совет по делам колхозов поступило 556 жалоб от колхозников в связи с проведением общих собраний по вопросам укрупнения колхозов. Вот некоторые примеры.

Колхоз «Юный ленинец» Вологодской области: Собрание проходило более двух суток. Районные работники принуждали колхозников к поднятию рук, запугивали, голосовали семь раз. И все же «за» проголосовало 37 чел., а 21 воздержался; Колхоз имени Жданова Татарской АССР: На общем собрании секретарь райкома по кадрам колхозников, не голосовавших за объединение, вызывал в райком, запугивал арестом; Колхоз «Буревестник» Куйбышевской области: секретарь райкома партии, грубо нарушая колхозную демократию, вопреки мнению колхозников, добился избрания председателем укрупненного колхоза Тютюника — пьяницу, по вине которого погибли сотни голов скота⁶⁰.

В 1950-1951 гг. укрупнение колхозов проводилось как очередная кампания силовыми методами. Только в течение 1950 г. было объединено 199,8 тыс. (79,3%) колхозов, на базе которых создано 64,3 тыс. укрупненных хозяйств. А общее число колхозов в стране на протяжении 1950-1951 гг. сократилось с 252 тыс. до 99 тыс., т.е. в 1,5 раза⁶¹.

В марте 1951 г. в эту кампанию с очередной инициативой включился Хрущев, который в декабре 1949 г. переехал из Киева в Москву, возглавив Московскую городскую и областную партийную

организацию. Теперь он — секретарь ЦК ВКП(б), МК и МГК ВКП(б). В первой половине 1950 г., еще до принятия решения ЦК об укрупнении колхозов, по его указанию в виде эксперимента началось укрупнение колхозов Московской области: число колхозов здесь сократилось на 4,4 тыс. 4 марта 1951 г. в «Правде» была опубликована его претенциозная статья «О строительстве и благоустройстве в колхозах», где излагалось его видение перспектив дальнейшего развития укрупненных колхозов. «Вместо небольших деревень, — писал Хрущев, — возникнут культурные благоустроенные колхозные поселки со школами, банями, домами сельхозкультуры, детскими яслями и другими культурно-бытовыми учреждениями...». По существу, обосновывалась идея «агрогородов».

5 марта, на следующий день после публикации статьи в «Правде», на первой странице газеты появилось сообщение «От редакции. Исправление ошибки». Уточнялось, что «по недосмотру редакции» выпало «примечание от редакции», в котором говорилось, что «статья тов. Н.С.Хрущева печатается в дискуссионном порядке». Примечание от редакции появилось по указанию Сталина, который оценил ее крайне негативно. Хрущев решил в весьма непрестижной для себя форме исправить дело. 6 марта он пишет Сталину докладную записку с признанием «грубой ошибки», просит разрешить ему выступить в печати и «раскритиковать свою статью» и тем самым «уменьшить ущерб», который он нанес «своим неправильным выступлением»⁶². Такого разрешения не последовало.

2 апреля 1951 г. на заседании Политбюро было утверждено закрытое письмо «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов», которое рассылалось ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, горкомам и райкомам партии. В нем отмечалось, что некоторые руководящие работники, особенно в связи с проводимыми мероприятиями по укрупнению колхозов, допускают «серьезные ошибки и извращения линии партии в колхозном строительстве». Речь шла о так называемом «потребительском подходе» к вопросам колхозного строительства, выражающемся «в подмене главной, а именно производственной задачи в сельском хозяйстве, задачей немедленного переустройства быта колхозников, что должно отвлечь основные силы колхозов от решения важнейших производственных задач, должно повести к дезорганизации колхозной экономики и, следовательно, нанести вред всему делу социалистического строительства». Выдвигалось категорическое требование — «покончить с неправильным, потребительским подходом к вопросам колхозного строительства», главной задачей которого является «дальнейшее повышение урожайно-

сти сельскохозяйственных культур, всемерное развитие общественного животноводства и повышение его продуктивности»⁶³.

Хрущевская идея о сселении деревень в крупные поселки (в будущем — «агггорода») критиковалась справедливо, хотя и с преднамеренным перехлестом. Хрущев отнюдь не предлагал немедленно осуществлять эту идею, речь в его статье шла о перспективах их дальнейшего развития по пути укрупнения. И тут было свое разумное начало: следовало позаботиться не только о развитии производства, строительстве производственных помещений, на чем настаивали авторы письма, но и об улучшении быта колхозников, решать, наряду с производственными, и социально-культурные проблемы, не отделяя первое от второго китайской стеной. Кстати сказать, идея агрогородов была не чужда и самому Сталину даже с практической точки зрения. В годы первой пятилетки он инициировал программу строительства новых зерновых совхозов, массового освоения целинных земель. В Сальских степях в конце 20-х гг. возникли совхозы «Гигант» и Учебно-опытный № 2, на базе которых в годы второй пятилетки выросли первые советские агрогороды⁶⁴.

Однако главную опасность Сталин видел не в этих прожектах на будущее, а в некоторых практических шагах, предлагаемых Хрущевым (неких «ростках коммунизма»): сократить приусадебный участок колхозного двора до 10-15 соток (по Уставу артели, как минимум, — 25), а остальную часть вынести за пределы поселка, перевести в полевой надел. Это и вызвало наибольшее раздражение и даже гнев Сталина. Такая трогательная забота вождя о личных подсобных хозяйствах крестьян после сентябрьского постановления 1946 г., где колхозники обвинялись в «самовольных захватах» общественных земель, в раздувании личного хозяйства, удивляет. Но Сталин был великим политиком. «Предлагать выделение двух земельных участков для колхозного двора, — разъяснялось в письме, — значит создавать у колхозника неправильное впечатление, что у него собираются отобрать приусадебный участок. Ясно, что это может лишь принести вред колхозному делу»⁶⁵.

В этом все дело! Чаша терпения крестьян может переполниться, их гнев тогда будет направлен против власти, против всего «колхозного дела». Именно «за колхозное дело», а не за интересы крестьян-колхозников ратовал Сталин.

Но самое удивительное, что все эти рассуждения авторов закрытого письма (одна из излюбленных форм закулисной деятельности ЦК партии) об извращении ее политики в связи с укрупнением колхозов, о серьезных ошибках статьи Хрущева, о строгих указаниях немедленно покончить с этими ошибками и извращениями проходили за плотно закрытыми дверями: в великие партийные тайны

не посвящались непосредственные участники колхозного строительства, о которых так заботились в Кремле, — сами колхозники. Посвященными же были только представители высшей партийной элиты. Правда, 18 апреля 1951 г. политбюро ЦК ВКП(б) в связи с просьбами местных органов приняло «строго секретное» постановление, разрешившее ознакомиться с закрытым письмом коммунистам «путем зачитания его на собраниях первичных парторганизаций»⁶⁶.

Обсуждение этого документа не предусматривалось, мнение рядовых коммунистов, в том числе колхозников, по этому вопросу, их возможные замечания и предложения партийную элиту не интересовали. Меня как одного из участников этого «заслушивания» (я тогда работал учителем в одной из московских школ, преподавал историю в старших классах, возглавлял школьную партийную организацию) особенно поразило то, что было запрещено делать какие-либо записи, задавать вопросы секретарю партийной организации, зачитывавшему письмо. Но в то же время возникло чувство приобщения к большой партийной тайне, разглашать которую, естественно, было запрещено.

В октябре 1952 г. к одному из сюжетов закрытого письма вернулся Маленков в докладе на XIX съезде партии. Говоря об ошибках и недостатках в руководстве сельским хозяйством, он на первое место поставил ошибки в связи с проведением укрупнения мелких колхозов, которые допускали «отдельные наши руководящие работники». Вслед за письмом он решительно осудил «неправильный, потребительский подход к вопросам колхозного строительства». «Задачи бытового устройства, — поучал он, — имеют, несомненно, важное значение, но они являются все же производными, подчиненными, а не главными...» и, конечно, же «Партия своевременно приняла меры по преодолению этих неправильных тенденций в области колхозного строительства»⁶⁷.

Обращает на себя внимание, что Маленков, отнюдь не случайно, полностью обошел поставленный в письме вопрос о решительном пресечении попыток сокращения размера приусадебного участка колхозного двора и вынесения части его за пределы населенного пункта. На мой взгляд, потому, что это предложение Хрущева «недопустимое и вредное» не стало осуществляться на практике; к тому же в это время началось новое наступление властей на ЛПХ колхозников по линии налогообложения, и крестьяне сами вынуждены были сокращать его размеры, продавать скот. Поддерживать развитие приусадебного хозяйства, а тем более с трибуны партийного съезда, было незачем и даже опасно, что конечно отлично понимал Сталин.

В то же время, как бы для баланса, в связи с игнорированием части письма, Маленков, может быть даже по своей инициативе, перечисляя ошибки и недостатки в руководстве сельским хозяйством, решительно осудил широко распространившуюся во многих колхозах и совхозах «практику создания подсобных предприятий по производству кирпича, черепицы и других промышленных изделий», что «отвлекает колхозы и совхозы от решения производства сельскохозяйственной продукции и является тормозом в развитии сельского хозяйства»⁶⁸. А ведь все эти «изделия» хозяйства использовали при строительстве и ремонте жилья и культурно-бытовых объектов. Таким образом, еще раз было строго указано, чем должны заниматься колхозники главным образом и прежде всего.

Ход и результаты восстановительных процессов в деревне после окончания войны во многом определялись аграрной политикой государства, как мы видели, весьма противоречивой, антикрестьянской по своей сущности. И тем не менее, достаточно эффективной, умело использовавшей высокий патриотический порыв крестьянства, всего народа, рожденный Великой Победой, всеобщим стремлением быстрее залечить раны войны, вернуться к мирной созидательной жизни.

Обратимся к некоторым итоговым данным о развитии производительных сил сельского хозяйства и сельскохозяйственного производства в первые послевоенные годы.

В июне 1945 г. Верховный Совет СССР принял Закон о демобилизации воинов старших возрастов, а полностью демобилизация военнослужащих завершилась в 1948 г. К мирному труду вернулось примерно 8,5 млн. чел., многие возвращались в деревню. Общая численность колхозного населения страны непрерывно росла вплоть до 1950 г., когда она достигла 72,2 млн. чел. против 64,1 млн. в 1946 г. Правда, в РСФСР уже с 1948 г., после завершения демобилизации, наблюдалась тенденция к его сокращению (1950 г. — 34,5 млн. чел. против 37,1 млн. в 1948 г.)⁶⁹.

В соответствии с планом четвертой пятилетки быстро восстанавливалась материально-техническая база сельского хозяйства. Уже в 1950 г. в стране работало семь тракторных заводов против трех в довоенные годы и десять комбайновых заводов против двух. В 1950 г. в стране действовало 8414 МТС, в то время как в 1940 г. — 7069. Правда, численность тракторов в физических единицах еще не достигла довоенного уровня (71,7 тыс. против 74,3 тыс.). В то же время за счет более высокой мощности машин и лучшей организации работ уровень механизации основных работ в полеводстве в 1950 г. был несколько выше, чем в 1940 г. (уборка зерновых комбайнами соответственно 51,1 и 42,6%; вспашка зяби — 92,5 и 71,5;

сев яровых — 51,1 и 42,6% и т.д.). Общий уровень энерговооруженности сельскохозяйственного труда в 1950 г. даже немного превысил уровень 1940 г.⁷⁰

Созданные демографические и материально-технические предпосылки весьма позитивно повлияли на восстановление сельскохозяйственного производства (см. табл. 1-5).

Таблица 1

**Валовая продукция сельского хозяйства СССР в 1940-1950 гг.
(в сопоставимых ценах, в % к 1940 г.)***

	Вся валовая продукция	Продукция земледелия	Продукция животноводства
1940 г.	100	100	100
1945 г.	60	57	64
1950 г.	99	97	104

* Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1960. С. 21.

Данные за 1945 г. не в полной мере отражают огромный спад сельскохозяйственного производства за годы войны, поскольку они фиксируют ситуацию на конец года, а восстановительные процессы начались с 1943 г., о чем уже говорилось. Но и цифра 60% говорит о многом: 40% недополучила сельскохозяйственной продукции страна к началу 1946 г. Нетрудно представить, каким был этот уровень на территориях, оккупированных врагом. И тем не менее довоенный уровень производства валовой продукции в целом был достигнут к концу 1950 г. — последнего года первой довоенной пятилетки, а по продукции животноводства даже превышен.

Этот вывод подтверждается и данными о производстве товарной продукции (табл. 2).

Таблица 2

**Товарная продукция сельского хозяйства СССР в 1940-1950 гг.
(в сопоставимых ценах, в % к 1940 г.)***

	Вся товарная продукция	Продукция земледелия	Продукция животноводства
1940 г.	100	100	100
1945 г.	57	62	47
1950 г.	101	104	96

* Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1960. С. 23; Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1971. С. 47.

Ну и, разумеется, стоимостные показатели должны быть соотнесены, пройти своего рода апробацию данными, выраженными в натуральных величинах — гектарах, центнерах, тоннах.

Таблица 3

Валовой сбор (амбарный урожай) сельскохозяйственных культур во всех категориях хозяйств в 1940-1953 гг. (млн. т)*

	1940 г.	1945 г.	1949-1953 гг. (в ср. за год)
Зерновые культуры	95,6	47,3	80,9
Сахарная свекла (фабричная)	18,0	5,5	21,1
Хлопок-сырец (закупки)	2,24	1,16	3,49
Картофель	75,9	58,3	75,7
Овощи	13,7	10,3	10,0
Плоды и ягоды	2,71	1,88	2,23

* Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1960. С. 26.

Значительно «недотянуты» до довоенного уровня валовые сборы зерна, но по остальным культурам имеется превышение (сахарная свекла, хлопок). Зерновая же отрасль отстает по всем параметрам (см. табл. 4).

Таблица 4

Развитие зерновой отрасли сельского хозяйства СССР в 1940-1953 гг.*

	1940 г.	1945 г.	1946 г.	1950 г.	1953 г.	1953 г. в % к 1940 г.
Посевная площадь, млн. га	110,7	85,3	85,9	102,9	106,7	96
Урожайность в ц с 1 га	8,6	5,6	4,6	7,9	7,8	90
Валовой сбор млн. т	95,6	47,3	39,6	81,2	82,5	86
Госуд. заготовки и закупки, млн. т	36,4	20,0	17,5	32,3	31,1	96

* Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1960. С. 127, 196; Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1971. С. 152.

Даже в 1953 г. не удалось существенно изменить положение, несмотря на некоторый рост посевных площадей, а заготовки даже снизились. Зерновая проблема, вопреки заявлению Маленкова на XIX съезде партии, не была решена. В 1953 г. даже пришлось 160 млн. пуд. зерна взять из государственного резерва.

В то же время к концу пятилетки несколько улучшились показатели в животноводческой отрасли (см. табл. 5).

Таблица 5

**Производство основных продуктов животноводства в СССР
в 1940-1953 гг.***

	Мясо всех видов в убойн. весе, млн. т	Молоко, млн. т	Яйца, млрд. шт.	Шерсть, тыс. т
1940 г.	4,7	33,6	12,2	161
1945 г.	2,6	26,4	4,9	111
1946 г.	3,1	27,7	5,2	119
1950 г.	4,9	35,3	11,7	180
1953 г.	5,8	36,5	16,1	235

* Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1971. С. 287.

К 1950 г. поголовье крупного рогатого скота по сравнению с 1940 г. увеличилось с 54,8 млн. голов до 57,1 млн., овец — с 80 до 82,6 млн., коз — с 11,7 до 16,4 млн.; правда, поголовье коров сократилось с 28 млн. голов до 24,3 млн., свиней — с 27,6 млн. до 24,4 млн. голов, а всего продуктивного скота (в пересчете на крупный) в 1950 г. насчитывалось 59 млн. голов против 57 млн. в 1940 г.⁷¹

Определенную роль здесь сыграл принятый Советом Министров СССР и ЦК ВКП(б) 18 апреля 1949 г. Трехлетний план развития общественного животноводства (1949-1951 гг.), имевший известное мобилизующее значение, а главное — для его реализации были выделены дополнительные средства⁷². Ряд заданий плана оказался нереальным, по мнению Хрущева, он «не принес желаемых результатов»⁷³. Но главное было достигнуто: позитивные сдвиги, причем заметные, все же произошли. Замечу, что, как этот план, так и план четвертой пятилетки были реализованы главным образом в плане решения задач восстановления сельскохозяйственного производства. Добиться увеличения довоенного уровня «в значительных размерах» (или как более осторожно сформулировал Сталин «в более или менее значительных размерах») не удалось. И это естественно: решить такую задачу в хронологических рамках одного пятилетия, учитывая характер и масштабы нанесенного стране ущерба, было невозможно. Но и то, что было достигнуто — восстановление в кратчайшие сроки, пускай, в основном, довоенного уровня аграрного производства — огромное достижение крестьянства, всех тружеников города и деревни.

И еще надо подчеркнуть, что это не было все же восстановление производства ради производства. Никак не могу согласиться с точ-

кой зрения некоторых молодых историков, что жизнь крестьянства, всех селян к концу первой послевоенной пятилетки не только не изменялась к лучшему, но даже ухудшилась, порой значительно, по сравнению с военным лихолетьем. Сошлюсь на один документ, достоверность и объективность которого не вызывает сомнения. Речь идет о разработке бюджетных обследований рабочих и колхозников в 1950 г. в сопоставлении с аналогичными обследованиями в довоенном 1940 г. Результаты этого обследования, проведенного ЦСУ СССР, его начальник В. Старовский представил Сталину, сопроводив докладной запиской, в которой отмечалось, что в соответствии с его указаниями, ЦСУ в 1950 г. улучшил работу по статистике бюджетов. В этом году обследования охватили 12,6 тыс. хозяйств колхозников, расположенных на Украине, в Белоруссии, республиках Прибалтики, в Молдавской и Карело-Финской ССР, в областях РСФСР, подвергавшихся оккупации, а также в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и Киргизии. В 1940 г. ЦСУ обследовало 21 тыс. хозяйств. Поскольку бюджетные записи, которые велись самим населением, имели погрешности (в них занижались итоговые данные) статистические органы в той или иной степени осуществляли контроль за ведением бюджетов.

Приводились такие данные демографического характера: в состав семьи колхозника в 1940 г. входило 4,5, а в 1950 г. — 4,0 чел.; трудоспособные мужчины и женщины в семьях в 1940 и в 1950 гг. составляли 45%. А выработка трудодней, несмотря на повышение норм в 1950 г., повысилась по сравнению с 1940 г.: у мужчин до 249 (против 248), у женщин — до 188 (против 142). В конце 1950 г. колхозники располагали значительно большими запасами основных продуктов питания, чем в конце 1940 г.: на 1 душу наличного населения они составляли соответственно: хлеба 102 и 70 кг, картофеля — 356 и 169 кг, овощей — 42 и 21 кг, мяса и сала — 5,7 и 3,6 кг. Более чем в 1,5 раза повысился денежный доход колхозников на душу населения: с 727 руб. в 1940 г. до 1133 руб. в 1950 г. и почти настолько же денежный расход. Значительно больше колхозники стали тратить денежных средств на покупку промышленных товаров на душу наличного населения: тканей — на 23%, резиновой обуви — на 72%, мыла — на 8% и т.д.⁷⁴

Данные этих обследований, считавшихся секретными, чем отчасти подтверждается их достоверность, дают основание для вывода, что по важнейшим показателям, определявшим общий уровень жизни колхозников, в 1950 г. был достигнут уровень предвоенного 1940 г., а по некоторым даже превышен. Особенно важны показатели о потреблении продуктов питания на душу населения и о по-

купке промтоваров. Во всяком случае, уровень 1945 г. был превышен многократно.

Сказанное подтверждается данными сельскохозяйственной статистики, материалами годовых отчетов, а также бюджетных обследований семей колхозников различных регионов РСФСР и по республике в целом, тщательно отобранных и проанализированных О.М.Вербицкой⁷⁵.

В принципе так и должно было быть: в стране в основном завершился восстановительный период, она стояла на пороге нового этапа развития. Разрабатывался план развития народного хозяйства СССР на 1951-1955 гг., основные направления которого были утверждены XIX съездом партии в октябре 1952 г.

2. У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ.

ПЕРВЫЕ ПРОЕКТЫ АГРАРНЫХ РЕФОРМ.

АГОНИЯ СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА (1951 – МАРТ 1953 ГОДА)

С начала 50-х гг. темпы развития сельскохозяйственного производства заметно снизились, а затем наступила неустойчивая, походившая на стагнацию, стабилизация. Так, если общий объем валовой продукции сельского хозяйства за период с 1945 по 1949 г. увеличился на 39% от уровня 1940 г. (с 60 до 99%), а среднегодовые темпы роста составляли около 8%, то с 1950 по 1953 г. они упали до 3%, менее 1% в год, а в 1951 г. произошло даже снижение общего объема валовой продукции (до 93% от уровня 1940 г.), в 1952-1953 гг. темпы роста не превышали 2% в год. И это понятно: факторы компенсаторного (восстановительного) роста были в основном исчерпаны. С конца 40-х гг. после завершения демобилизации из армии основных контингентов военнослужащих началось снижение численности сельского населения: его убыль вследствие миграции в город не покрывалась за счет факторов естественного прироста.

Заместитель начальника статуправления РСФСР С.Карасев в начале апреля 1951 г. сообщал в ЦСУ СССР, что с 1 января 1950 г. по 1 января 1951 г., по данным похозяйственных книг и списков сельсоветов, произошло «значительное выбытие населения из сельской местности РСФСР». Всего выбыло 1366,8 тыс. человек, а причины такие: организованный набор рабочей силы для работы на промышленных предприятиях, в строительстве; призывы молодежи в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища; выбытие населения в неорганизованном порядке. Убыль происходила в

основном за счет молодежи и колхозников в трудоспособном возрасте⁷⁶.

Вот один из примеров «неорганизованного выбытия». В марте 1952 г. Совет по делам колхозов получил такое письмо от заведующего фермой колхоза «Родина» Харьковского района Вологодской области А.А.Румянцева. В шести полеводческих бригадах, сообщал он, в связи с тем, что «самовольно сбежало» 37 чел., осталось всего 19 чел. трудоспособных, создалось угрожающее положение с заготовкой кормов. Правление колхоза, местные советские и партийные органы не приняли никаких мер, чтобы вернуть беглецов. Далее приводился список «самовольно сбежавших» колхозников и содержалась просьба «немедленно вмешаться и принять соответствующие меры». В противном случае, предупреждал автор письма, «возможна текучесть и работников животноводства»⁷⁷.

По существу возобновился массовый отток сельского населения в город в поисках лучшей жизни. И это был серьезный сигнал для политиков, чтобы как-то сдержать или ограничить этот поток путем соответствующей аграрной и демографической политики.

Нужны были, как воздух, радикальные реформы в аграрном секторе, ослабляющие тоталитарный режим, повышающие материальную заинтересованность в работе колхозников, работников совхозов и МТС. И такие попытки делались. Так, в ноябре 1949 г. Министерство совхозов СССР представило проект постановления Совета Министров СССР «Об отмене государственной дотации», предусматривавший с 1 января 1950 г. отменить выдачу совхозам из бюджета государственной дотации для покрытия разницы между себестоимостью и крайне низкими сдатовными ценами при одновременном их повышении. Тем самым появлялась возможность пустить в ход механизм товарно-денежных отношений, создать у работников совхозов стимул для повышения рентабельности производства. Этот проект обсуждался в Министерстве финансов и Госплане СССР, а затем в специальной комиссии под председательством министра финансов А.Г.Зверева. Зверев предложил переработать проект с тем, чтобы перенести центр тяжести на снижение себестоимости за счет мобилизации внутренних ресурсов. Дважды переработанный этот проект в марте 1950 г. был представлен в Совет Министров СССР⁷⁸.

В 1952 г. о совхозах доложили Сталину. Узнав, что они убыточны, он предложил распустить совхозы, а их земли передать колхозам. «Все мы заволновались тогда, — вспоминал Хрущев, — говорили, что нельзя этого делать, что дело не в совхозах как форме хозяйства, а в ценах на их продукцию... С большим трудом удалось убедить тогда Сталина и сохранить совхозы»⁷⁹.

Только в апреле 1954 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР на основе этих предложений смогли разработать и утвердить соответствующий документ.

Примерно такая же участь постигла и проект постановления «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в колхозах и совхозах», подготовленного комиссией ЦК партии в конце 1952 г., в которую входили А.А.Андреев, Н.Г.Игнатов, А.И.Микоян и Н.С.Хрущев. Проект, по словам Хрущева, предусматривал повышение заготовительных цен на продукты животноводства, с тем, чтобы создать материальную заинтересованность колхозников, работников МТС и совхозов. Однако в феврале 1953 г., по предложению Сталина, он был отложен. По мнению М.Л.Богденко, этот и другие проекты, разработанные в начале 50-х годов, «предвосхищали некоторые основополагающие идеи программы, принятой сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК КПСС, и послужили важнейшей ступенью ее подготовки»⁸⁰.

А сталинская мысль в это время работала совсем в другом направлении. При рассмотрении проекта по животноводству он внес «контрпредложение» — повысить еще на 40 млрд.руб. налоги на колхозы и колхозников, поскольку «крестьяне живут богато и, продав только одну курицу, колхозник может полностью рассчитаться по государственному налогу». А 40 млрд. руб., по словам Хрущева, это такая сумма, которую крестьяне не получали за все сдаваемые ими продукты. В 1952 г. колхозы и колхозники получили за всю сданную ими государству продукцию 26,3 млрд. руб. «Предложение, — делает вывод Никита Сергеевич, — исходило не из реальной жизни, а из фантастических измышлений оторванного от жизни человека»⁸¹.

Реальная же жизнь в деревне с конца 40-х и особенно в начале 50-х гг. определялась непрерывным ростом государственных налогов на приусадебные хозяйства колхозников. Об этом нарком финансов СССР осмелился поведать новому главе правительства Г.М.Маленкову только в марте 1953 г., после смерти Сталина. Ставки налога повышались ежегодно с 1948 по 1952 г. включительно, вследствие чего предъявленный к оплате налог составил: в 1949 г. — 8645 млн. руб., в 1950 г. — 8809 млн., в 1951 г. — 8797 млн. и в 1952 г. — 9996 млн. руб. «Если сопоставить рост налога за указанные годы, — говорилось в докладной записке наркома, — с ростом доходов крестьян... получается диспропорция в сторону экономически неоправданного увеличения налогообложения крестьян»⁸².

В начале 50-х гг. резко сократилось число хозяйств, имеющих индивидуальных коров. Чтобы не платить налоги, крестьяне вырубали сады и ягодники, прибегали к фиктивному разделу дворов,

чтобы таким путем увеличить размеры приусадебных хозяйств⁸³. А молодежь всеми правдами и неправдами стремилась перебраться в город. Примечательно, что численность городского населения в стране с 1950 по 1953 г. увеличилась на 14198 тыс. чел., причем в значительной степени за счет сельского населения, крестьянства. Так, если в 1948 г. колхозное население РСФСР уменьшилось на 0,5 млн., то за 1949-1950 гг. — на 2,6 млн. В 1946-1950 гг. в республике по оргнабору в промышленность, строительство и на транспорт было привлечено около 4 млн. чел., основную часть которых (от 60 до 80%) составляли жители села⁸⁴.

Именно поэтому, прежде всего, заготовки зерна из урожая 1953 г. не покрывали необходимых расходов на внутренние нужды (было заготовлено 1850 млн. пуд., а израсходовано 1926 млн.), пришлось разбронировать из государственного резерва 160 млн. пуд. зерна⁸⁵. Страна фактически оказалась перед угрозой зернового кризиса. А годом раньше с трибуны XIX съезда партии Маленков, исходя из данных «видовой урожайности» уверенно заявил, что «зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой и серьезной проблемой, решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно (Бурные, продолжительные аплодисменты)». В 1952 г., по его словам, валовой сбор зерна в стране составил 8 млрд. пуд. (при плане 9,2 млрд.), тогда как в действительности, по данным годовых отчетов хозяйств, — всего 5,6 млрд. Это была сознательная фальсификация, разумеется, согласованная со Сталиным. Маленков как куратор сельского хозяйства располагал данными об амбарной урожайности и валовых сборах зерна. «Как вы смели, — говорил министр сельского хозяйства В.В.Мацкевич на пленуме ЦК КПСС в июне 1957 г., — с такой высокой трибуны ввести в заблуждение съезд, партию, народ? Вам верили, думали, что вы говорите правду»⁸⁶.

По требованию Сталина Маленков почти всю заключительную часть своего доклада на съезде посвятил работе генсека «Экономические проблемы социализма в СССР», которая, как подчеркнул докладчик, имеет «величайшее значение для марксистско-ленинской теории, для всей нашей практической деятельности... Теоретические открытия товарища Сталина имеют всемирно-историческое значение»⁸⁷.

Хрущев в этой связи не без иронии заметил: «Буквально вся партия сидела и корпела над этим трудом. Сталин всех заставил читать и изучать его. Он предложил также высказаться ораторам XIX съезда партии по данному вопросу. Маленков в своем докладе уделил большое внимание этой работе. То же сделали и другие выступавшие, за исключением меня. Потому, что я выступал с докладом по уставу партии, у меня не было необходимости притя-

гивать за уши этот труд Сталина»⁸⁸. А труд этот, составленный вождем на основе представленных ему материалов экономической дискуссии (она проходила в ноябре 1951 г.) и его ответов на письма экономистов (А.И.Ноткина, А.Д.Ярошенко, А.В.Саниной и В.Г.Венжера), не такой уж «мудрый» и «гениальный» с точки зрения определения путей дальнейшего развития страны. Более того, содержащий ряд сомнительных и даже опасных рекомендаций и предложений практического характера.

Так, в этой работе Сталин решительно выступает против расширения сферы товарного обращения, несовместимого, по его мнению, с переходом от социализма к коммунизму, снова возвращается к проповедуемой им в конце 20-х гг. и скорректируемой или даже частично пересмотренной им в середине 30-х гг. теории и практики прямого продуктообмена между городом и деревней; выступает безоговорочным противником продажи колхозам техники МТС; по существу третирует колхозно-кооперативную собственность как групповую, второсортную, предлагает «путем постепенных переходов» поднять ее «до уровня общенародной собственности, а товарное обращение заменить системой продуктообмена», «выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами»⁸⁹.

Это уже полное отступление не только от того, что осуществлялось в стране под руководством В.И.Ленина в годы нэпа, но и от новаций второй половины 30-х гг., когда в рамках некоего «неонэпа» делались попытки внедрить элементы товарно-денежных отношений в деревне путем некоторого повышения заготовительных цен, введения закупок и децентрализованных заготовок, поощрения колхозной торговли, развития ЛПХ и т.д. В выступлении на пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 г. Сталин сказал: «Мы хотим укрепить денежное хозяйство.., во всю развернуть товарооборот, заменив системой товарооборота нынешнюю политику механического распределения продуктов. Мы встали на почву товарооборота... вот основной смысл предпринимаемой нами реформы». Он резко критиковал «левацкие» и леворадикальные элементы в партии, которые исходили из того, что можно «с места в карьер, сразу перейти на продуктообмен. Это глупость... Установить обмен между городом и деревней без товарооборота, без купли-продажи — немыслимое дело»⁹⁰.

Судя по этой речи, Сталин перешел на позицию «рыночников», отказался от идеи продналога. Однако, речь эта не была опубликована и только спустя 20 лет была включена (в извлечениях) в 14 том его сочинений, который так и не был издан. Выясняется, что 16 фев-

раля 1951 г. политбюро ЦК приняло решение (без какой-либо мотивации) о прекращении дальнейшего издания сочинений вождя. Комментируя это решение, Ю.Н.Жуков полагает, что его можно рассматривать как свидетельство усиливающейся изоляции Сталина и устранения из его обращения тех, на кого он мог опереться⁹¹.

Ухудшающееся здоровье Сталина не позволило ему активно участвовать в подготовке и проведении последнего в его жизни съезда партии. Хрущев в своих воспоминаниях отметил, что план пятой пятилетки (с докладом по этому вопросу на XIX съезде выступал новый председатель Госплана М.З.Сабуров, сменивший Н.А.Вознесенского) «очень неквалифицированно был составлен, и после смерти Сталина в него вносились серьезные коррективы»; не было условий для развертывания прений; Сталин произнес семиминутную речь и счел это своей победой: «вот, смотрите-ка, я еще смог, говорил он нам». На пленуме после съезда Сталин подверг резкой критике Молотова и Микояна, выразив им свое недоверие. Хрущев уверен, что если бы Сталин прожил дольше, жизнь обоих закончилась трагически⁹².

Сталин, пишет Волкогонов, деградировал, повторялась картина того, что произошло с Лениным. В 1950-1952 гг. он ежегодно по 3-4 месяца отдыхал на Кавказском побережье Черного моря. В конце 1952 г. и в начале 1953 г. по несколько раз впадал в обморочное состояние, кровяное давление поднималось до критических отметок, случались провалы в памяти⁹³.

Тем не менее до последних дней жизни Сталин инициировал репрессивные акции и руководил их осуществлением по образцу 20-30 гг. (хотя были и свои отличия), ибо без этого не могла существовать сталинская система глобального тоталитаризма. Страх держал людей в повиновении, сдерживал проявление массового стихийного недовольства и в то же время сплавивал их в ненависти и негодовании против внешних и внутренних врагов. Эта старая, как мир, политика «разделяй и властвуй» действовала безотказно. А самая последняя, одна из наиболее безнравственных и позорных таких акций — «дело врачей-отравителей», об аресте которых было объявлено в газетах в январе 1953 г. и приостановленная (самим Берия!) тотчас после смерти диктатора. Сообщение МВД о необоснованности ареста врачей и их освобождении было сделано 4 апреля 1953 г.

Об обстановке шпиономании и антисемитизме, граничавшими с мракобесием и человеконенавистничеством, можно судить по выдержке из сообщения ТАСС 13 января 1953 г., озаглавленного «Арест группы врачей-вредителей»: «Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки,

состояли в наемных агентах у иностранной разведки. Большинство участников террористической группы... были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией "Джойнт". Всего было арестовано 15 видных представителей советской медицины, среди которых академик В.Н.Виноградов — личный врач Сталина. Не случайно поэтому в критическую минуту всемогущий диктатор оказался без квалифицированной медицинской помощи. Обязанности Виноградова, «по совместительству», стал выполнять личный секретарь Сталина А.Н.Поскребышев, фельдшер по образованию, вскоре тоже арестованный по обвинению в «потакании врачам-отравителям»⁹⁴.

Остановлюсь более подробно на одной из первых сталинских репрессивных акций рассматриваемого периода, имеющей самое непосредственное отношение к данной теме — предание анафеме на многие годы классической генетики, разгром отечественных представителей этой науки. А инициатором этих погромов был президент ВАСХНИЛ (с 1938 по 1962 г.) академик Т.Д.Лысенко, по характеристике Ж.Медведева, «самый знаменитый псевдоученый XX века, ставший диктатором биологии в коммунистическом мире в период Сталина и Хрущева»⁹⁵.

«Народный академик» после расправы с гениальным Н.И.Вавиловым, опираясь на группу единомышленников-подхалимов, фактически свел уровень аграрной науки к экспериментаторству, примитивному опытничеству. Тем не менее он пользовался доверием Сталина, а также Маленкова. В 1948 г. последний большие надежды возлагал на предложенную Лысенко и широко разрекламированную в прессе «чудо-культуру» — ветвистую пшеницу, способную чуть ли не совершить переворот в зерновом производстве.

В защиту генетики, с серьезной научной критикой Лысенко выступил заведующий отделом науки ЦК ВКП(б) Ю.А.Жданов. В апреле 1948 г. в обстоятельном докладе в Политехническом музее он осудил монополизм в биологической науке, попытки Лысенко перенести научные споры в область политики. Встревоженный академик обратился с письмом к Сталину с жалобой на Жданова и с просьбой защиты. 15 июля 1948 г. политбюро по указанию Сталина приняло такое решение: «В связи с неправильным, не отражающим позицию ЦК ВКП(б) докладом Ю.А.Жданова по вопросам биологической науки, принять предложение Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства совхозов СССР и Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина об обсуждении на июльской сессии Академии сельскохозяйственных наук доклада акад. Т.Д.Лысенко на тему "О положении в советской биологической науке", имея в виду опубликование этого доклада в печати»⁹⁶.

Печально знаменитая августовская сессия работала с 31 июля по 7 августа 1948 г. Накануне ее открытия Сталин подписал постановление об утверждении представленных Лысенко 35 новых академиков ВАСХНИЛ, среди которых был и один из главных погромщиков генетиков И.И.Презент, юрист по образованию. Заметим, что вплоть до 1956 г. академиков и членов-корреспондентов этой академии не избирали, а утверждали постановлением правительства по представлению руководства академии. В рассматриваемый период этот вопрос фактически решали Сталин и Лысенко.

С докладом Лысенко «О положении в биологической науке» ознакомился Сталин, сделавший несколько карандашных пометок на полях. Этим не преминул воспользоваться докладчик, объявивший в заключительном слове: «ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его». Аудитория ответила на это «бурными аплодисментами, переходящими в овацию»⁹⁷.

Лысенко, Презент и большинство других участников «дискуссии», отрицали наличие в хромосомных клетках особых носителей наследственности — генов; наследственность, по их мнению, «передавалась всем веществом». Однако классическая генетика, родоначальниками которой являлись Г.Гендель и Т.Морган (лауреат Нобелевской премии, почетный член АН СССР), экспериментально доказала, что это не так. Взгляды Генделя и Моргана разделяли Н.И.Вавилов, Н.П.Дубинин, А.Р.Жебрак и многие другие ученые. Однако в августе 1948 г. фактически дискуссии никакой не было. Вопрос в докладе Лысенко был поставлен так: «Если ты признаешь наличие генов, то ты “вейсманист-морганист”, твое мировоззрение — идеалистическое, то есть антимарксистское, значит ты — антипартийный, антисоветский элемент, ты — “агент мирового империализма”, “враг народа”»⁹⁸.

Всего по докладу Лысенко выступили 56 ораторов, подавляющее большинство которых являлись наиболее агрессивными противниками генетики, объявлявшими себя приверженцами «мичуринской биологии». В защиту генетиков выступали И.А.Рапопорт, А.Р.Жебрак, И.И.Шмальгаузен, П.М.Жуковский, В.С.Немчинов — ректор Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Он, в частности, сказал: «Я не разделяю точку зрения, которая была высказана и нашим уважаемым председателем о том, что законы Менделя являются какой-то идеалистической точкой зрения, какой-то реакционной теорией... В отношении хромосомной теории наследственности Трофим Денисович не прав... Считать, что одной агробиологией вся Сельскохозяйственная академия исчерпывается — нельзя... Я морально и политически ответствен за эту линию, которую я провожу и считаю правильной и буду продолжать проводить»⁹⁹.

Однако продолжать эту линию академику Немчинову не позволили: через несколько дней он был снят с поста ректора. Его заменили «верным мичуринцем» В.Н.Столетовым. «Трезвые голоса ученых на этой сессии, — пишет академик Никонов (с 1984 по 1992 г. — президент ВАСХНИЛ), — потонули в дружном хоре выступлений лысенковцев. Это была их победа, торжество, напоминавшее скорее шабаш ведьм. После сессии усилились репрессии по отношению к генетикам, их “прорабатывали” на всяких собраниях, заставляли каяться как в 30-е гг., искали и находили в республиках и областях своих “кондратьевцев”, “чаяновцев” и “сухановцев”, так и теперь — “менделистов — морганистов — вейсманистов”. Все было как тогда, только не расстреливали: старый маховик репрессий остановился, а новый не был еще раскручен. Его начнут понемногу раскручивать в 1950-1952 гг., когда полетят головы ленинградцев, сядут в тюрьмы врачи»¹⁰⁰. Только смерть Сталина остановила маховик кровавых репрессий.

А в 1988 г. на совместном торжественном заседании АН СССР и ВАСХНИЛ, посвященном 100-летию со дня рождения Н.И.Вавилова, А.А.Никонов от имени возглавляемой им академии скажет: «Я уполномочен заявить, что современный состав Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И.Ленина глубоко сожалеет, что в ее многотрудной истории имел место столь печальный факт, как августовская сессия 1948 г. Я уполномочен заявить, что современный состав ВАСХНИЛ осудил и отверг все, что связано с лысенковщиной. Мы последовательно и настойчиво осуществляем нужные меры по преодолению тяжелых последствий лысенковщины»¹⁰¹. В книге Никонова, презентация которой состоялась через день после трагической смерти автора, дается такая оценка лысенковщины: «Лысенковщина не имеет права на существование, равно как и сталинщина, ежовщина, бериевщина. Ее суть сводится к культу одного ученого, созданию для него исключительных, монопольных условий к шельмованию научных оппонентов, закрытию всех путей для продвижения их идей в жизнь... Лысенковщина нанесла громадный моральный ущерб стране, опозорила советскую науку. Главные корни лысенковщины кроются в бескультуре, малограмотности, некомпетентности...»¹⁰².

Пророчески предвидя, к чему может привести продолжительное пребывание «народного» академика на посту президента ВАСХНИЛ, академик Д.Н.Прянишников в письме наркому земледелия СССР, секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Андрееву в январе 1945 г. писал, что во главе Академии стоит «командир, типа ротного командира “доброго” старого времени, не терпящий расхождения с ним во мнении по всем наукам. При невероятном отсутствии образования

в области основного естествознания, сам он совершенно не осознает этого и вместо того, чтобы учиться, он склонен только поучать других, воображая, что президент должен сам руководить работами по всем наукам. Всякая инициатива подавлена и даже из вице-президентов ни один, имеющий самостоятельное мнение по своей специальности, не мог с ним ужиться. Поэтому я считаю, что всякий разговор с ним напрасной тратой сил. Единственный выход — смена руководства путем введения выборного начала.

При этом Прянишников отметил, что выборное начало должно быть применено ко всему составу ученых, поскольку «качественный уровень некоторых академиков, назначенных Черновым и Яковлевым», оставляет желать лучшего¹⁰³. И, казалось бы, как все просто! Надо было всего лишь посчитаться с мнением выдающегося ученого и не была бы опозорена советская биологическая наука, не был нанесен громадный моральный и материальный ущерб стране, сельскому хозяйству... Но для этого надо было освободиться от сталинизма, породившего лысенковщину, которая расцвела пышным цветом в условиях агонизации сталинского режима, подхлотившего к последней черте.

Репрессивные акции развивались по восходящей линии. Напомню хронологию последующих (после августовской сессии 1948 г.) событий: разоблачение «антипатриотической группы театральных критиков» (статья в «Правде» 28 января 1949 г.); «ленинградское дело», раскручивавшееся с 1949 по 1952 г., когда были репрессированы (вплоть до расстрелов) многие партийные и хозяйственные руководители, освобождены от работы свыше 2 тыс. человек, и к организации которого был причастен Маленков¹⁰⁴; «дело» Еврейского антифашистского комитета, рассмотренное по личной инициативе Сталина военной коллегией Верховного Совета СССР в мае-июне 1952 г., а все участники процесса (за исключением академика Лины Штерн) обвинены в шпионаже и расстреляны¹⁰⁵; наконец, «дело врачей-вредителей» (1953 г.), о котором уже шла речь.

Так, отнюдь не триумфально, дойдя до последней черты, когда, выражаясь словами Ленина, «верхи» не могли управлять по-старому, а «низы» не хотели жить по-старому, сходил со сцены прогнивший сталинский тоталитарный режим. А что дальше? Очередной социальный взрыв и потрясения или приход к власти мирным путем реформаторов, которые смогут разрядить ситуацию на основе проведения назревших демократических (социально-экономических, а отчасти и политических) реформ, страна получит мощный импульс для своего дальнейшего развития? Ответ на этот вопрос мог быть получен только после отстранения от власти или смерти диктатора.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС РЕФОРМАТОРА И ЕГО РЕФОРМ (1953-1958 гг.)

1. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА. ПОБЕДА Н.С.ХРУЩЕВА. УКРЕПЛЕНИЕ ЕГО ВЛАСТИ ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА ПАРТИИ И ИЮньСКОГО ПЛЕНУМА 1957 ГОДА

Шкуру неубитого медведя наследники Сталина стали делить, примеряя на себя, еще при жизни диктатора, но своего накала борьба между претендентами достигла после 5 марта 1953 г. А на 5 марта на 20 часов еще при жизни вождя было назначено совместное заседание пленума ЦК КПСС, Совета Министров и Верховного Совета СССР. Через 40 минут заседание кончилось, а Сталин умер в 21 час 50 минут. Еще живого его лишили поста председателя Совета Министров, а вместо него рекомендовали Г.М.Маленкова. Состав президиума ЦК КПСС, увеличенный генсеком до 25 человек, сократили до 11; Хрущеву предписали «Сосредоточиться на работе в ЦК КПСС», т.е. возглавить работу аппарата; КГБ и МВД СССР объединили в одно Министерство внутренних дел во главе с Л.П.Берия¹.

Основным претендентом на лидерство был Маленков, его и назначили главой правительства. По традиции он, как Сталин, должен был председательствовать на заседаниях президиума и пленумов ЦК КПСС; Хрущев же с марта по сентябрь 1953 г. был одним из секретарей ЦК, но фактически выполнял обязанности первого секретаря; Берия являлся первым заместителем Маленкова в правительстве и министром объединенного с КГБ Министерства Внутренних дел. После того, как Маленков выступил первым на Красной Площади в день похорон Сталина и стал председательствовать на заседаниях президиума и пленумов ЦК КПСС, сомнений ни у кого не осталось, что именно он является первым наследником Сталина. А.А.Андреев на июльском 1953 г. пленуме ЦК, назвав Маленкова преемником Сталина, аргументировал это так: «Вы являетесь председателем Совета Министров, пост который занимал т. Сталин». В ответ на это раздались голоса: «Правильно», сопровождаемые «бурными аплодисментами»².

Хрущев пока оставался в тени. Но после устранения Берия его авторитет стал быстро расти. Именно он, проявив большое мужество, взял на себя опасную инициативу в организации заговора

членов президиума ЦК против Берии, который мог в любую минуту, опираясь на органы КГБ и МВД, располагая компроматом-досье на всех членов президиума, занять место Сталина. Это понимали большинство старых и новых членов высшего органа партии, так или иначе поддерживавших Хрущева; даже Маленков, состоявший в близких отношениях с Берия, дал согласие принять участие в заговоре. Примечательно, что уже на склоне жизни Хрущев заметил, что самым важным своим деянием считает не XX съезд, не разоблачение культа личности (это вынужден был бы сделать любой на его месте), а ликвидацию бериевщины. И, видимо, был прав.

Однако, когда дело дошло до конкретных действий, Маленков не проявил ни смелости, ни решительности при аресте Берии. Нарушил намеченный сценарий, едва не сорвав операцию; Хрущев же в этот критический момент был на высоте, решительно действовали военные во главе с маршалом Г.К.Жуковым. Видимо, прав был Сталин, не раз упрекавший во время ночных застолий Маленкова в «бесхребетности» и непростительной «мягкости». «Диктатор, считает Волкогон, — не мог видеть в этом женоподобном, рыхлом человеке своего преемника»³.

В то же время более собранным и целеустремленным был Маленков, когда еще до победы над «монстром» начинал неспешную, «вялотекущую» десталинизацию. Сознывая свою ответственность перед партией и страной как глава правительства и де-факто лидер партии (формально к середине марта было провозглашено так называемое коллективное руководство), он уже 10 марта 1953 г. дал руководителям идеологических служб такую негласную установку: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности»⁴. А с 19 марта, всего через две недели после смерти Сталина, после грандиозного пропагандистского «оплакивания» вождя, ни газеты, ни журналы больше не писали о Сталине. В адрес ЦК пошел поток писем обескураженных граждан, требовавших объяснить ситуацию. А ЦК молчал, но продолжал действовать в том же направлении. В апреле руководитель ТАСС Н.Г.Пальгунов получил директиву из Кремля воздержаться от публикации в средствах массовой информации подготовленного материала, посвященного 50-летию создания Сталиным Кавказского Союза РСДРП; министру финансов А.Г.Звереву было дано указание в проект его доклада о бюджете на 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР внести изменения принципиального характера: часть денег снять с тяжелой индустрии и оборонной промышленности и направить в сельское хозяйство, легкую промышленность, а заодно отказаться от цитирования Сталина, в частности, его работы «Экономические проблемы социализма в СССР»; 22 апреля в опубликованных «Правдой» традици-

онных Призывах ЦК КПСС к 1 мая имя Сталина даже не упоминалось; 9 мая в закрытом постановлении президиума ЦК партии «Об оформлении колонн демонстрантов и зданий» предлагалось отказаться от использования во время праздника портретов лидеров партии⁵.

Маленков решился даже на крайнюю меру — предложил немедленно, в апреле 1953 г., созвать внеочередной пленум ЦК, специально посвященный культу личности Сталина, подготовив проекты своего выступления и решения пленума. И в самом деле, вопрос назрел, надо было открыто объяснить гражданам, что происходит, почему изменилось отношение к Сталину. Однако инициатор не был поддержан коллегами, а подготовленные документы автор использовал в докладе и в заключительном слове на июльском 1953 г. пленуме, рассматривавшем вопрос о Берия⁶.

Отдавая должное Хрущеву в устранении Берии, президиум ЦК поручил ему вести пленум. Доклад Маленкова содержал серьезную критику ситуации, сложившейся в партии в начале 50-х годов: годами не собирались пленумы ЦК, политбюро перестало нормально функционировать, XIX съезд собрался через 13 лет после XVIII съезда. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии», принятый по представлению МВД СССР (т.е. Берии) он назвал «совершенно правильным», но подчеркнул, что «Берия подходил к этому мероприятию со своих позиций, имел свои планы на этот счет, проводил эту меру с вредной торопливостью и захватил контингенты, которых не надо было освобождать, например, воров-рецидивистов».

Хрушев в пространном выступлении, превысившем по своему объему в 1,5 раза доклад Маленкова (по существу это был содоклад), попытался даже в какой-то мере оправдать Сталина: «Мы все уважаем товарища Сталина, но годы свое берут. В последнее время товарищ Сталин бумаг не читал, людей не принимал, потому что здоровье у него было слабое. И это обстоятельство использовал прохвост Берия очень ловко. Он крепко впился своими грязными лапами в душу товарища Сталина, он стал навязывать свое мнение товарищу Сталину».

В увязке с Берия Хрушев затронул и некоторые проблемы сельского хозяйства. Вот, например, такие рассуждения: «Это — провокатор. Он считал, — чем хуже, тем лучше. Вы знаете, что товарищу Маленкову было поручено наблюдать за сельским хозяйством. Берия, демонстрируя внешне свою дружбу с товарищем Маленковым, на деле тормозил вопросы, которые вносились по сельскому хозяйству, чтобы подрывать колхозы. Кроме этого, он преследовал цель действовать против т. Маленкова. В результате многие отрасли

сельского хозяйства в запущенном состоянии: молока мало, мяса мало. А какой же коммунизм, если нет лепешек и масла?» Голос из президиума: «Картофеля не хватает». Хрушев: «Картофеля мало. Это делалось для того, чтобы свалить вину на других... Это был провокатор, крупный провокатор»⁷.

Заключительное слово Маленкова оказалось более содержательным и аргументированным по сравнению с докладом. Прежде всего потому, что он должен был отвечать на некоторые острые вопросы, поставленные выступающими. Например, такой пассаж А.А.Андреева: «Появился откуда-то вопрос о культе личности... Ведь он решен давным давно в марксистской литературе, он решен в жизни, миллионы людей знают, какое значение имеет гениальная личность, стоящая во главе движения, какое значение имели и имеют Ленин и Сталин, а тут откуда-то появился вопрос о культе личности. Это проделка Берия... Он делал все, чтобы имя тов. Сталина похоронить и чтобы легче прийти к власти... Я не сомневаюсь, что под его давлением вскоре после смерти тов. Сталина вдруг исчезает в печати упоминание о тов. Сталине».

К.Е.Ворошилов поддержал эти рассуждения Андреева репликой «Правильно!»⁸.

Маленков должен был защищать свои позиции и линию поведения после смерти Сталина. Это была своего рода подготовка к программному выступлению премьера на V сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г.

Вот основные положения его заключительного слова с акцентом на аграрную сферу.

В последний период жизни Сталина и непосредственно после его смерти положение дел в политбюро как в руководящем коллективе было явно неблагополучно. Политбюро уже длительное время нормально не функционировало, было подменено тройками, пятерками и т.п., работавшими по поручению Сталина. Культ личности Сталина принял болезненные формы, методы коллективности в работе были отброшены. Все мы молчали потому, что «до абсурда довели культ личности, и наступила полная бесконтрольность». И в то же время Маленков критиковал прокультистские выступления Андреева и Тевосяна, которые, подчеркнул он, «говорили неправильно», и «поэтому мы должны внести ясность в этот вопрос». Хрушев поддержал Маленкова репликой: «Некоторые не выступавшие вынашивают такие же мысли»⁹.

Премьер, крайне критически оценив положение дел в сельском хозяйстве, определил ряд неотложных мер, направленных на его подъем. Напомнив, что Сталин не только отклонил предложение Комиссии ЦК партии по подъему животноводства, но и потребовал

увеличить налоги в деревне на 40 млрд. руб., заметив: «Отставание в ряде отраслей сельского хозяйства является, прежде всего, следствием недостаточной заинтересованности колхозников в увеличении производства отдельных культур, в развитии животноводства. Поэтому для дальнейшего подъема сельского хозяйства мы обязаны решить этот коренной вопрос об обеспечении материальной заинтересованности колхозов и колхозников в увеличении всех продуктов сельского хозяйства. Для обеспечения дальнейшего подъема сельского хозяйства потребуются дальнейшие капиталовложения. На это мы обязаны будем пойти».

Он раскритиковал решение о Большом Туркменском канале как «непродуманное, принятое без предварительных расчетов, больших затратах на его строительство и экономической неэффективности». «Все эти вопросы решались единолично, без обсуждения в руководящих органах партии и государства, без учета мнения руководителей и населения Средней Азии». А когда развернулось осуществление этого сумасбродного проекта «выяснилось, что канал этот с системой орошения будет стоить 30 миллиардов рублей. В совершенно незаселенный район канала придется переселять людей из обжитых районов Средней Азии, где у нас еще очень много не используемых земель, исключительно пригодных для развития хлопководства. Разве не ясно, что мы должны исправлять подобные ошибки, явившиеся следствием... перехода на метод единоличных безапелляционных решений...».

А далее Маленков дал совершенно иную, в отличие от своего доклада на XIX съезде партии, оценку работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Положение Сталина о продуктообмене, — подчеркнул он, — «выдвинуто без достаточного анализа и экономического обоснования... Оно, если его не поправить, может стать препятствием на пути решения важнейшей еще на многие годы задачи всемерного развития товарооборота... Это большой и сложный вопрос, затрагивающий интересы миллионов людей, интересы всего нашего экономического развития и его надо было тщательно взвесить, всесторонне изучить, прежде чем выдвигать перед партией, как программное предложение»¹⁰.

Подобного рода «переоценка ценностей» была свойственна большинству участников пленума. Но следует все же подчеркнуть главное: глава правительства решительно осудил культ личности Сталина и твердо высказался за развитие рыночных отношений между городом и деревней, против которых не менее решительно возражал дряхлеющий вождь.

Но несомненно пиком реформаторства Маленкова, в частности в аграрном секторе экономики, являлась речь его как главы прави-

тельства на V сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г., основные положения которой уже начали осуществляться. Следует особо подчеркнуть, что премьер выступал от имени правительства и ЦК партии, что неоднократно отмечалось в его речи, в центре внимания которой был государственный бюджет на 1953 год — третий год пятой пятилетки. С докладом по этому вопросу выступил министр финансов А.Г.Зверев, сообщивший, что по указанию правительства в бюджет были внесены изменения принципиального характера. «Правительство и Центральный Комитет партии, — пояснил Маленков, — считают необходимым значительно увеличить вложения средств на развитие легкой, пищевой и в частности рыбной промышленности, на развитие сельского хозяйства и поправить в сторону значительного увеличения задания по производству предметов народного потребления: шире привлечь к производству предметов потребления машиностроительные и другие предприятия тяжелой промышленности». В течение двух-трех лет предполагалось резко повысить обеспеченность населения продовольствием и промышленными товарами. А для этого — «Мы, прежде всего, должны позаботиться о дальнейшем развитии и подъеме сельского хозяйства, снабжающего население продовольствием, а легкую промышленность — сырьем»¹¹. А обоснование такое: «Теперь на базе достигнутых успехов в развитии тяжелой промышленности у нас есть все условия для того, чтобы организовать крутой подъем производства предметов народного потребления». Важнейшая задача — в кратчайший срок покончить с запущенностью сельского хозяйства, обеспечить быстрое развитие и укрепление отечественного хозяйства колхозов и на этой основе значительно увеличить выдачу денег и натуре на трудодни; повысить экономическую заинтересованность колхозов и колхозников в развитии сельского хозяйства. Предлагались в этой связи такие кардинальные меры: уже в текущем году значительно повысить заготовительные цены на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, сдаваемых колхозами и колхозниками государству в порядке обязательных поставок; организовать в широких размерах государственные закупки излишков зерна, овощей, картофеля и животноводческой продукции по повышенным ценам; значительно снизить нормы обязательных поставок с личного подсобного хозяйства колхозника — денежный налог снизить в среднем в два раза с каждого колхозного двора и снять полностью недоимки по сельскохозяйственному налогу прошлых лет¹².

Маленков, не ссылаясь, однако, на свой доклад на XIX съезде партии, заявил, что результаты работы колхозов должны оцениваться не по видовой урожайности, а по фактическому сбору, «наша страна и наши колхозы могут быть богаты урожаем, собранным в

амбары, а не урожаем на корню». При этом он еще раз подчеркнул значение торговли при социализме и развития товарно-денежных отношений. Особенно резко глава правительства критиковал налоговую политику в деревне, приведшую к снижению доходов колхозников от личного подсобного хозяйства, сокращению численности поголовья скота, в частности коров, в приусадебном хозяйстве колхозника¹³.

Речь Маленкова, подкрепленная ссылками на подготовленные законодательные акты о снижении натуральных и денежных налогов на приусадебные хозяйства, повышении заготовительных цен и др. вызвала широкий общественный резонанс в деревне. Учительница М. Николаева писала Н.С.Хрущеву в ноябре 1956 г.: «Пусть Маленкова осудили за его доклад в августе 1953 г., но газету с этим докладом в деревне зачитывали до дыр, и простой бедняк-крестьянин говорил: “Вот этот за нас”»¹⁴. С мнением Маленкова сельские жители связывали начало аграрных реформ в сельском хозяйстве. И в общем-то не грешили против истины.

Это подтвердил, например, секретарь Тульского обкома КПСС Недосекин в своем выступлении на сентябрьском пленуме ЦК 1953 г. «Колхозники, рабочие МТС и совхозов, — сказал он, — с воодушевлением восприняли мероприятия нашей партии и государства, высказанные в речи т. Маленкова на V сессии Верховного Совета, а также принятый сессией Закон о сельскохозяйственном налоге. Seriously поднялась активность колхозников, значительно увеличились их выходы на полевые работы»¹⁵. С такими оценками выступали и другие участники пленума. Хрущев в это время никак не реагировал на такого рода выступления.

V сессия Верховного Совета, на которой выступал Маленков, приняла Закон о сельскохозяйственном налоге, который значительно улучшил ситуацию в деревне. По существу, это была коренная реформа сельхозналога, действовавшего с 1939 г. и предусматривавшего исчисление налога от общей суммы доходов колхозников, установленных сверху; доходы исчислялись от каждого вида сельскохозяйственных культур, включая плодовые деревья, ягодники, виноградники, а также от скота, ульев (пчелосемей) и т.д. Налоги были столь значительны, что колхозники вырубали плодовые деревья, отказывались от содержания домашнего скота. Новый закон предусматривал твердые ставки с каждой сотой гектара приусадебной земли (независимо от общей суммы дохода с личного хозяйства колхозников). Предусматривалось снижение суммы налога для тех колхозников, у которых не было коров, что способствовало накоплению средств на их обзаведение. Были также значительно

снижены нормы поставок продуктов животноводства и картофеля из личных хозяйств колхозников.

23 августа 1953 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О проведении работ по электрификации колхозов путем присоединения к государственным энергосистемам, промышленным и коммунальным электростанциям»¹⁶.

В докладе на сентябрьском пленуме 1953 г. «О мерах подъема развития сельского хозяйства СССР» Н.С.Хрущев воспроизвел основные положения речи Маленкова в августе 1953 г., а именно: «У нас не было возможности обеспечить одновременно развитие высокими темпами и тяжелой индустрии, и сельского хозяйства, и легкой промышленности. Для этого нужно было создать необходимые предпосылки. Теперь такие предпосылки созданы». «Советский народ под руководством Коммунистической партии создал тяжелую индустрию, являющуюся фундаментом социалистической экономики. Теперь, при наличии такого фундамента, имеется практическая возможность организовать крутой подъем всех отраслей легкой и пищевой промышленности, значительно расширить производство предметов народного потребления...». А для этого «надо двинуть вперед ускоренными темпами наше сельское хозяйство». К числу субъективных причин отставания сельского хозяйства он отнес «прежде всего нарушение в ряде отраслей сельского хозяйства принципа материальной заинтересованности»¹⁷, т.е. почти дословно повторил формулировки речи Маленкова. И никто против этого не возражал, что получило подтверждение в постановлении пленума, принятом 7 сентября¹⁸.

Сентябрьский пленум, рассмотрел и еще один вопрос, не нашедший отражения в официальных публикациях материалов пленума, — «Об избрании т.Хрущева первым секретарем ЦК КПСС». Представление от имени президиума ЦК сделал Маленков, председательствовавший на пленуме. Оно было весьма лаконичным, без обычного в таких случаях словословия. Он посетовал на то, что «в настоящее время у нас нет первого секретаря ЦК» и охарактеризовал Хрущева как «верного ученика Ленина и ближайшего саратника Сталина, обладающего огромным опытом в области партийного строительства и глубокими знаниями нашего народа». Решение об избрании было принято единогласно¹⁹.

Так завершился первый этап восхождения Хрущева на высшие ступени власти. Однако, это было по существу двоевластие, поскольку главой правительства и одним из наиболее влиятельных членов президиума ЦК оставался Маленков. К тому же Хрущев чувствовал себя недостаточно уверенно, не решившись даже публично объявить о своем избрании первым секретарем ЦК.

Второй этап начался и завершился в январе 1955 г. на пленуме ЦК, посвященном проблемам животноводства. Но был и еще один вопрос, объявленный участникам пленума только в момент его открытия — «О тов. Маленкове», внесенный президиумом ЦК. Члены пленума не знали, в чем суть этого вопроса и с какой целью он вынесен на заседание. Правда, в докладе по первому вопросу («Об увеличении производства продуктов животноводства») Хрущев в известной мере проанонсировал и содержание второго вопроса. Не называя Маленкова, он обрушился с резкой критикой «на отдельных товарищей», которые допускают путаницу в вопросе о темпах развития тяжелой и легкой промышленности в нашей стране, пытаясь доказывать, что на каком-то этапе социалистического строительства развитие тяжелой промышленности якобы перестает быть главной задачей и что легкая промышленность может и должна опережать все другие отрасли индустрии. «Это глубоко ошибочные, чуждые духу марксизма-ленинизма рассуждения, — возмущался Хрущев, — отрывка правого уклона»²⁰. Не трудно было догадаться, в чей огород забрасывался камень, и чем все это могло кончиться.

Обсуждение второго вопроса началось с того, что Хрущев (докладчик) зачитал проект постановления пленума, подготовленного президиумом, который исходил из того, что пленум «полностью одобряет» этот проект и считает, что «тов. Маленков не обеспечивает выполнения обязанностей председателя Совета Министров, плохо организует работу Совета Министров. Не проявил себя достаточно зрелым и твердым большевистским руководителем». А выступление его («доклад»), весьма сумбурное, напоминало обвинительное допросное досье органов госбезопасности. Вот основные пункты предъявленные главе правительства претензий:

- на V сессии Верховного Совета СССР выступил с речью, содержащей большие, но экономически малообеспеченные обещания, напоминавшие скорее парламентскую декларацию, рассчитанную на соискание дешевой популярности;

- допустил теоретически неправильное и политически вредное противопоставление темпов развития тяжелой промышленности темпам развития легкой и пищевой промышленности, выдвигал лозунг форсированного развития легкой промышленности;

- в своей речи на собрании избирателей 12 марта 1954 г. допустил теоретически ошибочное и политически вредное утверждение о возможности «гибели мировой цивилизации в случае, если империалистами будет развязана третья мировая война»;

- в течение длительного времени поддерживал близкие отношения с Берия, оказавшимся авантюристом и предателем, иногда являлся безвольным орудием в его руках;

- несет моральную ответственность за позорное «ленинградское дело», созданное Берия и Абакумовым;
- в течение ряда лет, руководя вопросами сельского хозяйства, несет политическую ответственность за серьезное отставание этой отрасли;
- после разделения постов председателя Совета Министров СССР и первого секретаря ЦК КПСС явно претендовал не только на руководство деятельностью Совета Министров СССР, но и на руководство президиумом ЦК²¹.

Тут уж, как говорится, каждое лыко в строку. Но главное все же последний пункт – Маленков, по утверждению Хрущева и согласившегося с ним пленума, претендовал и на пост первого секретаря ЦК, занимаемый Хрущевым. В это трудно поверить, исходя из того, что Маленков в сентябре 1953 г. рекомендовал Хрущева на эту должность. К тому же – и это было хорошо известно Хрущеву, – когда Андреев на июльском пленуме 1953 г. назвал Маленкова преемником Сталина, он резко возразил, заявив, что вопрос поставлен «неосторожно и явно неправильно», «никто один не смеет, не может, не должен и не хочет претендовать на роль преемника»²².

Полагаю, что и сам Хрущев так не думал, но, видимо, борьба за власть достигла своего апогея, глава партии решил, что пришла пора окончательно избавиться от опасного соперника, заменив его сначала «карманным» премьером (выбор пал на Н.А.Булганина), а через два года и он покинет этот пост, уступив «по совместительству» Хрущеву. Ну а что же Маленков? Георгий Максимилианович, видимо, пришел к заключению, что игра на данном этапе им проиграна. Он в целом признал свои ошибки, кое в чем попытался оправдаться. В частности, в том, что его выступление на V сессии Верховного Совета «по крупнейшим вопросам политики партии», хотя и было сделано «с согласия и ведома членов президиума ЦК, но оно должно делаться на основе решений партии ...такие вопросы должны решаться прежде всего на пленуме ЦК, опираться на научные основы марксистско-ленинской теории». С критикой Маленкова выступили П.К.Пономаренко, В.М.Молотов, Л.М.Каганович. Постановление было принято единогласно. Маленкова в награду за признание ошибок оставили членом президиума ЦК²³.

Победа Хрущева в борьбе за власть на этом этапе была внушительной, но далеко не окончательной. Впереди еще были XX съезд партии и особенно опасный для Хрущева июньский пленум 1957 г.

Очередной XX съезд партии собрался в феврале 1956 г. и, казалось бы, не предвещал никаких сенсаций. Неожиданности начались в декабре 1955 г., когда Хрущев на заседании президиума ЦК предложил создать рабочие комиссии по его подготовке, в том чис-

ле «комиссию по расследованию деятельности Сталина». С резкими возражениями выступили Молотов, Каганович, Ворошилов и особенно Молотов, заявивший, что расследовать деятельность Сталина — это значит ревизовать итоги всего огромного пути КПСС; зачем ворошить прошлое, кому это выгодно? Каганович не без основания заметил, что под ударом окажутся все соратники вождя: «Нам просто скажут: а где же вы были?». Хрушев пообещал, что будет рассматривать лишь «нарушения социалистической законности», а основная доля вины ляжет на Берия. Главой комиссии назначили секретаря ЦК КПСС академика П.Н.Поспелова, инструктажем которого занимался непосредственно Хрушев. Подготовленный проект доклада исходил из того, что Ленин и вся созданная им система не имеет никакого отношения к беззакониям и репрессиям; все дело в культе личности Сталина, виноват во всем он, а отчасти Ежов и Берия. Но даже такой вариант не устраивал Молотова, Кагановича, Ворошилова и др. Каганович предлагал перенести обсуждение доклада на XXI съезд; Молотов — продолжать «тихую десталинизацию», начатую Маленковым, — постепенно исправлять ошибки без их обнародования. Маленков высказался более осторожно, отметив, что доклад может вызвать в партии и народе чувство горечи и даже недовольства, создаст трудности для КПСС и зарубежных марксистско-ленинских партий. В то же время Хрушева поддержали не имевшие непосредственного отношения к сталинским репрессиям М.З.Сабуров, М.Г.Первухин, Н.А.Булганин и А.И.Кириченко²⁴.

13 февраля 1956 г. за день до начала съезда президиум ЦК принял решение о внесении на пленум ЦК предложения заслушать на закрытом заседании съезда доклад Хрушева «О культе личности и его последствиях». Пленум поддержал это решение, однако докладчика не удовлетворил проект доклада, подготовленного комиссией Поспелова, и он внес в него значительные изменения и дополнения. «Удалось установить, — пишет Волкогонов, — что Хрушев буквально жил этим докладом и готов был любой ценой довести его до делегатов съезда. Он внес большой личный вклад в подготовку доклада».

25 февраля глава партии выступил с ним на заключительном заседании съезда. Присутствовали только делегаты съезда с решающим и совещательным голосом. Доклад длился более четырех часов. «Делегаты слушали затаив дыхание, — вспоминал Хрушев. — В огромном зале стояла такая тишина, что можно было слышать, как муха пролетит. Трудно представить себе, насколько сильно были поражены люди, узнав о зверствах, чинившихся по отношению к членам партии»²⁵.

«Несколько делегатов, — писал И.Эренбург, — упали в обморок. Не скрою: слушая доклад я был потрясен, ведь, говорил не реабилитированный в кругу друзей, а первый секретарь ЦК на съезде партии»²⁶.

Разумеется, доклад Хрущева о культе личности, особенно, если его оценивать по прошествию многих лет, можно критиковать и за примитивность схемы и содержания, и за то, что сталинизм, в сущности, не был разоблачен, не прослежены его генезис и эволюция, за противопоставление сталинизма ленинизму, между которыми, как потом выяснилось, больше сходства, чем различий. за отсутствие ответа на наиболее актуальный для того времени вопрос — почему ближайшие сатрапы вождя молчали, когда именем партии осуществлялись беззакония и массовые репрессии. Из сталинских теоретических догм были раскритикованы лишь концепция о «врагах народа» и «теория» о росте сопротивления классовых врагов по мере успехов социализма. Но и это немало. Истина постигалась и осознавалась постепенно, общество, как показали последующие события, не могло, а порой и не хотело принять ее даже в том ограниченном объеме, который обсуждался в докладе Хрущева.

Чтобы переступить невидимую черту, разделяющую общество на всезнающих «вождей» и неосведомленные «массы», — пишет Е.Ю.Зубкова, — «мало было осторожной осмотрительности Маленкова. Здесь нужен был прорыв, прыжок в неизвестность, на который оказался способным лишь Хрущев. Да и то не сразу»²⁷. Своим докладом на закрытом заседании XX съезда Хрущев нанес сокрушительный удар по культу личности (пускай — в том виде, как его понимали в то время автор доклада и его единомышленники), взорвав вялотекущую десталинизацию, начатую Маленковым. Решившись на такое выступление, Хрущев проявил большое мужество и политическую волю, поскольку рисковал не только своей политической карьерой, но и жизнью.

Следует все же подчеркнуть, что, в отличие от широко практиковавшимся при Сталине таким закулисным формам определения политической линии и разяснения подлинной ситуации, как «закрытые письма ЦК», сверхсекретные «директивы — инструкции» и др., рассылаемые местным руководителям; засекреченные на десятилетия стенограммы пленумов ЦК с грифом «строго секретно», «снятие копий воспрещается», «подлежит возврату» и т.п., доклад о культе личности, хотя и был полностью опубликован в СССР только в 1989 г., все же не был совершенно недоступен для большинства граждан. Гриф «строго секретно» вскоре был заменен более либеральным «не для печати». Текст доклада зачитывался на собраниях активов и первичных парторганизаций, причем не возбраня-

лось задавать вопросы, обмениваться мнениями, не было строгого запрета (это автор знает из своего опыта) на фиксирование отдельных положений доклада, хотя и при соблюдении определенной осторожности, к тому же — и это вполне естественно для обстановки тех лет — на работе и дома шел открытый обмен мнениями вокруг доклада, а члены партии излагали его содержание знакомым и близким со своими комментариями. После того, что стало известно из доклада лидера партии, люди перестали бояться, система страха была разрушена. Более того, после сенсационных разоблачений Хрущевым культа личности Сталина, общество было вправе рассчитывать на дальнейшие реформы, требовать, прежде всего от Хрущева, решительных действий, радикальных перемен к лучшему.

А «прыжок в неизвестность» скоро обозначился, причем с совершенно неожиданной стороны для властей, включая и Хрущева — главного «возмутителя спокойствия». «После XX съезда, когда развернулись активные выступления, — призналась Е.А.Фурцева на собрании Московского партактива, — мы не были подготовлены к тому, чтобы дать отпор». Было даже дано указание временно прекратить чтение закрытого доклада Хрущева «во избежание происков западной пропаганды» и «для проведения более тщательной подготовительной работы среди коммунистов, у которых возникало в ряде случаев неправильное отношение к нездоровым высказываниям»²⁸.

Чтоже так напугало Фурцеву и других партийных боссов? На партийных собраниях и активах, в частности в Московской городской партийной организации, которую возглавляла Фурцева, в связи с обсуждением закрытого доклада Хрущева некоторые коммунисты ставили вопросы о необходимости более глубокой критики культа Сталина, анализа причин его возникновения и последствий. Вносились предложения созвать чрезвычайный съезд партии с постановкой вопроса о внутреннем положении в партии в связи и ошибками, допущенными созданием культа личности; пересмотреть состав руководящих кадров всех звеньев; обсудить деятельность Сталина и возможность посмертного исключения его из рядов партии; отстранить от руководящей работы пособников и соратников вождя. Это было уже слишком.

3 апреля 1956 г. президиум ЦК КПСС принял заимствованное из недавнего прошлого закрытое постановление «О враждебных вылазках на собраниях парторганизации технологической лаборатории АН СССР по итогам XX съезда»²⁹. 5 апреля «Правда» кратко пересказала его содержание. Все объяснялось тем, что «отдельные гнилые элементы» под видом осуждения культа личности «пытаются поставить под сомнение правильность политики партии»

путем «всякого рода измышлениям и антипартийным утверждениям». При этом, чтобы никто не сомневался, как было на самом деле, подчеркивалось, что «политика партии во все периоды была и остается ленинской политикой».

В борьбе за власть Хрущев после XX съезда партии еще больше укрепил свои позиции в «коллективном руководстве» и как лидер партии и в правительстве, особенно после замены Маленкова Булганиным. Но в то же время он должен был в той или иной степени считаться с побежденными соперниками, идти на разумный компромисс, а тем более после неожиданной для всего высшего руководства реакции «некоторых коммунистов и партийных организаций» на доклад о культе личности. Таким компромиссом, несомненно, явилось постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий».

Совершенно очевидно, что это постановление, с одной стороны, корректировало закрытый доклад Хрущева, делалась попытка в какой-то степени смягчить противоречия, разногласия между пришедшими к власти новыми руководителями во главе с Хрущевым, с ярыми сталинистами — Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, отчасти Маленковым, а, с другой — ставило заслоны-ограничители на пути «лево-радикальных» элементов (как теоретиков, так и практиков), сомневавшихся в правильности всей политики партии и советской власти, включая и ленинский период. Эпитеты для авторов подобных оценок уже были найдены — «гнилые», «анти-советские», «враждебные» элементы, а их действия заклеминены как «враждебные вылазки». Осталось спокойно, взвешенно, не перечеркивая «завоевания социализма», объяснить (а частично и оправдать) причины отступлений от правильного курса и нарушения социалистической законности (разумеется, временные, только при Сталине).

В спокойно-повествовательном тоне, без приведения страшных цифр и фактов, которыми был до предела насыщен доклад Хрущева, излагались причины, породившие культ личности Сталина (объективные и субъективные, а главное — игнорирование важнейших указаний ленинского завещания) и связанные с «этим явлением» ошибки и извращения; подчеркивалось непреходящее значение принятых «самой партией мер по восстановлению ленинских норм партийной и государственной жизни».

Была сделана попытка (весьма неуклюжая) дать ответ на постоянно возникавшие в различных аудиториях вопросы: почему «ленинское ядро» Центрального Комитета только после смерти Сталина стало на путь «решительной борьбы с культом личности и его тяжелыми последствиями?». Где было это «ленинское ядро» раньше

и было ли оно вообще до смерти Сталина? Почему эти люди не выступали открыто против Сталина и не отстранили его от руководства? А ответ такой: «Всякое выступление против него в тех условиях было бы не понято народом, и дело здесь вовсе не в недостатке личного мужества. Ясно, что каждый, кто бы выступил в этой обстановке против Сталина, не получил бы поддержки в народе». Кроме того, «отдельные ошибки и недостатки» «на фоне громадных успехов» «быстро возмещались колоссально нарастающими жизненными силами партии и советского общества»³⁰.

Приведенные формулировки как бы оправдывали и саму систему, опиравшуюся на культ личности Сталина и «ленинское ядро ЦК», не посчитавшее нужным или возможным (не во спасение ли собственной жизни?) восстать против этой порочной системы. Компромиссность и уязвимость этих положений бросается в глаза, как и то, что в целом постановление от 30 июня 1956 г. сделало шаг назад от доклада Хрущева о культе личности. В этом убеждают и последующие акции властей.

19 декабря 1956 г. ЦК КПСС принял «закрытое письмо» (теперь уже действительно закрытое) «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», недвусмысленно свидетельствовавшее о нарастании в обществе брожения умов, несмотря на предупреждающее постановление от 3 апреля 1956 г. и статью в «Правде» от 5 апреля; не полностью оправдались надежды и на постановление от 30 июня, призванное внести успокоение в общество.

В закрытом письме акцентировалось внимание на группах, подпавших под влияние чуждой идеологии, среди которых назывались представители творческой интеллигенции, студенты, люди не обладавшие достаточной политической зрелостью и открыто враждебные антисоветские элементы. В отношении последних подход оставался прежним: «диктатура пролетариата, — подчеркивалось в письме, — должна быть беспощадной к антисоветским элементам»³¹.

И это были отнюдь не только слова, хотя никакой серьезной опасности ни для Хрущева, ни для его противников в президиуме ЦК инакомыслящие не представляли в силу своей малочисленности, неорганизованности. Вслед за письмом по стране прокатилась волна арестов. Только в первом квартале 1957 г. к уголовной ответственности за «клевету на советскую власть» и «ревизионизм» были привлечены более 100 человек; от 6 до 10 лет заключения получили члены группы аспиранта МГУ Л.Н.Краснопевцева, выпустившие листовку с требованием суда над всеми сообщниками Сталина, отмены 58-й статьи УК РСФСР и др. В то же время начатый после XX съезда процесс реабилитации продолжался. С 1956 по 1957 г.

было реабилитировано свыше 500 тыс. человек, началось массовое освобождение политических заключенных, томящихся в лагерях³².

Хрушев, как видим, не стремился к свертыванию процессов активной десталинизации, хотя и исходил из того, что надо установить для них определенные рамки, не допускать крайностей. А основными его противниками, как показали дальнейшие события, оставались сохранявшие еще за собой влияние в президиуме ЦК наиболее близкие соратники Сталина — Молотов, Каганович, Маленков, отчасти Ворошилов, боявшиеся дальнейших разоблачений сталинского режима. Они все еще рассчитывали на смещение Хрущева с поста лидера партии и попытались это сделать в июне 1957 г.

На заседаниях президиума ЦК КПСС 18-19 июня члены этой группы поставили вопрос об отстранении Хрущева от власти, получив поддержку со стороны главы правительства Н.А.Булганина, уверовавшего в успех заговора, а также М.Г.Первухина и М.З.Сабурова, рассчитывавшими в блоке со старыми вождями укрепить свои позиции в высшем руководстве. На последнем этапе к заговорщикам присоединились Д.Т.Шепилов и К.Е.Ворошилов, опасавшийся личной ответственности за репрессии среди военных. В адрес лидера партии выдвигались обвинения в нарушении коллективного руководства, кадровом своеволии, авантюристичности ряда акций экономической политики, прежде всего сельского хозяйства (неоправданное форсирование освоения целинных земель, увлечение посевами кукурузы, выдвижение популистских лозунгов и призывов по животноводству и др.). Большинство из этих обвинений были справедливыми, однако заговорщики, выдвигая их, преследовали прежде всего политические цели, ибо Хрушев, по их мнению, слишком далеко зашел в разоблачении сталинского режима, демократизации общества.

Примечательно, например, что все участники заговора хранили молчание на февральско-мартовском пленуме ЦК 1954 г., когда обсуждалась и была утверждена (разумеется, единогласно) программа освоения целинных земель, а затем принимались партийно-правительственные решения об удвоении и утроении площади распашки целины, причем каждый раз отмечались выдающиеся заслуги Хрущева в решении этой задачи; никто не осмеливался поставить вопрос о пагубности расширения посевов кукурузы вплоть до северных районов страны, когда можно было сократить до разумных пределов масштабы этой акции, опираясь на механизм «коллективного руководства», о котором никогда не забывали напоминать члены ЦК и его президиума; и т.д. и т.п.

К тому же вопрос об отставке первого секретаря на президиуме ЦК был поставлен в нарушение Устава партии: это была компетен-

ция пленума ЦК. Тем не менее состоялось голосование: «за» отставку проголосовало 7 членов президиума «против» — 4. Однако Хрущев, опираясь на поддержку КГБ (И.А.Серова), Министерства обороны (Г.К. Жукова) и аппарата ЦК срочно собрал пленум ЦК КПСС, который после недельной дискуссии (22-29 июня) решил вопрос в пользу Хрущева, решительно осудив «как несовместимую с ленинскими принципами нашей партии, фракционную деятельность антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова» и вывел их из состава членов президиума ЦК (Шепилова из кандидатов в члены президиума)³³.

В дальнейшем все члены группы были исключены из партии и переведены на второстепенные должности в народном хозяйстве, Молотов направлен послом в МНР, Шепилов возглавил Институт экономики Киргизской Академии Наук.

В дополнение к сказанному подчеркну, что, пожалуй, решающую роль на заседании пленума сыграло выступление маршала Г.К.Жукова, поставившего вопрос о непосредственной ответственности Молотова, Маленкова и Кагановича за преступные репрессии 30-40-х гг. В этой связи им впервые были приведены документальные данные о массовых репрессиях 1937-1938 гг., заимствованные из документов Военной коллегии и Верховного суда. Всего в стране было арестовано свыше 1,5 млн. человек, из них расстреляно 681,7 тыс. Маршал отверг попытки членов группы переложить всю ответственность за эти репрессии на Сталина.

До Жукова с сообщением о деятельности «антипартийной группы» (фактически антихрущевской) выступил М.А.Суслов, предъявивший всем ее участникам многочисленные обвинения, однако без каких-либо серьезных доказательств и попыток анализа. Речи участников «прений» (более 60 человек, а записалось более 200) носили остро критический, а точнее погромный характер, «провинившимся» не давали говорить, перебивая почти каждое их слово бесконечными репликами, вопросами, различного рода замечаниями. Хрущев в своем заключительном слове отверг все критические замечания и претензии в свой адрес, обвинив фракционеров в противостоянии линии партии, курсу, выработанному XX съездом, в попытках расколоть партийное руководство в корыстных целях³⁴.

Пленум фактически вывел Хрущева из-под критики, объективно подтвердив обоснованность его претензий на установление личной диктатуры. В этом основной итог июньского пленума 1957 г. «Коллективное руководство» юридически и фактически уступило место диктатуре авторитарной власти лидера партии, а с марта 1958 г. — и главы правительства. Подчеркну, что никакого культа личности не только в народе, но и в партии у Хрущева не было и не

могло быть, да и он к этому не стремился. А о возрождении сталинского тоталитаризма не могло быть и речи, даже если гипотетически допустить победу группы Маленкова – Молотова – Кагановича.

2. СЕНТЯБРЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК КПСС 1953 ГОДА. ЦЕЛИННАЯ ЭПОПЕЯ: РАЗРАБОТКА, ПРИНЯТИЕ И НАЧАЛО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПЕРВОЙ ХРУЩЕВСКОЙ «СВЕРХПРОГРАММЫ»

Знаменитый сентябрьский пленум ЦК КПСС, провозгласивший новый курс аграрной политики страны, инициатором и непосредственным разработчиком которого был Н.С.Хрущев, готовился в крайне сжатые сроки (вторая половина августа – начало сентября), без особой огласки, узкой группой лиц. Это, помимо Хрущева, были его помощники и советники по сельскому хозяйству: А.Шевченко, Г.Шуйский, Д.Шепилов, В.Поляков, академик ВАСХНИЛ И.Лаптев. Работали, не покладая рук, в здании ЦК на Старой площади на пятом «хрущевском» этаже. По мере необходимости связывались с теми или иными ведомствами и организациями, консультировались с начальником ЦСУ В.Н.Старовским, требуя от него предоставления объективных данных³⁵.

Как уже отмечалось, были использованы в «позитивном плане» основные положения и выводы, содержащиеся в речи Г.М.Маленкова на V сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г., постановления, принятые в связи с этим выступлением главы правительства, а также отвергнутые Сталиным предложения комиссий ЦК партии по сельскому хозяйству 1950-1952 гг. Все это значительно облегчило подготовку документов к сентябрьскому пленуму. Разумеется, Хрущев в докладе на пленуме, даже не упоминал о такого рода источниках, а в дальнейшем решительно отмежевывался от положений и выводов речи Маленкова якобы противоречившим линии партии.

Однако некоторые ораторы, как уже отмечалось, в той или иной мере восстановили справедливость. Среди них – секретарь Московского обкома партии Михайлов, отметивший позитивное влияние на развитие сельского хозяйства выступления Маленкова; Воронежский обком партии, по словам возглавлявшего его Жукова, после выступления Маленкова принял ряд мер по вопросам сельского хозяйства, сыгравших положительную роль; министр сельского хозяйства и заготовок Козлов сказал, что выработанные за последнее время ЦК партии и правительства крупные меры по сель-

кому хозяйству, получившие развитие в докладе Хрущева, создают благоприятные условия для быстрого развития отрасли³⁶.

В докладе Н.С.Хрущева на пленуме «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», сделанного 3 сентября и длившегося 4 часа, был дан достаточно глубокий и объективный анализ состояния сельского хозяйства страны, выделены объективные и субъективные причины его серьезного отставания. А главная причина определена весьма точно: «партия последовательно проводила курс на всемерное развертывание тяжелой промышленности» в ущерб, как всем было хорошо известно, развитию сельского хозяйства. Сталин еще в июле 1928 г. выдвинул тезис о том, что крестьянство в интересах подъема индустрии должно платить «сверхналог», «нечто вроде дани», недополучая по заготовительным ценам за свою продукцию и переплачивая на высоких ценах за товары промышленности. Правда, объяснил генсек, эта мера «вынужденная и временная»³⁷. Однако, к этому вопросу вернулись только спустя четверть века, уже после смерти диктатора. Теперь, сказал Хрущев, предпосылки для восстановления баланса между городом и деревней созданы, мы имеем возможность высокими темпами развивать и тяжелую индустрию, и сельское хозяйство, и легкую промышленность.

Правильно была определена докладчиком и основная субъективная причина отставания сельского хозяйства — нарушение принципа материальной заинтересованности колхозников в своей работе, не было (ссылка на Ленина), «личной заинтересованности» в работе; остался только «энтузиазм, рожденный великой революцией». Энтузиазма, рожденного революцией, тоже поубавилось. Нарушались важнейшие положения Устава сельхозартели, причем особо подчеркивалось, что грубо попирались интересы колхозника в ведении личного подсобного хозяйства. А в результате — резкое сокращение поголовья скота в приусадебном хозяйстве, колхозники стали уходить в город, на производство. Докладчик не побоялся привести данные о численности поголовья скота в стране в 1953 г. по сравнению с 1916 и 1928 г., свидетельствующие о том, что по основным показателям мы «по существу не перешагнули дореволюционный уровень». Однако в опубликованном в печати тексте доклада этот вывод был опущен. Точно также поступили с приведенными цифрами о продуктивности животноводства в СССР и в западных странах (средняя годовая удойность молока на одну корову в кг: в СССР 1378, в Швейцарии и Швеции — 2900, в Дании — 3400, в Голландии — 3800)³⁸.

Не менее сенсационно выглядели и данные о потреблении продуктов питания в развитых капиталистических странах и в СССР за

1952 г. и о рациональных нормах потребления этих продуктов, разработанных Академией Медицинских наук и одобренных Министерством Здравоохранения, которые также были изъяты из опубликованного текста доклада. Вот эти данные³⁹.

**Потребление продуктов питания в капиталистических странах
за последние годы и по СССР за 1952 г.
(на душу населения, кг в год)**

	США	Англия	Франция	СССР
Хлеб, мука	78	103	117	180-200
Картофель	52,2	108	129	190
Молоко и молочная продукция	345	335	243	159
Мясо и сало	81,4	56,8	59	24
Яйца (шт.)	379	220	215	70
Рыба	10,8	20,0	18,1	7,3
Масло растит.	10,1	10,9	6,3	3,7
Сахар	42,3	37	23	16,2
Овощи и бахчевые	127	63	143	60
Фрукты	90	43	34	16

**Примерные нормы рационального питания
(на душу населения, кг в год)**

Мука, крупа, макаронные изделия	121
Картофель	114
Овощи и бахчевые	141
Молоко и молочная продукция	540
Мясо и сало	65
Яйца	360 шт.
Рыба и рыбная продукция	18,6
Масло растительное	3,83
Сахар	31,4

Таким образом, как и до революции, основным продуктом питания населения, тем более сельского, были хлеб и картошка. «Преимущества» социализма почти не просматривались. «Особое значение, — делал вывод докладчик, — приобретает задача улучшения питания населения. Надо поставить перед собой задачу достичь такого уровня потребления продуктов питания, который исходит из научно обоснованных норм питания...»⁴⁰.

Рассуждения Хрущева носили отнюдь не абстрактно-декларативный характер. В целях повышения материальной заинтересованности колхозов и колхозников в росте урожайности сельскохо-

зяйственных культур и развитии общественного животноводства, заявил он, Совет Министров СССР и президиум ЦК КПСС признали необходимым повысить существующие заготовительные и закупочные цены на продукты животноводства, картофель и овощи. Заготовительные цены на скот и птицу, сдаваемые государству в счет обязательных поставок, повышались более чем в 5,5 раз, на молоко и масло — в 2 раза, на картофель — в 2,5 раза, на овощи — на 25-40%. Это, безусловно, был прорыв в советской заготовительной политике, крайне консервативной, остававшейся неизменной на протяжении десятков лет. Кроме того, снижались нормы обязательных поставок государству, а излишки продукции у колхозников предполагалось закупать по более высоким закупочным ценам путем договоров о контрактации.

Хрущев не только подтвердил начатое при Маленкове снижение норм обязательных поставок государству продукции животноводства приусадебными хозяйствами колхозников, хозяйствами рабочих и служащих, но и пошел по этому пути еще дальше, а с января 1958 г. поставки были отменены полностью — небывалая мера за всю предыдущую историю колхозного строя. «Повышение заготовительных и закупочных цен, снижение норм обязательных поставок, — с полным основанием подчеркнул докладчик, — имеют большое значение для усиления материальной заинтересованности колхозов и колхозников в дальнейшем подъеме сельского хозяйства». При этом он четко расставил акценты соотношения «общественного» и «личного». «Главным путем решения животноводческой проблемы, — разъяснил он, — был и остается путь подъема общественного животноводства» и в то же время «наличие скота в личной собственности колхозного двора является не помехой, а подспорьем к общественному животноводству и, следовательно, выгодно как для колхозников, так для колхозов и государства». Принятый же недавно Верховным Советом СССР новый закон о сельскохозяйственном налоге «создал условия для повышения заинтересованности колхозников в обзаведении скотом»⁴¹.

Сентябрьский пленум взял твердый курс на повышение интенсификации сельского хозяйства, рассматривая его как основной фактор подъема всех его отраслей. «Повышение урожайности, — подчеркнул Хрущев в докладе на пленуме, — главная задача в земледелии. В этом направлении надо осуществить ряд важных и неотложных мероприятий». Среди них назывались повышение культуры земледелия, введение и освоение севооборотов и конечно же улучшение работы МТС и усиление их роли в развитии колхозного производства для чего выделялись дополнительные средства. В животноводческой отрасли упор делался на улучшение кормовой ба-

зы, улучшение ухода за скотом и т.д. Ставилась задача создания в МТС постоянных квалифицированных кадров, для чего все колхозные механизаторы зачислялись в штаты МТС, т.е. становились рабочими государственных предприятий со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме того, в МТС для обслуживания колхозов направлялись 100 тыс. агрономов и зоотехников с высшим и средним образованием, высвобождающихся в результате реорганизации сельскохозяйственных министерств и их местных органов в республиках. Ставилась задача добиться такого положения, чтобы каждый колхоз обслуживался агрономом, а крупный колхоз — агрономом и зоотехником.

Впрочем, тоталитарное мышление продолжало исходить из того, что никак нельзя обойтись и без партийных надсмотрщиков, специально отобранных и направленных в деревню для контроля за исполнением партийных директив. «Почему бы сейчас, — предложил Хрущев, — не кликнуть клич от партии, не призвать лучших людей из города, скажем тысяч 50 коммунистов и направить их на усиление работы в деревне?». И отобрали, и направили. Признали необходимым в целях устранения обезлички и безответственности в руководстве колхозами и МТС «иметь в райкоме на каждую МТС группу работников во главе с секретарем райкома партии, которая должна вести партийно-политическую работу в МТС и в обслуживаемых ею колхозах»⁴². А опыт таких направлений был давно отработан: в 1929 г. посылали в колхозы 25 тыс. коммунистов, в 1933 г. в политотделы МТС и совхозов — 17 тыс. Теперь масштабы изменились, потребовалось не менее 50 тыс. партработников-горожан, которые, как и посланцы 1929 и 1933 гг., не разбирались в вопросах сельского хозяйства.

Примечательно, что уже в докладе на сентябрьском пленуме проявилось, пока в зародыше, такая отнюдь не положительная черта Хрущева-политика, курировавшего сельское хозяйство, как навязывание с высоких трибун съездов и пленумов, всесоюзных совещаний работников сельского хозяйства своих советов и рекомендаций вселенского масштаба по поводу применения тех или иных методов возделывания культур, какие культуры надо и какие не следует сеять и т.д. и т.п., с последующим поручением партаппарату строго контролировать реализацию этих «советов» и «рекомендаций». Вот, например, каким образом предполагал Хрущев в докладе на сентябрьском пленуме быстро и успешно решить проблему механизации возделывания картофеля и овощей, в самом деле весьма актуальную «Вопрос механизации картофеля, — уверял он, — это прежде всего вопрос о способе его посадки. Проблему механизации мы не решим, если не перейдем к более прогрессив-

ному способу посадки картофеля и овощей, позволяющему полностью механизировать междурядную обработку. Есть ли у нас такой способ? Да, есть. Это квадратно-гнездовой способ».

И еще одна рекомендация: «Одним из важных средств повышения урожайности овощных культур является выращивание рассады в торфоперегнойных горшочках... К сожалению, сельскохозяйственные органы почти ничего не сделали для повсеместного выращивания рассады в торфоперегнойных горшочках. Там, где применяется этот метод, добиваются чудесных результатов». И уже тогда, в докладе на сентябрьском пленуме, Хрущев особо отметил ценные кормовые качества кукурузы, посетовал на то, что в СССР, даже в районах ее наилучшего произрастания, она занимает крайне небольшие площади⁴³.

Вспоминается, как нас, аспирантов исторического факультета МГПИ им. В.И.Ленина, тотчас после пленума срочно направили в один из подмосковных колхозов производить маркировку поля для посадки картофеля новым методом... А вот воспоминания министра сельского хозяйства Латвии А.А.Никонова, сопровождавшего в инспекционной поездке по сельским районам республики высокого гостя из аппарата ЦК КПСС. В течение дня, пишет Никонов, мы посетили десяток колхозов и в каждом из них посланец ЦК задавал только три вопроса: «сколько посеяли кукурузы, на какой площади картофель посажен квадратно-гнездовым способом и сколько оставлено разовых свиноматок». «Кукуруза, квадратно-гнездовой метод и торфо-перегнойные горшочки, — делает вывод Никонов, — стали элементами аграрной политики партии. Аппарат строго следил за неуклонной реализацией этих мер»⁴⁴.

В плане осуществления разработанных сентябрьским пленумом мер по подъему сельского хозяйства важную роль сыграли два постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Первое из них «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» было принято 9 марта 1955 г., второе — «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели», — 6 марта 1956 г.

Постановление о планировании призвано было коренным образом изменить практику планирования сельского хозяйства, хотя основной принцип — централизованное государственное планирование как основа советской системы планирования — сохранился, но несколько видоизменился: он должен был сочетаться с хозяйственной инициативой мест, расширением прав колхозов и совхозов. В постановлении справедливо подчеркивалось, что чрезмерная централизация планирования и наличие большого количества по-

казателей, устанавливаемых для колхозов, МТС и совхозов «не вызывается государственной необходимостью». Для того, чтобы обеспечить государство всеми видами сельскохозяйственной продукции «совсем не требуется из центра доводить до колхозов и совхозов планы посевов по всем культурам, планировать все виды скота и количество поголовья, не предоставляя возможности колхозам и совхозам проявлять инициативу в более правильном и инициативном ведении хозяйства». А ведь на этом настоял и зафиксировал в своем постановлении февральский пленум 1947 г. — первый пленум по сельскому хозяйству после окончания Великой Отечественной войны. Абсурдный по своей сущности порядок планирования, когда центр определял колхозам какие культуры и в каких размерах нужно сеять, какие виды скота и в каких количествах необходимо содержать, противоречил здравому смыслу, во многом предопределяя нерациональное ведение хозяйства.

Новый порядок планирования исходил из того, что отправным началом должен быть объем товарной продукции, а планирование должно начинаться непосредственно в колхозах совместно с МТС и в совхозах; оно должно вестись не по количеству засеянных гектаров той или иной культуры и не по количеству голов скота в стаде, а по полученной продукции полеводства и животноводства. Поскольку колхозы сдавали государству в виде обязательных поставок, натуроплаты и закупок только часть производимой ими продукции, новое планирование создавало для колхозов большие возможности для повышения производительности труда, проявления хозяйственной инициативы, создания и рационального использования резервов производства⁴⁵.

Постановление от 6 марта 1956 г., исходя из того, что со времени принятия в 1935 г. II съездом колхозников Примерного устава сельскохозяйственной артели прошло более 20 лет, что этот документ во многом устарел, не соответствовал реалиям новой жизни, задачам, вытекающим из решений сентябрьского пленума, рекомендовало общим собраниям колхозников вносить изменения и дополнения в свои конкретные уставы, с учетом местных условий, в частности, устанавливать размеры приусадебных участков с учетом трудового участия трудоспособных членов колхозной семьи в общественном хозяйстве артели, определять количество скота, находящегося в личном пользовании колхозного двора, обязательный минимум выработки трудодней, всемерно использовать принцип материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного хозяйства и т.д.⁴⁶ Новые уставы после регистрации в райисполкоме становились основным законом деятельности колхо-

зов, их соблюдение являлось обязательным для всех членов данного хозяйства.

После сентябрьского пленума были приняты и другие законодательные акты, направленные на развязывание инициативы колхозников, повышение правового статуса колхоза как кооперативной организации. Наибольшее значение по своим последствиям имела реорганизация машинно-тракторных станций на основе решений февральского 1958 г. пленума ЦК партии и закона Верховного Совета СССР от 31 марта 1958 г., в результате которых колхозы как непосредственные производители сельскохозяйственной продукции получили в свое полное распоряжение технику, было ликвидировано противоречие между «двумя хозяевами на одной земле»; следствием этой реформы явилась кардинальная реорганизация системы государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов: отменены (начиная с 1958 г.) обязательные поставки колхозов и натуроплата МТС; введены государственные закупки на основе договоров государства с колхозами, предусматривавшие значительное повышение цен, в том числе и на зерновую продукцию⁴⁷. (Подробнее об этом см. § 4 настоящей главы).

В то же время некоторые законы и постановления в аграрной сфере экономики не всегда находились в русле курса сентябрьского пленума и даже противоречили ему. Среди них можно назвать и постановления об освоении целинных и залежных земель.

* * *

Грандиозная программа освоения целинных и залежных земель на Востоке страны стала разрабатываться и осуществляться сразу же после сентябрьского пленума ЦК КПСС. Инициатором и основным разработчиком ее был неутомимый в своих поисках Н.С.Хрушев. Судя по всему, идея массового освоения целины родилась в голове реформатора в дни работы сентябрьского пленума, а общий план ее осуществления впервые был им изложен на встрече с делегацией Казахстана, участвовавшей в работе сентябрьского пленума. Уже в ранге первого секретаря ЦК КПСС Хрушев встретился с этой делегацией, возглавляемой первым секретарем республиканской компартии Ж.Шаяхметовым. Вот что рассказал об этом своем выступлении на февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС 1954 г. сменивший Шаяхметова на посту первого секретаря ЦК Компартии Казахстана П.К.Пономаренко: «После сентябрьского пленума ЦК КПСС, — сказал он, — все первые секретари обкомов вместе с руководителями республики были приняты в ЦК КПСС». Хрушев, для которого было очень важно точно зафиксировать эту

«судьбоносную дату», прервал его репликой: «Это было на второй день после пленума» (т.е. 9 сентября 1953 г. — *И.З.*). «Тов. Хрущев, — продолжал Пономаренко, — указал на то, что в республике не обращается должного внимания на использование огромных земельных богатств, что руководство республики не развивает на этой основе сельское хозяйство. Перед Казахстанской партийной организацией была поставлена важнейшая задача значительного увеличения производства зерна путем освоения высокоплодородных целинных и залежных земель»⁴⁸.

Как видим, это был не диалог, а монолог лидера партии, давшего указание партийным руководителям республики развернуть работу по освоению новых земель, во всяком случае, быть готовыми к решению этой задачи в самое ближайшее время. А вскоре, 22 января 1954 г., Хрущев направил записку в президиум ЦК КПСС озаглавленную «Пути решения зерновой проблемы», к которой были приложены: проект постановления «Об увеличении производства зерна в 1954-1955 годах за счет освоения залежных и целинных земель»; Докладная записка Госплана, Министерства сельского хозяйства, Министерства совхозов и Министерства заготовок по этому вопросу; записка академика Т.Д.Лысенко по вопросу об урожайности зерновых культур на залежных и целинных землях; статьи, опубликованные в газетах, о практике колхозов и совхозов по освоению залежных и целинных земель⁴⁹. При подготовке своей записки Хрущев использовал предоставленные ему по его поручению материалы докладной записки перечисленных ведомств, авторами которых были С.Демидов, И.Бенедиктов, Л.Корниец, П.Лобанов, А.Козлов, В.Мацкевич, Т.Юркин. В частности, задания по освоению целинных и залежных земель на 1954-1955 гг. и расчеты по урожайности были им определены на основе этих материалов. В то же время в последующие годы перечисленные авторы предусматривали значительное снижение темпов распахивки новых земель, сосредоточение внимания на их культурном освоении (проведение мелиоративных работ, строгое соблюдение агротехнических приемов, в том числе применение чистых паров и т.п.). При этом подчеркивалось, что естественное плодородие целинных и залежных земель можно использовать только в течение нескольких лет после начала их освоения. Однако эти рекомендации специалистов Хрущевым не были учтены⁵⁰.

В записку о путях решения зерновой проблемы Хрущев внес существенные уточнения и дополнения в связи с оценкой ситуации в зерновой отрасли, данной им в докладе на сентябрьском пленуме. Там он исходил в целом из того, что «мы в общем удовлетворяем необходимые потребности страны по зерновым культурам в том

смысле, что страна наша в основном обеспечена хлебом, мы имеем необходимые государственные резервы и осуществляем в определенных размерах экспортные операции по хлебу»⁵¹.

На первое место по отставанию, которое приобрело затяжной характер, было поставлено животноводство (2-й раздел доклада), а далее, как о «следующем неотложном вопросе», говорилось об увеличении производства и заготовок картофеля и овощей (3 раздел). И только в конце доклада (4-й раздел) был поставлен вопрос о повышении урожайности зерна, причем снова речь шла и о «серьезных достижениях», в частности о том, что «мы в сравнительно короткий срок восстановили зерновое хозяйство, пострадавшее от войны», что «многие колхозы и целые районы собирают по 150-200 пудов пшеницы с гектара»⁵². Только один участник пленума, В.М.Молотов, напомнил о не соответствующем реальной действительности заявлении Маленкова на XIX съезде партии, что зерновая проблема в стране решена, «окончательно и бесповоротно», что «муку мы пока продаем не во всех городах»⁵³.

В записке в президиум ЦК КПСС от 22 января 1954 г. Хрущев выдвинул зерновую проблему на первое место среди проблем сельского хозяйства, требующих неотложного решения. «Дальнейшее изучение состояния сельского хозяйства и хлебозаготовок, — так он начал свое послание, — показывает, что объявленное нами решение зерновой проблемы (явный намек на заявление Маленкова на XIX съезде ЦК ВКП(б)) не соответствует фактическому положению дел в стране с обеспечением зерном». Выводы о решении зерновой проблемы, разъяснил Хрущев, делались на основе данных видовой оценки урожая, которая значительно превышала фактический сбор зерна. В этой связи приводились такие цифры: в 1952 г., по данным о видовой урожайности, в стране было собрано 8 млрд. пуд., а фактически (данные годовых отчетов колхозов и совхозов) она составила всего 5,6 млрд. пуд. Урожайность на корню («видовая»), определяемая межрайонными инспекторами, корректировалась с учетом плановых заданий по заготовкам, подгоняясь под заданные цифры по натуроплате. Иначе говоря, видовая урожайность была выше фактического сбора зерна не только на возможные потери урожая, но и за счет произвольных поправок⁵⁴.

В связи с ростом городского населения и реальной заработной платы, писал Хрущев, из года в год увеличивался расход хлебопродуктов внутри страны. Возникло несоответствие между количеством зерна, поступавшего в распоряжение государства, и ростом потребностей. В 1953 г. сложилась критическая ситуация: было фактически заготовлено 1850 млн. пуд., примерно столько же, что и из урожая 1948 г. (1842 млн.), а фактически было израсходовано на снаб-

жение населения 1926 млн. Этот разрыв, а также расход на экспорт привели к необходимости разбронирования зерна из государственного резерва в количестве 160 млн. пуд., что, по мнению Хрущева, «является недопустимым». «Сейчас перед страной стоит задача — изыскать возможности резкого увеличения производства зерна, с тем чтобы государство имело в своих руках в ближайшие годы по заготовкам и закупкам 2500 — 2600 млн. пуд. зерна продовольственных, фуражных, крупяных и зернобобовых культур»⁵⁵.

А основной вывод такой — «Важный и совершенно реальным источником увеличения производства зерна является расширение в ближайшие годы посевов зерновых культур на залежных и целинных землях в Казахстане, Западной Сибири, а также частично в районах Поволжья и Северного Кавказа и проведение мероприятий по всемерному повышению урожайности во всех районах страны». В 1954-1955 гг., по мнению Хрущева, имелась возможность увеличить посевы зерновых культур в районах освоения новых земель на 13 млн. га, из них в колхозах 8,7 млн. и совхозах — 4,3 млн. га. Даже если, прикидывал он, принять сбор с одного гектара вновь освоенных земель только 10-11 ц, то мы получим дополнительно 800-900 млн. пуд. хлеба, из них товарного (по обязательной поставке, натуроплате, закупкам и сдаче хлеба совхозами) — 500-600 млн. В то же время есть все основания принимать в расчет сбор зерна «в размере не менее 14-15 ц с гектара» и тогда валовой сбор зерна достигнет 1100-1200 млн. пуд., а товарная часть — 800-900 млн.⁵⁶ Второй вариант, основанный на совершенно нереальной урожайности, был, видимо, навеян запиской Лысенко, его оптимистическими прогнозами об урожайности на целинных землях.

В целом анализ автора записки состояния зернового производства в стране в соотнесении с насущными потребностями государства и населения представляется весьма глубоким, аргументированным, а предложенные пути решения зерновой проблемы, выхода из создавшейся критической ситуации, разумными, заслуживающими серьезного внимания и всестороннего обсуждения. Однако бросается в глаза явная нестыковка предложенной «сверхпрограммы» с утвержденным сентябрьским пленумом и начавшемся энергично осуществляться новым курсом аграрной политики. В самом деле, в постановлении пленума даже намек не было на расширение посевных площадей в том числе и в районах Юго-Востока, Казахстана, Западной Сибири, ставилась задача «всемерно развивать зерновое хозяйство» путем «дальнейшего повышения урожайности». Иначе говоря, основой развития земледелия должны были стать факторы интенсификации. В докладе на сентябрьском пленуме Хрущев как бы сгладил, вольно или невольно обошел болевые точ-

ки зерновой отрасли, а в записке обнажил их до предела. А ведь оба документа разделяет между собой всего 3-4 месяца.

Правда, в записке говорилось не только об освоении целинных и залежных земель на Востоке, но и о «проведении мероприятий по повышению урожайности во всех районах страны», но совершенно очевидно, что освоение новых земель на огромной территории (сначала предполагалось в 1954-1955 гг. освоить не менее 13 млн. га, затем к концу 1956 г. еще не менее 15 млн., доведя их до 28-30 млн., потом замахнулись на 40 и более млн.) связано с отвлечением основных средств от других земледельческих районов, в частности Нечерноземья. Некоторые историки считают даже, что решения сентябрьского пленума после принятия курса на освоение целинных земель «были по существу заблокированы»⁵⁷. На мой взгляд, можно согласиться с оценкой Л.И.Брежнева – одного из активных участников целинной эпопеи, который в своих воспоминаниях о целине заметил, что программа, разработанная на сентябрьском пленуме, не могла обеспечить немедленного успеха, особенно в решении главной задачи – производства зерна⁵⁸. Иначе говоря, курс на всемерную интенсификацию, взятый сентябрьским пленумом 1953 г., был дополнен, а в известной степени и пересмотрен решениями последующего пленума.

Надо сказать, что Хрущев отдавал себе полный отчет в отношении существенной и, на первый взгляд, довольно неожиданной корректировки курса предыдущего пленума. Наиболее полную аргументацию в этой связи он высказал в речи на пленуме ЦК КПСС 23 июня 1954 г., а основной аргумент – зерновую проблему нужно решать быстро и без больших затрат. «Мы должны выиграть время. Нам надо не только получить как можно больше хлеба, но и затратить на получение этого хлеба как можно меньше времени. Для того, чтобы получить нужное количество хлеба в центральных областях страны, потребуется не менее 10 лет... Надо иметь заводы, производящие в достаточном количестве минеральные удобрения... А в Казахстане, в Сибири мы получим самый дешевый хлеб... Если же пойдем по линии огромных капиталовложения в сельское хозяйство нечерноземных областей, мы не справимся с задачей, не выполним данного нами обещания – резко поднять наше сельское хозяйство»⁵⁹. Так что никакой (субъективной) недооценки Нечерноземья в связи с освоением целины у Хрущева не было. Это был его осознанный выбор на основе собственных размышлений при молчаливом согласии ближайшего окружения. Для решения зерновой проблемы был выбран «восточный вариант». Мнение же «инакомыслящих» ученых и специалистов в расчет не принималось. Точно также действовал Сталин в конце 20-х – начале 30-х

годов, когда разрабатывалась и принималась инициированная им первая советская программа массового освоения целинных земель⁶⁰.

Остается, правда, открыт вопрос, почему Хрущеву мысль о таком видоизменении курса сентябрьского пленума пришла вскоре после его окончания, а точнее через два дня после завершения работы партийного форума. Вряд ли можно допустить, что истинное положение с зерновой проблемой в стране Хрущев уяснил только после пленума. Скорее всего, для того, чтобы поставить острейший, во многом дискуссионный, вопрос о массовом освоении целины, ему надо было окончательно укрепить свое положение как главы партии, а это произошло только в последний день работы пленума. Но даже и после этого не все пошло так гладко, на что он, видимо, надеялся. Первого, и наиболее серьезного оппонента своей программы Хрущев встретил в лице первого секретаря ЦК КП Казахстана Ж.Шаяхметова и членов бюро этого органа. Продолжим в этой связи цитирование выступления П.К.Пономаренко на февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС: «Указания ЦК КПСС (Н.С.Хрущева 9 сентября 1953 г. — *И.З.*) и критика в адрес ЦК КП Казахстана не были доведены до Казахской партийной организации. Шаяхметов на пленуме ЦК, посвященном итогам сентябрьского пленума... ни одного слова не сказал о поставленной ЦК КПСС задаче по освоению целинных и залежных земель». Эта задача «вообще не была доведена до Казахской парторганизации... Я думаю, что здесь проявилась известная незрелость. Товарищи оказались в плену отсталых настроений, которые в Казахстане еще среди кое-каких работников сельского хозяйства коренятся. Они говорили, что распашка целинных и залежных земель приведет к нарушению интересов коренного казахского населения так как лишает выпасов скота. Эта нелепая, изжившая себя вреднейшая теория или взгляд были на IX пленуме ЦК и на VII съезде Компартии Казахстана разоблачены и опрокинуты. В настоящее время в республике разворачивается работа по осуществлению заданий партии и правительства»⁶¹.

Столкнувшись с «недопониманием» своей идеи об освоении целинных земель со стороны Шаяхметова и членов бюро, а затем и с открытым саботажем его указаний, Хрущев стал действовать старым аппаратным способом: на пленуме ЦК КП Казахстана, а затем и на съезде подверг «остракизму» инакомыслящих, в кратчайшие сроки заменив руководителей Казахстана, причем, в нарушение сложившихся канонов, не выдвинул даже на эти посты представителей коренной национальности: на должности первого и второго секретарей ЦК КП Казахстана были рекомендованы и вскоре ут-

верждены президиумом ЦК КПСС белорус П.К.Пономаренко (первым секретарем) и украинец Л.И.Брежнев (вторым секретарем), который сменил на этом посту И.И.Афонова.

30 января на заседании президиума ЦК была рассмотрена записка Хрущева и, разумеется, одобрена. Хрущев спешил: смена руководства Казахстана и одобрение записки должно было произойти до начала работы пленума ЦК, назначенного на конец февраля 1954 г. Вот калоритные свидетельства Брежнева об этих событиях: «Началось все в морозный московский день 1954 года, в конце января, когда меня вызвали в ЦК КПСС... Массовый подъем целины хотят поручить именно мне. Начать его в Казахстане надо ближайшей весной, сроки самые сжатые, работа будет трудная — этого не стали скрывать. Но добавили, что нет в данный момент более ответственного задания партии, чем это. Центральный Комитет считает нужным направить туда нас с П.К.Пономаренко.

Суть в том, услышал я, что дела в республике идут неважно. Тамашнее руководство работает по старинке. Новые задачи ему, как видно, будут не по плечу. В связи с подъемом целины нужен иной уровень понимания всего, что там предстоит в этих обширных степях свершить. Главное, что нам поручалось, — обеспечить подъем целины».

«30 января 1954 г. состоялось заседание президиума ЦК, обсуждившее положение в Казахстане и задачи, связанные с подъемом целины. Через пару дней я вылетел в Алма-Ату»⁶².

В феврале 1954 г. Брежнев был избран вторым секретарем, а в августе 1955 г. первым секретарем ЦК Компартии Казахстана. Новым руководителям республики «пришлось вести принципиальную полемику с теми специалистами, которые утверждали, что в Казахстане в связи с распашкой части сенокосов и пастбищ в районах целины будто бы сократится производство животноводческих продуктов. Практика опровергла доводы этих специалистов». Так сказано в кратком биографическом очерке о Брежневе. Однако сам Брежнев в феврале 1956 г. в речи на XX съезде КПСС невольно подтвердил правоту своих оппонентов: «Следует, однако, сказать, что положение с развитием животноводства в Казахстане продолжает оставаться напряженным и пока неудовлетворительным..., за что Центральный Комитет КПСС совершенно справедливо подверг критике работу партийной организации Казахстана»⁶³. Об этом предупреждали вынужденные уйти со своих постов Шаяхметов и Афионов.

Итак, решать новые ответственные задачи по освоению целины, с которыми не могло справиться старое руководство, было поручено двум «варягам». Нетрудно догадаться, с кем беседовал Брежнев

перед отъездом в Казахстан. Более удивительно то, что все эти ответственные перемещения происходили за месяц до февральско-мартовского пленума 1954 г., которому предстояло заслушать и обсудить доклад Хрущева «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» и принять грандиозную хрущевскую «сверхпрограмму», державшую в напряжении всю страну на протяжении ряда лет. Но самое удивительное и неожиданное, что практическая работа по еще неутвержденной программе широко развернулась с осени 1953 г., а за день до открытия пленума Хрущев выступил на собрании первого отряда комсомольцев Москвы и Московской области, уезжавших на освоение целины⁶⁴.

Но в принципе ничего удивительного для советской эпохи не было, поскольку «кулуарный отсчет» рубежей целинной эпопеи начался, как уже отмечалось, значительно раньше, до «судьбоносного» пленума ЦК. Напомню, что первой точкой отсчета реализации не принятой еще программы явились указания Хрущева, данные им казахстанской делегации 9 сентября 1953 г., второй — его записка в президиум ЦК КПСС от 22 января 1954 г., а третьей, на этот раз публичной — Обращение ЦК КПСС ко всем избирателям, опубликованное 11 февраля 1954 г., в котором целый абзац посвящался освоению целинных земель — назывались районы ее освоения, говорилось о большом значении этой меры, о почетном долге молодежи принять участие в этой акции, и после этого пошел поток писем добровольцев, желающих ехать на целину (за месяц до опубликования решения февральско-мартовского пленума!).

Разумеется, новый партийный руководитель Казахстана, назначенный Хрущевым, полностью поддержал его программу. Бывший военный, генерал-лейтенант, возглавлявший в годы войны Центральный штаб партизанского движения, по существу, взял под козырек, пообещав, не вникая в детали этой сложной проблемы, точно и в срок выполнить приказ. «Казахстан должен освоить под посевы зерновых культур, — говорил он, — 6,3 млн. га целинных и залежных земель (из 13 млн. — *И.З.*). Возможности для решения этой задачи есть». Он предложил даже Украине соревноваться с Казахстаном, кто больше вырастит и сдаст хлеба государству. Хрущев своей репликой поддержал это предложение, заметив, что Казахстан должен обогнать Украину, но «за вексель нужно платить»⁶⁵. Через полтора года, в августе 1955 г., не выполнив обязательства, он должен был уйти в отставку, первым секретарем ЦК КП Казахстана, как отмечено выше, стал Брежнев, сумевший продержаться на этом посту тоже полтора года, до большего урожая, и отбыл в Москву.

Избавившись от своих основных оппонентов накануне судьбоносного для страны пленума, заручившись стопроцентной поддержкой новых лидеров Казахстана – основного участника целинной эпопеи, Хрущев все же не смог даже на пленуме избежать острых критических замечаний против разработанной при его непосредственном участии программы, прежде всего со стороны ученых, специализирующихся по проблемам засушливого земледелия. Один из них – директор Почвенно-Агрономической станции имени В.Р.Вильямса профессор М.Г.Чижевский. Обращаясь с трибуны съезда лично к Хрущеву, он предостерег его от возможности превращения «великолепнейших земель в Сибири, Казахстане, на Урале в сплошные заросли сорняков, с которыми очень трудно бороться». «Надо учесть, – подчеркнул ученый, – печальный опыт совхозов Зернотреста, которые вели хозяйство с бессистемными посевами и привели к тому, что многие земли оказались сильно засоренными». Он рекомендовал с самого начала освоения целины внедрять паровые севообороты, многолетние травы, сочетать зерновое производство с животноводством. Полемизируя с Лысенко, он заметил: «Нельзя трафаретно пахать только на 20 см. Солончаковые земли надо пахать мельче, менять характер подготовки почвы к посевам»⁶⁶.

Известный опытник, почетный академик ВАСХНИЛ Т.С.Мальцев, исходя из опыта Урала, предложил пахать без выворачивания почвы, без отвалов, на глубину заделки семян; обрабатывать почву хотя и мелко, но культурно, что позволит получать урожаи до 20 ц; подчеркнул, что очень большое значение имеют пары; поставил вопрос об изготовлении орудий пахоты применительно к целине. А президент ВАСХНИЛ Т.Д.Лысенко, как всегда, давал некомпетентные рекомендации: пахать глубоко, хорошо переворачивая пласт, а для этого «удлинить отвалы плугов путем привинчивания двух железных пластин». Правда, обратил внимание и на Нечерноземную зону России, советовал проводить известкование подзолистых почв по разработанной им методике.

Откровенно развязным, беспардонным в отношении ученых было выступление «горячего защитника целины» начальника Томского управления сельским хозяйством Серпенинова. Он сказал буквально следующее: «Я второй раз слушаю здесь наших ученых Эдельштейна, Якушкина, Чижевского... Товарищи готовят высококвалифицированные кадры специалистов, но беда в том, что они подотстали немножко от непосредственной практики..., самое непосредственное производство подзабыли, оторвались от практических нужд. Надо их послать на производственную практику, хотя бы месяца на четыре в колхозы». Хрущев, однако, не прервал оратора,

ничего не сказал о его «рекомендациях» ученым и в заключительном слове. По-видимому, рад был даже такой «поддержке».

А реакция его на выступления Мальцева и Чижевского проявилась тотчас после пленума. В начале июня 1954 г. первый секретарь совершил инспекционную поездку в Казахстан, о результатах которой тотчас сообщил в записке в президиум ЦК КПСС (5 июня 1954 г.). В ряде мест, отметил он, «пахота проводится некачественно», «ибо при вспашке не достигается переворачивание пласта, что является совершенно недопустимым»⁶⁷. Таким образом, он среагировал лишь на рекомендации Лысенко.

Эти указания вскоре продублировал непосредственным исполнителям II пленум ЦК КП Казахстана (июль 1954 г.), работавший под руководством Пономаренко и Брежнева. Обсуждался вопрос о ходе выполнения постановления февральско-мартовского пленума ЦК КПСС. Были даны такие директивы по вопросам агротехники: «Установить строжайший контроль за качеством вспашки земель, за правильным оборотом пласта, не допуская мелкой пахоты, пахоты без предплужников... Организовать вслед за вспашкой новых земель обязательное их дискование и боронование, обеспечивающих хорошую разработку пласта...». *Все как в дурном сне: компетентные ученые дают одни рекомендации, а политики настаивают на реализации прямопротивоположных. В своих воспоминаниях Брежнев с горечью заметит: «есть более страшный враг для земли, чем плуг и сорняк, — это навязывание ей всевозможных рекомендаций». Но закончит на победной ноте: «Одним из многих моих дел на посту генерального секретаря ЦК КПСС была поддержка почвозащитной системы земледелия на целине, разработанной советскими учеными во главе с А.И.Бараевым. Теперь эта система внедрена...»*⁶⁸.

Уже после пленума, 5 августа 1954 г., проф. Чижевский обратился к Хрущеву с запиской, в которой, ссылаясь на проведенные Почвенно-Агрономической станцией опыты, сообщил, что разработанные Мальцевым для условий Курганской области система обработки почвы «заслуживает самого пристального внимания» применительно к целинному земледелию. Он полностью поддержал Мальцева в том, чтобы наша промышленность наладила выпуск орудий для безотвальной обработки почвы. Эти предложения также были проигнорированы⁶⁹.

На пленуме присутствовал и выступил министр сельского хозяйства Латвии 36-летний А.А.Никонов — будущий маститый экономист-аграрник, академик, президент ВАСХНИЛ, директор Аграрного института РАСХН. Вот его мнение о выступлении П.К.Пономаренко, оцененное уже с учетом опыта последующих

лет. «Только что избранный на пост первого секретаря ЦК КП Казахстана... он обрушился с критикой на казахстанских ученых — почвоведов, обвинив их в национализме за то, что те представили такую почвенную карту, из которой следует: не все целинные земли можно пахать... Следуя бездумным командам, мы вскоре получим взрыв пыльных бурь, потеряем на огромных площадях пахотный слой и спровоцируем образование первой на европейском континенте пустыни на землях Калмыкии и Нижнего Поволжья... Процесс освоения целинных земель пошел стремительно, в него включились все структуры партии, комсомола и государства, но в этой эйфории голос ученых, к сожалению, потонул, что сыграло зловещую роль: природа всегда мстит за насилие над нею... Тогда шведские газеты писали, что на тротуарах Стокгольма лежит слой русского чернозема. А надо было просто прислушаться к почвоведом. Они землю знают лучше комсомольских и партийных работников». В то же время Никонов пришел к выводу, что «решение об освоении целинных земель не было ошибкой. Но осваивать их нужно было последовательно, закрепляя сделанное, переходя на научно обоснованную систему хозяйства, не допуская спешки и безжалостности к природе»⁷⁰. С этим нельзя не согласиться.

Таким образом, Хрущев не только не прислушался к голосу ученых — специалистов в области засушливого земледелия, но и по существу отверг их рекомендации, что имело самые негативные последствия. В то же время, пожалуй, главная его ошибка состояла в том, что по его команде масштабы освоения целины нарастали, как снежный ком. Никонов очень точно заметил: «процесс освоения целинных земель пошел стремительно». Едва февральско-мартовский пленум выдвинул как важнейшую государственную задачу в 1954-1955 гг. расширение посевов зерновых культур за счет освоения залежных и целинных земель не менее чем на 13 млн. га и получение с этих земель 1,1-1,2 млрд. пуд. зерна, как неутомимый реформатор уже в июне 1954 г. в речи на пленуме ЦК КПСС, исходя из того, что ни у кого не вызывает сомнения, что 13 млн. гектаров новых земель будут вспаханы и засеяны, дал указание дополнительно освоить еще 15 млн. га. «Нужны ли нам еще 15 млн. гектаров? — задал он риторический вопрос». И ответил: «Да, товарищи, нужны». При этом не скрывал, что не все с этим согласны: «Одни товарищи говорят: нельзя ли обождать, так как еще 13 млн. не освоили, а уже собираемся новые 15 млн. гектаров осваивать? Не сократит ли это поставку новой техники для районов Центральных Нечерноземных областей?». И отвечал: «безусловно сократит», но «мы должны выиграть время», поэтому основные капитальные

вложения, технику надо направлять в Казахстан и Сибирь на освоение новых земель⁷¹.

И вот уже 13 августа 1954 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают постановление о том, чтобы уже в 1956 г. довести посевы зерновых культур на вновь осваиваемых землях до 28-30 млн. га, а 7 января 1955 г., напутствуя комсомольцев и молодежь города Москвы, уезжавших на освоение целины, Хрущев сказал: «Я обращаю ваше внимание на цифру 30 млн. Она лучше, чем 28, потому, что больше, а стало быть и хлеба соберем больше»⁷². Освоение целины велось методом штурма. Так было и в годы первой пятилетки.

Л.И.Брежнев в воспоминаниях о целине отнес всю т.н. «антипартийную группу», разоблачением которой занимался июньский пленум 1957 г., к противникам «ярым, не желавшим даже слышать о целине», подчеркнув при этом, что «лишь они» были таковыми в отличие от «заблуждавшихся, честно сомневавшихся или чрезмерно осторожных людей»⁷³. Однако в опубликованном постановлении пленума «Об антипартийной группе Маленкова Г.М., Кагановича Л.М., Молотова В.М.» в связи с целиной претензии были предъявлены одному Молотову, который «проявляя консерватизм и косность, не только не понял необходимости освоения целинных земель, но и сопротивлялся делу подъема 35 млн. га целины, которое приобрело такое огромное значение в экономике нашей страны»⁷⁴.

Для прояснения ситуации обратимся к теперь уже опубликованной стенограмме этого пленума. В чем же Молотова обвиняли конкретно? «Сельскохозяйственные генералы» припомнили, что говорил Молотов на заседаниях президиума ЦК КПСС, когда обсуждались проблемы целины. Вот что было ими сказано. Министр совхозов СССР И.А.Бенедиктов: Молотов говорил, что это мероприятие слишком дорогое, целесообразнее вложить деньги в районы центральной полосы; министр заготовок Л.Р.Корниец, обращаясь к Молотову: вы говорили, стоит ли рисковать, оттягивая средства с районов, где мы получаем гарантированный хлеб; министр сельского хозяйства В.Б.Мацкевич: Молотов утверждал, что наша главная линия – повышение урожайности, не хотел разобраться в этом вопросе по существу; министр совхозов РСФСР Т.А.Юркин: Молотов мне задавал вопрос, будет ли хлеб на целинных землях, а на мой утвердительный ответ сомнительно качал головой⁷⁵. «Аргумент» Юркина по существу уже исходит из принципа «каждый должен бросить камень в отступника».

А сам «оппозиционер», оправдываясь, говорил, что не был принципиальным противником целины. Это подтверждается и тем,

что Молотов не выступал на февральско-мартовском пленуме, да и вообще все эти претензии предъявлялись «по случаю», задним числом в связи с разоблачением «антипартийной группы» (фактически — антихрущевской). Видимо, Молотова, по классификации Брежнева, можно отнести к «чрезмерно осторожным», «сомневающимся» в целесообразности проведения столь быстрой и масштабной акции. Впрочем, сомнения Молотова в этой связи не случайны: в апреле 1928 г. он вошел в состав комиссии политбюро по подготовке решения ЦК ВКП(б) об организации новых (зерновых) совхозов — инициированной Сталиным первой советской программы массового освоения целинных земель. Решение, естественно, было принято, однако на заседании комиссии с серьезными критическими замечаниями и контрпредложениями выступили известные ученые — аграрники, специалисты. Их замечания и предложения не были учтены, а Сталин в докладе на XVI съезде партии назвал этих ученых псевдоучеными, многие из них были репрессированы. А к концу первой пятилетки стало очевидно, что программа освоения целины провалилась. И только тогда вспомнили о рекомендациях ученых и специалистов и с большим опозданием приступили к их реализации⁷⁶. Молотов, конечно, не забыл об этих событиях, не хотел чтобы они повторились. Однако Хрущев проигнорировал его предупреждение на президиуме ЦК в январе 1954 г., а в 1957 г. воспользовался этим обстоятельством, чтобы обвинить своего политического противника в антипартийных действиях.

В то же время в 1954 г. Хрущев никаких политических обвинений в адрес смещенных им руководителей Казахстана не предъявил. «Бывший первый секретарь ЦК Компартии Казахстана тов. Шаяхметов, — отметил он в докладе на пленуме, — я думаю, честный человек..., но для такой большой республики он был руководителем слабым... Пленум ЦК Компартии Казахстана решил укрепить руководство республики...»⁷⁷.

Остановимся на некоторых вопросах, связанных с началом освоения целинных земель в Казахстане, на долю которого приходилось более половины введенных в оборот новых земель. Воспользуемся в этой связи книгой Ф.Т.Моргуна «Думы о целине» (М., 1968 г.), автор которой, начиная с весны 1954 г., на протяжении более 11 лет работал в Северном Казахстане, пройдя путь от директора целинного совхоза до секретаря обкома партии и начальника Целинного краевого управления сельского хозяйства. Приводимые в книге статистические и иные данные, свидетельства личного характера, сами по себе являются ценнейшим, во многом уникальным источником.

Надо сказать, что в первые 3-4 года после начала пахоты, пока сохранялось накапливаемое веками естественное плодородие целинных земель, никаких проблем чрезвычайного характера (типа эрозии почвы, пыльных бурь, зарослей сорняков и т.п.) перед целинниками не возникало. И не случайно поэтому основная часть казахстанской целины (12,7 млн. га, по данным 5 областей Севера республики) была поднята в 1954-1955 гг., а дальше пошло резкое снижение: в 1956 г. было распахано 0,8 млн. га, в 1957 г. — 0,4 млн., в 1958 г. — 1,3 млн. га. Но сразу стало ясно, что это зона «рискованного земледелия»: после урожайности в 1954 г. 9,3 ц с га, в 1955 г. она дошла до 2,8 ц, в 1956 г. — в рекордный по урожайности год — удалось получить по 11,4 ц, в 1957 г. — вновь падение до 4,3 ц⁷⁸.

На волне резкого спада 1955 г. пришлось оставить свой пост П.К.Попомаренко, а Л.И.Брежнев, назвавший 1955 г. «годом отчаяния», на одном из совещаний в конце этого года в присутствии Хрущева заявил, что «целина еще себя покажет». Первый секретарь резко оборвал оратора: «Из ваших обещаний пирогов не испечешь!» Но фортуна улыбнулась будущему генсеку. «В 1956 году, вспоминал он, — пробил звездный час целины. Урожай в казахстанских степях был выращен богатейший, и вместо обещанных 600 млн. республика сдала государству миллиард пудов зерна». Казахстан был награжден орденом Ленина, а Брежнев вновь избран секретарем ЦК КПСС, и уехал в Москву⁷⁹. И как раз во-время: в 1957 г. урожайность на целине вновь упала до критической отметки.

В это время в связи с тем, что Хрущев объявил, что раздельная уборка зерна является надежной гарантией от потерь⁸⁰, местные руководители Казахстана и других республик стали требовать обязательного применения этого метода. «В Кокчетавской области, — вспоминал Ф.Моргун (здесь был расположен возглавляемый им зерновой совхоз «Толбухинский»), — большинство массивов в этом неурожайном и засушливом году были низкорослыми и изреженными, хлебный валок не получался, он проваливался между стерней на землю, его невозможно было убрать подборщиком». Но начальство требовало. Включили в работу лафетные жатки. И тут пошли дожди, уборку пришлось остановить, только в конце августа установились солнечные дни, хлеб полностью созрел. «Его надо было убирать немедленно, мы прекратили раздельную уборку и перешли на прямое комбайнирование, используя даже ночи». «Урожай был спасен, но райком рассвирепел: кто разрешил?». Приехала комиссия, на заседание бюро райкома вызвали директора, говорили, что он игнорирует передовой метод уборки. «Из партии не исключили, но выговор записали». А в 1958 г. ситуация изменилась прямо наоборот, хлеб уродился неплохой, но созрел недруж-

но, так как прошли сильные дожди. «Прямая уборка оказалась невыгодной. Но выяснилось, что вето с прямого комбайнирования было снято... а мы продолжали раздельную уборку. И вновь повторилась старая история: распекали за то, что поздно начали сдавать хлеб»⁸¹.

Однако целинников подстерегала более грозная опасность: истаскло естественное плодородие целинных земель, стала проявлять себя ветровая эрозия (выдувание верхнего, наиболее плодородного слоя распаханной земли), на полях, не знавших паровой обработки, появились сорняки (результат глубокой пахоты), с которыми очень трудно было бороться. Моргун, агроном по образованию, был переведен на работу в краевой центр — Целиноград. «По долгу службы, — писал он, — пришлось побывать в каждом районе всех пяти областей, а во многих из них и не по одному разу». И вот что он увидел: «Ветровая эрозия наблюдалась в большинстве хозяйств Павлодарской области и во многих районах Целиноградской, Кустанайской и Кокчетавской областей, повсеместное засилье овсяга, березки, курая, гречишки, а главное — редко получаемые дружные всходы во всех районах этого огромного зернового края. Беседы при встречах с руководителями, специалистами и рядовыми рабочими совхозов и колхозов все более и более убеждали в правильности позиции Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства (в Шортандах. — *И.З.*) и его руководителя академика ВАСХНИЛ А.И. Бараева о невозможности успешно вести зерновое хозяйство в районах Северного Казахстана без значительного парового клина и безотвальной обработки почвы. Это подтверждали многочисленные эксперименты института»⁸². И, кстати сказать, справедливость того, о чем говорили Мальцев и Чижевский на февральско-мартовском пленуме 1954 г.

А институт в Шортандинском районе Целиноградской области был организован в 1956 г. как крупный научный центр, специально ориентированный на создание системы земледелия для засушливых и эрозионноопасных районов. Само создание такого института в разгар целинной эпопеи — свидетельство того, что Хрущев не оставался совершенно глухим к подлинно научной разработке таких проблем, в той или иной степени реагировал на ошибки и просчеты, допущенные при освоении целины, стремился к их исправлению. Бараев, как никто другой, подходил к должности директора института. Уроженец Вологодской губернии, он всецело посвятил себя созданию рациональной системы земледелия в засушливых степных районах Поволжья и Казахстана. Институт, где работал этот талантливый исследователь и прекрасный организатор, пишет А.А. Никонов, «стал своего рода Меккой для всех, кто нуждался в

консультациях и помощи. Здесь каждый получал дельный совет и мог воочию убедиться в эффективности того или иного приема непосредственно на месте... Практическую школу земледелия у А.И.Бараева прошли многие тысячи специалистов и ученых»⁸³.

Институт получал необходимые инвестиции, имел экспериментальное хозяйство площадью 60,8 тыс. га в том числе 47 тыс. га пашни. Научно-исследовательская работа проводилась в 25 отделах и отделениях института коллективом талантливых ученых. Однако Хрущев был недоволен руководством Бараева и все больше тяготел к Алтайскому институту земледелия и селекции сельскохозяйственных культур, которым руководил Г.А.Наливайко, не обладавший талантом пытливого ученого, но хорошо усвоивший правило угождать начальству. Не опираясь на проверенные факты, многолетние исследовательские разработки, он, например, «доказывал» (после соответствующего высказывания Хрущева) огромные преимущества пропашной системы земледелия, ратуя за ее повсеместное внедрение на целинных землях; предавал анафеме чистые пары, так необходимые для борьбы с сорняками на целине; утверждал, что оптимальными предшественниками под зерновые могут быть только пропашные культуры, в основном кукуруза и бобы; решительно возражал против посевов многолетних трав.

Эти утверждения Наливайко, опиравшегося на так называемые опытные разработки института, очень импонировали Хрущеву, который неизменно поддерживал этого псевдоученого, лицемера и подхалима, нанесшего немалый ущерб целинному земледелию. Вот несколько публичных выступлений Хрущева, подтверждающих сказанное:

— «Какую систему земледелия следовало бы принять за основу?... Надо отдать должное Алтайскому Научно-исследовательскому институту, директором которого работает т. Наливайко. Он придерживается паропропашной системы». (Из речи на совещании работников сельского хозяйства — делегатов XXII съезда КПСС, 2 ноября 1961 г.);

— «По вопросу о чистых парах существует спор между Алтайским научно-исследовательским институтом (директор т. Наливайко Г.А.) и Научно-исследовательским институтом зернового хозяйства (директор т. Бараев А.И.). В этом споре мне приходится встать на сторону Г.Наливайко... Чем меньше чистых паров, тем лучше. Если их совсем не будет... это самое лучшее». (Из речи на совещании работников сельского хозяйства Казахстана в г. Целинограде, 22 ноября 1961 г.);

— «Для совхозов и колхозов целинных районов представляет большой интерес опыт, который накоплен Алтайским научно-

исследовательским институтом». (Из записки в президиум ЦК КПСС, 4 августа 1962 г.)⁸⁴.

Нетрудно заметить, что, солидализируясь с Наливайко, Хрушев, как правило, противопоставлял его Бараеву, выступая своего рода арбитром в споре между двумя учеными и институтами всегда в пользу первого. В то же время он ни разу публично не поддержал А.И.Бараева — подлинного ученого, не мало сделавшего, опираясь на свой институт, для того, чтобы приостановить разрушительную стихию на целине, вызванную непродуманными решениями и действиями некомпетентных руководителей и таких «ученых», как Наливайко⁸⁵.

Когда же стало очевидно, что на основе рекомендаций Наливайко и Алтайского института проблем целины не решить, Хрушев стал уточнять свои позиции, корректировать взгляды по ряду вопросов. Симптоматично, например, что по его указанию в августе 1958 г. в Казахстане была проведена выездная сессия ВАСХНИЛ совместно с Казахской Академией наук, посвященная системам земледелия в районах освоения целины, несколько заседаний которой проходили в Институте в Шортандах. В постановлении сессии нашли отражения все основные положения по вопросам целинного земледелия, разработанные и обоснованные сотрудниками Института под руководством Бараева.

Первый вице-президент ВАСХНИЛ Д.Д.Брежнев 4 сентября 1958 г. направил в ЦК КПСС (Н.С.Хрущеву) подробную информацию об этой сессии, о принятых ею рекомендациях. Воспроизведем некоторые положения этого документа, имеющие принципиальное значение. Отмечалось, например, что в процессе работы участники сессии познакомились с работой института А.И.Бараева, его опытным хозяйством, выезжали в совхоз «Шортандинский». Академия ставила своей задачей обобщить результаты научных исследований и определить основные пути дальнейшего развития земледелия в районах освоения целинных и залежных земель. «Производственный опыт, — отмечалось в постановлении сессии, — подтвердил возможность непрерывных посевов новых культур по целинным землям при правильной агротехнике в течение 4-5 лет. Однако более длительное использование этих земель под зерновые культуры приводит к засорению полей, размножению сельскохозяйственных вредителей... На новых землях уже значительно распространились такие злостные сорняки, как: вьюнок, полынь, овсюг, лебеда, курай и др.». И вот один из основных выводов: «Ведение устойчивого зернового хозяйства в степных районах, часто подвергающихся засухе, возможно при условии, если чистый пар занимает в севообороте площадь не менее 15-20%». Тем самым перечеркивались все

некомпетентные рекомендации Наливайко и самого Хрущева о преимуществах пропашной системы земледелия, совершенно не приемлемой на целине, подтверждалась правота Бараева и других ученых в этом вопросе.

В районах же с супесчаными и легкосуглинистыми почвами рекомендовалось «вводить почвозащитные севообороты с посевом многолетних трав, а на очень легких песчаных почвах целесообразно применять полосное размещение зерновых культур, трав и чистого пара». Это тоже рекомендация Бараева и сотрудников его института. И, пожалуй, основное заключение и рекомендация о предотвращении самой грозной опасности, нависшей над целинными землями: «Со всей серьезностью, — писал вице-президент, — на сессии отмечалось большое государственное значение мероприятий по борьбе с эрозией почв. Многочисленные данные говорят о нарастании угрозы земледелию засушливых степных районов вследствие все большего расширения масштабов появления ветровой эрозии и пыльных бурь. Необходимо поставить под особый контроль районы, сильно подверженные разрушительной силе эрозии». В этих целях, по мнению ученых, в первую очередь должна быть осуществлена вся система противоэрозионных мероприятий — проведение внутрихозяйственного землеустройства, введение почвозащитных севооборотов, увеличение площадей под травами и осуществление агромелиоративных мероприятий. И в этих целях «необходимо в ближайшее время провести подробное и всестороннее изучение земель, подверженных эрозии, детальные почвенные исследования с составлением крупномасштабных почвенных карт». «Районы, подверженные ветровой эрозии необходимо обеспечить системой машин и сельскохозяйственных орудий, полностью отвечающих агротехническим требованиям ведения земледелия в их специфических условиях». При этом упор делался на безотвальную пахоту. Применение дисковых орудий на этих почвах решительно отвергалось⁸⁶.

Добавим к сказанному, что значительная часть названных мероприятий, в частности составление почвенных карт, должна была быть проведена до начала или в самом начале распашки целинных земель как основополагающее, предварительное условие осуществления этой акции.

Разумеется, для реализации предложенной программы, разумной и назревшей, нужно было еще создать соответствующие условия, в частности, обеспечить хозяйство техникой, способной осуществлять противоэрозионные мероприятия, проводить широко-масштабные обследования состояния почв и т.п. Да и Хрущев еще психологически не был готов к тому, чтобы решительно, быстро и

кардинально отрешиться от своих заблуждений и полностью поддержать то, что ранее отвергал. К тому же назревала завершающая стадия инспирируемой им кампании против «несостоятельной травопольной системы земледелия Вильямса» и быстрейшего преодоления ее последствий.

Однако надо признать, что Хрущев, в отличие от большинства его коллег, был способен на признание (правда, не всегда публичное) и исправление допущенных в аграрной политике ошибок, в том числе и своих собственных, действуя в этой связи с присущей ему энергией и напористостью.

9 октября 1959 г. по его указанию президиум АН СССР обсуждал вопрос «О мероприятиях по борьбе с водной и ветровой эрозией почв», был подготовлен проект постановления правительства по этому вопросу; в 1960 г. состоялся I Всероссийский съезд почвоведов и т.д.⁸⁷ В своих выступлениях конца 50-х — начала 60-х годов Хрущев, продолжая оставаться горячим сторонником пропашной системы земледелия, обычно отмечал, что для Казахстана и других целинных районов, необходимо сохранять чистые пары (до 15-20% в структуре пашни), стал признавать и допустимость посевов многолетних трав, использование естественных сенокосов. В 1963-1964 гг. лидер партии пересмотрел, наконец, свое крайне негативное отношение к рекомендациям Бараева — выдающегося ученого и практика.

Система засушливого земледелия, в разработку которой огромный вклад внес академик А.И.Бараев и возглавляемый им институт, была полностью реабилитирована и в широких масштабах стала распространяться на целине.

По данным Ф.Т.Моргуна, урожайность зерновых культур в пяти областях Северного Казахстана, где осваивались целинные земли, постепенно стабилизировалась: в 1958 и 1959 гг. она составила соответственно 9,0 и 9,2 ц с 1 га, 1960 г. — 8,5 ц, в неурожайный 1962 и 1963 гг. упала до 5,9 и 3,2 ц (почти до уровня 1955 г., «рекордного» по неурожайности — 2,8 ц), а в 1964 г. возросла до 10,3 ц. В среднем за период 1954-1964 гг. она составила 7,3 ц. От урожайности всецело зависели валовые сборы и заготовки зерна: в 1958 и 1959 гг. было собрано 875 и 846 млн. пуд., в 1960 г. — 788 млн., в 1961 г. — 630, в 1964 г. — 996 млн. пуд.⁸⁸

ЦСУ СССР подсчитало, что за период с 1954 по 1960 гг. в стране было вспахано 41836 тыс. га целинных и залежных земель, в том числе в Казахстане — 25484 тыс., в РСФСР — 16352 тыс., в Сибири и на Дальнем Востоке 11098 тыс., на Урале — 2925 тыс., в Поволжье — 2329 тыс. га.

**Валовые сборы зерна в СССР до и после освоения целины*.
В среднем за год было собрано зерна (тыс. т)**

	в СССР	в том числе в районах освоения целины
в 1949-1953 гг.	80948	20697
в 1954-1958 гг.	110313	45176
в 1959-1963 гг.	124699	51601

* Вестник статистики. 1974. № 3. С. 94, 95.

Таким образом, если до освоения целины из районов ее будущего освоения страна получала примерно 25% валового сбора зерна, то после ее освоения — более 40%, а в закрома государства ежегодно поступало (если брать урожайные годы) — от половины до 60%.

Удельный вес целинных районов в общих закупках зерна (в %)*

	1953 г.	1958 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.
Основные районы освоения целинных земель СССР в целом	35	58	62	45	48	37	55
из них:							
РСФСР	27	32	40	31	33	26	32
Казахстан	8	26	22	14	15	11	23

* Страна Советов за 50 лет. Статистич. сб. М., 1972. С. 138-139; Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1971. С. 160.

На Востоке страны была создана крупнейшая база по производству зерна и продуктов животноводства. Благодаря освоению целины коренным образом преобразовались огромные районы Востока. В степи возникли крупные совхозы, благоустроенные поселки, научные учреждения и учебные заведения, протянулись железные и шоссейные дороги, линии электропередач. Труд десятков тысяч людей (только по путевкам ВЛКСМ на целину выехало более 350 тыс. дбровольцев) принес свои плоды, страна получила дополнительно десятки млрд. пудов хлеба. 1 млн. 300 тыс. участников героической эпопеи были награждены медалью «За освоение целинных

земель», около 100 тыс. — орденами и медалями, 272 целинника удостоились звания Героя Социалистического Труда⁸⁹.

Конечно, издержки на этом тернистом пути могли бы быть значительно меньшими, а результаты — гораздо большими. Но покорители целины, рядовые труженики тут не причем. Это уже претензии к политикам, их ошибки и просчеты, из которых надо извлекать уроки, даже по прошествии более четырех десятков лет.

3. КУКУРУЗА — «КОРОЛЕВА ПОЛЕЙ». ПРОБЛЕМЫ ЖИВОТНОВОДСТВА: «ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ США...»

Запустив механизмы широкомасштабного воздействия на сельское хозяйство (сентябрьский пленум 1953 г.) и скороспелого решения зерновой проблемы (за счет освоения целинных земель), Хрущев решил углубить и закрепить наметившиеся сдвиги и прежде всего путем расширения посевов такой, как ему представлялось, универсальной и высокоурожайной культуры, как кукуруза, используя ее как мощный фактор создания кормовой базы для животноводства и пополнения государственных резервов зерна.

Очередной пленум по сельскому хозяйству, созданный в январе 1955 г., был посвящен непосредственно проблемам животноводства (обсуждался вопрос «Об увеличении производства продуктов животноводства»), однако значительное внимание он уделил и увеличению производства зерна как решающему условию условия подъема животноводства, увязав ее с острой необходимостью расширения посевов кукурузы⁹⁰.

Исходя из опыта США, он поставил задачу увеличения сборов зерна главным образом за счет посевов кукурузы — «самой урожайной культуры». И в самом деле, в 1953 г. в США было засеяно этой культурой 35% всей посевной площади зерновых — почти 30 млн. га, а собрано кукурузного зерна (при урожайности 25-35 ц с гектара), 4,5 млрд. пуд., или 55% всего валового сбора зерна; кроме того 3-4 млн. га засеивалось на силос и зеленый корм. В Советском Союзе, сетовал Хрущев, в 1953 г. посевами кукурузы было занято всего 3,5% общей посевной площади зерновых. Отсюда — новая «сверхпрограмма» — к 1960 г. расширить посевные площади кукурузы до 28 млн. га, в том числе и за счет сокращения площади чистых паров, распашки 3 млн. га малопродуктивных лугов, пастбищ и пустующих земель. А там, где кукуруза не сможет дотянуть до молочно-восковой спелости, из ее стеблей и початков можно (как в Америке) получить хороший силос. Глава партии утверждал, что проведенные в последнее время опыты показали, что «даже в се-

верных районах страны, где за кукурузой был надлежащий уход, получен хороший урожай».

Далее следовали рекомендации и советы как надо возделывать эту культуру, вплоть до того, сколько стеблей надо оставлять в гнезде, как проводить прорывку, когда надо применять квадратно-гнездовой способ посева и т.д. и т.п.⁹¹

Нет никаких сомнений в том, что идея Хрущева о значительном расширении посевов кукурузы в стране в целях ускорения решения проблемы укрепления кормовой базы животноводства и увеличения валовых сборов зерна была плодотворной и весьма актуальной. Однако настораживали, как и в случае с целиной, огромные масштабы предлагаемой новой «сверхпрограммы».

Нам, говорил Хрущев, нужны мощные, ежегодно пополняемые резервы зерна, надо иметь достаточный фонд зерна для внешней торговли, а главное — необходимо «увеличить производство фуража для нужд животноводства».

По замыслу Хрущева, оглашенному на январском пленуме, посевные площади кукурузы в стране к 1960 г. должны были приблизиться к площади освоенной целины. Однако, если на целинных землях планировалось получить с каждого гектара в среднем не более 10 ц зерна, то урожайность кукурузы должна была быть выше в 2,5-3 раза, а в передовых хозяйствах — в 4-6 раз. Это не считая зеленой массы (стебли и початки), которая шла на силос. Можно предположить, что если бы Хрущев выдвинул кукурузную программу на 2 года раньше, то и целину распахивать не потребовалось, во всяком случае, значительно сократить масштабы и темпы освоения новых земель.

Так или иначе вторая «сверхпрограмма» была принята. В докладе на пленуме ЦК КПСС 5 марта 1962 г. Хрущев с полным основанием отметил, что январский 1955 г. пленум ЦК партии «взял курс на расширение посевов кукурузы»⁹². А в речи на совещании работников сельского хозяйства областей юго-востока в г. Саратове в марте 1955 г. дал такое обоснование этого курса: «В развитии зернового хозяйства важно найти главное звено. Зерновых культур очень много... Однако главным звеном в решении зерновой проблемы и получении фуража для нужд животноводства, на мой взгляд, является кукуруза. Можно ли без кукурузы поднять зерновое хозяйство до такого уровня, чтобы полностью обеспечить фуражом животноводство? Можно, но для этого потребуется очень много времени, труда и средств.

Можно добиться этого в более короткий срок при меньших затратах средств и труда. Нужно лишь обратить особое внимание на выращивание кукурузы... Кукуруза при всех условиях может дать

зерна в 2 раза больше, чем любая другая зерновая культура. Я говорю о минимальной урожайности кукурузы... А передовики снимают ...по 50, 100 и более центнеров зерна кукурузы с гектара»⁹³.

Приведем в этой связи наиболее характерные высказывания Хрущева об этой «чудо-культуре», относящиеся к середине 50-х – началу 60-х гг.

– «В этом году мы обязательно вырастим кукурузу в Якутии, а может быть и на Чукотке. Картофель там растет? Растет. Думается, что и кукуруза будет расти». (Из речи на совещании работников сельского хозяйства областей юго-востока в г. Саратове, 18 марта 1955 г.).

– «Считаю, товарищи, что мы правильно подходили к внедрению кукурузы в 1953-1954 годах, не нажимая на колхозы и совхозы, хотя некоторые хозяйства засеивали кукурузой по четверти гектара. Сейчас такой подход, по-моему, изжил себя. Теперь уже надо и убеждать и понуждать. Если вести работу только путем убеждения, то процесс затянется, а нам надо ускорить его». (Из речи на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик северо-запада в г. Ленинграде, 12 апреля 1955 г.).

– «...не все еще работники глубоко понимают значение кукурузы. Вот послушайте, какие имеются факты. На собрании актива Вологодской партийной организации выступил директор совхоза «Заречье» и заявил буквально следующее: «К решениям январского пленума ЦК КПСС надо подходить вдумчиво, а то получается, что всю планету хотим засеять кукурузой (смех в зале)». (Там же).

– «...есть немало районов, где кукуруза не дала достаточного эффекта. Причина здесь одна – беззаботное отношение к ее возделыванию руководителей этих районов. Речь идет о значительной части районов Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Костромской, Ярославской, Тульской и некоторых других областей». (Из отчетного доклада ЦК КПСС XX съезду партии, 14 февраля 1956 г.).

– «...Средние урожаи зерна кукурузы продолжают оставаться низкими. В 1958 году они составили по стране в целом 22 центнера с гектара. Опыт передовых хозяйств многих районов говорит о том, что мы можем собирать зерна кукурузы не менее 30 центнеров с гектара». (Из доклада на пленуме ЦК КПСС, 15 декабря 1958 г.).

– «Если в отдельных районах страны кукуруза внедряется формально, колхозы и совхозы снимают низкие урожаи, то в этом виноват не климат, а руководители... Прежде всего в колхозах и совхозах, а также в районном, областном, краевом и даже республиканском звене. Надо заменять тех работников, которые сами засохли и сушат такую культуру, как кукуруза...». (Из отчета ЦК КПСС XXII съезда партии, 17 октября 1961 г.).

— «Владимир Ильич Ленин... высоко оценил достоинства кукурузы. Еще в 1921 году он настойчиво рекомендовал расширить посевы кукурузы... Учитывая географические условия нашей страны, в силу которых кукуруза в большинстве районов не созревает на зерно, мы взяли курс на широкое возделывание кукурузы на силос, как главной кормовой культуры. При таком использовании кукуруза может успешно возделываться на всей территории Советского Союза. Это теперь доказано опытом тысяч и тысяч хозяйств в различных зонах страны». (Из заключительного слова на пленуме ЦК КПСС, 9 марта 1962 г.).

— «...Надо тщательно разобраться, что выгоднее возделывать на зерно — озимую пшеницу или кукурузу... мы не присягаем на веки какой-нибудь одной культуре, не собираемся молиться на нее...». (Из доклада на пленуме ЦК КПСС, 9 декабря 1963 г.)⁹⁴.

Эволюция взглядов Хрущева на кукурузу совершенно очевидна, но проходила она крайне медленно. После январского пленума ЦК 1955 г. и вплоть до марта 1962 г. он с поразительным упорством, достойным лучшего применения, неизменно подчеркивал огромные преимущества кукурузы перед всеми другими зерновыми и кормовыми культурами, причем на всей территории огромной страны, включая Прибалтику, Северо-Западные и другие северные районы РСФСР, а всю ответственность за просчеты и неудачи с ее возделыванием, низкой урожайностью и малой эффективностью возлагал на руководителей хозяйств и местных работников, требовал применения к ним дисциплинарных мер вплоть до освобождения от занимаемых постов и должностей. Такого рода меры грубо нарушали постановление от 9 марта 1955 г. «Об изменении практики планирования сельского хозяйства», принятое по инициативе самого Хрущева.

Значительно ослабленные вожжи тоталитарного режима постепенно трансформировались в авторитарную власть партии и государства. В то же время лидер партии после победы над последней «антипартийной группой» в июне 1957 г. фактически установил свою личную диктатуру, сравнительно мягкую, которая в случае необходимости (как, например, при реализации кукурузной сверхпрограммы) могла в полной мере использовать свои властные полномочия. Однако былого страха в обществе уже не было. Об этом свидетельствует, в частности, приводимое выше высказывание директора совхоза «Заречье», оглашенное Хрущевым под смех участников совещания работников сельского хозяйства Северо-Западного региона. Надо полагать, что Хрущев вновь попал в неловкое положение, когда «за уши» притянул одно из высказываний Ленина (не сославшись при этом на источник), свидетельствующее яко-

бы о том, что вождь мирового пролетариата был горячим сторонником масштабного расширения посевов кукурузы.

Можно привести немало примеров «оргвыводов» в отношении строптивых руководителей различных рангов. «Не повезло», например, министру сельского хозяйства Латвии А.А.Никонову. Хрущев, пишет он, приехал в Ригу летом 1959 г. и около полутора часов беседовал с ним в присутствии руководящих работников республики. Обвинив министра в том, что он «не любит кукурузу», глава партии, ознакомившись с представленными ему многолетними данными опытных станций, свидетельствовавшими о невыгодности возделывания кукурузы в условиях Латвии, сказал: «Я вам не верю, но к вам надо прислушаться». И «прислушался»: по словам Никонова, он «дорого заплатил» за беседу — остракизмом. «В Риге “оттепель” кончилась намного раньше, чем в Москве». В конце 1960 г. министр лишился своего поста⁹⁵.

Не ладилось с кукурузой и в Литве, а также в Эстонии. Первый секретарь ЦК Компартии Литвы А.Ю.Снечкус, выступая в декабре 1958 г. на пленуме ЦК КПСС, вынужден был признать, что урожай кукурузы в республике «в целом еще очень низкий», несмотря на принимаемые «решительные меры». Через год положение не изменилось. Снечкус на очередном пленуме ЦК объяснил это тем, что для получения высоких урожаев необходимо вносить много удобрений, известковать кислые почвы, но пообещал все же, что в 1960 г. в республике площади под кукурузу «будут значительно увеличены»⁹⁶.

Среди тех, кто «не любил кукурузу» был Т.С.Мальцев, но по отношению к известному опытнику Хрущев действовал методами убеждения. В речи на совещании передовиков сельского хозяйства Урала 2 марта 1961 г. он порекомендовал Мальцеву изучить опыт механизатора совхоза «Камаганский» Курганской области Лушникова по выращиванию кукурузы и просил «не обижаться за высказанные пожелания и советы». «Я учту ваши советы, Никита Сергеевич», — пообещал Мальцев⁹⁷.

Первые «отбойные» ноты по поводу кукурузы в устах Хрущева прозвучали только в марте 1962 г., когда в заключительном слове на пленуме ЦК вынужден был признать, что кукуруза в большинстве районов страны не вызревает на зерно, а поэтому «мы взяли курс» (точнее — «изменили курс». — *И.З.*) на широкое возделывание кукурузы на силос как главной кормовой культуры. А затем в декабре 1963 г., уже под занавес пребывания у власти, глава партии, наконец, поставил точку над «i», признав в докладе на пленуме ЦК, что, в случае необходимости «можно пойти на сокращение посевов кукурузы». Правда, публично он так и не признал, что пересматри-

вает или уточняет свои взгляды. «Некоторые могут подумать, — недвусмысленно заявил он, — что случилось, почему Хрущев, который так ратует за внедрение посевов кукурузы, сегодня вроде бы начинает давать отбой? Не в том дело, товарищи...»⁹⁸.

А дело как раз было в том, что кукурузная «сверхпрограмма» трещала по всем швам. В связи с этим приведу некоторые данные о ее реализации на начало 60-х годов. Посевные площади кукурузы на зерно в 1960 г. в целом по стране составили всего 5086 тыс. га (планировали, напомним, 28 млн. га), а в 1965 г. снизились до 3177 тыс. га (меньше, чем в 1953 г.), урожайность составила: в 1960 г. 19,3 ц с 1 га, в 1962 г. — 21,1 ц, а в 1963 г. снизилась до 15,9 ц (правда, был неурожайный год), в 1965 г. поднялась до 25,2 ц; валовой сбор составил (в тыс. т): в 1960 г. — 9823, в 1961 г. — 17113, в 1962 г. — 15474, в 1963 г. — 11143. До вождельных нескольких млрд. пуд. было очень далеко.

В решении зерновой проблемы роль «королевы полей» оказалась весьма скромной. Значительно большим был ее вклад в создание кормовой базы. Вот данные о валовом сборе зеленой массы (стеблей и початков) и ее урожайности:⁹⁹

	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
Тыс. т	43422	56485	63887	145942	152561
В ц с 1 га	57	65	71	151	128

Рост непрерывный и значительный: по валовым сборам в 3,5 раза, по урожайности — в 2,3. Замечание Хрущева в марте 1962 г. о том, что в большинстве районов страны был взят курс на широкое возделывание кукурузы на силос со ссылкой на «опыт тысяч и тысяч хозяйств в различных районах страны», точно отразил реальную ситуацию. Удивляет только, почему к такому заключению главный «кукурузовед» страны пришел только через 7 лет после начала реализации кукурузной сверхпрограммы? И почему тысячам колхозов и совхозов пришлось постигать эту истину столь мучительно и долго на своем горьком опыте? А ответ прост — нужно было убедиться в столь очевидной истине самому Хрущеву.

Очередная хрущевская «сверхпрограмма», составленная без учета особенностей регионов огромной страны, не могла быть реализована в том виде, как она замышлялась в силу своей авантюристичности, научной несостоятельности, оторванности от реальной жизни. В тоже время говорить о ее полном провале, крахе (точка зрения И.В.Русинова), на мой взгляд, нет оснований. Она, несомненно, сыграла свою роль (и не малую!) в решении кормовой проблемы для животноводства. Не могу в этой связи удержаться от

личных наблюдений. Во второй половине 50-х — начале 60-х годов мне приходилось ежегодно выезжать в ближнее Подмосковье (Истринский район). И каждый раз удивляло и радовало, когда в конце лета на полях колхозов непроницаемой зеленой стеной возвышались сплошные, выше человеческого роста, заросли кукурузы. До молочновосковой спелости початки, как правило, не созревали, но зеленая масса была просто великолепна! Нередко здесь укрывались лоси, кормились выводки пугливых кабанов.

Большие усилия колхозников, работников совхозов и МТС, руководителей аграрного сектора в выращивании кукурузы — действительно очень ценной и высокоурожайной культуры — нашли отражение и в общих показателях — количественных и качественных — значительного роста сельскохозяйственного производства СССР в 1953-1958 гг.

* * *

Хрущев не был бы Хрущевым, если через два года после начала кукурузной кампании не запустил в действие еще одну «сверх-программу», призванную ускорить развитие такой трудоемкой отрасли сельского хозяйства как животноводство. Для этого не потребовалось даже ни углубленных предварительных разработок, ни созыва пленума ЦК партии. А суть программы определялась броским лозунгом — призывом, имевшем ярко выраженную политическую окраску — «в ближайшие годы догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения». Впервые об этом Хрущев объявил в речи на совещании работников сельского хозяйства Севера-Запада РСФСР в г. Ленинграде 22 мая 1957 г. А идея возникла еще в 1953 г. в связи с тем, что после его доклада на сентябрьском пленуме ЦК «некоторые деятели США забросили удочку: если Советская Россия даст нам стратегические товары или золото, то мы, дескать, можем продать русским излишки сала, масла или других товаров». В ответ было заявлено, сказал Хрущев, что «Советская страна будет иметь в достатке свое мясо, масло и другие продукты». И вот теперь, по мнению главы партии, пришло время поставить этот вопрос¹⁰⁰.

Для того, чтобы решить эту задачу надо было увеличить производство мяса в СССР в 3,2 раза (по сравнению с 1956 г.). Ученые — экономисты, которых Хрущев попросил определить сроки ее реализации, назвали 1975 г. Автор запроса в этой связи привел политические контраргументы. «Что значит растянуть до 1975 года решение жизненно важной задачи? Это значит дать возможность идео-

логам капиталистического мира еще длительное время болтать против социалистического строя, против колхозного строя... С точки зрения арифметики тут нет никакой ошибки, все доказано, но, товарищи, надо же подумать, какие сейчас силы накопились у нашего народа, в колхозах и совхозах... Вы же видите, что многие колхозы буквально за два-три года увеличивают производство продуктов в несколько раз... Сила колхозного строя, патриотизм советских людей, социалистическое соревнование позволяют нам решить эту задачу в ближайшие годы». Ученые, представившие эти расчеты, были обвинены «в сдерживании нашего движения вперед». И общий вывод: «Нет сомнения, что это движение получит поддержку всего народа. Но нам надо уже сейчас немножко помочь людям раскататься, вызвать азарт. Это будет неплохо... Вот тут-то советским людям и важно показать империалистическим хищникам, что мы сможем победить их в экономическом соревновании. (Продолжительные аплодисменты)»¹⁰¹. Аплодисменты, по сложившейся традиции, расценивались как единодушное одобрение того или иного призыва высокого руководства.

Однако с этим лозунгом и «патриотическим движением сельских тружеников» вскоре произошла некоторая заминка. На состоявшемся в конце июня 1957 г. пленуме ЦК КПСС, посвященном разоблачению «антипартийной группы», образовавшейся внутри президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК М.А.Суслов проинформировал участников пленума, что «Маленков подверг сомнению и фактически осудил лозунг о том, чтобы в ближайшие годы догнать и перегнать США по производству молока, масла и мяса на душу населения, мотивируя это отсутствием соответствующих расчетов и тем, что этот лозунг будто бы противоречит линии партии...». «Выступление Маленкова, — продолжал Суслов, — наиболее активно поддержали Каганович и Молотов. Этот лозунг, несомненно, сыграет большую положительную роль в дальнейшем развитии сельского хозяйства и совершенно непонятно, зачем понадобилось бросать на него тень»¹⁰². Замечу, что Суслов, возможно, по недосмотру, расширил содержание этого лозунга, дополнив формулировку «догнать» термином «догнать и перегнать». А с формальной точки зрения критика Маленкова и др. была правомерной, ибо лозунг был выдвинут Хрущевым лично и не был, согласно партийным канонам, апробирован ни президиумом, ни пленумом ЦК КПСС. Но эту проблему решили довольно просто и быстро, сначала на том же пленуме, который осудил в своем постановлении фракционеров за то, что «они вели ничем не оправданную борьбу против активно поддержанного колхозами и областями, республиками призыва партии (подчеркнуто мною. — И.З.) догнать в бли-

жайшие годы США по производству молока, масла и мяса на душу населения». Аналогичные формулировки содержались и в постановлениях июньского и декабрьского 1958 г. пленумах ЦК КПСС¹⁰³.

В то же время ни на одном из названных пленумах выдвинутая Хрушевым новая программа в области животноводства как таковая не обсуждалась, сделанные экономистами расчеты по поводу рубежей ее реализации не были приняты во внимание, а формулировка Хрушева о том, что она будет осуществлена «в ближайшие годы» (имелись в виду 1960-1961 гг.) признавалась оптимальной.

Однако очередная волонтаристская сверхпрограмма, подталкиваемая к быстрейшему осуществлению нетерпеливыми политиками и прежде всего самим Хрушевым, порождала очковтирательство, нездоровую погоню за «рекордами» в целях получения высоких званий и наград. Хрушев не скупился на призывы, выдвигал все новые и новые предложения и требования. «Мы должны лучше работать, чтобы догнать Соединенные Штаты Америки по производству сельскохозяйственных продуктов на душу населения, — говорил он в январе 1958 г. на совещании работников сельского хозяйства Московской области. — В том, что мы решим эту историческую задачу, убеждены теперь и многие американцы. А у советских людей на этот счет вообще не было сомнения. Но речь идет о том, чтобы нам догнать Соединенные Штаты Америки в наиболее короткий срок... Каждая область, каждый район, каждый колхоз и совхоз обязаны внести в это всенародное дело свой достойный вклад»¹⁰⁴.

В декабре 1958 г. в докладе на пленуме ЦК, посвященном итогам развития сельского хозяйства за последние пять лет, Хрушев заявил, что в 1953-1958 гг. темпы прироста продукции животноводства в СССР были значительно выше, чем в США: по производству мяса составили соответственно 6,2 и 1,3%; по производству молока — 9,6 и 0,9%. В 1958 г. по его данным, молока в СССР было произведено «столько же или даже немного больше, чем в США в прошлом году», а по общему объему производства молока и масла СССР вышел на первое место в мире¹⁰⁵.

Через год, в декабре 1959 г., в речи на очередном сельскохозяйственном пленуме ЦК (обсуждался вопрос «О дальнейшем развитии сельского хозяйства») Хрушев под «продолжительные аплодисменты» заявил, что «по производству животного масла на душу населения Советский Союз в 1959 году превзошел Соединенные Штаты Америки». «Недалеко время, когда мы превзойдем США по производству мяса (аплодисменты)»¹⁰⁶. Это было подтверждено и в постановлении пленума¹⁰⁷.

Прогноз этот, к сожалению, не оправдался. Более того, объективный анализ сложившейся ситуации в сельском хозяйстве и даже документы самого пленума свидетельствовали о том, что достижения были значительно переоценены, а нарастанию негативных тенденций не было дано должной оценки. Хрущев не только не сумел правильно оценить так называемый «опыт» тружеников Рязани и первого секретаря Рязанского обкома А.Н.Ларионова, но и посвятил ему первый раздел своей пространной речи, озаглавленный «Чему учит пример тружеников Рязанской области». А ведь в сути этого «опыта» нетрудно было разобраться из выступления на пленуме самого Ларионова. Он докладывал пленуму, лично Хрущеву о том, как Рязанская область выполняет обязательства, взятые на 1959 г. Главное обязательство состояло в том, чтобы увеличить в колхозах и совхозах на протяжении года производство мяса в 3,8 раза и продать государству 150 тыс. т мяса, или в 3 раза больше, чем в 1958 г. Это обязательство было не только выполнено, но и перевыполнено: колхозы и совхозы продали мяса государству в 4 раза больше, чем в 1958 г. и в 7,5 раз больше, чем в 1953 г. А основным источником этого роста явились «резкое увеличение поголовья всех видов скота, главным образом за счет его воспроизводства, массовая организация откорма свиней и нагула крупного рогатого скота, особенно в летний пастбищный период». «В основу всей работы были положены, — подчеркнул Ларионов, — советы и пожелания, высказанные Н.С.Хрущевым». «Особую роль... даже трудно оценимую сыграл прием рязанских женщин в Кремле Н.С.Хрущевым... В величайшей мудрости этих указаний рязанская партийная организация убедилась на своем опыте». Особая благодарность «лично Хрущеву» выражалась «за внедрение на колхозные поля кукурузы, в которой заложены неисчислимые возможности...»¹⁰⁸.

Хрущев не остался в долгу: подчеркнув огромное экономическое значение опыта Рязани, охарактеризовав Ларионова как «серьезного и вдумчивого человека, который никогда не пойдет на то, чтобы взять нереальное обязательство». Он проинформировал участников пленума, что «Президиум ЦК КПСС и Совет Министров СССР представили тов. Ларионова за большую организаторскую работу по выполнению взятых обязательств к присвоению звания Героя Социалистического Труда». К награждению орденами и медалями были представлены многие работники колхозов и совхозов¹⁰⁹.

Однако не нужно было быть крупным экономистом, знатоком сельского хозяйства, чтобы понять, что без фальсификации здесь не обошлось, ибо невозможно, противоестественно за счет внут-

ренных источников области на протяжении года в 4 раза увеличить производство мяса. Но лесть, как видно, вскружила Хрущеву голову. Пожалуй, это был один из первых пленумов, где бы так откровенно, с льстивой угодливостью превозносились заслуги главы партии в подъеме сельского хозяйства. Помимо Ларионова постарались и многие другие, в том числе и маститые докладчики (всего их было семь)¹¹⁰.

Такого рода дифирамбы в адрес первого секретаря, становившиеся своего рода обязательным ритуалом, практически выводили его из-под критики, лидера партии можно было только хвалить. Самое удивительно: Хрущев воспринимал это как должное, само собой разумеющееся, хотя не мог не понять, к каким негативным последствиям это может привести. И привело.

Вскоре после пленума возникла необходимость более трезво взглянуть на достигнутые успехи, более глубоко и критически проанализировать ситуацию. 29 октября 1960 г., обобщив поступавшие в ЦК новые материалы, Хрущев пишет в президиум ЦК КПСС записку «Против благодушия, самоуспокоенности и зазнайства первыми успехами в развитии сельского хозяйства». В ней отмечается, что за последние годы, особенно в 1959 и 1960 гг. ослаблены усилия за дальнейший подъем сельского хозяйства и, в частности, животноводства. Многие работники больше наслаждаются достигнутыми успехами и не проявляют должной энергии для увеличения производства молока, мяса и других продуктов животноводства. Взятые обязательства выполняются неудовлетворительно. В 1959 и особенно в 1960 г. в некоторых республиках произошло снижение производства молока, сокращаются удои на корову. «Это очень серьезные недостатки... если не принять необходимые меры, то мы можем скатиться к положению, которое у нас было к 1953 году». «Идут разговоры, в которых подвергаются сомнению успехи рязанцев». «Некоторые работники проявляли хвастовство и даже обман государства». «Разве партии нужны надуманные обязательства, принятые без учета имеющихся возможностей?».

Автор записки ссылается на факты, когда подмосковные колхозы покупали скот в чувашских колхозах, привозили его в Москву и сдавали на мясокомбинат. Он требует «строго наказывать людей, которые допускают подобную антигосударственную практику»¹¹¹.

К сожалению, подобного рода озарение пришло слишком поздно. Приводимые ранее цифры о достигнутых успехах, установленных «рекордах», пришлось пересматривать. Главный «герой» пленума 1959 г. А.Н.Ларионов в сентябре 1960 г. был освобожден от занимаемой должности и вскоре покончил жизнь самоубийством. Хрущеву пришлось признать, что производство продуктов

животноводства в 1959-1960 гг. «серьезно отставало от расчетов»; «в ряде республик по существу прекратился рост поголовья коров»; «во многих колхозах хищнически забивается молодняк, предназначенный для пополнения стада, необоснованно выбраковывается и сдается на мясо большое количество коров»¹¹². О лозунге «догнать и перегнать США...» старались больше не вспоминать. Да и не до этого было, началось «всемирное движение за досрочное выполнение семилетнего плана», которое, как утверждал Хрущев, в январе 1961 г. «увенчалось большими успехами»¹¹³.

4. РЕОРГАНИЗАЦИЯ МТС: ЗАМЫСЕЛ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ. НОВОЕ УКРУПНЕНИЕ КОЛХОЗОВ

Через 7 месяцев после выдвижения лозунга, а затем и программы по животноводству Хрущев поставил вопрос о реорганизации МТС. Сначала, как и в первом случае, от себя лично (в чем его справедливо упрекали Маленков и другие «оппозиционеры») в речи на пленуме ЦК КП Украины 26 декабря 1957 г. Аргументация такая: функции МТС изменились, колхозы окрепли, колхозные кадры стали более опытными. А главное — зерно, сахарная свекла и другая продукция, получаемая из колхозов, обходится государству в 2-2,5 раза дороже, чем совхозная — удорожание идет за счет нерационального использования техники. «Не справедливо ли, — поставил вопрос Хрущев, — пойти на то, чтобы некоторым колхозам передать технику МТС?». «Когда земля и техника будет находиться в руках одного хозяина, тогда все машины наверняка будут производительнее использоваться. Этим мы еще больше развяжем инициативу колхозников».

Эта постановка была более чем неожиданной: менее года назад в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду (февраль 1956 г.) Хрущев в специальном разделе о механизации сельского хозяйства подчеркнул, что в условиях, когда «во весь рост встала задача в кратчайший срок перейти от механизации отдельных работ к комплексной механизации всего сельскохозяйственного производства, включая и животноводство», «еще больше возрастает роль машинно-тракторных станций. За последние два года принят ряд мер по коренному улучшению работы МТС. Около 2 миллионов трактористов, комбайнеров, шоферов, специалистов по ремонту машин и других механизаторов зачислены в штат МТС в качестве постоянных рабочих. В МТС послано 29 тыс. инженеров и техников из промышленности...»¹¹⁴. Речь шла, если не о ревизии, то о внесении суще-

ственных коррективов в решение высшего форума партии. И конечно же президиум ЦК должен был на это как-то реагировать.

Через месяц, 22 января 1958 г., в речи на совещании передовиков сельского хозяйства Белоруссии Хрущев более обстоятельно остановился на этом вопросе. На этот раз «с разрешения президиума ЦК»¹¹⁵. Можно предположить, что коллеги по «коллективному руководству», исходя из опыта недавнего «реформаторского прошлого», посоветовали лидеру партии хотя бы формально согласовать с ними постановку этого вопроса. В речи в Минске Хрущев, видимо, не случайно отметил, что «эти вопросы ЦК КПСС и Совет Министров СССР тщательно изучают. Мы проводили в ЦК совещание секретарей райкомов партии, председателей колхозов, директоров МТС. Все товарищи считают этот вопрос назревшим». В Минске он более четко сформулировал положение о «двух хозяевах на одной земле», подчеркнув, что «там, где два хозяина, не может быть хорошего порядка». «Не лучше ли, — задался он вопросом, — машины продать колхозам, пусть они сами используют технику в интересах хозяйства? Видимо, тогда машины будут работать более производительно, с большей отдачей». И пообещал: «если будет принято решение о реорганизации МТС, то следует иметь в виду, что этот процесс будет идти постепенно», поскольку есть колхозы экономически крепкие и слабые, для которых, возможно, «в течение двух-трех лет надо оставить существующую систему обслуживания машинно-тракторными станциями..., работа будет проводиться с учетом особенностей отдельных районов и даже колхозов»¹¹⁶.

Однако, реформатор, как всегда, спешил с очередной перестройкой. Уже 1 февраля 1958 г. в ЦК КПСС было проведено заседание специальной комиссии по вопросу реорганизации МТС, в состав которой входило более 40 человек, а присутствовало всего 16 (Хрущев, Аристов, Беляев, Брежнев, Игнатов, Кириченко, Мухитдинов, Козлов, Микоян, Денисов, Дорошенко, Зверев, Кучумов, Мацкевич, Мыларшиков, Штыков). Председательствовавший Хрущев во вступительном слове, в репликах и в кратком заключении подчеркивал, что реорганизация МТС «не ослабит наших партийных позиций в колхозах и роли государства», что надо «все делать под руководством партии»; не исключив, однако, что «колхозники будут сопротивляться покупке техники, особенно слабые и отстающие колхозы», но «мы будем снижать цены на технику»; решительно выступил против перевода колхозов на формы совхозов, превращения групповой собственности в государственную; дал понять, что не следует затягивать процесс реорганизации, ибо «теоретические вопросы решаются не в институтах, не в лаборато-

риях, а жизнью»; на предложение Микояна включить в рабочие группы по подготовке документов пленума и некоторых ученых, ответил: «привлечем узкий круг».

Большинство членов комиссии, одобряя в принципе реорганизацию МТС, подчеркивали сложность решения ряда вопросов, рекомендовали не спешить, учитывать интересы слабых колхозов. Микоян, в частности, исходил из того, что «чересчур ускорять не надо», «не менее месяца надо дать на подготовку документов», а саму реформу проводить в течение нескольких лет, «нужно постепенно идти, чтобы не наделать ошибок».

Беляев, солидаризируясь с Хрущевым, заявил, что мнение тех, кто будет возражать, не следует принимать во внимание, поскольку «в партии, у народа не будет сомнений, эта мера ЦК и правительства». В то же время поставил вопрос о слабых колхозах, рекомендовал дать им государственный кредит на покупку техники, а может быть «отложить пока решение этих вопросов». Аристов предупредил «об огромном количестве практических вопросов», к решению которых надо идти «постепенно, разумно». «Нельзя дробить, растаскивать технику по отдельным колхозам, разрушать ремонтную базу». Кириченко предложил «выслушать мнение всех противников реорганизации», а в целом руководствоваться положениями, которые выдвинул Хрущев в Минске, марксистско-ленинской теорией. Мацкевич высказался осторожно, дипломатично: «Спешить чрезмерно нельзя, но и растягивать тоже. Жизнь покажет»¹¹⁷.

На пленум отвели всего два дня. Доклад Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» был одобрен, предложения докладчика (президиума ЦК) признаны «правильными и своевременными». Учитывая исключительно важное государственное значение этого вопроса, решили внести его на рассмотрение очередной сессии Верховного Совета СССР, а до этого провести всенародное обсуждение намеченных мероприятий. В качестве исходного документа обсуждения рекомендовали тезисы доклада Хрущева, опубликованные в печати¹¹⁸. Всенародное обсуждение длилось около месяца (с 1 по 25 марта), а сессия Верховного Совета работала с 27 по 31 марта 1958 г. С докладом и заключительным словом выступал Хрущев. 31 марта 1958 г. Верховный Совет принял Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС.

Воспроизведенная хронология разработки, обсуждения и принятия Закона о реорганизации МТС свидетельствует все же об излишней спешке, неоправданном подталкивании этих процессов со стороны нетерпеливого реформатора. Все это несомненно напоминает, во всяком случае по форме, предыдущие реформаторские ак-

ции Хрущева, превращавшиеся в конечном счете в скоростные «сверхпрограммы». Но пока речь шла о разработке и принятии данной реформы. А теперь — о ее содержании и в этой связи останемся на основных (основополагающих) положениях докладов Хрущева на пленуме (тезисах) и сессии Верховного Совета (доклад и заключительное слово). В принципе эти документы идентичные, но просматриваются нюансы в трактовке и раскрытии отдельных положений, которые тоже следует принять во внимание. При изложении название документов, как правило, не указывается, их принадлежность можно определить на основе ссылок на источники.

Хрущев, несомненно, упростил ситуацию и обеднил наш исторический опыт, когда исключительно объективными причинами, практикой колхозного строительства обосновал столь длительное (более 30 лет) существование в СССР системы государственных МТС как единственной формы производственно-технического обслуживания колхозов. В то же время вплоть до начала 30-х годов в советской деревне действовала довольно широкая сеть кооперативных МТС, тракторных колонн, прокатных пунктов, сметенная в мановение ока в связи с «реорганизацией» (фактически ликвидацией) кооперативной системы обслуживания крестьян и колхозов.

Не такими уж наивными, как следует из интерпретации Хрущева, были «некоторые экономисты» (имелись в виду А.В.Санина и В.Г.Венжер), задавая в 1952 г. Сталину вопрос о возможности продажи колхозам тракторов и другой техники МТС. И отвергла эти предложения не партия, как пишет Хрущев, а лично Сталин, причем в принципе, а не потому, что колхозы в то время были «экономически слабыми, не смогли бы приобретать и правильно использовать технику»¹¹⁹. Кстати сказать, и в 1952 г. в стране было немало крепких колхозов. А противоречие между «двумя хозяевами на одной земле» проявлялось с самого начала деятельности государственных МТС, и их пытались решать не только в конце 50-х годов, а гораздо раньше, в частности в 1933-1934 гг. по инициативе политотделов МТС¹²⁰.

Хрущев убедительно показал, к чему ведет наличие двух хозяев на одной земле: порождает обезличку и безответственность, создает ненормальные условия для использования техники; колхоз и МТС вынуждены содержать два аппарата управления для выполнения одних и тех же задач; а главное — ведет «к ухудшению использования техники и земли», «техническое обслуживание колхозов со стороны МТС отстает от предъявляемых требований»¹²¹. И так было всегда, с момента возникновения системы государственных МТС.

Хрушев, исходя из того, что у некоторых экономистов в связи с реорганизацией МТС возникали «неясности по ряду теоретических вопросов», в частности по вопросу о двух формах собственности, дал совою трактовку этих вопросов. Он отверг посылку «если мы продаем тракторы... колхозам, то тем самым укрепляем колхозную собственность и ослабляем государственную собственность, которая является высшей формой собственности». Общенародная собственность, разъяснял он, имеет более высокий уровень обобществления, а колхозная — менее высокий. Надо постепенно повышать уровень колхозной собственности и таким образом поднимать ее до уровня общенародной. Реорганизация МТС, по его мнению, обеспечивает расширение колхозной собственности и сближение ее с общенародной.

В данном случае Хрушев выступал с позиции защиты интересов колхозов, развития их как самостоятельных кооперативных хозяйств, против «совхозизации». А такие, крайне опасные, предложения делались. Так, председатель колхоза имени Ленина Московской области Ф.С. Генералов, сообщил Хрущеву, исходя из того, что неделимые фонды этого колхоза достигли 15 млн. руб. и в их создании принимали участие не только колхозники, но и рабочие тракторных заводов, само государство и т.д., заявил, что «настало время считать неделимые фонды всенародной собственностью»; таково, как утверждали председатели, было мнение «колхозников ряда других (передовых) колхозов различных районов страны». Общая стоимость неделимых фондов колхозов СССР составляла в это время 100 млрд. руб. Хрушев не поддержал эти предложения, ведущие по существу к ликвидации колхозной системы, сращиванию ее с совхозной, сказав, что этот вопрос «надо изучить»¹²². На совхозизацию временно было наложено вето.

В тезисах и докладе Хрушев неоднократно подчеркивал необходимость постепенной реорганизации МТС с учетом особенностей того или иного района страны и уровня экономического развития колхозов. Однако в ходе всенародного обсуждения некоторые участники высказывались за то, чтобы реорганизация МТС проводилась одновременно по всей стране. В докладе в связи с этим он резонно заметил: «Разве можно в нашей обширной стране, с необычайным многообразием местных особенностей, проводить реорганизацию МТС в один день и час! Если пойти по этому пути, если навязать покупку техники слабым, не подготовленным для этого колхозам, то можно дискредитировать идею реорганизации МТС, посеять неверие в новое дело у некоторой части колхозников. Вот почему следует предостеречь против излишней поспешности и

шаблонного подхода к решению данной проблемы». К сожалению, здесь Хрущев оказался пророком.

Весьма убедительно, ссылаясь на расчеты, Хрущев изложил общий план реализации намеченной реформы. Большинство колхозов, особенно в республиках Средней Азии, Закавказья, на Кубани, на Украине и в ряде других районов, говорил он, сможет сразу приобрести технику в МТС; в северо-западных и центральных районах таких колхозов будет меньше; если же в зоне МТС часть колхозов не сможет купить технику, то, реорганизовав такую МТС в ремонтно-техническую станцию, следует сохранить в ее составе тракторные бригады и обслуживать колхозы на прежних условиях. В отдельных районах, где большинство колхозников пока не сможет купить технику, а главное производительно ее использовать, предполагалось сохранить часть МТС с прежними функциями.

И самое главное: «В районах с экономически слабыми колхозами реорганизацию МТС нужно провести в течение двух — трех лет, а кое-где и больше. С этим не следует торопиться», — подчеркнул он. На базе части МТС предполагалось создать ремонтно-технические станции (РТС) с функциями ремонта и технического обслуживания колхозных тракторов и автомашин.

Позаботился он и о механизаторских кадрах, которые в основной своей массе должны были перейти в колхозы. «Главное внимание должно быть обращено, — подчеркнул инициатор реформы, — на то, чтобы сохранить механизаторские кадры, воспитанные в машинно-тракторных станциях... Необходимо принять меры к тому, чтобы материальное обеспечение механизаторов было на соответствующем уровне». В виде исключения, считал он, необходимо установить для трактористов и других механизаторов гарантийный минимум оплаты, не ниже того, который был в МТС¹²³.

В заключительном слове в связи с высказанными предложениями и пожеланиями, «заслуживающими внимание», Хрущев еще раз остановился на сроках реорганизации и продажи техники. Многие передовые колхозы, отметил он, могут оплатить технику в один — два года и производительно ее использовать; средним колхозам целесообразно продавать технику в рассрочку, с оплатой в два — три года, но не больше пяти лет. А в отношении экономически слабых колхозов, не согласившись с пожеланием передать им технику в аренду или в собственность бесплатно (поскольку бесплатная передача может привести к усилению иждивенческих настроений и подрыву материальной заинтересованности колхозников в развитии производства) предложил оказать им организационную помощь, укрепить кадрами и т.п. с тем, чтобы поднять их до уровня передовых.

Был затронут и вопрос о том, к какой форме заготовок надо перейти после реорганизации МТС с тем, чтобы не пострадало государство. Хрушев высказался за то, чтобы тщательно изучить этот вопрос и разработать конкретные предложения для принятия соответствующего постановления ЦК партии¹²⁴.

Хрушев, как и в выступлении на заседании специальной комиссии ЦК КПСС, поспешил успокоить местных руководителей, опасаящихся «не ослабнет ли руководящая роль государства в отношении колхозов после реорганизации МТС». «Такие опасения необоснованны и являются беспочвенными, — подчеркнул он. — В руках советского государства, в руках народа — могучая промышленность, являющаяся основой народного хозяйства. У нас существует государственная собственность на землю. В распоряжении государства остаются все экономические рычаги управления хозяйством. Наконец, и это имеет решающее значение, всем социалистическим строительством руководит Коммунистическая партия. Она направляет развитие сельского хозяйства и промышленность по единому пути — по пути построения коммунистического общества». Эти слова лидера партии утонули в «продолжительных аплодисментах»¹²⁵.

Таким образом, изложенная Хрущевым общая программа реорганизации МТС, в которой были в той или иной мере учтены предложения и пожелания участников «всенародного обсуждения» (по данным Хрущева в докладе на сессии Верховного Совета, было проведено 576,9 тыс. общих собраний, на которых присутствовало 49,9 млн. человек и выступило более 3 млн. человек; поступило около 126 тыс. статей и писем с предложениями и замечаниями) представляется разумной, она была нацелена на процесс постепенного реформирования, учитывала региональные особенности страны, экономическое положение колхозов. Все это нашло отражение в принятом Верховным Советом СССР 31 марта 1958 г. законе.

В первой статье закона одобрялись разработанные ЦК КПСС и Советом Министров СССР и получившие всеобщую поддержку в ходе всенародного обсуждения мероприятия по дальнейшему развитию колхозного строя и реорганизации МТС. Подчеркивалось, что эта реформа должна осуществляться постепенно, с учетом развития экономики отдельных колхозов и особенностей зон и районов СССР в сроки, устанавливаемые Советами Министров союзных республик. Во исполнение этого закона ЦК КПСС и Совет Министров СССР 18 апреля 1958 г. приняли постановление, в котором конкретизировалось, как следует перестраивать производственно-техническое обслуживание колхозов. Тракторы и сельскохозяйственные машины должны были продаваться колхозам на

добровольных началах по их заявкам. Была предусмотрена продажа машин в рассрочку, с правом погашения платежей в течение нескольких лет¹²⁶.

В июне 1958 г. Пленум ЦК КПСС принял постановление «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов». Единой формой государственных заготовок становилась закупка у колхозов сельскохозяйственной продукции¹²⁷. Постановление открывало новую страницу в истории хлебозаготовительной политики советского государства.

Проявленное Хрущевым на первых этапах разработки этой реформы нетерпение, стремление к форсированию, сокращению сроков принятия соответствующих постановлений в какой-то мере все же было преодолено в процессе дальнейшей работы над этой ответственной программой. Теперь все или почти все зависело от ее осуществления, проведения в жизнь. Однако необходимо сделать одну оговорку в связи с принятыми документами по реализации данной реформы, которая в целом, подчеркиваю еще раз, представляется разумной, достаточно продуманной.

По существу все же в этих документах речь шла не о реорганизации, а о ликвидации основной части МТС, полном разрушении прежней системы производственно-технического обслуживания колхозов, создаваемой годами. Правда, предусматривалась реорганизация части МТС в ремонтно-технические станции и даже сохранение тех станций, которые обслуживали колхозы, не имевшие возможности приобрести технику, но в качестве временной меры, пока слабые колхозы не накопят средств для покупки машин и оборудования. Примечательно в этой связи, что если накануне реорганизации, в конце 1957 г., в стране было 7903 МТС, то через год их осталось всего 345, а число РТС не превышало 3,5 тыс.¹²⁸

В 1961 г. ремонтно-технические станции окончательно прекратили свое существование, уступив место Всесоюзному объединению «Союзсельхозтехника», ведавшему вопросами материально-технического снабжения сельского хозяйства, организацией ремонта и использованием машин в колхозах и совхозах. Ему и были переданы РТС, вскоре преобразованные в обычные ремонтные мастерские. «Союзсельхозтехника» имела свои объединения на местах — районные, межрайонные, областные, республиканские. В сферу обслуживания этого полугосударственного монстра были включены и совхозы в целях «сближения двух секторов социалистического сельского хозяйства». Однако, мастерские местных отделений «Союзсельхозтехника» в начале 60-х годов ремонтировали

лишь 60% колхозных тракторов и сельскохозяйственных машин, нуждавшихся в ремонте¹²⁹.

Альтернатива реорганизации МТС в форме их ликвидации в принципе не предусматривалась. «Всенародное обсуждение» проводилось в сущности по уже принятому решению. И здесь был допущен определенный просчет, ибо была возможность сохранить инфраструктуру МТС как системы, ее основные фонды, кадры механизаторов, ремонтных рабочих, специалистов в целях обслуживания колхозов на договорных основах в различных сферах их деятельности, оказания высококвалифицированной помощи в использовании техники, проведения ремонтных работ, внедрения передовых агротехнических приемов и т.д. Озарение стало приходить позже, когда реформа была проведена в кратчайшие сроки со всеми ее плюсами и минусами.

А проведена она была, вопреки принятым решениям, в том числе закону Верховного Совета от 31 марта 1958 г., действительно в кратчайшие сроки. Правда, были, как казалось, и объективные факторы этой подвиги: введение нового порядка заготовок, сулившего колхозам прекращение (или ослабление) хлебозаготовительного гнета, списание с них всей задолженности прошлых лет по обязательным поставкам, контрактации и натуроплате. Но, как всегда, возобладали субъективные факторы. Постановление Совета Министров СССР от 10 октября 1958 г. решительно потребовало принять меры к ускорению продажи техники колхозам, сократить установленные ранее сроки ее оплаты с тем, чтобы на 30-50% увеличить платежи, намечавшиеся на 1958 год; большинство же колхозов должны были полностью рассчитаться с государством за технику до конца 1958 г. «Такие высокие темпы ликвидации МТС и передачи их техники колхозам, — считает М.А.Вылцан, — не были оправданы. Это приводило к тому, что сельскохозяйственные машины были вынуждены покупать не только экономически крепкие, но и слабые хозяйства, не располагавшие необходимыми средствами»¹³⁰.

По данным Министерства финансов СССР на 1 сентября 1958 г., 67,8% колхозов (из 74711) приняли технику от МТС, а купили ее 58,2% колхозов, затратив на это (уплатив наличными или оформив в рассрочку) 14,2 млрд. руб. Колебания в разрезе республик были сравнительно небольшими (от 61,2% в Таджикистане до 95 и даже 100% на Украине и в Молдавии). РСФСР оказалась на одном из последних мест (65,3%), видимо, за счет низких показателей в Нечерноземье; и совсем аномальной выглядела Грузия с показателем 50,4%, единственная в своем роде (следом за ней шел только Таджикистан)¹³¹. Влияние постановления правительства от

10 октября 1958 г. на ускорение этого процесса бесспорно. Примечательно в этой связи, что весной этого года в Белоруссии из 3951 колхоза желание купить машины МТС изъявили 2600, в Казахстане из 1624 колхозов — только 693, в Киргизии — 222 (третья часть), в Московской области — 606. Министр сельского хозяйства РСФСР И.А.Бенедиктов, реагируя на эту ситуацию, сказал, что хотя желание в большинстве колхозов России купить технику есть, колхозы Севера и Севера-Запада, других нечерноземных областей не имеют возможности это осуществить¹³².

А реформатор спешил с подведением итогов. 15 декабря 1958 г. на пленуме ЦК КПСС, посвященном итогам развития сельского хозяйства за прошедшие пять лет после сентябрьского пленума 1953 г. и задачам дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов, он объявил, что уже около 80% МТС реорганизованы, более 55 тыс. колхозов (81%) купили сельскохозяйственную технику на сумму, превышающую 21 млрд. руб. «Экономически окрепшие колхозы оказались в состоянии не только купить технику, но и умело ее использовать», — утверждал Хрушев. Его огорчало только то, что «есть немало и таких хозяйств (19%), которые продолжают обслуживаться МТС, особенно в Белорусской, Казахской, Киргизской ССР, Мордовской и Дагестанской автономных республиках, в Вологодской, Псковской и некоторых других областях». Он полагал, что в колхозах, которые еще обслуживаются МТС, «сильны иждивенческие настроения. Такие хозяйства... недостаточно продвинулись вперед». И, как всегда, риторический вопрос: «Поскольку все теперь убеждены в преимуществе новой формы производственно-технического обслуживания колхозов, следует подумать, надо ли сохранять в дальнейшем часть машинно-тракторных станций? Может быть стоит посоветовать колхозам, чтобы они, скажем, в течение определенного срока купили технику, предупредив, что оставшиеся сейчас машинно-тракторные станции будут реорганизованы»¹³³.

Объявленные ранее добровольность, возможность для слабых колхозов в течение 2-3-х лет, а порой и до пяти решать вопросы о покупке техники МТС и полной ее оплате — все это ставилось под вопрос, а точнее — подлежало пересмотру. Еще немного нажали на колхозы (а местные власти хорошо умели это делать) и вопрос фактически был решен на протяжении 1959 г. К началу 1960 г. во всей Российской Федерации осталось всего 29 МТС.

Большинство колхозов республики вынуждены были не только принять технику, но и рассчитаться за нее. Уже к середине 1959 г. технику купили 92,4% колхозов Западной Сибири, 90% колхозов Восточной Сибири, около 70% колхозов Дальнего Востока и т.д., а

во всей республике — 96,6% колхозов. Самые большие выплаты пришлось на 1958 г., однако «выкупные платежи» шли в течение всей семилетки вплоть до 1965 г., когда они были списаны¹³⁴.

По данным на начало 1959 г., купили технику от 90 до 99% колхозов СССР, в том числе Украины, Киргизии, Узбекской ССР, республик Балтии. В собственность колхозов перешло 482 тыс. тракторов и 214,5 тыс. комбайнов — 75% тракторного и 66% комбайнового парка МТС¹³⁵. Эти цифры свидетельствуют о том, что намерение реформаторов сохранить часть техники МТС на основе преобразования некоторых из них в ремонтно-технические станции реализовать не удалось: Хрущев спешил с передачей техники всем колхозам, в том числе и слабым, требовал от них поскорее расплатиться с государством за переданную технику. И в конце 50-х годов на них обрушились принудительные платежи, окончательно разорившие многие из них, полностью была разрушена и ремонтная база бывших МТС.

В эти годы колхозами было куплено тракторов, машин и оборудования на сумму 32 млрд. руб., из них бывших в эксплуатации МТС на 18 млрд. руб. и новых на 14 млрд. руб. Преобладала все же старая техника (с учетом того, что цены на нее были значительно ниже, чем на новую)¹³⁶.

Спешка Хрущева с продажей техники всем колхозам можно объяснить и тем, что таким образом он хотел пресечь возникшие, как ему казалось, в колхозах, не спешивших приобрести технику, иждивенческие настроения. И еще: «Во время поездки по колхозам, — говорил он на декабрьском пленуме 1958 г., — мне ни разу не доводилось слышать, чтобы с переходом техники в руки колхозов ухудшилось ее использование. Председатели колхозов и колхозники говорили, что теперь работать стало лучше и дела идут успешнее». Более того, некоторые председатели выдвинули идею о передаче колхозам мастерских и техники РТС, полном переходе на ремонтное самообслуживание¹³⁷. Не приходится сомневаться в искренности слов Хрущева применительно к крепким колхозам, именно они выиграли прежде всего от ликвидации МТС, проиграли слабые, экономика большинства из них была подорвана. К тому же надо принять во внимание, что 1958 год был высокоурожайным, а поездки Хрущева происходили в конце лета — начале осени, когда проходила уборка созревшего хлеба, вступил в силу новый закон о закупках его по выгодным для колхозов ценам.

Однако лидер партии знал, не мог не знать истинного положения дел с осуществлением реформы, не должен был, не имел права ориентироваться только на экономически крепкие колхозы. В сельскохозяйственном отделе ЦК КПСС концентрировалась более объ-

ективная, масштабная информация о ходе реорганизации МТС, составлялись сводки писем, аналитические справки. Вот одна из них, датированная сентябрем 1958 г. — «Сводка писем специалистов сельского хозяйства в связи с реорганизацией МТС», поступивших в редакцию газеты «Сельское хозяйство» (разумеется, не опубликованных, направленная главным редактором А.Сиротинным в ЦК КПСС)¹³⁸.

И.И.Сафронюк, зоотехник колхоза «Россия» Рузского района Московской области: «Когда специалисты работали в райсельхозотделах они выполняли роль инспекторов, обслуживали по 2-3 колхоза. С переходом в штаты МТС роль специалистов возросла. Специалист стал находиться в одном колхозе, отчитывался, но не подчинялся председателю колхоза. Обслуживание колхозов улучшалось, вопрос с оплатой был урегулирован. С реорганизацией МТС председатели колхозов устанавливают оплату труда специалистам, сводя ее к минимуму... Специалисты исполняют роль подсобных рабочих, экспедиторов, снабженцев... В соседнем колхозе имени Куйбышева специалист использовался как приемщик молока. Отсюда — текущее специалистов. В нашем колхозе сменилось 10 специалистов, в других колхозах положение не лучше»; А.С.Коняев, агроном колхоза «Путь Ленина» Чаплинского района Липецкой области: «Агрономы, когда работали в МТС и райсельхозотделах, пользовались отпусками, имели выходные дни. Сейчас этого нет. Не существует надбавки за стаж работы»; И.В.Ника, агроном колхоза с. Голосково Хмельницкой области: «Когда работал в МТС, получал зарплату. Сейчас перевели на трудодни. Очень тяжело. Никакими льготами не пользуюсь».

Жалобы другого рода поступали от механизаторов, бригадиров тракторных бригад, перешедших после реорганизации МТС в колхозы, а также председателей колхозов в связи с организацией ремонта и использованием техники. Вот несколько характерных писем из сводки от 25 сентября 1958 г.: П.А.Феденко, бригадир тракторной бригады колхоза «Путь Ильича» Лабинского района Краснодарского края: «Работал бригадиром тракторной бригады МТС. В МТС существовал график круглогодичного ремонта тракторов. Так должно быть и в РТС. Но РТС не стала ни за что отвечать... Руководство РТС поставило колхозы на колени. Выпустила из ремонта негодные тракторы, из-за этого отстали с уборкой. Сельхозснаб не дает колхозу запчастей, все через РТС. Надо иметь запас запасных частей, разрешить колхозу самим производить ремонт»; Г.С.Маме, механик колхоза села Джарат Эфмиадзинского района Армянской ССР: «После реорганизации МТС колхоз приобрел 9 тракторов, самоходный комбайн и другие машины. Испытываем большие зат-

руднения с ремонтом. Работники РТС запасных деталей не дают, сами доставать их не можем. Техника простаивает»; И.Берзнов, бригадир тракторной бригады колхоза 40 лет Октября Челябинской области: «У Кропачевской МТС купили 15 комбайнов, 21 трактор. Оборудовали мастерскую, кузницу. Ремонт в колхозе обходится на 40% дешевле, чем в РТС, но она не выдает запчастей»; Председатель колхоза имени Ленина Сталинградской области: «Колхоз расположен в 15 км от РТС. И вот из-за каждого болта, гайки и т.д. нужно ехать в РТС. Тракторы и автомашины простаивают по несколько дней оттого, что у нас нет токарного станка, затягиваются полевые работы. В РТС за каждым болтом и гайкой не наездишься»¹³⁹.

Таким образом, перешедшие из МТС в колхозы специалисты, сигнализируют, что материальное положение их резко ухудшилось, они не получают обещанных льгот и выплат; по их мнению, в МТС значительно лучше и эффективнее был организован их труд, в колхозах же они зачастую используются не по назначению. А механизаторы, бригадиры тракторных бригад, ставшие колхозниками, не могут производительно использовать технику, организовать ее ремонт; РТС, воспользовавшись ситуацией, диктуют колхозам свои условия, ни за что не отвечая, обдирают их как липку.

Положение не изменилось и спустя полгода. В Информационной сводке писем от апреля 1959 г., специально посвященной взаимоотношениям колхозов с РТС, сообщается:

- Каслинское отделение Госбанка без ведома и согласия колхоза снимает любую сумму по требованию РТС, счета на запчасти завышаются на 90%. Наценка на горюче-смазочные материалы и запчасти – 16,5% (председатель колхоза имени Сталина Каслинского района Челябинской области С.Плеханов);

- Колхоз терпит большие убытки от Козляковской РТС (правление колхоза имени Ленина Санчурского района Кировской области);

- РТС делает двойную наценку на запчасти, почти в 2 раза завышает стоимость ремонта (колхоз имени Чкалова Березовского района Пермской области, С.Н.Ефимов);

- Колхоз имеет возможность своими силами ремонтировать технику, но Бугурусланская РТС не дает деталей, претендует на собственный ремонт, а наценка – 90%, отвечают: если вы будете оплачивать за полный ремонт, то мы будем обеспечивать вас запчастями (председатель колхоза имени Куйбышева Федоровского района Саратовской области Рябуха) и т.д. и т.п.¹⁴⁰

Совершенно очевидно, что выводы, сделанные Хрущевым на пленуме ЦК партии в декабре 1958 г. после его поездок по колхозам о значительном улучшении использования техники после пере-

дачи ее колхозам, поверхностны, преждевременны; в ряде случаев желаемое выдавалось за действительное. Новые механизмы, возникшие после реорганизации МТС, в полную силу еще не заработали, нужно было их отлаживать, регулировать, принимать оперативные решения. Во всяком случае, спешить с завершением реформы, сокращать ранее намеченные сроки было не только не разумно, но и опасно.

Переоценка позитивных результатов реорганизации МТС (а они, разумеется, были и немалые) была допущена при составлении плана семилетки. Вот что говорил в этой связи председатель Всесоюзного объединения «Сельхозтехника» А.А.Ежевский на мартовском 1965 г. пленуме ЦК КПСС: «Начиная с 1958 г., когда составлялся семилетний план, было заложено снижение производства сельскохозяйственных машин: в 1957 году в стране выпускалось сельскохозяйственных машин на сумму 948 миллионов рублей, в 1959 г. — только на 674 миллиона рублей, в 1960 году — на 758 миллионов... Почему произошел такой спад в выпуске машин? Почему образовался провал в обеспеченности потребностей сельскохозяйственного производства? Это является следствием того, что когда обсуждалась семилетка на 1959-1965 годы, то руководствовались тем, что после продажи техники колхозам она будет использоваться настолько лучше, что выпуск машин можно резко уменьшить. Но разве одно предположение может служить достаточным экономическим обоснованием для резкого сокращения производства сельскохозяйственных машин? Но мало этого, в 1958 году было принято решение о резком сокращении производства сельскохозяйственных машин, были соответственно сокращены и производственные мощности. Запорожский завод “Коммунар”, Кременчугский комбайновый завод и ряд других заводов были переданы в другие отрасли, потому что, по существу, оказались незагруженными. Мало этого, в 1958 году были приняты и другие неправильные решения... цены на запасные части увеличены в 2-2,2 раза, резко повышены на сельскохозяйственные машины и другие изделия»¹⁴¹.

По-видимому, Хрущев, исходя из того, что колхозы в связи с введением системы закупок сельскохозяйственных продуктов и отменой обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, а также списанием с них задолженности по обязательствам прошлых лет, значительно увеличат свои накопления и вполне смогут расплатиться за приобретаемую технику и запчасти к ней по новым (повышенным более чем в 2 раза!) ценам. Вот, воистину, одна рука дает, другая берет. А еще проявился и такой весьма противоречивый фактор укрепления колхозов, как их новое (второе после 1950 г.) укрупнение. Для того, чтобы купить технику МТС и лучше

ее использовать многие колхозы при всемерном поощрении властей объединялись. Укрупнение, продолжавшееся и в последующие годы, в 1958-1960 гг. приняло массовый характер. Произошло значительное сокращение численности колхозов, при столь же значительном увеличении числа дворов, приходящихся на один колхоз, посевных площадей, поголовья скота (см. табл. 6).

При столь стремительном и масштабном укрупнении происходили в основном количественные изменения, механическое наращивание различного рода внешних показателей, не подкрепляемое развитием инфраструктуры. При таком подходе неизбежно ухудшалось управление хозяйствами, пробуксовывала система производственного снабжения и обслуживания, возникали сложности с развитием культурно-бытовой сферы. Неизбежно обострялась жилищная проблема, которую нередко опрометчиво пытались решать на основе ликвидации мелких («неперспективных») деревень, сселения и переселения жителей в крупные поселки (будущие «агрокорода»).

К чести Хрущева надо сказать, что проблему укрупнения колхозов он всегда связывал (и теоретически, и практически) не только с развитием производства как такового, но и со строительством производственных построек, бытового устройства в колхозах и жилищным строительством в деревне; а во время первого укрупнения (1950 г.) — с проблемой «агрокородов», с сокращением приусадебных земель колхозников. За это, как уже отмечалось, в закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1951 г., принятого по указанию Сталина, был раскритикован, обвинен в ошибках, которые вынужден был признать. Однако, в связи с новым укрупнением колхозов, которое проводилось под его непосредственным руководством и во многом по его инициативе, снова вспомнили об этом злополучном письме.

Вопрос этот был поставлен на июньском пленуме 1957 г. в связи с деятельностью т.н. антипартийной группы в приложенных к стенограмме текстах речей членов ЦК В.Дементьева и В.Мацкевича. Постановка Дементьева носила общий характер. «Целесообразно, — предложил он, — рассмотреть и решить вопрос, который раньше поднимал Хрущев об агрокородах. Сейчас, считаю, эта инициатива Хрущева должна быть поддержана в полную силу». Мацкевич дал иную трактовку. Он утверждал, что Хрущев фактически ставил вопрос не об агрокородах, а о благоустроенных домах («хатах») и о перепланировке в связи с этим территории сельских населенных пунктов. Министр утверждал, что «гнусную кампанию против т.н. агрокородов» развернули не Сталин, а члены комиссии ЦК, готовившие текст закрытого письма, в которую входили Маленков и Молотов. Идею же Хрущева он интерпретировал как

Таблица 6

Динамика средних размеров колхозов по производственным показателям на конец года*

130

Показатели	1940 г.	1949 г.	1950 г.	1953 г.	1955 г.	1957 г.	1958 г.
<i>Число колхозов, тыс.</i>	235,5	251,7	121,4	91,2	85,6	76,5	67,7
в них наличных дворов, млн.	18,7	19,9	20,5	19,7	19,8	18,9	18,8
<i>Приходится в среднем на один колхоз:</i>							
колхозных дворов	80	80	165	220	231	245	276
сел.-хоз. угодий, га	1429	1476	3061	4211	4437	4125	4501
обществен. посевов, га	492	453	967	1407	1702	1696	1881
обществен. скота, голов:							
крупн. рогатого	85	100	224	298	308	374	463
овец и коз	177	238	546	835	832	913	1083
свиней	35	38	98	146	146	255	334
денежн. доходов, тыс. руб.	88	111	289	547	887	1250	1957
неделимых фондов, тыс. руб.	118	-	428	770	1029	1338	1825

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1960. С. 51, 58.

«глубоко партийное желание на месте разоренных войной сел, вырытых землянок построить хорошие хаты, правильно спланировать территорию».

1 апреля 1958 г. президиум ЦК КПСС принял постановление об отмене закрытого письма ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1951 г. «О задачах колхозного строительства в связи с укреплением мелких колхозов», оценив его как «неправильное, опрокинутое жизнью и противоречащее принятым за последние годы решениям ЦК КПСС по сельскому хозяйству».

В преамбуле постановления указывалось, что главный огонь сталинского закрытого письма был направлен против надуманной опасности так называемого «потребительского подхода» к вопросам колхозного строительства. Задача строительства производственных построек, бытового устройства в колхозах и жилищного строительства в деревне догматически противопоставлялась производственным задачам колхозов и фактически снималась с повестки дня. Игнорировалось то положение, что без строительства производственных построек колхозное производство не может развиваться, порождало пренебрежительное отношение к вопросам благоустройства колхозного села, к строительству и ремонту жилищ в деревне, что являлось одной из причин массового отлива населения из деревни¹⁴². И с этим можно согласиться. Однако в сталинском закрытом письме назывались и другие ошибки статьи Хрущева «О строительстве и благоустройстве в колхозах», опубликованной в «Правде», а именно предложение автора форсированно осуществить массовое сселение деревень в крупные колхозные поселки, не считаясь с последствиями торопливого сселения деревень и сел, сокращением приусадебных земель колхозников до 10-15 сотых гектара и вынесением остальной части приусадебного участка за пределы поселка. Об этом ничего не было сказано в постановлении президиума. А самое главное — постановление от 1 апреля 1958 г. проходило под грифом «совершенно секретно», как и предшествовавшее ему письмо от 2 апреля 1951 г. Вся эта закулисная перепалка между лидерами партии была предана гласности только в 1994 г.

В целом реорганизация системы МТС — одна из самых прогрессивных, далеко идущих по своим последствиям хрущевских реформ. Она нанесла чувствительные удары по основным звеньям командно-административной системы управления аграрным сектором, сложившейся в начале 30-х годов: ликвидировала сосредоточение современной техники в системе государственной собственности, что ставило колхозы в экономически и политически подчиненное положение; отменила натуральную оплату за пользование техники МТС колхозами на неэквивалентной основе и обязатель-

ные поставки колхозной продукции государству по принципу «первой заповеди» и по убыточным ценам; соединила непосредственного производителя сельскохозяйственной продукции (колхозы) с техникой, ликвидировав противоречие между двумя хозяевами на одной земле. Однако при реализации этой реформы грубо нарушались разработанные ранее принципы и темпы ее осуществления. На протяжении ряда лет пришлось преодолевать отрицательные последствия этого реформирования, такие как разрушение ремонтной базы бывших МТС, укреплять экономику слабых и отчасти средних колхозов, серьезно ослабленную в результате реформы, создавать специальную службу помощи колхозам в обеспечении их горючим, запасными частями, удобрениями, проведении капитального ремонта и т.д. и т.п. В то же время непосредственная отдача от проведенной реформы сказалась уже в ходе ее реализации, а именно — в росте колхозного производства в конце 50-х — начале 60-х годов, а также и в годы семилетки, несмотря на снижение темпов прироста сельскохозяйственной продукции.

5. ОРГАНИЗАЦИЯ И ОПЛАТА ТРУДА. ПРИУСАДЕБНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Осуществление прогрессивных реформ в сельском хозяйстве, направленных на повышение материальных стимулов крестьян к труду, развитие колхозного строя по пути его демократизации (постановления об изменении практики планирования, об уставе сельскохозяйственной артели и др.) инициировали поиски новых форм организации и оплаты труда в колхозах. Уже с середины 50-х годов в колхозах стали возникать комплексные полеводческо-животноводческие бригады, обслуживавшие весь цикл работ в полеводстве и животноводстве. В полеводческую бригаду колхоза включались и механизаторы, работающие на машинах МТС. Сообща они выполняли все виды полевых работ от сева до уборки, включая заготовку кормов, а порой строили и ремонтировали животноводческие помещения. В результате снижались затраты на содержание персонала, повышалась производительность. В 1956 г. в колхозах РСФСР действовала 41,6 тыс. таких бригад, а в 1959 г. — уже 53,4 тыс., в которых трудилось более 40% животноводов¹⁴³.

В канун реорганизации МТС появились и стали распространяться комплексные тракторно-полеводческие бригады, создаваемые на основе договоров правлений колхозов с руководителями МТС. Колхозу во временное пользование (на сезон) передавались тракторы и другая техника МТС, а руководство было объединен-

ным. Таким образом, колхоз в той или иной форме получал право распоряжаться основными орудиями производства. Разумеется, все это делалось с санкции местного руководства. Так, в Краснодарском крае в 1957 г. единое руководство в лице директора МТС и председателя колхоза было создано в 8 колхозах, а в 1958 г. — в 12. Тем самым устранялось противоречие между «двумя хозяевами на одной земле», проходила экспериментальная проверка практического решения этой проблемы. Наибольшее распространение получили все же полеводческо-животноводческие бригады, где все организационные вопросы решались на основе устной договоренности между руководителями колхозов и МТС. В конце 1958 г. в колхозах СССР из 328 тыс. бригад 67,9 тыс. (20,7%) были комплексными, 68 тыс. (21%) тракторно-полеводческими, 160,5 тыс. (49%) полеводческими¹⁴⁴.

Подтверждалась выгодность самостоятельного использования техники экономически крепкими колхозами. «Комплексная бригада, — подчеркивал Хрущев в одном из своих выступлений, — наиболее правильная, отвечающая современному этапу развития сельского хозяйства форма организации труда»¹⁴⁵.

После реорганизации МТС стали возникать и такие формы организации и оплаты труда, как коллективный подряд. Это были механизированные звенья, работавшие без применения ручного труда на возделывании пропашных культур; заработки механизаторов напрямую зависели от конечного результата, от качества работы и выращенного урожая. Среди пионеров применения этой формы работы были Н.Ф.Мануковский, В.Первицкий и др. В 1959 г. в целом по РСФСР насчитывалось 5,6 тыс. механизированных звеньев¹⁴⁶.

Совершенствовались и формы оплаты труда. Вскоре после сентябрьского пленума 1953 г. на основе принятых им решений принципиального характера в пользу колхозников пересматриваются многие положения и инструкции, в частности касающиеся авансирования колхозников. Раньше оно носило случайный характер и осуществлялось, как правило, в натуральной форме в период уборочных работ, причем далеко не всеми колхозами. Так, в 1953 г. всего 46,5% колхозов РСФСР выдавали авансы, а в 1954 г. этот процент достиг 90,3¹⁴⁷. В марте 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров приняли постановление «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах». В постановлении на основе обобщения опыта передовых колхозов рекомендовалось выдавать колхозникам ежемесячно в течение года в виде аванса не менее 25% денежных доходов, полученных от всех отраслей общественного хозяйства, и 50% денежных средств, взятых в

виде авансов за старую продукцию. Денежное авансирование колхозников, поквартальное и ежемесячное, к концу 50-х годов стало массовым. В 1958 г. 95,3% колхозов выдали колхозникам денежные авансы в течение года¹⁴⁸.

Летом 1958 г. по поручению Хрущева вопрос о переходе к денежной оплате труда обсуждался в сельхозотделе ЦК и в Экономической комиссии Совета Национальностей Верховного Совета СССР. В конце июля состоялось совещание председателей колхозов, на котором с докладом выступил директор ВНИИ экономики сельского хозяйства А.И.Тулупников. Он, в частности, отметил, что ряд колхозов с 1956 г. начал применять гарантированную ежемесячную оплату трудодня, некоторые пошли еще дальше — отменив трудодни, стали выдавать колхозникам заработную плату по твердым денежным оценкам. На основе изучения опыта многих колхозов и проведенных испытаний в опорных пунктах Института, сказал Тулупников, «нам представляется, что наилучшим путем совершенствования оплаты труда в колхозах является гарантированная оплата труда по твердым расценкам за норму выработки или за единицу произведенной продукции на уровне оплаты труда рабочих совхозов данной зоны». По его мнению, условия для перехода к новой системе оплаты труда в колхозах созданы (или создаются) после реорганизации МТС и введения новой системы хлебозаготовок — закупок¹⁴⁹.

В конце августа 1958 г. проблема оплаты труда колхозников и связанные с ней вопросы обстоятельно обсуждались на Экономической комиссии Совета Национальностей. Встал вопрос об исчислении себестоимости колхозной продукции. 29 августа председатель комиссии О.И.Ивашенко направил Хрущеву специальную записку «Об установлении экономически обоснованных цен на сельскохозяйственную продукцию колхозов на основе себестоимости», в которой изложил предложения комиссии, вносимые на рассмотрение ЦК КПСС. В документе констатировалось, что в настоящее время, когда колхозы экономически окрепли и особенно когда им передана техника МТС, отменены обязательные поставки и натуроплата, «действующая в колхозах система учета и оплаты труда по трудодням, ведение хозяйства без исчисления себестоимости продукции сдерживает дальнейшее развитие колхозов, не дает возможности определять экономически обусловленные заготовительные цены и рентабельность отдельных отраслей хозяйства в целом». Колхозы не имеют возможности надлежащим образом определять и анализировать результаты хозяйственной деятельности, планировать и учитывать фактически затраченный труд и средства на его оплату. «Трудодень не является мерой труда, так как за один и тот же труд

при равных условиях в различных хозяйствах начисляется неодинаковое количество трудодней. Оценка трудодня зависит от многих обстоятельств и определяется только в конце года, что не гарантирует колхозникам твердой оплаты и снижает их материальную заинтересованность». Приводились такие данные: средняя оценка трудодня колебалась от 6 руб. в РСФСР и Литовской ССР до 15 руб. в Туркменской и Таджикской республиках, а в передовых колхозах достигала 40-50 руб. В передовых колхозах себестоимость единицы продукции завышалась, в экономически слабых из-за низкой оплаты труда занижалась. По своей инициативе ряд колхозов в различных районах страны отказались от оплаты труда по трудодням и перешли на оплату по твердым денежным расценкам на основе исчисления себестоимости и стоимости продукции, распределяя не доходы, а прибыль¹⁵⁰.

Комиссия внесла на рассмотрение ЦК КПСС такие предложения:

1. Перейти в колхозах от учета трудовых затрат в условных единицах — трудоднях к исчислению в физических единицах, в рабочих днях или часах за выполнение нормы. Нормы устанавливаются, как правило, за полученные единицы продукции (за литр молока, за кг привеса животных и т.п.);

2. Перейти в колхозах от оплаты труда по трудодням к твердой денежной оплате за единицу продукции или за выполнение дневной нормы выработки на уровне заработной платы работников совхозов данной местности. Выплата заработной платы должна производиться не реже одного раза в месяц в полном размере или в виде аванса (70-75%), чтобы основная часть выплачивалась в конце года; в счет денежной оплаты труда колхозникам следует отпускать необходимые им продукты собственного производства по государственным розничным ценам или себестоимости;

3. Ввести в практику колхозов составление единого производственно-финансового плана и отчета с законченным балансом, определением себестоимости продукции, а также рентабельности сельскохозяйственного производства по отраслям и хозяйству в целом. Внедрить хозяйственный расчет в бригадах, фермах и подсобных предприятиях колхозов;

4. Перейти в колхозах от распределения валовой натуральной продукции и денежного дохода к распределению прибылей¹⁵¹.

В этих предложениях речь по существу шла не только о переходе колхозов на хозрасчетные отношения, но и на внедрение в их экономику товарно-денежных отношений. На это требовалось значительное время, а начинать надо было с внесения принципиаль-

ных изменений в Примерный устав сельскохозяйственной артели, на что обращалось внимание и в вышеизложенном документе.

К концу 1959 г. на гарантированную денежную заработную плату без начисления трудодней в РСФСР перешло не более 2 тыс. колхозов (8% от их общего числа). В большинстве же других денежная оплата сочеталась с натуральной, начисляемая в соответствии с выработанными трудоднями и ежемесячным авансированием. Ситуация мало изменилась и в начале 60-х годов. Директор ВНИИ экономики сельского хозяйства К.Оболенский, сменивший Тулупникова, в феврале 1962 г. сообщал в сельхозотдел ЦК и лично Хрущеву, что по труду в колхозах распределяется в основном остаток валовой натуральной продукции и денежной выручки. Отсутствует единое стоимостное выражение суммы доходов, подлежащих распределению. Фактически колхозы имеют право распределить по труду 25% денежной выручки и 50% авансов заготовителей. Гарантированную денежную оплату регулярно выплачивает небольшая часть колхозов. Наблюдаются значительные колебания в размерах оплаты труда колхозников в различных республиках и областях. Так, при средней оплате человека-дня в колхозах страны 1,10 руб., в Белоруссии она равнялась 0,75 руб., на Украине – 0,95, в Узбекистане – 1,54, в Туркмении – 1,77, в Эстонии – 2,58 руб. По сравнению с совхозами эти показатели были в 2-2,5 раза меньше¹⁵².

Экономист-аграрник, консультант сельхозотдела ЦК КПСС Н.Я.Ицков в апреле 1962 г. докладывал Хрущеву, что в 40% колхозов оплата труда составляет менее 50% оплаты рабочих совхозов; до конца года многие колхозники не знают, что они получают за свой труд (продолжал действовать пресловутый «остаточный принцип»); авансы выдаются в неопределенные сроки; «начиная с 1956 г. денежные доходы колхозов пошли в гору, и казалось мы были близки к тому, чтобы перейти к гарантированному ежемесячному авансированию, однако этого не произошло». И вот почему: нет твердого закона, какая часть денежных поступлений в колхозах может идти только в фонд зарплаты; пестрота в оплате со стороны государства продукции колхозов без учета ее себестоимости; недостаточен денежный аванс со стороны государства (30%). В то же время автор записки отмечал, что передовые колхозы, перешедшие к новой системе оплаты труда колхозников, добились повышения производительности труда, почти всю товарную продукцию полеводства и животноводства, произведенную в общественном хозяйстве, они сдают (продают) государству с большой выгодой для себя¹⁵³.

Однако, несмотря на все отмеченные недостатки в оплате труда, на весьма низкие темпы (по объективным причинам) в переходе колхозов на наиболее прогрессивную денежную форму оплаты тру-

да колхозников с отказом от теряющего свое значение трудодня. Доходы колхозного крестьянства СССР от общественного хозяйства после сентябрьского пленума 1953 г. непрерывно росли, а к концу 1958 г. общая денежная оценка трудодня (деньги + натура) составила 8,3 руб. против 5,3 руб. в 1953 г., т.е. выросла почти в 1,6 раза; денежные же выплаты (включая дополнительную оплату труда) увеличились с 1,9 до 4,7 руб. или 2,5 раза. Однако наблюдалась и значительная дифференциация в оценке труда колхозников в различных республиках и регионах: наиболее высокой она была в республиках Средней Азии и в Казахстане (в 1,5-2 раза выше, чем в России), в Армении (в 1,4 раза выше), колхозники Белоруссии получали наполовину меньше. Довольно низкой была оплата труда колхозников в Нечерноземной зоне РСФСР, значительно больше на Северном Кавказе и Западной Сибири¹⁵⁴.

Приводимые данные отражают доходы колхозников только от общественного хозяйства, но, как известно, был и еще один источник доходов колхозников — приусадебное хозяйство, именуемое в официальных документах «личным подсобным», хотя во второй половине 40-х — начале 50-х годов оно являлось для большинства крестьян основным источником их натуральных и денежных доходов. Хрущев считал такое положение ненормальным и, проводя свои аграрные реформы, стремился изменить это соотношение в пользу общественного хозяйства колхоза. При этом он твердо стоял на позициях основополагающего приоритета общественного хозяйства как производителя сельскохозяйственной продукции в стране (и, следовательно, поставщика ее государству), так и материального обеспечения крестьянина-колхозника. А приусадебное хозяйство, как еще разъяснял Сталин, — всего лишь дополнительный, причем временный, источник снабжения колхозников продуктами питания пока колхоз не сможет полностью решить эту проблему. В то же время, поскольку приусадебное хозяйство в последние годы сталинской эры находилось в полузадушенном состоянии, Хрущеву пришлось вольно или невольно превратиться в решительного защитника ЛПХ, освобождать его от налоговых пут и заготовительного гнета. Но и в этой ситуации его идеологические ориентиры в отношении этих двух секторов колхозной системы оставались прежними.

Так, в докладе на январском пленуме ЦК КПСС 1955 г., посвященном увеличению производства продуктов животноводства, глава партии сказал: «Развивая общественное животноводство, мы не должны умалять значения той части животноводства, которая находится в личной собственности колхозников и ведется в рамках Устава сельхозартели, в рамках личного потребительского хозяйства.

Партия и правительство поощряли и впредь будут поощрять колхозников в обзаведении скотом, имея в виду, что это содействует подъему благосостояния народа. Но главное внимание должно быть обращено на подъем общественного животноводства, призванного сыграть решающую роль в достижении обилия сельскохозяйственных продуктов и предметов народного потребления»¹⁵⁵. Заметим, что это было сказано когда обязательные поставки государству сельскохозяйственной продукции с колхозных дворов еще сохранялись, хотя и были несколько снижены по решению сентябрьского пленума 1953 г. Вопрос об отмене этих поставок был поставлен Хрущевым в конце мая 1957 г. в речи на совещании работников сельского хозяйства Северо-Запада РСФСР в Ленинграде. Любопытна сама мотивировка этой меры. «Сейчас, — сказал лидер партии, — производство продуктов животноводства, картофеля, значительно возрастает в колхозах и совхозах. Поэтому удельный вес продуктов, которые мы получаем от колхозников, весьма невелик... Ведь продуктов мало, а возни много. Мы держим огромное количество заготовителей, расходует на них средства. Отказ от поставок с колхозных дворов принес бы нам выгоду: мы сократили бы аппарат, бюрократическую переписку»¹⁵⁶. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих» было принято 4 июля 1957 г. и вступило в действие с 1 января 1958 г.¹⁵⁷

Время идет. Идет в гору и общественное хозяйство колхозов и совхозов. Но не все гладко в совхозах. В проекте семилетнего плана перед ними ставятся новые большие задачи, осуществление этой программы требует, чтобы работа совхозов «была поднята на более высокий уровень». Особенно не радует Хрущева ситуация в животноводстве: высока себестоимость продукции, низка производительность труда. В докладе на декабрьском (1958 г.) пленуме ЦК партии, он предлагает одну из мер по решению этой проблемы: «надо особо рассмотреть вопрос о том, следует ли в настоящее время рабочим и служащим совхозов иметь значительные приусадебные участки?». Ибо «наличие больших приусадебных участков и скота в личной собственности стало серьезным препятствием на пути развития совхозного производства... В периоды напряженных сельскохозяйственных работ значительная часть трудоспособного населения вынуждена заниматься малопроизводительным трудом в личном хозяйстве, что наносит ущерб интересам совхозного производства». Хрущев, ссылаясь на предложения рабочих и служащих передовых совхозов, предлагает совхозному руководству купить индивидуальный скот¹⁵⁸.

В постановлении пленума это предложение лидера партии оформляется в виде партийной директивы с неким теоретическим обоснованием: «на современном этапе развития совхозного производства, когда потребности работников совхозов в мясе, молоке, и других продуктах могут удовлетворяться за счет совхозной продукции, отпадает необходимость рабочим и служащим совхозов иметь своих коров. Требуется... чтобы постепенно, в течение двух-трех лет совхозы купили скот у своих рабочих и служащих, обеспечив их продуктами животноводства». И еще: совхозы должны позаботиться об удовлетворении полной потребности работников овощами, картофелем, а также животноводческой продукцией по себестоимости, но не выше государственных розничных цен. И тогда «у рабочих и служащих совхозов не будет нужды заниматься личным хозяйством, увеличится доход семей за счет заработков в совхозе, у них больше будет времени для отдыха, повышения своего культурного уровня, учебы и участия в общественной жизни»¹⁵⁹.

В том же докладе Хрущев поставил вопрос и о приусадебном хозяйстве колхозников, правда, совершенно в ином аспекте. «Доход, получаемый от личного хозяйства, — с огорчением отметил он, — составляет пока еще значительную долю в бюджете колхозной семьи». В то же время подчеркнул, что «с ростом общественного хозяйства личное хозяйство колхозников постепенно утрачивает свое значение», сославшись при этом на опыт колхоза села Калиновка («Родина Хрущева») Хомутовского района Курской области. Уже в ноябре 1957 г. калиновцы, вняв совету своего знаменитого земляка, продали своих коров колхозу, а в результате и колхоз и колхозники, а также государство получили большие выгоды. «По этому пути, — резюмировал он, — по мере развития общественного производства пойдут все колхозы. Но эту работу надо проводить умело, не административным путем, не предписаниями сверху, а только по мере роста общественного производства, по мере того как колхозы сами убедятся, что с продажей коров их материальное положение не ухудшится, а улучшится»¹⁶⁰. Постановление пленума не содержало каких-либо выводов и рекомендаций по этому вопросу.

Выступая вскоре после пленума в Рязани, в феврале 1959 г., Хрущев решительно осудил действия руководителей некоторых колхозов, которые встали на путь массовой покупки коров у колхозников. «Это неправильно, — подчеркнул он. — На такое мероприятие можно пойти лишь в тех колхозах, где хорошо развито общественное животноводство, где за счет общественного животноводства можно удовлетворить потребности колхозников в молоке»¹⁶¹.

Июньский пленум 1959 г. по официально заявленной повестке не имел прямого отношения к сельскому хозяйству, он должен был

обсудить проблемы ускорения технического прогресса в промышленности и строительстве в свете решений XXI съезда КПСС. Однако, Хрущев, открывая пленум, счел необходимым высказаться по вопросам сельского хозяйства, «имеющим весьма важное значение», «по которым состоялся обмен мнениями в Президиуме ЦК». Среди них на первом месте вопрос о принятии закона, запрещающего горожанам содержать скот — коров, свиней, коз. С 1 января 1958 г. владельцы скота в городах и рабочих поселках, как уже отмечалось, тоже были освобождены от обязательных поставок государству своей продукции, что стимулировало рост его поголовья. В этом Хрущев увидел большую опасность. «По существу, — сказал он, — были открыты каналы для скармливания горожанам огромного количества хлеба скоту». За счет дешевого государственного хлеба, подчеркнул он, наживались спекулянты.

Проблема, в самом деле, была острая и решить ее можно было тремя путями: поднять цены на хлеб, снизить цены на мясо или запретить горожанам держать скот. По мнению Хрущева, первые два пути отпадали — поднять цены на хлеб «политически неправильно», ибо «это затронет интересы миллионов трудящихся», снизить цены на мясо «мы так же не можем потому, что производство мяса обходится пока еще дорого». Однако «нельзя остаться равнодушным и к тому, что продовольствие, предназначенное для снабжения трудящимся, истребляется скотом». Проблему эту в 60-80-х годах не могли решить ни Брежнев, ни Горбачев. Хрущев начал ее решать путем запрета на содержание скота горожанами. И получил поддержку у членов президиума ЦК и членов пленума¹⁶².

С 30 июля по 15 августа 1959 г. были приняты указы Президиумов Верховных Советов союзных республик о запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках; в РСФСР — 12 августа¹⁶³.

Реализация партийных директив на местах началась немедленно, еще до принятия соответствующих законодательных актов, причем с грубейшими нарушениями даже тех указаний, которые содержались в опубликованных материалах декабрьского пленума ЦК 1958 г. Вот что в связи с этим писала В.К.Коляда из совхоза имени 1 мая Харьковского района Харьковской области в редакцию газеты «Сельское хозяйство» (письмо не было опубликовано, редакция, как и многие другие аналогичные письма, переслала его в сельскохозяйственный отдел ЦК партии).

«На декабрьском пленуме ЦК, — сообщала автор, — Хрущев в докладе высказался в отношении скота, находящегося в личном пользовании рабочих совхозов, подчеркнув, что нужно на протяжении 2-3 лет создать такие условия, чтобы владелец скота убедился,

что корова больше ему не нужна. Но что произошло после пленума на местах? Руководство нашего совхоза созвало специальное собрание рабочих и служащих, которые имели коров и молодняк крупного рогатого скота. Под видом разъяснения постановления пленума оно поставило вопрос, чтобы все владельцы скота продали его совхозу на протяжении 1-2 месяцев, объяснив, что такое мероприятие проводится по всему Советскому Союзу. Рабочие возмутились и стали задавать вопросы: где и когда записали такое постановление, Хрущев высказался совсем не так». Секретарь парторганизации ответил: «В газете было конечно не так, очевидно, Хрущев после пленума секретарям обкомов дал другую установку». На вопрос: «А если я не хочу продать корову, что мне за это будет?». Ответил: «А где будешь пасти и чем кормить зимой?». «Некоторые стали сравнивать это с раскулачиванием. Поступило уже 52 головы скота, а деньги никому не платят. Считаю, что это неправильно, перегибы со стороны низовых органов»¹⁶⁴.

За период с декабря 1958 г. по январь 1959 г. в редакцию газеты «Сельское хозяйство» поступило немало такого рода писем, включенных в информационную сводку, направленную в ЦК КПСС за подписью главного редактора А.Сиротина и озаглавленную «О закупке скота у колхозников и рабочих совхозов». Включение колхозников не случайно: наряду с рабочими и служащими совхозов под обвальную закупку скота попали и многие колхозники, в чем были заинтересованы местные власти, руководители колхозов, скупавшие по низким ценам личный скот колхозников, который затем, как правило, сдавался в счет заготовок, чтобы выполнить и перевыполнить план (не менее чем в 2 раза), получив за это премии и ордена. Немало преуспел в этом деле первый секретарь Рязанского обкома КПСС А.Н.Ларионов, удостоенный «За большую организаторскую работу по выполнению обязательств» звания Героя Социалистического Труда и личной благодарности Хрущева с трибуны декабрьского 1959 г. пленума ЦК КПСС.

Но обратимся снова к письмам колхозников и рабочих совхозов, включенных в информационную сводку за январь 1959 г.

Ф.К.Бражка, колхозница из колхоза им. Кирова Усть-Лабинского района Краснодарского края: «На собрании зам. председателя колхоза Критов зачитал план по животноводству на 1959 г., сказал, что план очень большой, чтобы его выполнить надо колхозникам продать своих коров колхозу. Выпасов для скота колхозников не дают, говорят «кормите, как хотите». На вопрос — везде ли такое положение по СССР ответили — везде». А.М.Гончаров, рабочий Точиленского совхоза Семикарикского района Ростовской области: «Совхоз организован в 1955 г. на базе колхоза. Каждый рабочий

имеет в своем хозяйстве корову, овец или коз. У меня овцы. Сельсовет предлагает сдать овец в совхоз. А кто не сдаст к 15 февраля — запретят их выпас. Когда рабочий имеет овец — он кушает мясо. Где же нам покупать мясо, если нет на базаре, да и средств нет?». Н.М.Емельянов, Незамаевский зерносовхоз Новопокровского района Краснодарского края: «На декабрьском пленуме 1958 г. Н.С.Хрущев говорил о том, чтобы в ближайшие 2-3 года создать материальные условия для обеспечения рабочих совхозов мясом и молоком за счет общественного хозяйства. Местные власти под угрозой чуть ли не ареста, невыделения пастбищ для индивидуального скота насильственным путем забирают скот, оставляя детей без стакана молока, которого негде купить. У рабочих совхоза забирают последнюю корову. А заработки 300 руб., очень трудно прожить». И.А.Кисткин, колхозник колхоза «Гигант» Поимского района Пензенской области: «Имеет ли право правление колхоза без разрешения общего собрания членов артели обобществить личный скот колхозника? К тому же колхоз не может обеспечить колхозников молоком. Имеется ли правительственное решение, чтобы обязательно обобществить скот колхозников?». Е.И.Шклиба, рабочая совхоза Безыменский Безыменского района Саратовской области: «У меня 4 козы и 15 кур. Сказали, что я могу иметь только одну козу, коза приравнивается к корове, но корова дает более 10 л молока, а коза около 2-х. Это очень мало для питания». Колхозники Курганского района Краснодарского края спрашивали: «Какой порядок сдачи скота колхозами — добровольный или обязательный? По каким расценкам должна производиться закупка? Если закупка добровольная, обязан ли совхоз предоставлять выпас для индивидуального скота?»¹⁶⁵.

За этими письмами тревога, нередко трагедия десятков тысяч людей, поставленные в них вопросы надо было решать быстро, незамедлительно пресечь произвол местных чиновников, отстранить от должностей наиболее наглых, разъяснить селянам и горожанам содержание принятых (или принимаемых) законов, добиться их безусловного выполнения.

А что же сельхозотдел ЦК КПСС, аккумулировавший эти письма, составлявший на их основе информационные письма и справки? Вот его реакция, запечатленная в посланных «наверх», в том числе Хрущеву, обязательных в таких случаях отчетах «о принятых мерах». 26 июня 1959 г. за подписью заместителя заведующего этим отделом П.Семенова в ЦК КПСС (на имя Хрущева) была направлена такая информация: «В письмах из Краснодарского края, Калужской, Московской, Калининградской, Курской и Кировской областей, присланных в редакцию газеты «Сельское хозяйство»,

сообщалось о недостатках при проведении работы по закупкам у колхозников и рабочих совхозов скота. Соответствующие обкомы сообщили, что некоторые изложенные в письмах факты подтвердились, другие – не подтвердились. Партийными, советскими и сельскохозяйственными органами на местах приняты меры к устранению недостатков, отмеченных в письмах трудящихся». Таким образом, с жалобами разбирались те, на кого жаловались; кое с чем местные боссы согласились, кое что опротестовали, и конечно же, заведрили ЦК партии, что приняли меры к устранению недостатков¹⁶⁶.

В аналогичной информации, подписанной зам. заведующего сельхозотделом ЦК КПСС по союзным республикам П.Чайкиным 19 марта 1959 г. отмечалось, что в связи с информационными сводками редакции газеты «Сельское хозяйство», в которых сообщалось «о неправильных действиях местных органов, правлений колхозов и директоров совхозов при проведении работы по закупкам коров», отдел «переговорил с секретарями обкомов партии, а в Харьковский, Винницкий и Хмельницкий обкомы для проверки писем и устранения ошибок в этой работе командированы инструкторы ЦК КПСС. Колхозникам, рабочим и служащим совхозов на месте даны необходимые разъяснения»¹⁶⁷.

А вот какую информацию в ЦК КПСС в связи с письмами трудящихся, откликнувшихся на предложение Хрущева запретить горожанам содержать скот, подписал 18 августа 1959 г. заведующий сельхозотделом ЦК КПСС по союзным республикам Ф.Крестьянинов. В документе говорилось, что с 30 июля по 15 августа 1959 г. Президиумы Верховного Совета республик приняли указы, юридически подкрепляющие это предложение лидера партии и далее: «В поступивших от ЦК Компартий союзных республик, обкомов, горкомов партии информациях сообщается о полной поддержке и одобрении этих мер», «в большинстве писем трудящихся горячо одобрялись высказывания Н.С.Хрущева по вопросу запрещения содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках»¹⁶⁸.

Эта информация отражала мнение горожан, не имевших скота, возмущавшихся тем, что обладатели его содержали скот за счет скармливания животным дешевого государственного хлеба. Но были отклики и тех граждан (горожан, жителей поселков), интересы которых были нарушены. О них руководители сельхозотдела ЦК предпочитали умолчать, отделавшись дежурной фразой о всеобщей поддержке и одобрении. И адресату приятно, и не надо принимать никаких мер по разъяснению гражданам «мудрых» решений партии.

В конце же 50-х годов показатели статистики еще не внушали тревоги, созданный запас прочности для индивидуальных хозяйств граждан постановлениями 1953-1958 гг., сохранялся. Обратимся к некоторым статистическим данным, характеризующим состояние индивидуального («личного подсобного») сектора сельского хозяйства.

Из опубликованных данных в статистических сборниках наибольший интерес для характеристики личных подсобных хозяйств представляют показатели о поголовье скота и производимой животноводческой и земледельческой продукции, ее удельном весе в общем производстве колхозов и совхозов («общественном хозяйстве») и др. (см. табл. 7-11).

Приведенные данные фиксируют зигзаги хрущевской аграрной политики по отношению к личным подсобным хозяйствам работников совхозов, горожан, колхозников, а именно рубеж конец 50-х — начала 60-х гг. Основное ограничительное или запретное законодательство было направлено против подсобных хозяйств работников совхозов и горожан, но в той или иной мере затронуло (де-факто) и колхозников. Однако заметного спада в производстве этих хозяйств (за исключением держателей скота в городах и рабочих поселках) не произошло. На всем протяжении хрущевского периода ЛПХ колхозников являлись основными производителями картофеля, овощей и яиц, давали около половины молочной и мясной продукции, которая частично реализовывалась на сельских и городских рынках. Продукция подсобных хозяйств работников совхозов и горожан шла почти целиком на собственное потребление, да и крестьяне-колхозники значительную ее часть потребляли сами, благодаря чему значительно улучшился рацион их питания. Хрущев способствовал развитию этой тенденции, освободив, как отмечалось, приусадебные хозяйства всех категорий от налогов и поставок продукции государству.

Весьма примечательны данные о структуре совокупного дохода семей колхозников, позволяющих дать общую оценку реального значения ЛПХ за весь рассматриваемый нами период (табл. 12).

Таким образом сохранялась устойчивая тенденция в соотношении двух важнейших источников доходов колхозных семей: примерно 42-43% доходов поступала от каждого из этих источников. Хрущеву, несмотря на все его старания, так и не удалось осуществить свою «голубую мечту» — коренным образом изменить соотношение между этими источниками в пользу общественного хозяйства. Правда, в поставках товарной продукции государству доминировало общественное производство, однако в производстве валовой продукции ЛПХ сохраняли свои позиции.

Численность скота в ЛПХ (на 1 января, тыс. голов)*

	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.
1. Личные подсобные хозяйства колхозников											
Крупный рогатый скот	17545	18779	20506	<u>21696</u>	20514	20270	17328	14989	14667	14890	<u>14666</u>
в том числе:											
коровы	10952	11119	11706	12140	12302	<u>12706</u>	11666	10379	9777	9646	<u>9476</u>
свиньи	11159	11209	11668	12811	10542	11066	10036	10276	10923	10063	8718
овцы	12440	15460	17857	19643	20219	22074	21898	19468	19254	19325	17508
козы	7617	7328	7013	6472	4779	4417	3664	3212	2994	2814	2415
2. Личные подсобные хозяйства рабочих и служащих											
крупный рогатый скот	5697	6101	6689	6635	8638	8855	7581	<u>8043</u>	9209	9634	<u>9416</u>
в том числе:											
коровы	3935	3916	4142	4064	5430	<u>5776</u>	5417	<u>5938</u>	6480	6507	<u>6526</u>
свиньи	3893	4211	4671	4481	4099	4037	3754	5121	6383	6030	4451
овцы	2078	2533	2966	3235	5461	6508	6896	8632	10307	10604	9041
козы	3690	3644	3628	3292	3507	3319	2693	2746	2821	2744	2176

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1960. С. 266-269; Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1971. С. 246-249.

Таблица 8

Производство основных продуктов животноводства в ЛПХ в 1953-1959 гг. (тыс. т)*

	1953 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
1. Личные подсобные хозяйства колхозников					
Мясо и сало всех видов (в убойном весе)	2374	2688	2880	2878	2963
молоко	17227	20030	20503	20887	20231
яйца (млн. шт.)	9217	11471	12749	12636	13386
2. Личные подсобные хозяйства рабочих и служащих					
Мясо и сало всех видов (в убойном весе)	665	942	1043	1125	1200
молоко	7062	7677	8846	10114	10069
яйца (млн. шт.)	4277	5437	6388	6858	7317

* Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 334-336.

Таблица 9

**Валовой сбор картофеля и овощей в ЛПХ хозяйствах колхозников, рабочих и служащих СССР
в 1953-1959 гг. (тыс. т)***

	1953 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
картофель	52060	63959	56916	57042	54950
овощи	5465	5973	6374	6692	6774

* Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 238, 243.

Таблица 10

Товарная продукция животноводства ЛПХ в 1953 и 1958 гг. (в % ко всем категориям хозяйств)*

Мясо и сало		молоко		яйца		шерсть	
1953 г.	1958 г.	1953 г.	1958 г.	1953 г.	1958 г.	1953 г.	1958 г.
1. Личные подсобные хозяйства колхозников							
25	30	30	14	67	56	11	10
2. Личные подсобные хозяйства рабочих и служащих							
2	4	7	1	1	5	1	0,3

* Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 337.

Таблица 11

Удельный вес ЛПХ населения в валовой продукции животноводства в 1950 и 1960 гг.
(в % ко всем категориям хозяйств)*

	1950 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.
мясо всех видов в убойн. весе	67	41	46	44	43	42
молоко	75	47	46	45	45	42
яйца	89	80	78	76	75	73
шерсть	21	21	22	22	21	21

* Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 289, 299, 307, 314.

**Структура совокупного дохода семей колхозников РСФСР
в 1953-1963 гг. (в % к итогу)***

	1953 г.	1958 г.	1963 г.
Доходы от колхоза	33,4	41,3	42,7
Доходы от ЛПХ	45,7	42,0	42,9
Доходы от государств и кооперативных организаций	18,5	14,7	12,2
Прочие доходы	2,4	2,0	2,2
Итого	100	100	100

* *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР. М., 1967. С. 93.

О.М.Вербицкая, проводившая собственные расчеты структуры совокупных доходов колхозных семей различных областей РСФСР на основе бюджетных обследований ЦСУ, пришла к выводу, что вплоть до 1961 г. доход от подсобного хозяйства на 6-7% был выше, чем от общественного, а именно: в 1953 г. соответственно 45,7 и 33,3%; в 1955 г. — 43,4 и 37,1%; в 1960 г. — 45,9 и 38,7%. «Даже в 1960 г., — пишет автор, — уже в ходе очередных гонений на личные подсобные хозяйства доходы от них ни в абсолютном, ни в относительном выражении не только не уменьшились, но стали даже больше. Оплата труда в общественном хозяйстве все еще уступала доходам от личного подсобного хозяйства». И общий вывод: «Семейно-трудовая кооперация в подсобном хозяйстве крестьянской семьи осталась достаточно жизнеспособной формой ведения сельского хозяйства, позволившей эффективно использовать труд всех членов семьи и приносящей достаточно высокие и стабильные доходы»¹⁶⁹.

Да и вряд ли есть основание сокрушаться по этому поводу. ЛПХ, как установил известный экономист-аграрник В.Г.Венжер, с точки зрения трудовых затрат далеко не всегда являлись помехой для развития общественного колхозного производства. Он подсчитал, что в 1960-1963 гг. в среднем по СССР только четвертая часть годового рабочего времени трудоспособных колхозников использовалась в подсобном хозяйстве, а не менее трети, по вине руководителей колхозов, недоиспользовалась¹⁷⁰.

Ведение ЛПХ поглощало значительную часть труда колхозников, обеспечивая им полную занятость; вовлекало в производство пенсионеров и подростков, женщин-домохозяек; приобщало к трудовой деятельности детей младшего возраста. Да и отдача от труда в ЛПХ была нередко выше, чем в колхозе. Секретарь Костромского

ромского обкома партии Л.Я.Флорентьев (в дальнейшем министр сельского хозяйства РСФСР) в выступлении на мартовском пленуме ЦК 1965 г. сказал, что «единица труда, затраченного в личном хозяйстве, как правило, оплачивается выше, чем единица труда, затраченного в общественном производстве». И еще: «Во многих колхозах Нечерноземной зоны основным гарантированным источником существования колхозной семьи и сейчас остается приусадебное хозяйство»¹⁷¹.

Так что говорить о превращении крестьянина-колхозника к 1965 г. в «рабочего с огородом», как полагают некоторые историки, нет никаких оснований.

6. КОЛХОЗ ИЛИ СОВХОЗ: ЧТО ЛУЧШЕ?

Впервые вопрос об эффективности колхозной или совхозной формы социалистического сельского хозяйства пришедший к власти Хрущев поставил в связи с освоением целинных и залежных земель 5 июня 1954 г. в записке в президиум ЦК партии, озаглавленной «Некоторые замечания о поездке в Казахстан». Февральско-мартовский пленум 1954 г., определяя программу освоения целины на Востоке страны, исходил из того, что в ближайшие два года необходимо освоить 13 млн. га целинных и залежных земель, в том числе в колхозах 8,7 млн., в совхозах — 4,3 млн. Предпочтение явно было отдано колхозам. После инспекционной поездки в Казахстан лидер партии изменил точку зрения по этому вопросу. «У меня складывается такое мнение, — писал он, — что нам надо главным образом идти по линии создания на этих степных землях совхозов, потому что именно в совхозах с наибольшей выгодой и эффективностью можно использовать технику на огромных массивах. Производительность труда будет высокая, а отсюда и оплата труда будет хорошая. Все равно все затраты, связанные с освоением новых земель, несет государство... Фактически получается, что государство платит колхозу за то, что этот колхоз имеет акт на вечное пользование землей, которую обработало государство, вырастило и собрало на этой земле урожай». Он привел данные по Кустанайской области, свидетельствующие о том, что себестоимость центнера зерна в совхозах была в два раза меньше, чем в колхозах, обслуживаемых МТС (соответственно 26 и 60 руб.). А на риторический вопрос — «Каким же путем нам лучше всего осваивать новые земли и заселять их?». Ответил: «Через совхозы. Это самый рациональный выход»¹⁷².

В январе 1955 г. на пленуме ЦК, обсуждавшем вопрос о животноводстве, было решено организовать на целине еще (в дополнение к 125) 280-300 совхозов, поскольку «Опыт первого года освоения целинных и залежных земель показал, что совхозам принадлежит большое будущее в увеличении производства зерна». На этом же пленуме Хрущев поставил вопрос и об увеличении в совхозах производства продуктов животноводства, подчеркнув, что совхозы «с новой силой показали свою жизненность и свои огромные экономические возможности в последнее время, когда начались большие работы по освоению целинных и залежных земель»¹⁷³.

В теоретическом и практическом плане вопрос о двух формах собственности в сельском хозяйстве и соответствующим им двум формам сельскохозяйственных предприятиях обсуждался в связи с реорганизацией МТС. В тезисах доклада (а затем и в докладе) на сессии Верховного Совета Хрущев отметил, что отдельные экономисты считают, что с реорганизацией МТС возникают неясности в некоторых теоретических вопросах, в частности в вопросе о двух формах собственности. Они опасались, что продажа техники колхозам может ослабить общенародную собственность, которой принадлежит будущее, ставили вопрос о том, какая форма социалистического сельского хозяйства более прогрессивна — колхозная или совхозная; некоторые полагали, что ввиду того, что в основе совхоза лежит общенародная собственность, следует переводить колхозы на совхозную форму хозяйства.

Хрущев разъяснил, что «такая постановка вопроса по существу является неправильной, ошибочной», хотя верно и то, что «общенародная собственность — высшая форма собственности», так как имеет «более высокий уровень обобществления». «Речь идет о том, чтобы постепенно повышать уровень обобществления колхозной собственности и таким образом поднимать ее до уровня общенародной». Тем самым как бы признавалось все же известное несовершенство, неполноценность колхозной собственности, которую надо было поднимать до уровня совхозной. Именно из этого исходил и Сталин в своей последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Хрущев даже называл один из путей такого перехода — через неделимые фонды колхозов, которые создавались при активном участии рабочего класса, всего советского народа¹⁷⁴.

Однако эти теоретические неувязки и противоречия не помешали ему все же сделать разумные выводы практического характера. Он, как уже отмечалось, не поддержал предложения председателей передовых колхозов, в частности Генералова, «считать неделимые фонды колхозов всенародной собственностью», т.е. национализи-

ровать основную часть колхозной собственности, встать на путь дальнейшего огосударствления колхозной системы.

Лидер партии решительно высказался против противопоставления совхозов колхозам, не поддержал экономистов, которые пришли к выводу «о необходимости перехода от сельскохозяйственной артели к совхозной форме», подчеркнув, что колхозы далеко не исчерпали возможности своего дальнейшего развития, что «задача состоит в том, чтобы укреплять и развивать как совхозы, так и колхозы»¹⁷⁵.

А в докладе на пленуме ЦК в июне 1958 г. Хрущев потребовал «изменить практику, когда для колхозов устанавливается непомерно завышенные цены на сельскохозяйственные машины, горючее и другие изделия, что является, по существу, не чем иным, как отголоском неправильного отношения к колхозам, как якобы неполноценным социалистическим предприятиям»¹⁷⁶. К вопросу о двух формах социалистической собственности, о путях их развития и сближения Хрущев вновь вернулся в январе 1959 г. в докладе на внеочередном XXI съезде КПСС, обсуждавшем контрольные цифры народного хозяйства на 1959-1965 гг. При этом он исходил из того, что «в будущем колхозно-кооперативная и государственная формы собственности полностью сольются в единую коммунистическую собственность»¹⁷⁷.

Пожалуй, впервые лидером партии были четко разграничены понятия «государственная (совхозная)» и «общенародная (коммунистическая)» собственность, подчеркнуто, что «слияние колхозно-кооперативной собственности с государственной в одну, общенародную собственность — это не просто организационно-хозяйственное мероприятие, а решение глубокой проблемы преодоления существенного различия между городом и деревней». Именно поэтому «сейчас мы не форсируем их слияние и считаем, что на современном этапе надо всемерно развивать наряду с государственной также и колхозно-кооперативную собственность».

Таким образом, вопрос о сближении колхозов с совхозами, базирующимися на «высшей форме» социалистической собственности, а тем более о «совхозизации» не ставился и как бы даже отпал. И в то же время на всем протяжении хрущевского периода идет процесс массового преобразования колхозов в совхозы. Для этого были особые причины, напрямую не связанные с преодолением различий между двумя формами социалистической собственности, недооценкой колхозов как одной из форм организации социалистического сельского хозяйства.

Дело в том, что Хрущева очень беспокоило сохранение в стране значительной группы экономически отсталых колхозов — своеобраз-

разным наследием недавней войны. Больше всего таких хозяйств находилось в северо-западных и западных районах России, в Белоруссии, Прибалтике, на Украине, переживших длительную немецко-фашистскую оккупацию. Одной из первых мер помощи таким колхозам стало направление в них на основе постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 марта 1955 г. на постоянную работу в качестве председателей 30 тыс. (примерно столько считалось было в стране слабых колхозов) «лучших коммунистов и беспартийных из городов, промышленных предприятий, государственных учреждений и научно-исследовательских организаций»¹⁷⁸. Разумеется, решить проблему отстающих колхозов таким образом не удалось, большинство «добровольцев», отработав положенный срок, покинули деревню.

Была испытана и еще одна мера: Хрущев решил протянуть руку помощи колхозникам «лежачих колхозов» путем преобразования их в совхозы. Для этого потребовались немалые средства — нужно было снабжать новые хозяйства техникой, горючим, ежемесячно выдавать бывшим колхозникам гарантированную плату, выплачивать пособия и пенсии и т.д. Первые шаги по созданию совхозов на базе экономически слабых колхозов были предприняты уже в конце 1954 — начале 1955 г. Они коснулись сравнительно небольшой группы колхозов западных и центральных районов России (Ленинградской, Новгородской, Московской, Смоленской и Калужской областей), которые за годы войны особенно пострадали. Всего на базе 686 экономически слабых колхозов было создано 85 новых совхозов. Им было передано имущество 12 МТС, ранее обслуживавших эти колхозы, выделено 28 млн. руб. на создание основных фондов (по 3,3 млн. руб. на совхоз)¹⁷⁹.

Особенно много колхозов было преобразовано в совхозы в 1957 г. Если до этого было реорганизовано 1430 колхозов, то за один 1957 г. — 5729, на основе которых создано 849 новых государственных хозяйств, в том числе 379 — в РСФСР и 198 — в Казахстане. Всего за 1957-1961 гг. в совхозный сектор перешло более 17 тыс. колхозов¹⁸⁰. Немало колхозов было преобразовано в совхозы в районах освоения целины. Хрущев оказался прав: эффективное использование больших массивов новых земель оказалось непосильным для многих колхозов, они смогли освоить лишь небольшую часть переданных им земель.

А.П.Тюрина, специально изучавшая проблему преобразования колхозов в совхозы за период с 1954 по 1981 г., пришла к выводу, что на первом этапе этой реорганизации (1954-1965 гг.) «в совхозы преобразовывались в основном экономически слабые колхозы, имевшие низкие производственные показатели, большую задол-

женность государству и колхозникам по оплате труда»¹⁸¹. Таким путем в эти годы было создано около 90% всех вновь организованных совхозов¹⁸².

Естественно, что члены слабых колхозов, не имевших перспектив собственными силами исправить положение, охотно поддерживали эту меру, проявляли большую активность на собраниях, посвященных реорганизации и, как правило, голосовали «за». Иное дело, когда речь шла о преобразовании крепких хозяйств, инициаторами которых выступали обычно местные руководители, исходя из собственных интересов: совхозы были более управляемы, получали материальное обеспечение из государственного бюджета и т.д. Делались попытки теоретически обосновать эти действия. Так, председатель Алтайского крайисполкома С.В.Шевченко в выступлении на пленуме крайисполкома в 1957 г. сказал: «Речь ведь идет не о каком-либо частичном решении вопроса. Сегодня речь идет о начале постепенного массового перехода от колхозной к совхозной форме производства...»¹⁸³.

Министр сельского хозяйства В.В.Мацкевич одним из первых осознал опасность для государства и сельского хозяйства таких подходов. В речи на декабрьском 1959 г. пленуме ЦК он поставил вопрос о сокращении масштабов нового совхозного строительства, особенно за счет преобразования колхозов. «Необходимо, — сказал министр, — подсчитать и определить источники средств для вновь организуемых совхозов, обеспечивающие их быстрое укрепление и развитие. Я на это обращаю внимание потому, что нередко местные организации поначалу просят лишь предоставить им право реорганизовать колхозы в совхозы, а потом средств для их укрепления не изыскивают, выделенные же средства на развитие старых совхозов распыляют на все хозяйства, чем создают серьезные затруднения в их производственной деятельности». Он предложил небольшие, экономически слабые колхозы объединять с расположенными рядом крепкими совхозами и колхозами, а новые совхозы создавать главным образом для освоения необжитых земель¹⁸⁴.

Опираясь на высказывания Хрущева в докладе на XXI съезде партии о том, что и колхозная и совхозная форма должны развиваться, что каждую из них надо укреплять, создавать все условия для дальнейшего развития, Мацкевич, один из первых среди руководителей такого ранга, отказался от определения совхозной формы как «высшей формы» социалистического сельского хозяйства, подчеркнув, что «есть положительные стороны как в совхозной, так и в колхозной форме организации хозяйства», пояснив это на двух примерах — оплате труда и системе управления. «В совхозах, — сказал он, — оплата труда рабочим гарантирована, она не зависит от

стихийных бедствий и других неудач. Однако очень мало зависит от конечных результатов производственной деятельности хозяйства. В системе оплаты труда в колхозах недостаточен элемент гарантийности, но в свою очередь в наличии полная зависимость оплаты труда от результатов производственной деятельности хозяйства. Жизнь выдвигает необходимость разработать новую систему оплаты труда, примерно одинаковую для колхозов и совхозов». «В совхозах, — продолжал он развивать свою мысль, — довольно четкая административная система управления производством. Однако степень зависимости руководителя от коллектива недостаточна. В колхозах форма развития более демократична. Следовательно, выработка новой формы управления сельскохозяйственным производством, сочетающей четкость административной распорядительности, имеющейся в совхозах, с демократическими принципами управления, действующими в колхозах, являются важной задачей совхозов и колхозов»¹⁸⁵. Так министр сельского хозяйства представлял себе сближение совхозов и колхозов, которое все же, на его взгляд, было необходимо, но на паритетных началах. А в июне 1960 г. он обратился в правительство с запиской, в которой вновь настаивал на прекращении массового строительства совхозов на базе колхозов. И был, безусловно, прав, как практик, как руководитель ведомства, отвечающего за сельское хозяйство в целом. Организацию же новых совхозов, по его мнению, нужно было производить «в исключительных случаях и при обязательном выделении необходимых капитальных вложений»¹⁸⁶.

А дело в том, что, как показала практика, на базе слабых колхозов, когда процесс их реорганизации превзошел все разумные масштабы, можно было создать только слабые совхозы, вследствие чего качественные показатели совхозной системы в целом в конце 50-х годов заметно снизились, особенно в животноводстве. «Производительность животноводства в совхозном секторе за вторую половину 50-х годов, — делает вывод М.Л.Богденко, — снизилась, причем особенно заметное ухудшение произошло в 1957-1958 гг., когда было приято большое количество малопродуктивного скота из колхозов. В совхозах, организованных на базе колхозов, удой молока на корову в 1957 г. составлял только 1796 кг. В то же время удой молока в старых совхозах составлял 2700 кг»¹⁸⁷. По данным выборочной проверки производственно-финансовой деятельности совхозов, созданных на колхозных землях в различных районах страны, в конце 1959 г. убыточными оказались 70-75% хозяйств¹⁸⁸.

Некоторые итоги этих преобразований подвел Хрущев в своей записке в президиум ЦК КПСС от 31 июля 1963 г. «О некоторых вопросах подъема экономики отстающих колхозов и совхозов».

«Мне хотелось особо остановиться, — писал он, — на работе совхозов, созданных на базе экономически слабых колхозов». Поскольку публикация такого рода документов, как правило, не предусматривалась, первый секретарь ЦК мог быть предельно откровенным. За последние семь-восемь лет, проинформировал он, были преобразованы в совхозы около 19 тыс. колхозов. На их базе создан 3131 новый совхоз, в том числе в РСФСР — 1739, в Казахской ССР — 495, в Белорусской ССР — 246. «Многие из таких совхозов работают с убытками, сумма которых за последние два года составила 600 млн. руб. А есть и такие хозяйства, которые производят продукции меньше, чем производили колхозы, на базе которых они были созданы»¹⁸⁹.

Каковы же причины этой ситуации? Партийные и советские работники в областях и краях, по мнению Хрущева, увлеклись превращением отстающих колхозов в совхозы. «В своих записках в ЦК они докладывали, какой экономический эффект будет получен от этого, как провести соответствующую работу... Но как только руководители добивались решения ЦК и правительства, так о своих обязательствах забывали». «Теперь бывшие колхозники стали рабочими совхозов, получают определенную зарплату, но отношение к труду многих из них еще не изменилось». ЦК рассчитывал на резкое увеличение производства продуктов, «а на деле все свелось к тому, что государство как бы приняло на свое обеспечение бывший отстающий колхоз. Государство платит зарплату, выплачивает пенсии работникам совхоза, а нужного количества продукции от этих хозяйств не получает».

Иначе говоря, социальные проблемы в той или иной мере решаются, а производственные отстают, государство, рассчитывавшее на прибыли, терпит убытки. Хрущев вновь посетовал и на «раздувание количества скота, находящегося в личной собственности рабочих совхозов», что «наносит серьезный ущерб интересам государства и всего народа».

Что же предложил автор записки для решения проблемы слабых колхозов, а теперь уже и слабых совхозов? «Настало время, — заключает он, — придать решению задачи подтягивания отстающих хозяйств четкую, определенную направленность и организованность. Следует составить списки отстающих колхозов и совхозов, поручить производственным управлениям по каждому хозяйству разработать и осуществить организационные меры по преодолению отставания хозяйства. Я имею в виду прежде всего подбор кадров, укрепление дисциплины, правильную расстановку коммунистов и комсомольцев на решающих участках производства. Конечно, надо

продумать и определенные меры усиления материально-технической помощи таким хозяйствам»¹⁹⁰.

Эта идея Хрущева стала реализовываться с весны 1964 г., когда (12 марта) было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах подъема экономически отсталых колхозов», которым предусматривалось существенное повышение оплаты труда колхозников, отсрочка платежей по кредитам, списание задолженности по налогам, укрепление их кадрами и др. К экономически отсталым было отнесено 38772 колхоза страны, или 22%, в том числе в РСФСР — 23,4%. По существу, делалась новая (третья) попытка решить проблему экономически слабых колхозов¹⁹¹. О начале реализации этого постановления речь пойдет в III гл.

Помимо преобразования экономически слабых и целинных колхозов был и еще один источник «совхозизации» — реорганизация пригородных колхозов, в том числе и экономически крепких с целью создания на их основе специализированных совхозов по производству на промышленной основе овощей, картофеля, мясомолочной продукции, яиц, куриного мяса. И это была разумная, весьма перспективная мера, ибо речь шла об улучшении снабжения соответствующей продукцией городского населения, численность и удельный вес которого в стране непрерывно и быстро возрастали. Вопрос о создании таких хозяйств был поставлен в записках Хрущева в президиум ЦК КПСС 5 сентября 1962 г. и 13 апреля 1964 г.¹⁹²

На вопросы «совхозизации» сельского хозяйства в теоретическом и практическом плане значительное влияние оказали решения XXII съезда партии (октябрь 1961 г.) и особенно принятая новая Программа КПСС. Хрущев выступал на съезде с двумя центральными докладами — с отчетом ЦК КПСС и по проекту Программы КПСС, что само по себе свидетельствовало о его неоспоримом и ни с кем не делимым лидерстве в партии. Вопрос о двух формах социалистических сельскохозяйственных предприятий и перспективах их развития он затронул во втором своем докладе. Весьма четко ответил на вопрос «некоторых товарищей» — как пойдет дальше развитие сельского хозяйства — колхозным или совхозным путем, разъяснив: «Партия исходит из того, что строительство коммунизма в деревне пойдет путем развития и совершенствования обеих форм социалистических сельскохозяйственных предприятий. Нельзя противопоставлять одну социалистическую форму хозяйства другой... При равных материальных возможностях, хорошей организации производства, квалифицированном руководстве и та и другая форма могут дать высокий результат». А далее отметил, что во многих колхозах сейчас производительность труда ниже, а себес-

тоимость продукции выше, чем в совхозах, но это не по тому, что колхозная форма будто бы исчерпала себя, перестала соответствовать уровню современных производительных сил, причина — «в организации производства, в руководстве, а также в уровне технической оснащенности». И тем не менее «в дальнейшем развитии сельского хозяйства, в решении задачи создания обилия сельскохозяйственных продуктов роль совхозов как ведущих социалистических предприятий в деревне будет еще более возрастать (подчеркнуто мною. — И.З.). Мы должны превратить совхозы в первоклассные фабрики по производству зерна, хлопка, мяса, молока, шерсти, овощей, фруктов, чая»¹⁹³.

В Программе КПСС этот тезис просматривается еще отчетливее: «Все возрастающую роль в развитии сельского хозяйства играют *совхозы* — ведущие социалистические предприятия в деревне. Совхозы призваны служить для колхозов образцом передовых, научно обоснованных, экономически выгодных методов ведения общественного производства, высокой культуры и производительности труда». А в докладе Хрущева еще и присовокуплено: «Важно также, чтобы совхозы стали примером не только в лучшей организации производства, но и в организации быта, культуры, коммунистического воспитания человека»¹⁹⁴.

А почему, собственно, зададимся вопросом, государственная форма организации производства, изначально бюрократизированная (на что, кстати, обратил внимание В.В.Мацкевич в выступлении на пленуме ЦК в декабре 1959 г.), моделированная по образцу индустриальных предприятий («фабрик»), должна быть примером, образцом для самостоятельных (кооперативных) предприятий. Авторы Программы в этой связи нарисовали такую радужную перспективу для не столь уж отдаленного будущего (всего через 20 лет, к началу 80-х годов, как предполагалось, «в СССР будет в основном построено коммунистическое общество»):

для колхозов: «Экономический подъем колхозов позволит совершенствовать внутриколхозные отношения: повышать степень обобществления производства, приближать нормирование, организацию и оплату труда к уровню и формам, сложившимся на государственных предприятиях (подчеркнуто мною. — И.З.), осуществлять переход к гарантированной ежемесячной оплате труда»; шире развивать общественные услуги (общественное питание, детские сады и ясли, бытовые учреждения и т.д.); «личное подсобное хозяйство постепенно себя изживает экономически»; «по экономическим условиям колхозы сравниваются с общенародными предприятиями в сельском хозяйстве»; «постепенно колхозные деревни и села преобразуются в укрепленные сельские пункты городского

типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием».

Для совхозов: «будут непрерывно увеличивать производство и улучшать качество продукции, добиваться высоких темпов роста производительности труда»; «должны стать механизированными и хорошо организованными первоклассными фабриками зерна, хлопка, мяса, молока, шерсти, овощей, фруктов, поднимется их роль в снабжении городского населения продовольствием, повысится роль коллективов рабочих и служащих, общих собраний и производственных совещаний в решении хозяйственных и культурно-бытовых вопросов».

Для совхозов и колхозов: «Усилятся их производственные связи между собой и с местными промышленными предприятиями, расширится практика совместной организации совместных производств», «постепенно в меру экономической целесообразности сложатся аграрно-промышленные объединения, в которых сельское хозяйство органически сочетается с промышленной переработкой его продукции при рациональной специализации и кооперировании», откроется возможность перехода к коммунистическим формам производства и распределения»¹⁹⁵.

Отвлекаясь от оценки этих перспектив самими колхозниками и работниками совхозов (совершенно очевидно, что далеко не всем из них они импонировали), отметим их четкую ориентацию на преимущества совхозной формы (замена термина «высшая форма организации сельского хозяйства» на «ведущую роль совхозов» в сельском хозяйстве по существу ничего не меняла) к сближению, к которому колхозы должны были стремиться до полного поглощения их государственной системой сельского хозяйства. А поскольку сроки этого сближения были четко обозначены, у сторонников «совхозизации» появились дополнительные и весьма убедительные аргументы. Программа КПСС, явно исходившая из недооценки колхозной формы собственности, ее потенциальных возможностей и социально-экономического значения, давала основания, как теоретикам, так и практикам полагать, что путем преобразования колхозов в совхозы и дальше будут решаться проблемы перехода сельского общества к социальной однородности. Пришедшему к власти Л.И.Брежневу пришлось неоднократно разъяснять эти вопросы, подчеркивать непреходящее значение колхозной формы, в частности, на мартовском (1965 г.) и октябрьском (1968 г.) пленумах ЦК, XXIII съезде КПСС (1966 г.) однако, формулировка Программы КПСС о совхозах как ведущих, образцовых социалистических хозяйствах сохранилась¹⁹⁶.

7. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

15 декабря 1958 г. открылся пленум ЦК КПСС в повестке дня которого был один вопрос «итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения сельскохозяйственных продуктов». Пятилетний срок подведения итогов развития страны и народного хозяйства — традиционный для советского государства, а в данном случае — это еще и канун созыва внеочередного XXI съезда КПСС, намеченного на январь следующего года с обсуждением нового (на этот раз семилетнего) плана развития народного хозяйства СССР. Хрущев, открывший пленум выступил с 4-часовым докладом, в котором приводились данные ЦСУ (уточненные применительно к концу 40-х — началу 50-х годов в связи с исчислением валовых сборов зерна на основе амбарной урожайности) о развитии сельского хозяйства.

«Не будет преувеличением сказать, — подчеркнул докладчик, — что истекший после сентябрьского пленума ЦК 1953 года период в жизни партии и страны, в жизни нашего народа имеет историческое значение». А начал с ситуации в сельском хозяйстве за предшествующее пленуму пятилетие. Вследствие крупных недостатков и извращений ленинской политики в колхозном строительстве, отметил он, рост сельскохозяйственного производства затормозился: валовое производство и заготовки зерна не росли, а производство мяса было ниже предвоенного уровня; по производству зерна страна находилась на том уровне, который имела дореволюционная Россия (среднегодовые сборы зерна соответственно — 4,9 и 4,4 млрд. пуд., урожайность — 7,7 и 7 ц с 1 га). На этот раз, в отличие от доклада на сентябрьском пленуме, Хрущев обрушился на Маленкова с обвинением его в «очковтирательстве, обмане партии и народа», в стремлении «скрыть крупные провалы в сельском хозяйстве, руководство которым было поручено ему», в связи с выводом «об окончательном и бесповоротном решении зерновой проблемы, сделанном на основе данных о биологической урожайности»¹⁹⁷.

Докладчик подчеркнул, что после сентябрьского пленума был совершен «гигантский скачок в развитии сельского хозяйства» и перечислил меры, на основе которых решалась эта задача: «был восстановлен принцип материальной заинтересованности колхозников, всех тружеников деревни в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов»; «партия укрепила колхозы и совхозы руководящими кадрами, а также кадрами специалистов сельского хозяйства», «сельское хозяйство в кратчайший срок получило сотни тысяч тракторов и миллионы различных машин»; «на развитие

сельского хозяйства государство ассигновало огромные средства», «был принят новый порядок планирования, развивший инициативу колхозников»; на основе укрепления экономически колхозов «партия осуществила реорганизацию машинно-тракторных станций, разработала и провела в жизнь новый порядок заготовок сельскохозяйственных продуктов»; освоены «десятки миллионов гектар новых земель, что имело решающее значение для увеличения производства зерна и подъема сельского хозяйства в целом»¹⁹⁸.

Хрушев привел такие данные о развитии зернового производства за период 1953-1958 гг.:

	1953 г.	1958 г.	1958 г. в % к 1953 г.
Посевные площади, млн. га	106,7	125,2	117
Валовой сбор зерна, млн. пуд.	5036	8508	169
Заготовлено зерна, млн. пуд.	1899	3495	184

Таким образом, посевные площади зерновых увеличились на 17%, валовые сборы – на 69, заготовки – на 84%. Это, подчеркнул он, «выдающаяся победа, столько хлеба страна никогда не имела за всю свою историю». А решающий фактор этого роста – освоение целинных и залежных земель. В течение трех лет на Востоке страны (в Казахстане, Сибири, Поволжье и др. районах) было поднято 36 млн. га целины, в том числе более 20 млн. в Казахстане, на новых землях создано 425 крупных совхозов со средней посевной площадью 25-30 тыс. га. «Таких масштабов и темпов освоения новых земель, – сказал докладчик, – не знало ни одно государство». Он отдал должное 350 тыс. юношей и девушек добровольно отправившихся по призыву партии на освоение целины и с честью выполнявших свою задачу. А также более 3 млн. студентов, молодых рабочих и служащих, участвовавших на уборке целинного урожая. Но при этом заметил: «совхозам надо иметь постоянные кадры для проведения всех сельскохозяйственных работ, чтобы не посылать ни рабочих, ни студентов, на уборку урожая»¹⁹⁹.

А ровно через год, на декабрьском пленуме 1959 г., Хрушев подверг резкой критике руководителей Казахстана Н.И.Беляева (первый секретарь ЦК) и Д.А.Кунаева (председатель Совета Министров) за серьезные недостатки в руководстве сельским хозяйством республики: выращен хороший урожай, но полностью не был убран (на 1 ноября 1959 г. не был скошен хлеб на площади 1,6 млн. га). Не участвовали в уборке урожая 32 тыс. комбайнов, 21 тыс. подборщиков, 11 тыс. жаток, так как не были отремонтированы. «Как же так можно работать, – возмущался Хрушев, – земли освоены, труд затрачен на производство машин, а часть урожая погибла». В

постановлении пленума было записано: «Республиканские организации не сумели правильно использовать большую помощь, оказанную государством в этом году Казахстану механизаторскими кадрами, уборочной техникой, автотранспортом. Все это привело к тому, что уборочные работы серьезно затянулись, были допущены потери зерна, и на больших площадях хлеб остался неубранным, ушел под снег. Республика не выполнила не только своих обязательств, но даже государственного плана закупок зерна»²⁰⁰.

«Большая помощь механизаторскими кадрами», оказанная государством Казахстану — это главным образом горожане, мобилизованные на период уборки. Основная причина такого рода срывов — острый недостаток постоянных кадров механизаторов в целинных совхозах, о чем говорил Хрущев на пленуме 1958 г. Организационный период строительства новых совхозов на целине далеко еще не закончился.

В докладе на декабрьском пленуме 1958 г. Хрущев дал понять, что «целинная эпопея» закончена (или заканчивается), распаханых земель достаточно, экстенсивные методы ведения хозяйства на целине себя исчерпали, надо переходить к их культурному освоению, в частности «в течение ближайших двух-трех лет... ввести правильные севообороты с необходимым количеством черных паров, имеющих важное значение в засушливой зоне... пора серьезно подумать об удобрениях под зерновые..., иметь больше скота. Будет больше скота, будет больше навоза, будет выше урожай». Вспомнил, наконец, и о Нечерноземной зоне: «У нас на эту зону сложился неправильный взгляд, будто здесь нельзя получать высоких урожаев зерновых культур. Между тем именно эта зона — зона достаточного увлажнения — является исключительно благоприятной зоной для получения хороших и устойчивых урожаев. Но надо иметь в виду, что в этой зоне решающим условием повышения урожайности являются удобрения»²⁰¹.

Хрущев привел данные и о значительном росте поголовья всех видов скота (млн. голов, на конец года):

	1953 г.	1958 г.	Прирост	
			млн. гол.	%
Крупный рогат. скот	55,8	69,4	13,6	24
в том числе коровы	25,2	32,4	7,2	28
Свиньи	33,3	46,9	13,6	41
Овцы	99,8	129,0	29,2	29

Подчеркнул, что соответственно выросли производство и заготовки животноводческой продукции. «По общему объему производство молока и масла СССР вышел на первое место в мире, по про-

изводству шерсти — на второе». «В СССР преодолено длительное отставание животноводства, благодаря чему намного увеличилось производство молока, масла, мяса, шерсти и поднялось благосостояние трудящихся. Это, конечно, большое достижение, которым может гордиться наша партия, весь наш народ»²⁰².

Только в октябре 1960 г., как уже отмечалось, Хрущев понял, что с обязательствами по животноводству «не все чисто». В записке в президиум ЦК КПСС от 29 октября 1960 г. он писал: «Мне думается, что следует еще раз поставить вопрос о принятии обязательств и их выполнении. В прошлом году рязанцы взяли высокие обязательства — выполнить три плана продажи мяса государству». «Считаю, что следовало бы проверить, чтобы ЦК знал, как в действительности обстояло дело...»²⁰³.

Проверили и выяснили. Хрущев в вышедшем в 1963 г. 4 томе его восьмитомника «Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства» из текста своей речи на пленуме ЦК в декабре 1959 г. изъясил первый раздел «Чему служит пример тружеников Рязанской области». В изданной же вскоре после пленума (в марте 1960 г.) стенограмме эта речь была опубликована без купюр.

«Рекордомания» в животноводстве была в значительной мере спровоцирована самим Хрущевым в связи с выдвижением им весной 1957 г. лозунга «в ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения», который вскоре был уточнен определением «догнать и перёдгнать». В своих многочисленных выступлениях перед крестьянами лидер партии не уставал призывать брать обязательства по выполнению и перевыполнению планов по животноводству. Соответствующие указания давали и местные руководители. Вот один из примеров той эйфории, которая охватила, судя по печати, тружеников села. Председатель колхоза имени Кирова Рязанской области А.И.Ефремова, выступая на декабрьском пленуме ЦК 1959 г., вероятно по подсказке начальства, вступила по поводу обязательств в полемику с самим А.Даллесом, руководителем ФСБ США, противопоставив его скепсису в отношении возможности СССР в ближайшее время перегнать США в производстве животноводческой продукции, частушку, которую «распевала вся рязанская молодежь»:

*«Ты, Америка, старуха, задаваться перестань,
Все равно тебя догонит наша славная Рязань!».*

Хрущев вместе со всеми аплодировал «не совсем складной, но доходчивой и понятной» частушке²⁰⁴. В сокращенном варианте это звучало так: «Держись, корова, из штата Айова!».

В то же время он был способен, отрешившись от показного шапкозакидательства, реально оценить ситуацию. Так, в докладе на

плenumе ЦК в декабре 1958 г. он сказал: «Необходимо иметь в виду, что по уровню производительности труда в сельском хозяйстве наша страна еще серьезно отстает от Соединенных Штатов Америки» и привел в этой связи данные о затратах времени на один центнер сельскохозяйственной продукции в обеих странах (в СССР в среднем за 1956-1957 гг., в США — за 1956 г.). В колхозах эти затраты были выше, чем в США: по зерну — в 7,3 раза, по привесу крупного рогатого скота — в 14,2, по привесу свиней — в 16,3 раза и т.д.²⁰⁵

Хрущев, несомненно, размышлял над этими проблемами и не только как прожектор, но и как реалист. Вот, например, его рассуждения по вопросу о совершенствовании экономических отношений между государством и колхозами в докладе на декабрьском 1958 г. пленуме ЦК: «В ответ на огромную экономическую помощь государства колхозы обязаны поставлять определенное количество сельскохозяйственных продуктов. Пока таких продуктов не доставало, государство вынуждено было получать их путем налоговых обязательств на колхозы... вплоть до 1958 года. Конечно, экономическая связь между государством и колхозами через налоговую систему не являлась нашим идеалом. Это была вынужденная мера. И хотя в свое время система обязательных поставок принесла известную пользу, она вместе с тем оставила не мало и отрицательных последствий... не стимулировала рост производительности труда... Сейчас наступил такой период, когда экономические взаимоотношения между государством и колхозами существенно меняются. По мере роста производства сельскохозяйственных продуктов отпадает необходимость в обязательных поставках, на смену налогов приходит свободная продажа и покупка продуктов по ценам, отражающим уровень производства и производительность труда».

«Могут сказать: мы идем к коммунизму и в то же время развешиваем товарные отношения, не противоречит ли это одно другому? Нет, не противоречит. Партия ставит задачу создать обилие сельскохозяйственных продуктов... А эту задачу можно решить лишь при правильном осуществлении принципа материальной заинтересованности колхозов в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов; ее можно решить на основе таких экономических отношений между государством и колхозами, которые стимулируют повышение производительности труда и рост производства сельскохозяйственных продуктов»²⁰⁶.

Таким образом, Хрущев, опираясь на принятое после реорганизации МТС решение об отмене обязательных поставок (не только для колхозов, но и для личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих) и введении системы закупок (для колхозов), предложил на этой основе идти дальше по пути развития товарно-

денежных отношений между городом и деревней. При этом он стоял за регулируемый государством рынок. Отвечая на вопрос «не внесет ли свободная продажа колхозами своих продуктов элемент стихийности в развитие сельского хозяйства?» — он сказал, что «такие опасения не имеют под собой почвы», поскольку «наше хозяйство ведется на основе государственных планов», «государство в соответствии с потребностями народа во всех необходимых случаях будет регулировать производство продукции, а также цены»²⁰⁷.

Приведем основные динамические показатели о развитии сельского хозяйства СССР после сентябрьского пленума 1953 г., заимствованные из статистического сборника «Сельское хозяйство СССР», изданного в 1960 г. (см. табл. 13-18).

Таким образом, как стоимостные, так и натуральные показатели валовой и товарной продукции, а также качественные показатели сельского хозяйства, свидетельствуют о ее непрерывном и значительном росте. Это подтверждает как годовая динамика, так и среднегодовые показатели за 1954-1958 гг. в сравнении с 1949-1953 гг. Рост продолжался и в 1959 г. Общий объем валовой продукции сельского хозяйства к концу 50-х годов увеличился более чем в 1,5 раза, а товарная продукция — почти в 1,8 раза, в том числе животноводческая — более чем в 2 раза. Это было достигнуто как за счет экстенсивных факторов (расширение посевных площадей, главным образом на Востоке страны в связи с распахкой более 36 млн. га целинных и залежных земель), так и интенсивных, правда, используемых в меньших масштабах (около половины товарного зерна давала целина).

Таблица 13

**Валовая продукция сельского хозяйства СССР
(в сопоставимых ценах)***

1950 г.	1953 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1958 г. в % к 1953 г.
Вся продукция					
100%	104	138	143	158	151
Продукция земледелия					
100%	98	133	131	151	154
Продукция животноводства					
100%	119	150	166	174	146
Валовая продукция общественного сельского хозяйства (колхозов и совхозов)					
100%	110	155	158	182	166

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1960. С. 80-81.

Таблица 14

Товарная продукция сельского хозяйства СССР (в сопоставимых ценах)*

	1940 г.	1950 г.	1953 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
Вся продукция сельского хозяйства	100%	101	115	155	152	177	176
Продукция земледелия	100%	104	110	155	134	166	151
Продукция животноводства	100%	96	125	154	180	194	216

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1960. С. 83.

Примечание источника: В товарную продукцию сельского хозяйства включены сельскохозяйственные продукты, сданные и проданные государству и кооперации, а также проданные на рынке несельскохозяйственному населению; не включен внутридеревенский оборот.

Таблица 15

Валовой сбор (амбарный урожай), урожайность, заготовки и закупки зерновых культур в СССР*

	Валовой сбор зерна		Урожайность с 1 га, (ц)	Госуд. заготовки и закупки (млн. т)
	млн. пуд.	млн. т		
1949-1953 гг. (в среднем за год)	4942	80,9	7,7	32,8
1953 г.	5036	82,5	7,8	31,1
1956 г.	7789	127,6	10,0	54,1
1957 г.	6413	105,0	8,4	35,4
1958 г.	8621	141,2	11,3	56,9
1954-1958 гг. (в ср. за год)	6913	113,2	9,2	43,6
1959 г.	7686	125,9	10,5	46,6
1954-1958 г. к 1949-1953 г.		139,9%	119	133
1959 г. к 1953 г.		153%	135	150

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1960. С. 196.

Численность скота во всех категориях хозяйств (млн. голов на 1 января)*

Годы	Крупн. рогат. скот	В том числе коровы	Свиньи	Овцы	Козы	Лошади
1951	57,1	24,3	24,4	82,6	16,4	13,8
1953	56,6	24,3	28,5	94,3	15,5	15,3
1954	55,8	25,3	33,3	99,8	15,7	15,3
1955	56,7	26,4	30,9	99,0	14,0	14,2
1956	58,8	27,7	34,0	103,3	12,9	13,0
1957	61,4	29,0	40,8	108,2	11,6	12,4
1958	66,8	31,4	44,3	120,2	9,9	11,9
1959	70,8	33,3	48,7	129,9	9,3	11,5
1960	74,2	33,9	53,4	136,1	7,9	11,0

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1960. С. 263.

Таблица 17

Производство основных продуктов животноводства во всех категориях хозяйств*

Годы	Мясо и сало в убойном весе (млн. т)	Молоко (млн. т)	Яйца (млрд. шт.)	Шерсть (тыс. т)
1953	5,8	36,5	16,1	235
1949-1953 (в ср. за год)	4,9	35,7	12,9	198
1954	6,3	38,2	17,2	230
1955	6,3	43,0	18,5	256
1956	6,6	49,1	19,5	261
1957	7,4	54,7	22,3	289
1958	7,7	58,7	23,0	322
1954-1958 (в ср. за год)	6,9	48,7	20,1	272
1959	8,9	62	25	355

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1960. С. 329.

Примечание источника: Данные о производстве мяса и сала в убойном весе, полученном от промышленного и внутрихозяйственного забоя скота, птицы и других сельскохозяйственных животных, включая субпродукты всех категорий.

Таблица 18

Продуктивность скота во всех категориях хозяйств (в кг)*

	1950 г.	1953 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.
Средний годовой удой молока от одной коровы	1370	1389	1682	1720	1755	1818
Средний годовой настриг шерсти	2,2	2,4	2,5	2,7	2,7	2,7
Средний вес одной головы крупн. рог. скота, сданного и проданного государству	252	240	220	234	237	248

* Сельское хозяйство в СССР. Статистич. сб. М., 1960. С. 368.

Значительные изменения к лучшему происходили и в социальной сфере. На доходах колхозников от общественного хозяйства прежде всего сказался рост заготовительных и закупочных цен — почти в 3 раза за период 1953-1958 гг. Уже в 1954 г. колхозам было выплачено за сданную продукцию вдвое больше, чем в 1952 г., в 1955 г. — в 2,2 раза, а в 1958 г. — в 4,7 раза больше. Главным образом по этой причине денежные доходы на один колхозный двор выросли в 1958 г. в 2,8 раза по сравнению с 1953 г., а на каждого трудоспособного колхозника — в 2,6 раза; денежная оплата трудодня возросла более чем в 3 раза. Многие колхозные семьи всех регионов страны в конце 50-х годов получали от общественного хозяйства и личного подсобного доход, обеспечивающий им высокий достаток²⁰⁸.

По данным бюджетных обследований колхозов РСФСР, средняя денежная оценка трудодня (включая натуральные выдачи) возросла с 4,9 руб. в 1954 г. до 5,8 в 1957 г. и 7,2 руб. в 1958 г. Примерно столько же колхозники получали от приусадебных хозяйств²⁰⁹. К концу 50-х годов в большинстве колхозов были установлены пенсии или пособия по старости, инвалидности или временной потери нетрудоспособности. Для этих целей хозяйства отчисляла 2% от своих доходов. Председатели колхозов, специалисты и механизаторы, перешедшие в колхозы после реорганизации МТС, пользовались государственным социальным обеспечением. На расходной части бюджета колхозной семьи сказалось снижение размера сельхозналога с 1953 г. и прекращение подписки на государственный заем в 1958 г.²¹⁰

Об улучшении материального положения колхозников в конце 50-х годов можно судить по данным об их питании. Довоенный уровень питания в семьях колхозников по наиболее калорийным продуктам был заметно превзойден уже к середине 50-х годов, а в 1958 г. — и по сравнению с 1940 г. они потребляли в 4,4 раза больше сахара, в 3 раза — кондитерских изделий, почти в 3 раза больше рыбных продуктов, в 2 раза больше мяса. В 2-2,5 раза стало потребляться больше шерстяных и шелковых тканей, кожаной обуви, в 10 раз выросла покупка культтоваров (книг, радиотоваров, музыкальных инструментов, часов, велосипедов, мотоциклов)²¹¹. Заметные успехи сделала электрификация. В 1950 г. только 15% колхозов пользовались электроэнергией, а электрическое освещение имело 10% домов колхозников; в 1958 г. — уже около половины²¹².

* * *

Таким образом, хрущевское аграрное реформирование было направлено на решение не только производственных, но и социальных проблем деревни на основе освобождения аграрного сектора экономики от тоталитарных пут, реорганизации колхозно-совхозной системы при сохранении старых идеологических подходов с некоторыми новациями («возвращение к Ленину!»), предоставления крестьянству, работникам совхозов и МТС большей самостоятельности, самоуправления (с рядом ограничений). На первом этапе (1953-1958 гг.) реформы в целом шли успешно и результативно, хотя и не без значительных трудностей и противоречий. В ряде случаев они не имели четкой направленности, носили спонтанный характер, нередко принимали форму неких «сверхпрограмм». Их ограниченность, непоследовательность обуславливалась представлениями о незыблемости социалистических принципов, об огромных преимуществах социалистического строя, неизбежности его перерастания в бесклассовое коммунистическое общество не в столь уж отдаленном будущем. Об этом возвестила новая Программа КПСС, принятая XXII съездом партии в октябре 1961 г. «Забегание вперед» постоянно преследовало хрущевские реформы, мешало принимать разумные, взвешенные решения.

«Великое пятилетие» подходило к своему финалу. Потенциал хрущевских реформ ослабевал. Сказывались непоследовательность, противоречивость их проведения, идеологическая зашоренность реформатора, неумение, а порой нежелание критически посмотреть на достигнутое, вовремя *принять решение по корректировке реформ*, устранить или ослабить негативные явления, дать реформам новый импульс. На новом этапе нужны были известные переоценки ценностей, новые подходы, новые идеи. Реформы приближались к опасному рубежу: пути назад не было, дорога вперед четко не определена. И, как домоклов меч, на этом пути возник и стал набирать силу режим личной власти Хрущева, основывавшийся на совмещении им двух ключевых постов — первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР, являвшегося еще и Верховным Главнокомандующим.

РЕФОРМАТОР НА РАСПУТЬЕ

1. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА НА РУБЕЖЕ 50-х – 60-х ГОДОВ В УСЛОВИЯХ ДИКТАТУРЫ ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ. НОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ХРУЩЕВА. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ УЧЕНЫХ

В конце 1958 г. на правительственном уровне был поставлен вопрос о разработке плана развития народного хозяйства страны на 1959-1985 гг. Это означало, что в отличие от сложившегося (начиная с 1928 г.) планирования по пятилеткам, речь шла о принятии плана на семь лет, причем за два года до завершения шестого пятилетнего плана (1956-1980 гг.), директивы по которому были утверждены XX съездом КПСС. Пикантность ситуации состояла в том, что итоги VI пятилетки решили не подводить. Лидер партии, а с марта 1958 г. и глава правительства мог это себе позволить. А основная причина в том, что эти итоги, как хотелось бы, не вырисовывались, они значительно расходились (в сторону отставания) с установленными Директивами XX съезда показателями. Переход от пятилетнего планирования к семилетнему в периодической печати объяснялся главным образом тем, что страна переросла узкие рамки пятилетнего планирования, расширение же их исходило из объективных потребностей нового этапа развития советской экономики.

События развивались стремительно: Хрущев, как правило, спешил с реализацией всех своих масштабных начинаний. 5 сентября 1958 г. был созван (за два месяца до очередного) однодневный пленум ЦК, принявший решение в конце января следующего года созвать внеочередной XXI съезд КПСС специально для рассмотрения вопроса о контрольных цифрах развития народного хозяйства страны в годы семилетки. Докладчиком был утвержден Хрущев. Через два месяца (12 ноября) был созван еще один пленум ЦК, одобрявший проект тезисов доклада лидера партии на съезде, открытие которого было назначено на 27 января 1959 г.¹

Об общей концепции развития сельского хозяйства в годы семилетки, основных показателях и рубежах отрасли Хрущев проинформировал участников декабрьского 1958 г. пленума ЦК. Он сообщил, в частности, что общий объем валовой продукции сельского хозяйства должен возрасти в 1,7 раза (средний прирост – 8% в год!), а валовые сборы зерна к концу семилетки увеличивались до 10-11 млрд. пуд. против 8,5 млрд. в 1958 г. Продукция животноводства рос-

ла еще быстрее: мяса должны были произвести больше в 2 раза, молока — в 1,7, яиц — в 1,6 раза. Производительность труда в колхозах предполагалось повысить в 2 раза, в совхозах — на 55-60%. Капитальные вложения в сельское хозяйство планировалось увеличить не менее чем в 2 раза по сравнению с 1952-1958 гг., до 500 млрд. руб.

Особое внимание Хрушев, естественно, уделил проблемам соревнования с США по производству продуктов животноводства. Согласно контрольным цифрам СССР должен был к концу семилетки догнать США по производству молока и масла на душу населения, а по общему производству мяса достичь уровня этой страны².

В докладе на XXI съезде Хрушев поставил вопрос о необходимости перевыполнить задания семилетки по сельскому хозяйству. Так, производство мяса, по его мнению, можно было, проведя большую работу «по использованию всех резервов и возможностей», увеличить в 2,5-3 раза; урожайность зерна поднять в среднем на «три-четыре центнера с гектара и тем самым перевыполнить установленные контрольными цифрами задания по валовому сбору зерна»³.

«Забегание вперед» особенно просматривалось в связи с постановкой съездом вопроса, имеющего «большое теоретическое и практическое значение» «о путях развития и сближения колхозной и общенародной форм социалистической собственности». Ибо «совершенно ясно», что в будущем они «полностью сольются». «По мере развития общественного хозяйства потребности колхозников в молоке, мясе, масле, овощах, картофеле, фруктах... будут удовлетворяться не из личных малопродуктивных хозяйств колхозников, а из продукции выгодного общественного производства»⁴. А главное на этом пути — «повышение уровня обобществления колхозно-кооперативной собственности» и прежде всего за счет ликвидации приусадебных хозяйств. «Недалеко то время, — убеждал себя и других Хрушев, — когда колхозники продадут своих коров»⁵. Так записали и в резолюции съезда: «подсобное хозяйство колхозников постепенно будет утрачивать свое значение»⁶.

Главный теоретический вывод XXI съезда исходил из того, что «Советский Союз вступил в новую полосу исторического развития. Социализм одержал в нашей стране полную и окончательную победу». «Советский народ под руководством партии достиг таких побед социализма во всех областях экономической и общественно-политической жизни, которые дают возможность практически осуществить задачи создания материально-технической базы коммунистического общества и планомерного перехода к коммунизму». И наполненный оптимизмом прогноз-директива: «В итоге выполнения семилетнего плана в Советском Союзе производство важнейших продуктов сельского хозяйства в целом и на душу населения превысит современный уровень США». Этот оптимизм не в после-

дную очередь основывался на том, что, «по инициативе республик, краев и областей, разработаны конкретные мероприятия, которые позволят еще в течение 1959 г. увеличить производство мяса в 2-3 раза и больше»⁷.

Съезд сформулировал и название нового этапа, «новой полосы» исторического развития СССР — «период развернутого строительства коммунистического общества», а чтобы внести большую определенность в это понятие, определить конкретные рубежи этого периода решил, не откладывая дела в долгий ящик, провести в 1961 г. очередной XXII съезд КПСС⁸.

Состоявшийся в октябре 1961 г. XXII съезд КПСС принял новую, третью Программу КПСС, «вооружившую советский народ развернутой программой борьбы за построение коммунизма». Теоретические положения, сформулированные в резолюции предыдущего съезда, получили в ней не только теоретическое, но и конкретное развитие. «Забегание вперед» было доведено до абсурда. Знаменитое изречение Хрущева «нынешнее поколение будет жить при коммунизме» основывалось на «фундаментальных» положениях хрущевской Программы, а именно: «В ближайшее десятилетие (1961-1970 гг.) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США... всем будет обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в благоустроенных жилищах...». В итоге второго десятилетия будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения; советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям, произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности. Таким образом, в СССР будет в основном построено коммунистическое общество»⁹.

В докладе на съезде «О Программе КПСС» Хрущев прокомментировал эти принципиального характера выводы Программы следующим образом: «Мы руководствуемся строго научными расчетами. А расчеты показывают, что за 20 лет мы построим в основном коммунистическое общество»¹⁰. О том, как производились эти «расчеты» и как они обсуждались на предварительном уровне, можно судить по воспоминаниям председателя Госплана СССР и заместителя председателя Совета Министров СССР, работавшего в постоянном контакте с Хрущевым, В.Н.Новикова. Расчеты по экономическому разделу Программы, пишет Новиков, готовили пред-

седатель Госэкономсовета А.Ф.Засядько и его заместитель Н.А.Тихонов (впоследствии председатель Совета Министров СССР). Именно они (не известно каким путем) пришли к абсурдному выводу, что «через 20 лет у нас будет почти коммунизм». «Совет Министров собрался в полном составе. В обсуждении должны были участвовать не только члены президиума, но также министры, председатели союзных комитетов, часть руководящих работников отделов ЦК и руководители республик. Всего собралось около 200 человек. Ждем. Пришел Никита Сергеевич. Не сядя за стол, положил руку на текст программы и сказал: «Я внимательно все изучил. Предложения хорошие, их надо принимать... Думаю, проводить дискуссию нет смысла. Нет возражений? Все молчат. Хрущев заключил: «Будем считать принятым»¹¹. Так рождались идеологические мифы.

Помимо разумных, научно обоснованных прогнозов о развитии сельского хозяйства (например, такого: «Главный путь подъема сельского хозяйства и удовлетворения возрастающих потребностей страны в сельскохозяйственной продукции — всесторонняя механизация и последовательная интенсификация: достижение на основе науки и передового опыта во всех колхозах и совхозах высокой культуры земледелия и животноводства, резкое повышение урожайности всех культур и увеличение выхода продукции с каждого гектара при наименьших затратах труда и средств»). Программа содержала и положения, направленные на ускорение сближения колхозов с совхозами, перехода «к коммунистическим формам производства и распределения», организации аграрно-промышленных объединений; подчеркивала преимущества совхозов как формы организации сельского хозяйства перед колхозами как «ведущих социалистических предприятий в деревне, призванных служить для колхозов образцом... методов ведения общественного производства, культуры и производительности труда»; свертывание («экономическое изживание») личного подсобного хозяйства колхозников, приближение нормирования, организации и оплаты труда колхозов «к уровню и формам, сложившимся на государственных предприятиях»; необходимость постепенного преобразования колхозной деревни «в укрупненные населенные пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием», с тем, чтобы культурно-бытовые условия жизни сельских жителей побыстрее сравнялись с городскими¹². В своих многочисленных докладах и выступлениях, встречах с жителями села Хрущев активно пропагандировал эти положения Программы, ссылаясь на опыт передовых колхозов и совхозов, ударников социалистического труда.

В таких условиях крайне трудно, а практически невозможно бы-

ло объективно оценить семилетний план, отметить его существенные недостатки, просчеты и ошибки. А ведь проводилось даже «общенародное обсуждение» этого плана, в котором принимал участие и автор этих строк – новоиспеченный кандидат исторических наук, – наряду с другими учеными Института истории АН СССР. Все высказывания исходили из того, как нам всем будет хорошо жить, когда будет выполнен, а скорее перевыполнен, план новой семилетки. И все в это искренне верили. Вносились и некоторые дополнения и предложения «конструктивного характера» по отдельным вопросам.

В постановлении XXI съезда КПСС о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. отмечалось, что в ходе предсъездовского обсуждения в стране состоялось более 968 тыс. собраний трудящихся, на которых присутствовало более 70 млн. человек, а с предложениями, дополнениями и замечаниями выступило около 4,7 млн. граждан. Собрания трудящихся, партийные конференции и съезды «единодушно одобрили тезисы о контрольных цифрах»¹³.

Только в марте 1965 г. после отставки Хрущева на пленуме ЦК КПСС откровенно говорилось о существенных недостатках, изначальных изъянах и пороках первой и последней советской семилетки. Так, председатель Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» А.А.Ежевский (до этого – начальник одного из отдела Госплана, непосредственно участвовавший в разработке этого плана) сообщил, что, начиная с 1958 г., когда составлялся семилетний план, было заложено снижение производства сельскохозяйственных машин: исходили из того, что после продажи техники колхозам улучшится ее использование, и машин потребуется меньше¹⁴.

Новый председатель Госплана П.Ф.Ломако, выступая на том же пленуме, заметил, что одной из причин невыполнения семилетнего плана в области сельского хозяйства явились «серьезные несоответствия»: «при высоких темпах роста валовой и товарной продукции сельского хозяйства было занижено материально-техническое обеспечение колхозов и совхозов». В свою очередь, министр финансов В.Ф.Гарбузов критиковал этот план и бюджет за «недостаточные капиталовложения и другие ассигнования на развитие... колхозов и совхозов»¹⁵.

Разумеется, участники «всенародного обсуждения» о такого рода «тайнах мадридского двора» не имели ни малейшего представления, полностью доверяя «контрольным цифрам» плана и тому, что сообщалось в докладе Хрущева.

На мартовском (1965 г.) пленуме осмелевшие члены «коллективного руководства» высказывали сомнения и по поводу неко-

торых теоретических пассажей семилетнего плана, а также и новой Программы КПСС, в частности, в связи с фактическим противопоставлением совхозов «как высшей формы собственности» и типа хозяйства колхозам. Так, первый секретарь КП Азербайджана В.Ю.Ахундов сказал: «Нельзя искусственно задерживать развитие... колхозно-кооперативной формы... надо обе формы собственности ставить в равные условия и развития. Надо создать условия, чтобы они шли вместе и развивались...»¹⁶. Под защиту были взяты личные подсобные хозяйства колхозников, а свертывание их было признано преждевременным и даже вредным¹⁷.

Такова была объективная оценка широко разрекламированного Хрущевым, апробированного на всех уровнях партийного и государственного руководства, «общенародного обсуждения» семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 гг. Правда, уже после того, как были определены его отнюдь не триумфальные итоги за 6 лет, а Хрущев лишился всех своих постов и должностей. Но возникает вопрос: знал ли первый секретарь ЦК и глава правительства до своей отставки о том, что из себя в действительности представляла инициированная им семилетка, имел ли он возможность в ходе ее осуществления в той или иной мере исправить положение, не допустить столь бесславного финала? Полагаю, что с известными оговорками на эти вопросы можно ответить положительно. Но на этом пути были и свои подводные камни. Первый и основной — это сложившаяся к этому времени диктатура его личной власти. А одно из первых ее наиболее ярких проявлений был декабрьский пленум 1959 г.

Пленум этот проходил спустя год после пленума 1958 г., на котором, как уже отмечалось, Хрущев выступал с большим докладом об итогах развития сельского хозяйства после сентябрьского пленума 1953 г. и задачах дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции. На этот раз речь шла о мероприятиях по выполнению решений XXI съезда КПСС и предыдущего декабрьского пленума. Докладчиками были руководители республик: Д.С.Полянский — председатель Совета Министров РСФСР, Н.В.Подгорный — первый секретарь ЦК Компартии Украины, Н.И.Беляев — первый секретарь ЦК КП Казахстана., К.Т.Мазуров — первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, Ш.Р.Рашидов — первый секретарь КП Узбекистана, Т.У.Ульджабаев — первый секретарь ЦК КП Таджикистана, В.Ю.Ахундов — первый секретарь ЦК КП Азербайджана. Приведем некоторые высказывания докладчиков, свидетельствующие о том, как далеко зашло чинопочитание главы партии и государства.

Д.С.Полянский:

– «Эти успехи с исключительной силой вновь подтверждают правильность мероприятий партии и правительства по крутому подъему сельского хозяйства, замечательной идеи Никиты Сергеевича Хрущева об освоении целинных земель»;

– «В республике принимаются меры, чтобы в 1960-1961 годах заменить чистые пары занятыми, расширить на 6-7 миллионов гектаров посевные площади под кукурузу»;

– «Выдающаяся роль в решении самых жгучих вопросов современности, как известно, принадлежит Никите Сергеевичу Хрущеву. (Бурные аплодисменты). Его огромная энергия и работоспособность, живое общение с народом, знание жизни, смелость и принципиальность в решении важнейших проблем внутренней и внешней политики получили всеобщее признание. Его кипучая деятельность – яркий пример беззаветного служения народу. (Бурные аплодисменты)»¹⁸.

Н.В.Подгорный:

– «Выдающийся вклад... внесла историческая поездка Н.С.Хрущева в Соединенные Штаты Америки. Кипучая деятельность, принципиальность и страстность товарища Хрущева в борьбе за победу коммунизма и мир окрылили миллионы людей во всех уголках земного шара»;

– «На декабрьском пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев, говоря о вкладе республик во всенародное дело – догнать и перегнать США по производству мяса, доказал, что для этого Украине на конец семилетки надо было бы давать мяса по 101 центнеру на 100 гектаров. Колхозники и рабочие совхозов республики горячо откликнулись на это»;

– «С горячей любовью встретили трудящиеся Никиту Сергеевича Хрущева во время его недавнего приезда на Украину... Указания и советы тов. Хрущева – большая помощь партийным организациям»¹⁹.

Н.И.Беляев:

– «Как указал Никита Сергеевич Хрущев на декабрьском пленуме ЦК решающее значение для увеличения производства зерна и подъема сельского хозяйства в целом имело освоение десятков миллионов гектаров новых земель... Трудящиеся Казахстана еще и еще раз благодарны Никите Сергеевичу Хрущеву за его неутомимую энергию, инициативу и огромную помощь в освоении земельных богатств, в подъеме сельского хозяйства республики. (Бурные, продолжительные аплодисменты)»;

– «Глубоко прав Н.С.Хрущев, говоря, что кукуруза есть тот

конь, оседлав которого можно в короткий срок догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения»;

– «Вместе со всеми советскими людьми, вместе со всем прогрессивным человечеством трудящиеся Казахстана выражают проникновенные чувства благодарности выдающемуся борцу за мир – Никите Сергеевичу Хрущеву. (Аплодисменты)»²⁰.

К.Т.Мазуров:

– «Нам удалось в последнее время добиться заметного роста общественного животноводства... в значительной степени благодаря помощи ЦК КПСС, лично Н.С.Хрущева, который за два года дважды побывал в Белоруссии, помог нам разобраться с положением дел в сельском хозяйстве, выработать правильную линию... Все трудящиеся Белоруссии высоко ценят глубокие знания, большой опыт Н.С.Хрущева, дорожат его советами и выражают ему глубокую благодарность за огромную работу на благо советского народа»²¹.

Ш.Р.Рашидов:

– «Огромное впечатление и трогательную заботу об узбекском народе, как и о других народах нашей страны, проявляет испытанный и верный ленинец, Первый Секретарь ЦК партии, Председатель Совета Министров СССР товарищ Никита Сергеевич Хрущев (алодисменты). Никита Сергеевич трижды посещал Узбекистан. С радостью встречал наш народ своего дорогого гостя и большого друга, воздавая должное его неутомимой энергии, кипучей инициативе, сердечности и отзывчивости. Встречи и душевные беседы Никиты Сергеевича с рабочими, колхозниками, интеллигенцией вдохновили тружеников города и деревни на новые трудовые подвиги во славу Родины. Его мудрые и справедливые замечания в наш адрес помогли нам яснее увидеть наши недостатки и мобилизовать усилия на устранение этих недостатков»;

– «Партийная организация, все трудящиеся Узбекистана передают вам, дорогой Никита Сергеевич, от всего сердца большой искренний узбекский рахмат (аплодисменты)»²².

Т.У.Ульджабаев:

– «Коммунистическая партия всегда проявляла большую заботу о развитии сельского хозяйства. Но никогда еще этой жизненно важной отрасли народного хозяйства не уделялось такого огромного внимания, как в последние годы, когда партией по инициативе ЦК, Президиума ЦК КПСС и лично Н.С.Хрущева были разработаны и проведены в жизнь подлинно революционные меры по крутому подъему всех отраслей сельского хозяйства...»;

– «Выполняя советы тов. Н.С.Хрущева, данные им во время по-

сещения нашей республики, колхозы и совхозы за короткий срок создали новую для Таджикистана отрасль – тонкорунное животноводство»;

– «Подводя итоги огромных успехов, достигнутых республикой за эти годы, таджикский народ выразил глубокую признательность и сердечную благодарность Коммунистической партии, Советскому правительству, Президиуму ЦК КПСС и лично вам, дорогой Никита Сергеевич, за постоянную заботу о расцвете национальных республик (аплодисменты)»²³.

В.Ю.Ахундов:

– «Вся партия и весь советский народ знают, что инициатором и неутомимым организатором крутого подъема сельского хозяйства нашей страны является ленинский Центральный Комитет во главе с тов. Н.С.Хрущевым, снискавшим любовь и признательность всего советского народа, в том числе и трудящихся Азербайджана, от имени которых позвольте мне передать благодарность ЦК партии и нашему дорогому Никите Сергеевичу Хрущеву (продолжительные аплодисменты)»;

– «Совершенно справедливо на декабрьском Пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев говорил о том, что у нас темпы увеличения поголовья скота, находящегося в личной собственности колхозников, опережали темпы роста общественного животноводства. Задача партийной организации республики состояла в том, чтобы, учтя эти замечания и указания ЦК партии, как можно быстрее устранить вскрытые серьезные недостатки»;

– «Товарищи, азербайджанский народ горячо, от всей души приглашает на свой праздник руководителей партии и правительства и лично дорогого тов. Н.С.Хрущева, в котором он видит лучшего выразителя дум и защитника интересов всех братских народов нашей страны (аплодисменты)»²⁴.

Складывался особый ритуал, некий неписанный шаблон подготовки и произнесения такого рода докладов и речей, во многом напоминавших культистские заклинания в адрес «вождя народов». Сначала общая оценка заслуг лидера партии и государства в области определенной сферы деятельности (в данном случае сельского хозяйства), затем, где-то в середине выступления – о чудодейственной силе его поездок по стране, «мудрых» советах и рекомендаций, в заключение – о деятельности на международной арене, борьбе за мир во всем мире. Особенным калоритом, неприкрытой лестью и угодничеством отличались доклады лидеров республик Востока и Закавказья. Именно ими была изобретена формулировка, ставшая позже названием документального фильма о Хрущеве –

«Наш дорогой Никита Сергеевич». И что самое удивительное — непреклонный и яростный борец против культа личности Сталина принимал все эти, пахнувшие откровенной лестью и подхалимажем, славословия в свой адрес как должное, будучи, видимо, убежденным в том, что полностью их заслужил. Только один раз Хрущев прервал доклад Мазурова на словах: «Помогли, Никита Сергеевич, ваша работа в прошлом году в Белоруссии и те советы, которые вы дали нашим передовикам сельского хозяйства» репликой: «Советы каждый может давать, а вот работать — не каждый», чем вызвал «оживление в зале и аплодисменты»²⁵.

Характерно и то, что все дифирамбы и горячие приветствия в адрес Хрущева, руководители республик расточали от имени народов «своих» республик, разумеется, не подкрепляя их никакими доказательствами.

Правда, в отличие от дифирамбов в адрес Сталина, на этот раз использовалось словосочетание «ленинский Центральный Комитет» и «лично Н.С.Хрущев», однако не всегда, а с добавлением эпитета «лично» суть дела мало менялась, поскольку менталитет большинства кремлевских руководителей, ориентировавшихся на вождя, оставался прежним. Нарушившие правила игры могли поплатиться своей должностью, подвергнуться опале, как это случилось с «героями» июньского пленума 1957 г. Но в то же время возрождение культа личности в прежних формах и проявлениях было уже невозможно, да и Хрущев к этому не стремился. Об этом напомнил XXII съезд КПСС, продолживший разоблачение деяний Сталина и его ближайших соратников «в период культа личности», пошедший по этому пути значительно дальше XX съезда и тем более постановления ЦК партии от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий». Грозным предупреждением сторонникам возрождения сталинизма прозвучала заключительная акция XXII съезда КПСС — постановление о выносе саркофага с гробом Сталина из Мавзолея в связи о серьезных нарушениями Сталиным ленинских заветов, злоупотреблениями властью, массовыми репрессиями против советских людей, другими действиями «в период культа личности»²⁶. Это понимали и те, кто находился на вершине кремлевского олимпа. К сожалению, чувство самосохранения, страх потерять свое «место под солнцем» у большинства из них оказалось сильнее правдолюбия, стремления отстаивать принципы «коллективного руководства». «Все вплоть до ЦК и Совмина, — пишет Н.Барсуков, — понимали несостоятельность повсеместного внедрения кукурузы, открыто говорили между собой и... перепаживали под нее поля от севера до юга»²⁷.

Сельское хозяйство безоговорочно было отдано на откуп Хру-

шеву (никто не хотел рисковать!), а он, импульсивный и самонадеянный, падкий на лесть, стал явно переоценивать свои возможности в правильном единоличном решении важнейших вопросов сельского хозяйства огромной страны. Нерешительность, а порой откровенная трусость членов президиума ЦК, ответственных работников правительства и Госплана, других ведомств сыграли, на мой взгляд, решающую роль в установлении в стране на рубеже 50-х — 60-х годов режима личной власти Хрущева, нередко доходившего до подчеркнутого нежелания выслушивать мнение коллег, навязывания своих единоличных решений, порой самодурства. Выше уже приводился пример конкретного проявления таких черт главой партии и государства при обсуждении экономической части проекта Программы КПСС, о чем поведал в своих воспоминаниях председатель Госплана СССР и заместитель председателя Совета Министров В.Н.Новиков. Приведем еще два аналогичных примера из воспоминаний того же автора — один касающийся реализации идеи Хрущева о переделке прицепных комбайнов в самоходные, другой — о перебазировании сельскохозяйственной академии имени Тимирязева из Москвы в сельскую местность.

В первом случае поручение поступило в конце 1958 г. от заведующего сельхозотделом ЦК КПСС В.П.Мыларшикова. Позвонив по телефону, пишет Новиков, он сказал: «Никита Сергеевич поручил мне передать вам, что надо организовать работу для переделки 100 тыс. прицепных комбайнов на самоходные. Я просто опешил: предложение дикое, где взять 100 тыс. дизелей или моторов? Да и вообще весь комбайн надо заново проектировать, а не просто переделывать. Отвечаю, что вряд ли возможно сразу взяться за переделку 100 тыс. комбайнов, не зная, во что их превратим. Это оставит село без комбайнов. Слышу: “Вы понимаете, тов. Новиков, от кого исходит инициатива? Надо не вопросы ставить, а заняться выполнением поручения”. Вижу дело заходит далеко. Сказал: “Дайте подумать, как все это сделать, я вам завтра утром позвоню”»²⁸.

Мыларшиков, вспоминал Новиков, был одним из любимцев Хрущева. На местах его боялись больше самого Хрущева. Он крепко пил и в пьяном виде требовал, чтобы его провожали с оркестром. В то же время умел так доложить Хрущеву любой вопрос, что все знали: от его доклада зависит судьба всякого руководителя — усидит на своем стуле или нет. Я думал не о том, как переделать комбайны, поскольку это было нереально, а как спустить этот вопрос на тормозах. Утром звоню: «Владимир Павлович, все продумал и предлагаю кратчайший путь — разрешите мне к весне тысячу комбайнов в двух-трех вариантах переделать в самоходные. Летом или даже еще весной в южных районах мы их опробуем и тогда

уверенно переделаем все 100 тыс. в короткий срок». Хрушев дал согласие на этот вариант. «Мы, — продолжает Новиков, — часть комбайнов, конечно, с великими трудностями, превратили в самоходные, но при первых же, самых легких, работах, они развалились, как и следовало ожидать. На этом эпопея была закончена, тем более, что уже имелся в разработке настоящий самоходный комбайн»²⁹.

Второй эпизод пришелся на 1960 г., когда Хрушев, по словам Новикова, «набрал уже полную силу своей власти», «становился все более капризным», действовал по принципу «чего моя левая нога захочет», к тому же «постепенно, попадал под влияние подхалимов». На одном из заседаний президиума ЦК Хрушев неожиданно сказал: «Знаете, товарищи, я уже 5-6 раз поручал подумать, куда из Москвы перевести Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Получается, что науку сельского хозяйства мы должны знать по тому, что вырастят наши ученые на тротуарах и московских асфальтированных улицах... Ведь каждому ясно, что этой академии не место в Москве». И предложил поручить комиссии во главе с В.Н.Новиковым как председателем Госплана «подумать... и проработать этот вопрос». Согласовав с Хрушевым состав комиссии (в нее были включены «сельхозники»: заместитель председателя Госплана по сельскому хозяйству, министр сельского хозяйства, ректор академии, заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК и др.), Новиков, выбрав день, поехал для ознакомления с положением дел в Академию: посмотрел лаборатории, учебные корпуса, побеседовал со студентами, выехал за город, где располагались опытные поля академии. «Мне все понравилось, — вспоминает он, — дело поставлено было неплохо, урожаи на экспериментальных полях высокие, молодежь работает в классах, лабораториях и на полях с энтузиазмом. Смотрел и сам учился... Для меня вопрос стал ясным. Асфальт и тротуары — это выдумка. Заняться переводом Академии в другой район страны — значит, практически вывести ее из строя лет на 10-15. Ее профессора уже в летах, никто из Москвы не поедет»³⁰. И «ликвидатору» снова пришлось спускать вопрос на тормозах. Большинство членов комиссии были такого же мнения. Дело тянулось до октября 1961 г., когда стал разрабатываться государственный план на 1962 г. Требовались дополнительные финансовые вложения на ядерные устройства, изыскать их было не легко. Выбрав момент, председатель комиссии решил посоветоваться с Хрушевым — куда перебазировать Академию — под Курск или под Новосибирск, где в то время создавалось Сибирское отделение АН СССР. Высказался за Курск, исходя из «меньших затрат». А сколько это будет стоить? — поинтересовался Хрушев. Оказалось более 4 млрд. руб. Хрушев задумался: «Неужели вся эта

затея обойдется в 4 млрд?». И решил: «Ну ее, к черту, эту академию, пускай остается пока на месте, а дальше видно будет. Можете предложение пока не вносить»³¹.

Так закончилась эта грустная история с хорошим концом. А истинная подоплека всей этой хрущевской затеи определялась расхождением всесильного лидера, с учеными академии по вопросам агрономии, агро и зоотехники, в том числе такими как оценка кукурузы как «чудо-культуры», паровой системы земледелия, травопольных севооборотов и т.д. Вот, например, что говорил Хрущев в речи на совещании работников сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в декабре 1961 г.: «В Академии имени К.А.Тимирязева работает т. Лоза Г.М., который имеет звание профессора. Он коммунист, а по существу своими действиями наносит вред советскому государству, делу нашей партии». Далее он сказал, что Тимирязевская академия — это «травопольная система в действии» и назвал в этой связи академика В.Р.Вильямса, профессоров В.П.Бушинского и М.Г.Чижевского. «Там и сейчас, — негодовал Хрущев, — много травопольщиков». А профессора Чижевского по существу оскорбил, заметив, что «ни разу, к сожалению, не слышал сколько-нибудь поучительной речи из его уст»³². А между тем ученый, как мне уже пришлось отмечать, выступал на февральско-мартовском пленуме ЦК партии 1954 г., призывая Хрущева не допустить на целине того, что произошло с совхозами Зернотреста в начале 30-х годов, обратился к нему в августе того же года со специальной запиской, в которой рекомендовал применять при распахивании новых земель мелкую безотвальную пахоту, чистые пары, травопольные севообороты.

Все эти диктаторские замашки своенравного лидера не дают основания для вывода о формировании «культа личности» Хрущева, как полагают некоторые авторы. Как историк и современник событий тех лет, свидетельствую: культа личности у Хрущева в народе не было и не могло быть: слишком далеко зашел процесс по искоренению этого позорного для страны и всего народа явления. Это подтверждает, например, такой факт, как широкое распространение в стране антихрущевских анекдотов, за сочинение и пересказ которых никто не преследовался, открытые обмены мнениями, в том числе и в транспорте, по поводу не всегда дипломатичного поведения Хрущева за рубежом, выражений типа «кузькина мать» и т.д. А относились к новому лидеру по-разному, но в целом по-доброму, весьма положительно оценивая общее направление и результаты его деятельности.

Как глава партии и государства, Хрущев располагал полной и объективной информацией о состоянии сельского хозяйства, о ходе

реформ в аграрном секторе, о реакции сельского и городского населения на те или иные акции проводимой им политики. Главным аккумулятором этой информации являлся сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС, куда направлялись не публиковавшиеся в прессе письма селян и горожан, на основе которых, как уже отмечалось, работники отдела составляли сводки и комментарии; за подписью начальника ЦСУ СССР В. Старовского в ЦК КПСС и Совет Министров СССР регулярно поступали отчеты об итогах хозяйственной и финансовой деятельности колхозов и совхозов за календарные годы и за ряд лет об итогах развития сельского хозяйства, начиная с 1953 г.; отдел статистики бюджетов представлял данные бюджетных обследований сельского населения, колхозников и работников совхозов и т.д. Кроме того, Хрущев располагал большими личными впечатлениями в результате своих многочисленных поездок по стране, встречах с работниками сельского хозяйства. Но, пожалуй, наибольшую ценность представляли аналитические записки ученых и практиков, руководителей научных коллективов и ведомств, направленных лично ему или в ЦК КПСС, сельхозотдел, в которых анализировался ход аграрных реформ, обращалось внимание на допущенные ошибки и просчеты, предлагались меры по их устранению, корректировке реформ.

Остановимся на некоторых из таких записок, датированных началом 60-х годов, точнее февралем, мартом и апрелем 1962 г. и реакцией Хрущева на эти документы. Первая по хронологии была подготовлена К.П. Оболенским, директором Научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства. В ней рассматривалась проблема совершенствования распределения доходов в колхозах с учетом и ЛПХ. Основная идея автора основывалась на положении Программы КПСС о том, что колхозная форма собственности, постоянно развиваясь и совершенствуясь, сближается с общенародной. Последняя в его понимании была значительно ближе к государственной, чем колхозно-кооперативная, а поэтому необходимо постепенно подтягивать уровень оплаты труда колхозников (как по форме, так и по размерам) к зарплате государственных сельскохозяйственных предприятий, т.е. к совхозам. А ориентироваться надо на те колхозы (их пока немного), которые установили гарантированную оплату труда колхозников, исчисленную на основе натуральных и денежных поступлений, в денежном выражении и выплачивают ее ежемесячно. Согласно приводимых Оболенским данным, колхозники в среднем по стране получали за свой труд от общественного хозяйства примерно 50% того, что получали рабочие совхозов (оплата человеко-дня составляла соответственно 1,1 и 2,36 руб.), причем самая высокая оплата была в колхозах Эс-

тонии (2,58 руб.) и Туркмении (1,77), самая низкая — в колхозах Литвы (0,72) и Белоруссии (0,75). Рассматривая общественное хозяйство как основной источник благосостояния колхозной семьи, автор в то же время не призывал к свертыванию ЛПХ, подчеркивая их значительную роль в доходах колхозников³³.

Более детально этот вопрос рассмотрел экономист-аграрник, внештатный консультант сельхозотдела ЦК КПСС Н.Я.Ицков, напавший свою записку лично Хрущеву. Он, как уже отмечалось во II главе, обратил внимание первого секретаря на то, что в 1959 г. ЛПХ колхозников произвели от половины до 80% валовой продукции молока, мяса, картофеля и овощей, яиц колхозного сектора, а с 1953 по 1959 г. доля общественного хозяйства колхозов повысилась всего на 2-5%. «Потребуется много лет, — заключал автор, — чтобы вытеснить производство ЛПХ по овощам, картофелю, мясу и салу». Государство, по его расчетам, не готово взять на дополнительное снабжение население, составляющее половину жителей страны. Для этого потребуется 8-10 лет. «Нужно проявлять большую осторожность при сокращении ЛПХ, а тем более их ликвидации»³⁴. Это было недвусмысленное предупреждение Хрущева о возможных последствиях его действий на этот счет (за несколько месяцев до новочеркасских событий) и прямая рекомендация по исправлению ситуации. Заслуживали серьезного внимания выводы Ицкова в связи с использованием земельного фонда. «Распашка целинных и залежных земель, — писал он, — позволила увеличить площадь обрабатываемой пашни в стране к концу 1959 г. на 37,2 млн. га (по сравнению с 1950 г.). В то же время «неизмеримо выросли сельскохозяйственные угодья» (на 118,8 млн. га), ибо «когда партия и государство сосредоточили свое внимание на распахке целинных и залежных земель в одной части, в другой части страны шло недопустимое разбазаривание пахотоспособных земель. Процесс сброса земель и перевода их в лес, кустарник, болота и т.д. достиг за 9 лет в ряде районов очень больших и опасных размеров». Сброс, утверждал Ицков, произошел в Нечерноземной зоне России, где высокая плотность населения и весьма благоприятные климатические условия, позволяющие при надлежащей агротехнике получать высокие и устойчивые урожаи. «Катастрофический процесс разбазаривания самых ценных земель в одном из лучших земледельческих районов страны» начался, по мнению автора записки, с того момента, когда Совет Министров СССР перестал ежегодно на своих заседаниях утверждать земельный баланс, а Министерство сельского хозяйства дало ошибочную директиву включать в севооборот пахотные земли на уровне 1940 г. и тем самым разрешило переводить часть пашни в другие виды сельскохозяй-

ственных угодий. И общий вывод: «Необходимо прекратить разбазаривание пахотоспособных земель, перевод их в несельскохозяйственные угодья, отменить ошибочные директивы Министерства сельского хозяйства»³⁵.

Хрущев в той или иной мере прислушался к этой рекомендации. 12 июля 1962 г. было принято постановление Совета Министров СССР «Об улучшении государственного учета земель и использования их в сельскохозяйственном производстве». В нем подчеркивалось, что правительство придает исключительно важное значение полному и рациональному использованию земли — главного средства производства в сельском хозяйстве. Однако при действующем порядке государственного учета земель не дается необходимая характеристика качественного состояния сельскохозяйственных угодий. Это не позволяет точно определить эффективность использования земель. Имеют место случаи, когда в колхозах и совхозах значительные площади пашни переводятся в залежи. Так, в 1954–1960 гг. в Казахстане и РСФСР было переведено в залежи около 10 млн. га пашни. Осуждалась как порочная привычка перевода в колхозах и совхозах значительных площадей пашни в залежи и исключения их из сельскохозяйственного оборота.

Советам Министров союзных республик поручалось в 1962–1963 гг. организовать проверку использования пахотных земель во всех хозяйствах занимающихся сельскохозяйственным производством, имея в виду восстановить в ближайшие годы под пашню все пахотопригодные залежи и впредь не допускать перевода пашни в залежи. ЦСУ СССР поручалось по согласованию с Госпланом СССР дополнить установленную отчетность о распределении земель по угодьям специальной справкой об изменениях в составе пашни, залежей и многолетних насаждений. Министерству сельского хозяйства СССР предлагалось разработать и представить правительству предложения о введении в ближайшие годы Земельного кадастра. Однако, значительных изменений в лучшую сторону не произошло.

В феврале 1964 г. Хрущев на пленуме ЦК КПСС говорил о «вредной привычке списания земель». Это делают, подчеркивал он, нерадивые работники, которые не прилагают усилий для увеличения производства. Чтобы приукрасить положение дел в производственном управлении или области, отдельные работники уменьшают количество пахотных земель и тем самым уменьшают продажу сельскохозяйственных продуктов государству. Надо решительно осудить такую государственную практику. Надо проверить каждый случай списания пахотных земель. Если в результате нерадивости тех или иных работников земли приведены в такое состояние, что они уже непригодны для пахоты, заболочены или заросли кустар-

никами, то тех, кто повинен в этом, нужно привлекать к ответственности как за порчу народного достояния»³⁶.

Реакция Хрущева на эту весьма злободневную проблему, была все же не совсем адекватной. И это понятно: по существу ведь Ицков поставил вопрос о целесообразности освоения целины на Востоке страны во второй половине 50-х годов в ущерб российскому Нечерноземью, которое постепенно превращалось во «вторую целину», становилось центром «неперспективной» деревни.

Заведующий сектором экономических проблем сельского хозяйства Научно-исследовательского института экономики Госэкономсовета СССР М.Я.Лемешев направил в сельхозотдел ЦК КПСС подготовленную сотрудниками сектора записку, озаглавленную «Экономический анализ состояния развития сельского хозяйства». В ней с тревогой отмечалось, что «в результате ослабления руководства сельским хозяйством поставлено под серьезную угрозу выполнение семилетнего плана производства сельскохозяйственных продуктов». За три года семилетки, подсчитали ученые, валовая продукция сельского хозяйства выросла лишь на 6,2%, в то время как по плану она должна была увеличиться на 25% (среднегодовой рост 2% вместо планируемых 8). В расчете на душу населения сельскохозяйственная продукция не только не росла, но даже снижалась. А основная причина — «сокращение материально-технического снабжения сельского хозяйства». Сельское хозяйство резко отставало от промышленности в развитии решающих факторов производства: в расчете на 1 работника стоимость основных фондов производственного назначения в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью была в 2,8 раза ниже, энерговооруженность труда — в 2,4 раза ниже; в 1961 г. на колхозных фермах крупного рогатого скота водоснабжение было механизировано на 33%, на механическое доение было переведено менее 10% коров. Не лучше дело обстояло и в полеводстве: уборка кукурузы в колхозах была механизирована на 33%, картофеля — на 24%. Заявки колхозов и совхозов на поставку техники промышленности из года в год не выполняла. Сельское хозяйство потребляло менее 3% вырабатываемой электроэнергии, которая использовалась глазным образом на освещение, в то время как промышленность — 65%³⁷.

Ведущие экономисты-аграрники страны в значительной степени предвосхитили выступления Ежевского, Ломако, Гарбузова, Флорентьева и др. на мартовском пленуме ЦК 1965 г., критиковавших (уже в другой обстановке, после отстранения Хрущева от власти) семилетний план за грубейшие просчеты в области производства сельскохозяйственной техники, недостаточное материально-техническое обеспечение колхозов и совхозов, низкие капитальные вло-

жения в сельское хозяйство. И нельзя уже было ничего изменить, исправить положение: провал семилетнего плана в области сельского хозяйства стал экономической реальностью. А в начале 1962 г. у Хрущева еще была возможность среагировать на предупреждение ученых, принять меры по улучшению ситуации в сельском хозяйстве. И, судя по всему, он это понимал и кое-какие шаги в этом направлении делал, а прежде всего стал (с конца 1960 г.) более критически оценивать обстановку в деревне, положение в сельском хозяйстве. В этой связи обратимся к уже упоминавшейся записке Хрущева в президиум ЦК КПСС от 29 октября 1960 г. За последние годы, писал он, особенно в прошлом и текущих годах, ослаблены усилия в борьбе за дальнейший подъем сельского хозяйства, в частности животноводства. «Создается впечатление, что многие работники больше наслаждаются достигнутыми успехами и не проявляют должной энергии... для увеличения производства молока, мяса и других продуктов животноводства»³⁸.

Хрущев признает, что, несмотря на большой рост закупок и продажи населению продуктов животноводства, не полностью удовлетворяются запросы населения в этих продуктах, поступают жалобы на перебои в торговле мясом и даже молоком. Об этом сообщается в письмах, поступающих в ЦК КПСС. В 1959 г. и особенно в 1960 г. в некоторых республиках допущено снижение производства молока, сократились удои на корову. И не только потому, что не хватает кормов, но и потому, что ослаблено внимание к животноводству. «Если не принять необходимые меры, то мы можем скатиться к положению, которое у нас было к 1953 году». При этом он отмечает и объективные причины создавшихся трудностей: за последние пять лет (с 1956 по 1960 г.) при общем росте численности населения в стране более чем на 18 млн. чел. городское население увеличилось более чем на 17 млн. И еще: увеличился спрос на продукты питания в результате роста доходов населения³⁹. Он по-прежнему верил в магическую силу обязательств по животноводству, но подчеркивает при этом: «Надо не только принимать обязательства, но и проверять, как они выполняются». И конкретизирует: «Раздавались голоса, что с обязательствами рязанцев не все чисто». Делались попытки проверить выполнение этих обязательств, но «такая проверка не была почему-то закончена» и указание: «Считаю, что следовало бы проверить, чтобы ЦК знал, как в действительности обстояло дело».

Трудно предположить, чтобы за год Хрущев (если бы очень захотел) не разобрался в сути этого «рекорда», лопнувшего как «мыльный пузырь». Да и в своей записке он приводил факты, когда подмосковные колхозы покупали скот в чувашских колхозах и сда-

вали его на мясокомбинат в счет выполнения обязательств. Он, видимо, просто тянул время, надеясь на то, что можно как-то замаять этот вопрос, спустить на тормозах.

Некоторые конструктивные идеи и предложения (частично реализованные) были высказаны им в отношении Казахстана и целины, а именно: отдельной строкой планировать материально-техническое снабжение и финансирование целинных областей Казахстана; поддержать предложение ученых, агрономов и работников совхозов республики о создании Всесоюзного института зерна в районах целины (речь шла об Институте в Шортандах, который возглавил академик ВАСХНИЛ А.И. Бараев); работникам совхозов Казахстана разрешить вводить чистые пары, но при условии, «чтобы была сохранена правильная система посева пропашных культур»; ликвидировать «большие беспорядки» со скотом в личных хозяйствах работников совхозов⁴⁰.

В январе 1961 г. был созван пленум ЦК КПСС с вопросом «О выполнении государственного плана и социалистических обязательств по производству и продаже государству продуктов земледелия и животноводства в 1960 г. и о мероприятиях по дальнейшему развитию сельского хозяйства». С докладами-отчетами выступили руководители всех 15 союзных республик и крайкома партии Целинного края. Хрущев выступил с многочасовой речью, в которую были включены основные положения его записки в президиум ЦК от 29 октября 1960 г.⁴¹

В постановлении пленума отмечалось, что «прирост производства продуктов животноводства серьезно отстает от расчетов, намеченных семилетним планом»; спрос населения на продукты питания, особенно мяса, молока, масла (в том числе и в связи с ростом благосостояния и численности горожан) не удовлетворяется; «в ряде республик, краев и областей в последнее время ослаблены усилия в борьбе за дальнейший подъем сельского хозяйства»; «находятся руководители, которые стремясь прикрыть свою бездельность и создать видимость благополучия, становятся на преступный путь обмана государства, допускают очковитирательство, приписки и другие антигосударственные действия»⁴².

Хрущев в своем выступлении впервые должен был признать, что «к сожалению, в Рязанской области вскрыты серьезные извращения. Некоторые колхозы и совхозы, стремясь любой ценой выполнить третий план продажи мяса государству, сократили поголовье скота и подорвали свои возможности на будущий год. Имели место приписки, покупки скота на стороне и зачисление его в производство колхозов и совхозов».

«Находятся и такие люди, — пояснил Хрущев, — которые даже в

городе закупают масло и сдают его в счет выполнения обязательств. Во многих районах страны сложилась порочная практика навязывания обязательств... Это преступный путь, путь жульничества и обмана государства»⁴³. Весьма ценные и откровенные признания!

В выступлении на пленуме Хрущев, пожалуй, впервые поставил вопрос об исправлении ошибок, допущенных при укрупнении колхозов. «Меня встревожил этот вопрос, — сказал он. — Прочитал я статью П.А.Прозорова — председателя колхоза из Кировской области. Он писал в статье, что колхоз, имея 27 тысяч гектаров пахотных земель, объединяет 137 населенных пунктов. Кто-то его заставил это сделать. А ведь т. Прозоров — очень опытный председатель колхоза. Его кто-то принудил, потому что подобное хозяйство трудно управляемое... Если были допущены извращения при укрупнении колхозов, не бойтесь исправить ошибку, пойти на разукрупнение, чтобы создать мобильное, управляемое хозяйство». В то же время глава партии и государства не отказался от идеи «строить в сельской местности дома в несколько этажей», ибо это «самое экономическое строительство, но там, где нет условий для этого, пусть люди строят двухэтажные дома. Желательно было бы двухэтажные дома строить так, чтобы квартира каждой семьи располагалась и на первом и на втором этажах... В крайнем случае, если люди привыкли к одноэтажным домам, пусть строят одноэтажные, только не надо их разбрасывать по селу на большой территории, потому что это расточительно».

Идея «агрогородов», как видно, не давала реформатору покоя, тем более и коммунизм вроде уже был не за горами, как рассчитали министр Засядько и его заместитель Тихонов, всего через 20 лет... Правда, спускался порой и на грешную землю. Беспокоился: «Где будут люди жить, пока архитекторы разрабатывают планы застройки сел, пока будут накоплены средства? Нет, пусть строят глинобитные, саманные дома, все что есть под рукой используют, лишь бы скорее крышу над головой имели. Побогаче станем перестраивать будем села по архитектурным планам»⁴⁴. Похоже, сейчас такое время наступило, правда, только для очень богатых граждан!

Решение основной (производственной) задачи предполагалось осуществить прежде всего путем повышения уровня партийного руководства, которое, как отмечалось в постановлении январского президиума 1961 г., было ослаблено⁴⁵. В своем выступлении на пленуме Хрущев неожиданно предložил «совершенно по-новому организовать (точнее реорганизовать. — И.З.) работу Министерства сельского хозяйства». «Главным в его работе, — полагал он, — должно быть руководство научными учреждениями, дальнейшее развитие науки и широкое внедрение опыта передовиков сельского хозяйства

в производство. Если говорить кратко, то деятельность Министерства сельского хозяйства должна быть направлена в первую очередь на то, чтобы помочь всем колхозам и совхозам достичь того уровня производства, который имеют передовые хозяйства страны».

Идея проста до примитивности: перестроить работу Министерства и не надо никаких направлений кадров из города в эту отрасль, усиления материально-технической базы и т.п. Все остальное (после реорганизации) как бы решится само собой, главное — правильно поставить задачу. Пленум полностью поддержал предложение Хрущева, означавшее низведение дееспособного Министерства до положения безликого органа по распространению передового опыта в колхозах и совхозах. Оно было переведено из Москвы в сельскую местность и размещено на базе подмосковного совхоза «Яхромский» с общей площадью 20 тыс. га пашни. Здесь решено было организовать некий научно-исследовательский центр по сельскому хозяйству на основе объединения и перебазирования из Москвы научно-исследовательских институтов данного профиля. Министром сельского хозяйства вскоре был назначен директор этого совхоза И.П.Воловченко.

Полностью этот план не был реализован. Вскоре после отставки Хрущева, 1 марта 1965 г. ЦК и Совет Министров СССР приняли постановление «О повышении роли Министерства сельского хозяйства», восстановив его в правах органа, руководящего развитием сельского хозяйства и ответственного за состояние сельскохозяйственного производства в колхозах и совхозах⁴⁶.

Январский пленум 1961 г. высказался за увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, исходя из того, что теперь наша страна имеет возможность серьезно увеличить капиталовложения сверх предусмотренных семилетним планом на развитие сельского хозяйства, а также промышленности, обслуживающей сельское хозяйство, на производство тракторов и сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений, строительных материалов. Однако эта возможность не превратилась в реальность, на что обратили внимание М.Я.Лемешев и его коллеги — авторы аналитической записки в ЦК КПСС в начале 1962 г., а также выступавшие на мартовском пленуме ЦК 1965 г. Тем не менее пленум 1961 г. сыграл определенную стимулирующую роль, критически оценив ситуацию в сельском хозяйстве и определив некоторые меры позитивного характера для улучшения положения отрасли.

Однако переломить ситуацию не удалось.

В марте 1962 г. неутомимый Хрушев созывает новый пленум ЦК с повесткой «Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством» в увязке с новой Программой КПСС. На этот раз сам выступает с

докладом весьма критического характера. Откровенно говорит о том, что «в 1961 году было произведено меньше по сравнению с заданием семилетки зерна — на 1 млрд. пудов; мяса — на 3 млн. т и молока — 16 млн. т» и что «в результате ослабления руководства сельским хозяйством поставлено под угрозу выполнение семилетнего плана производства сельскохозяйственной продукции». Но называет и другие (объективные) причины этого отставания — рост численности городского населения и повышение спроса на продукты питания в связи с ростом доходов. По данным ЦСУ, потребление животноводческой продукции увеличилось на 35-50%, а производство животноводческой продукции снизилось. Только республики Прибалтики по производству мяса и молока выполнили план семилетки, «серьезно отставали» РСФСР, Казахстан, Белоруссия, а также республики Закавказья и Средней Азии, «несколько лучше» была ситуация на Украине⁴⁷. Докладчик вынужден был признать, что «мы по уровню производства сельскохозяйственной продукции все еще значительно отстаем от США». «В ЦК, — оказал он, — поступают письма. В них сообщается, что в магазинах мало мяса, сливочного масла. Некоторые авторы писем считают, что ...это результат плохой организации торговли... Это конечно не так... Дело здесь в том, что мяса у нас просто не хватает». В то же время «партия и правительство озабочены таким положением и принимают меры, чтобы, в короткий срок увеличить производство мяса». «За счет интенсивного развития свиноводства и птицеводства мы можем буквально в течение одного года существенно улучшить снабжение населения мясом»⁴⁸. Однако ничего не говорит о предстоящем (через два месяца) повышении заготовительных, а в связи с этим розничных цен (причем значительных) на животноводческую продукцию, о чем население будет извещено 1 июня. По-видимому, не уверен, что большинство граждан, во всяком случае горожан, поддержит эту меру, а может быть эта идея еще не пришла ему в голову.

В качестве же радикальных мер, способных быстро изменить ситуацию в животноводстве, предлагает такие: 1) искоренить последствия несостоятельной и даже вредной травопольной системы земледелия; 2) перестроить всю систему управления сельским хозяйством, создав особый комитет по руководству этой отраслью (отчасти взамен разгромленного Министерства сельского хозяйства) и производственные колхозно-совхозные управления.

Главным препятствием на пути развития сельского хозяйства на современном этапе, подчеркивал он, является травопольная система земледелия, насаждаемая академиком В.Р.Вильямсом как универсальная при поддержке Сталина. По своему духу эта система является экстенсивной, ее авторы исходили из того, что плодородие создается только естественным путем. По мнению Хрущева, здесь

Вильямс вступал в противоречия с И.В.Мичуриным, призывавшим: «мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — это наша задача». Путем внесения удобрений, тщательной обработки почвы человек должен повышать ее плодородие. Травопольщики же исходят из того, что повышать урожайность надо «за счет предоставления так называемого отдыха земле», т.е. чистых паров. Хрущев же ратовал за широкое внедрение пропашных культур. Он справедливо критикует утверждение Вильямса о том, что «весь прирост пашни... должен быть отдан для расширения посевов многолетних трав, необходимых для установления правильных травопольных севооборотов во всех районах страны» (подчеркнуто мною. — И.З.). Но, впадая в другую крайность, призывает, настаивает, требует, игнорируя особенности различных зон огромной страны, ликвидировать посевы многолетних трав, а заодно и чистые пары. При этом приводит такой расчет. Всего в СССР, по данным ЦСУ, в 1961 г. под многолетними и однолетними травами занято 31 млн. га пашни, под чистыми парами — 16,1 млн. под малоурожайным овсом — 11,5 млн. га. Если всю эту площадь распахать и использовать под высокоурожайные паропропашные культуры (прежде всего кукурузу и озимую пшеницу), то можно получить такое количество зерна и кормов, что с лихвой хватит на удовлетворение всех потребностей страны в зерне и кормах⁴⁹.

А в качестве своих союзников в борьбе с несостоятельной и вредной травопольной системы земледелия называет выдающихся российских ученых академиков ВАСХНИЛ агрохимиков Д.Н.Прянишникова и агронома и почвовода, крупнейшего знатока почвозащитного земледелия в засушливых районах страны Н.М.Тулайкова. Однако Прянишников, в отличие от Хрущева, не предавал анафеме травопольную систему земледелия как таковую, полагая, что «нельзя считать травополье единственной и незаменимой (подчеркнуто мною. — И.З.) системой земледелия...»⁵⁰.

Тулайков же не только не отрицал посевы трав и паровую обработку почвы, но настойчиво рекомендовал применять их совхозам Зернотреста в борьбе против сорняков и ветровой эрозии. В брошюре, опубликованной в начале 1933 г., он писал: «Борьбу с сорняками в зерновом хозяйстве можно проводить или в пару или посевами многолетних трав... Многолетние травы за время их роста, в особенности на рыхлых и супесчаных почвах, закрепляет ее своими корнями и тем самым предохраняют ее от передувания»⁵¹. Помощники Хрущева, не вникая в детали, выбрали цитаты, которые требовались лидеру партии для обоснования своей позиции, основных положений доклада.

А работы Тулайкова в области засушливого земледелия Юго-Востока страны следовало бы взять на вооружение, когда разраба-

тывался и стал осуществляться план массового освоения целины в начале 50-х годов. В этом ракурсе лежали и рекомендации Мальцева и Чижевского на февральско-мартовском Пленуме 1954 г., а позже Бараева, отвергнутые Хрущевым. Крайне негативно на становление почвозащитной системы на целине в конце 50-х — начале 60-х годов повлияли некомпетентные рекомендации первого секретаря и главы правительства ликвидировать чистые пары и многолетние травы, навязывание всюду и везде пропашных севооборотов. Новый министр сельского хозяйства М.А.Ольшанский подчеркнул на пленуме особые заслуги Хрущева в том, что именно он, а не ученые начали критиковать травополье. «К большому сожалению, — заявил он, — мы должны признать, что критику основ травопольной системы земледелия начали не ученые. Они не играли ведущей роли в этом деле, как следовало ожидать». Более того, «многие научные работники до последнего времени еще не сделали выводы из критики травопольной системы земледелия»⁵².

Зато быстро сориентировался Д.А.Кунаев, первый секретарь ЦК КП Казахстана: «С большим вниманием мы выслушали замечательный по своему содержанию и глубине доклад Никиты Сергеевича Хрущева, — сказал он. — Мы целиком и полностью одобряем и поддерживаем все положения высказанные в докладе. Нет сомнения в том, что они с полным единодушием будут одобрены всем советским народом, что практическое осуществление их обеспечит создание изобилия продуктов сельского хозяйства в стране... Немалый ущерб сельскому хозяйству Казахстана нанесла травопольная система. До последнего времени у нас значительные площади занимались травами, малоурожайными культурами и парами». Ему вторил первый секретарь Целинного крайкома КП Казахстана Т.И.Соколов: «Мы благодарны Никите Сергеевичу за указания и советы, которые он нам дал на зональном совещании в Целинограде. Руководствуясь его советами, мы пересмотрели структуру посевных площадей и в этом году намного увеличили посевы кукурузы, сахарной свеклы, бобов... Значительно сократятся площади под чистыми парами и травами... Решающее значение в создании кормовой базы имеет у нас кукуруза»⁵³.

А ведь оба прекрасно понимали, что означает реализация этих хрущевских «указаний» в условиях Казахстана, на целине. Это был значительный шаг назад от разработанной учеными и практиками в 1958-1959 гг. программы, в частности институтом И.Бараева, которая уже начала осуществляться. Можно было, хотя бы в максимально корректной форме возразить, замолвить слово в поддержку этой программы. Или хотя бы промолчать. Но так было спокойнее и безопаснее.

Ф.Т.Моргун, в то время первый секретарь Ленинградского райкома партии Кокчетавской области, весьма точно определил этот рубеж «отката назад» в Казахстане. В начале 60-х годов, пишет он, «поля большинства совхозов Кокчетавской области были сильно поражены овсягом и осотом. Эти сорняки буквально душили значительную часть посевов пшеницы. Надо было срочно запахивать эти площади и обрабатывать по типу чистого пара. Директор треста С.А.Макеев издал соответствующее распоряжение, но директора совхозов не спешили с его выполнением». Решение о перепаживании принимали вышестоящие органы вплоть до Совета Министров республики. Возникла угроза осеменения сорняков. Моргун, агроном по образованию, взял всю ответственность на себя и райком партии. «60 тыс. га пшеницы в течение нескольких дней были запаханы». А он сам «за самоуправство» едва не лишился должности, отделался строгим взысканием. Вопреки рекомендациям Хрущева, Кунаева и Соколова, он исходил из того, что на целине «чистые пары имеют значительное преимущество перед кукурузой и другими пропашными культурами как верное средство борьбы с сорняками, особенно многолетними», что для защиты полей от ветровой эрозии «надо сочетать пары с посевами многолетних трав»⁵⁴. Тем самым были проверены на практике и полностью подтверждены выводы Института Бараева, который в это время, как уже отмечалось, попал в немилость за пристрастие к чистым парам и травам, встал даже вопрос об отстранении его от должности директора и исключении из партии.

В то же время участники мартовского пленума 1962 г. не жалели слов для одобрения и полной поддержки предложений Хрущева, брали на себя своего рода обязательство по их реализации. Так, Д.Я.Флорентьев, первый секретарь Костромского обкома партии, сообщил, что «за счет полной ликвидации чистых паров и резкого сокращения площадей под травами колхозы и совхозы области увеличат в текущем году посевы зерновых культур на 63 тыс. гектаров». П.А.Абрасимов, первый секретарь Смоленского обкома КПСС, в ответ на «замечательный доклад Н.С.Хрущева» пообещал в текущем году «вдвое больше, чем в прошлом» посеять кукурузы, 40 тыс. га занять сахарной свеклой, 100 тыс. га — бобовыми культурами, «полностью ликвидировать посевы однолетних и значительно сократить посевы многолетних трав».

Не ударил в грязь лицом Г.С.Золотухин, секретарь Тамбовского обкома партии: ссылаясь на доклад Хрущева и опыт передовых хозяйств, он утверждал, что «пропашная система открывает неограниченные возможности роста производства зерна и кормов», и в связи с этим уведомил пленум, что «в текущем году в области будут

ликвидированы чистые пары, решительно сокращены посевы трав, расширены посевы гороха, кормовых бобов, кукурузы и сахарной свеклы». Даже А.Я.Пельше, первый секретарь ЦК КП Латвии, явно игнорируя специфику республики, пообещал, исходя из «правильных указаний Н.С.Хрущева», расширить посевы кукурузы на одну треть, зернобобовых — более чем в 5 раз «за счет сокращения посевов трав и площадей под паром»⁵⁵.

В ответ на столь дружный хор «единомышленников» в условиях, когда «кукурузный бум» вроде бы стал стихать, Хрущев вновь воспроизвел свой тезис о том, что «кукуруза может успешно возделываться на территории всего Советского Союза», сославшись при этом даже на авторитет В.И.Ленина, который «высоко оценивал достоинства кукурузы».

Об атмосфере всеобщей эйфории на пленуме можно судить по выступлению одного из «прозревших» под воздействием доклада Хрущева «ученого» — заведующего лабораторией селекции яровых зерновых культур НИИ Сельского хозяйства Центральных районов Нечерноземья В.Е.Писарева. Он сказал буквально следующее: «Когда я слушал блестящий доклад Никиты Сергеевича Хрущева, по ассоциации мне пришла на память замечательная книга Джона Рида “10 дней, которые потрясли мир”. Я подумал, что день 5 марта 1962 года не просто число в календаре, а день свержения самодержавия целой доктрины травопольной системы земледелия... Такой логичный, такой научный, доложенный с блеском доклад Никиты Сергеевича Хрущева должен быть издан миллионными тиражами на всех языках советских народов, с тем, чтобы люди знали, какой перелом совершила наша партия в области сельского хозяйства».

Хрущеву очень понравилось это определение Писарева. «Здорово сказано», — заметил он в заключительном слове⁵⁶.

Заканчивая рассмотрение данного сюжета, хотелось бы обратить внимание на то, что спустя три года, выступая на мартовском пленуме ЦК 1965 г. с резкой критикой Хрущева и его политики, некоторые ораторы (Флорентьев, Золотухин, Пельше, Кунаев и др.) как бы «забыли» о своих выступлениях на мартовском пленуме 1962 г. с горячей поддержкой отстраненного от власти лидера, о той доли ответственности, которую они, несомненно, несут за принятые на нем решения. Так, например, Кунаев, пребывая все в той же должности первого секретаря ЦК КП Казахстана, на пленуме 1965 г. подчеркивал «многочисленные путанные указания сверху». «Особенно большой ущерб целинному земледелию, — сетовал он, — наносили настойчивые рекомендации отказаться от паров, тогда как данные науки и практики убедительно показывают, что без этого нельзя в наших условиях вести высокопродуктивное земледелие».

«Вы хорошо знаете, как все делалось: приезжали, давали указания, командовали...»⁵⁷. Ж.Шаяхметову тоже давали аналогичные указания, но он отказался их выполнять, а заодно и от своей должности первого секретаря ЦК КП Казахстана...

Возвращаясь снова к пленуму 1962 г., рассмотрим вторую меру, предложенную Хрущевым в целях ускорения развития аграрного сектора – перестройку управления сельским хозяйством. Напомню, что на январском пленуме 1961 г. им была предложена и реализована реорганизация Министерства сельского хозяйства СССР, в результате которой министерство превратилось в ведомство по распространению опыта передовых колхозов и совхозов, развития науки и сельскохозяйственного образования. На этот раз реорганизация носила гораздо более масштабный характер и тесно увязывалась с «низвержением» травопольной системы земледелия и заменой ее пропашной.

А «увязка» была такой. До сих пор, говорил Хрущев, мы определяли задания колхозам и совхозам исходя из того, сколько они могут произвести зерна, мяса, молока в рамках структуры посевных площадей, сложившейся при травопольной системе земледелия. Теперь, когда на смену травополю приходят более интенсивные методы ведения сельского хозяйства, поднят уровень механизации производства, на вооружение взяты такие культуры, как кукуруза, горох, бобы, сахарная свекла, положение меняется. Создаются реальные возможности организовать производство продуктов сельского хозяйства на основе заказов. Но беда в том, что нет органа, который обеспечивал выполнение этих заказов – заданий. «Мы ограничиваемся тем, что бросаем клич: вперед, товарищи!». Сельскохозяйственное производство, колхозы и совхозы малоуправляемы, «нет активного вмешательства со стороны государственных органов и их повседневного влияния на ход производства». (Подчеркнуто мною. – И.З.).

Самое неожиданное и удивительное то, что здесь Хрущев чуть ли не дословно повторяет формулировку Сталина из его речи на январском пленуме ЦК 1933 г. «Партия, – говорил генсек, – уже не может теперь ограничиться отдельными актами вмешательства в процесс сельскохозяйственного производства. Она должна взять в свои руки руководство колхозами...»⁵⁸. Совпадение этим не ограничивается. Сталин произносил эту речь в связи с обсуждением второго вопроса повестки пленума, касающегося организации политотделов МТС и совхозов. Именно эти органы и должны были осуществлять повседневное руководство колхозами и совхозами, совмещая функции политических, хозяйственных и карательных органов. Вспомнил об этих органах и Хрущев, поскольку, на его взгляд, «и в

новых условиях, при организации производственных управлений следовало бы учитывать опыт работы политотделов МТС»⁵⁹.

Это своего рода нонсенс, свидетельство того, что Хрущеву не чужды были авторитарные подходы по отношению к колхозам и совхозам. Более того, на рубеже 50-60-х годов в аграрной политике отчетливо проявляется тенденция к усилению государственного руководства колхозами и совхозами. Вот в связи с этим любопытные рассуждения Хрущева в докладе на мартовском пленуме 1962 г.

В колхозах и совхозах, заметил он, у нас своего рода автономия. По Уставу сельскохозяйственной артели колхоз является сугубо автономной кооперативной организацией. Колхозы ведут свое производство на основе положений и планов, разработанных самими членами кооператива. При новом порядке планирования государственные органы не определяют, сколько и каких культур должен сеять колхоз, но зато мы определяем, сколько и каких культур должен продать кооператив. Местные органы вмешиваются даже в такую сторону кооперативной жизни, как решение вопроса, кого рекомендовать председателем, часто посылают председателей из городов. Хрущев считает такое положение допустимым, ибо от успешной работы колхоза во многом зависит благосостояние народа. К тому же, когда складывается тяжелое экономическое положение в кооперативах, государство, по просьбе их руководителей, оказывает им помощь на льготных условиях, нередко списывает с них долги по ссудам. Если бы отношения между кооперативом и государством строились на принципе невмешательства, кооператив должен был по суду отвечать за невозвращение долгов, что могло бы привести к банкротству.

«Отдельные руководители считают, что, поскольку колхоз – это кооперация, то нельзя вмешиваться в его дела. Где же логика? С одной стороны, мы прямо и непосредственно вмешиваемся во многие стороны кооперативной жизни, а с другой, когда речь идет об организации производства продуктов... мы проповедуем позицию невмешательства в дела кооператива». Во многих совхозах, хотя они государственные предприятия, по мнению Хрущева, фактически тоже ведется автономное хозяйство, некоторые даже придерживаются травопольной системы⁶⁰.

Таким образом проводится мысль о том, что ни о какой автономии (самостоятельности) колхозов, а тем более совхозов, не может быть и речи. Государство должно постоянно контролировать их работу в области производства, строго следить за выполнением плана-заказа на сдачу необходимой стране продукции. На добровольную сдачу (продажу) колхозами этой продукции рассчитывать трудно. Да и само производство нужно контролировать, поскольку

(не дай Бог!) дело может дойти до травополя, мало будет производиться животноводческих продуктов. Напомню, что перебои с мясом и маслом в магазинах в начале 60-х годов Хрущев, реагируя на письма граждан в ЦК партии, считал не результатом плохой торговли, а тем, что их мало производилось. И в этом не ошибался.

А из всего сказанного логический вывод — необходимо перестроить управление сельским хозяйством в стране путем организации в областях территориальных производственных колхозно-совхозных или совхозно-колхозных (в зависимости от того, какая форма преобладает — колхозы или совхозы) управлений, в состав которых должны входить наиболее опытные представители колхозов, директора совхозов и специалисты, представитель райкомов партии и райисполкомов (возможно, секретари и председатели), а также инспекторы-организаторы на определенное количество колхозов и совхозов — основные исполнители принимаемых решений. Хрущев предложил также создать Комитеты по руководству сельским хозяйством в Союзе, республиках, краях и областях. Союзный комитет предположительно должен был возглавить заместитель председателя Совета Министров СССР, а в состав его войти министры заготовок, сельского хозяйства, председатель объединения «Союзсельхозтехника», заведующий сельхозотделом ЦК, руководитель отдела сельского хозяйства Госплана. В республиках, краях и областях комитеты должны возглавляться (и это было одобрено постановлением пленума) первыми секретарями ЦК компартий, крайкомов и обкомов. Пленум признал также целесообразным иметь в межрайонных территориальных колхозно-совхозных управлениях партторгов ЦК компартий союзных республик или крайкомов и обкомов партии⁶¹.

Целесообразность этой очередной перестройки определялась возможностью в той или иной мере преодолевать ведомственную разобщенность многочисленных вертикальных структур, опекающих сельское хозяйство, колхозы и совхозы, больше учитывать интересы непосредственных производителей сельскохозяйственных продуктов в масштабе областей и краев, о чем, в первую очередь, должны были заботиться территориальные органы. В то же время, новые органы управления сельским хозяйством в принципе олицетворяли попытки «новых подходов» реформаторов в рамках прежней административно-командной системы несколько упорядочить ситуацию, а заодно усилить государственный и партийный контроль за производством и заготовками сельскохозяйственной продукции в стране.

Кстати сказать, в постановлении пленума, в дополнение к докладу Хрущева (редкий случай в практике подготовки таких поста-

новлений), выдвигался еще один аргумент в пользу необходимости перестройки (усиления) руководства управления сельским хозяйством — ослабление этого руководства в связи с реорганизацией МТС. «Если на определенном этапе, — отмечалось в постановлении, — функции организаторов колхозного производства в известной мере выполняли МТС, то в современных условиях... нужны новые, более совершенные формы управления и контроля за организацией производства в колхозах»⁶². И с этим, конечно, нельзя не согласиться. Напомню, что в своих докладах и выступлениях в связи с реорганизацией МТС, Хрущеву пришлось неоднократно давать разъяснения по этому вопросу и он доказывал, что ослабления государственного и партийного руководства не произойдет.

Обсуждение на партийном пленуме 1962 г. вопроса о перестройке управления сельским хозяйством не вызвало какой-либо полемики. Отчасти, может быть, потому, что Хрущев проинформировал членов пленума, что вопрос о том, какими должны быть новые органы управления, обсуждался на президиуме ЦК и получил одобрение, советовались об этом и с руководителями республик. Полагаю, что если бы даже Хрущев не дал такой информации, полная поддержка этих предложений на пленуме, исходивших прежде всего от него самого, была обеспечена. Это понимали все выступавшие в прениях. Вот что сказал, например, в этой связи открывший эти так называемые прения Г.И.Воронов, первый заместитель Бюро ЦК КПСС по РСФСР: «Нам предстоит совершить именно революцию в сельском хозяйстве, чтобы в короткий исторический срок создать в стране коммунистическое изобилие. Этой задаче всецело отвечают предложения, внесенные Никитой Сергеевичем Хрущевым. Мы целиком и полностью поддерживаем их». А дальше перешел к плану организации новых органов в РСФСР: одно управление создается на 5-10 районов, в штатах каждого предусматриваются инспекторы-организаторы, всего намечено создать 382 управления и т.д.⁶³ Не ясно, правда, когда успели разработать этот план, тем более еще до принятия пленумом постановления по этому вопросу.

Отмечу, что славословия в адрес лидера партии по поводу его «замечательного доклада» не только не смолкали на всем протяжении пленума (о чем свидетельствовало, в частности, цитируемое выше выступление Писарева), но и обогатились восстановлением некоторых черт сталинского ритуала почитания вождя! Завершение доклада и заключительного слова Хрущева члены пленума поддерживали не только «продолжительными аплодисментами», но и дружным вставанием («все встают» — зафиксировано в стенограмме). Председательствовавшего же на последнем заседании пленума Л.И.Брежнева, зачитавшего Обращение ЦК КПСС к трудящимся

СССР («Дело всей партии, всего народа — добиться мощного подъема сельского хозяйства!») и объявившего об окончании работы съезда наградили лишь «продолжительными аплодисментами»⁶⁴.

Казалось бы после столь внушительных и обнадеживающих результатов работы пленума, широко разрекламированных прессой, устными разъяснениями агитаторов и пропагандистов, можно было спокойно и уверенно, с надеждой на новые достижения сельского хозяйства в самом ближайшем будущем заниматься позитивной работой по реализации принятых партийным форумом решений. Вспоминаю в этой связи, как нас, небольшую группу историков-аграрников Института истории АН СССР, по указанию райкома КПСС, направили в один из подмосковных колхозов («Горки ленинские») для разъяснения решений пленума. И мы, основательно изучив материалы, доходчиво и убедительно, как нам казалось, разъясняли колхозникам «историческое значение» этих решений, причем сами в той или иной мере верили в их магическую силу.

Однако события стали развиваться по другому сценарию. Вскоре после пленума, 1 июня 1962 г., в газетах было опубликовано постановление Совета Министров СССР от 31 мая 1962 г., первая часть которого воспринималась с одобрением, вторая же вызывала недоумение, разочарование и даже тревогу. В первой части говорилось, что в целях повышения материальной заинтересованности колхозов и совхозов в резком увеличении производства животноводческой продукции правительство постановило с 1 июня 1962 г. повысить закупочные цены на скот и птицу в среднем по стране на 35%, на животное масло — на 10%, на сливки — на 5%. Аналогичное повышение предусматривалось на продукцию, продаваемую государству личными подсобными хозяйствами колхозников, рабочих и служащих совхозов. А далее (во второй части): «В целях сокращения убытков, которое несет государство при продаже населению мяса, мясопродуктов и масла животного, а также установления более правильного соотношения между закупочными и розничными ценами, повысить с 1 июня 1962 г. розничные цены на мясо и мясные продукты в среднем на 30%, на масло животное в среднем на 25%». В заключении подчеркивалось, что повышение закупочных и сдаточных цен на продукты животноводства «является большой финансовой помощью колхозам и совхозам. Используя эту помощь, они должны в этом году добиться резкого увеличения производства мяса и других продуктов животноводства...».

Одновременно сообщалось о снижении с 1 июня 1962 г. государственных розничных цен на сахар (на 5%) и некоторые виды тканей (на 20%). Публиковалось также Обращение ЦК КПСС и

Совета министров СССР к советскому народу, в котором разъяснялась необходимость «некоторого повышения цен на мясо и мясные продукты, а также на масло» и подчеркивалось, что «эта мера временная. В недалеком будущем цены на продукты сельского хозяйства будут снижаться»⁶⁵.

Получалось, что хорошая мера о значительном повышении заготовительных цен на животноводческую продукцию проводилась исключительно за счет не менее значительного повышения розничных цен на ту же продукцию, т.е. за счет населения, в первую очередь горожан, но убытки в той или иной мере несли все граждане. Все это плохо увязывалось с решениями недавнего пленума ЦК, о непреходящем значении которого, в том числе и практического характера, продолжали вещать средства массовой информации. В самом деле, зачем было проводить пленум и почти в течение недели обсуждать и принимать «судьбоносные» для страны и сельского хозяйства решения, если можно путем одной административной меры легко и быстро решить важнейшие проблемы сельского хозяйства. А в обещание правительства, что в ближайшее время цены будут снижены, что эта мера временная, верили далеко не все. Тем более, что у всех в памяти была хрущевская денежная реформа (ее осуществление началось с 1 января 1961 г.), официально названная «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами»⁶⁶, обернувшаяся для большинства граждан, несмотря на все заверения властей, значительными материальными потерями, а также и моральными издержками (психологические перегрузки, нервные стрессы, и т.п.). К тому же, лицемерно, неискренне звучала формулировка Обращения партии и правительства к народу о «некотором повышении» розничных цен, в то время как они повышались почти на одну треть. Забегая вперед, отметим, что никто не собирался их снижать или хотя бы объяснить гражданам, почему это обещание не было выполнено.

В то же время, решить «легко и быстро» проблемы сельского хозяйства за счет повышения розничных цен на важнейшие продукты питания не удалось. Реакция населения на эту меру и прежде всего рабочего класса — «ведущей силы советского общества» была столь непредсказуемой и опасной для властей, что, несомненно, явилась грозным предупреждением реформатору, а затем и прологом событий октября — 1964 г.

2. В ПОИСКАХ ВЫХОДА: АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА В 1962-1964 ГОДАХ – КАСКАД ИНИЦИАТИВ В ЛАБИРИНТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ НОВОГО КУРСА

Как можно было предположить, резко отрицательная реакция граждан, прежде всего горожан, рабочих промышленных предприятий, на повышение розничных цен на мясо, мясную продукцию и сливочное масло (с 1 июня 1962 г.) последовала немедленно. Уже в день публикации этого решения в газетах заместитель председателя КГБ при Совете Министров СССР П.Ивашутин направил в ЦК КПСС специальную записку «О реагировании населения на решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о некотором повышении цен на мясо, мясную продукцию и масло», в которой сообщалось: «В целом по стране население это решение восприняло правильно..., особенно одобряется сельским населением... Вместе с тем, имели место нежелательные проявления...». В качестве примера приводился крупнейший в стране электровагоностроительный завод в г. Новочеркасске, рабочие которого (около 200 чел.) в 10 час. утра прекратили работу, а затем направились в заводоуправление с целью изложить свои претензии. К ним присоединились и другие рабочие (всего около 1 тыс. чел.). Выдвигались требования: «Мяса, масла, повышение зарплаты» (перед повышением цен на заводе были пересмотрены нормы выработки, вследствие чего на 30% снизились заработки рабочих). В ряде других городов (в Москве, Донецке, Риге, Выборге, Тбилиси, Челябинске, Новосибирске и др.) появились антисоветские листовки, надписи, призывы, в частности, такие: «Сегодня повышение цен, а что нас ждет завтра?», «Бороться за свои права, снижение цен», «Нас обманывали и обманывают. Будем бороться за справедливость», «Долой повышение цен», «Отказаться от помощи слаборазвитым странам», «Надо поднимать рабочих на протест против новых цен».

В заключении автор записки сообщал, что «усилена работа по выявлению враждебных элементов и предотвращению антиобщественных проявлений»⁶⁷.

2 июня 1962 г. аналогичная записка в ЦК партии была направлена председателем КГБ В.Е.Семичастным. Он сообщал о продолжении «нежелательных процессов в Новочеркасске», о «вмешательстве воинских частей», с помощью которых удалось вытеснить с территории завода толпу из 4-5 тыс. чел. Завод был взят под военную охрану, в городе введен комендантский час. Забастовщики («волынщики»), покинув территорию завода «просочились через танковый заслон» и направились в город Новочеркасск. Как потом выяснилось, для встречи с приехавшей в город комиссией президи-

ума ЦК КПСС во главе с Ф.Р.Козловым (в нее входил также А.И.Микоян). У здания горкома они были встречены выстрелами, 20 человек были убиты, 87 получили травмы, трое из них скончались. 12 июня Семичастный с удовлетворением информировал ЦК КПСС, что «обстановка в Новочеркасске полностью нормализована, город живет обычной жизнью»⁶⁸.

Так развивались события в Новочеркасске, а трагический финал их был санкционирован лично Хрущевым. Именно к нему обратились 13 июля 1962 г. В.Е.Семичастный и Р.А.Руденко (генеральный прокурор СССР) с запиской о необходимости проведения в Новочеркасске открытого судебного процесса, приложив проект обвинительного заключения. Всего было привлечено к уголовной ответственности 116 человек как «активных участников массовых беспорядков», а спровоцировала беспорядок, как отмечалось в обвинительном заключении, «группа уголовно-хулиганствующих и рваческих элементов». 23 августа Ивашутин и Руденко проинформировали Хрущева о завершении и результатах этого процесса: «Все подсудимые, за исключением одного, признали себя виновными. Семь преступников приговорены к расстрелу, остальные лишены свободы от 10 до 15 лет. На процессе присутствовали в общей сложности около 4 тыс. представителей общественности, в основном промышленных предприятий Новочеркасска, на каждом заседании находилось по 400-500 человек»⁶⁹.

«События в Новочеркасске, — приходит к выводу В.П.Наумов, — явились переломным моментом в ужесточении репрессий к любым проявлениям недовольства жителей страны условиями жизни и материальным положением, резкой нехваткой продовольствия. Жестокое подавление выступлений рабочих имело место и в других районах страны»⁷⁰.

Приведем несколько типичных высказываний граждан в связи с этими событиями, зафиксированных в сводках КГБ. Сначала, как в сводках, позитивные:

— «Эта жертва не так велика, можно поступиться и еще кое-чем, лишь бы не было войны» (рабочая московского метро);

— «хорошее мероприятие, главное у нас дешевый сахар, хлеб, мука, крупа и другие продукты.... Это временное явление, когда этих продуктов в стране будет больше, цены сразу снизят» (слесарь депо, г. Курск);

— «я очень расстроилась, услышав о повышении цен. Но прочитав Обращение партии и правительства к народу, поняла, что это необходимо» (курсер вагонного завода, г. Торжок);

— «жить будет труднее, но это ничего, лишь бы не было войны» (рабочие ж.-д. станции, г. Калинин);

Далее — негативные:

— «наряду с этим, — констатировала сводка, — имеют место политически неправильные, обывательского и враждебного характера высказывания»:

— «неправильно было принято постановление о запрещении иметь в пригородных поселках и некоторых селах скот. Если бы разрешили рабочим и крестьянам иметь скот и разводить его, то этого бы не случилось, мясных продуктов было бы сейчас достаточно» (Михайлова, дежурная по перрону Павелецкого вокзала);

— «индивидуальных коров прирезали, телят не растят, откуда же будет мясо? Тут какой-то просчет» (Зонов, бригадир механической мастерской Всесоюзного электротехнического института);

— «наше правительство раздает подарки, кормит других, а сейчас самим есть нечего. Вот теперь за счет рабочих хотят выйти из создавшегося положения» (Азовский, аппаратчик Московского завода углекислоты);

— «не знаю, что мне говорить членам кружка, где я провожу занятия. Все время в беседах со слушателями я опираюсь на нашу чудесную Программу КПСС, говорила о неуклонном росте благосостояния трудящихся. Что же я буду говорить теперь, мне просто перестанут верить» (Бениловская, преподаватель английского языка);

— «если бы рабочие по приказу Запада забастовали, то сразу бы отменили повышение цен» (Сумонова и Андреева, рабочие Магнитогорского металлургического комбината);

— «это возмутительный факт, продолжение истории с займами. Государство обдирает народ. Мало того, что подорожали товары широкого потребления, повышаются еще цены на продовольствие. Я думаю, что непременно будут забастовки рабочих на крупных предприятиях» (Романова, г. Москва);

— «как же верить теперь нашим официальным заявлениям, если на лекции о международном положении лектор говорит о том, что слухи о повышении цен в СССР — это враждебная пропаганда, распространяемая Би-Би-Си» (Булычев, ст. техник предприятия п/я 2429, г. Москва);

— «надо бить коммунистов, они довели сельское хозяйство до такого состояния, что началось повышение цен на продовольствие» (Камоцкий, завод им. Октябрьской Революции, г. Минск)⁷¹.

А вот основные положения выступления 3 июня 1962 г. по местному радио Новочеркаска секретаря ЦК КПСС, члена президиума ЦК Ф.Р.Козлова:

«Это мероприятие продиктовано заботой об улучшении благосостояния народа. Для того, чтобы завтра иметь в достатке мясо, масло, молоко... для подъема животноводства, для мощного развития

сельского хозяйства нужны средства и не малые... Они нужны, чтобы повысить материальную заинтересованность колхозников и рабочих совхозов в результатах своего труда»;

«Эти меры временные, они в ближайшие год-два принесут хорошие результаты и мы добьемся в нашей стране изобилия продуктов питания, снижения цен и повышения жизненного уровня»;

«Отдельные люди, потерявшие контроль над своими поступками и действиями, создали такую обстановку произвола и беззаконий, когда власти вынуждены были ввести в город воинские части, объявить комендантский час»⁷².

Авторы «обывательских и враждебных», по мнению КГБ, высказываний, в отличие от Хрущева, уловили подлинную сущность обострения животноводческой проблемы в стране на рубеже 50-60-х годов, а именно то, что животноводству был нанесен чувствительный удар, когда Хрушев инициировал принятие законодательных актов о резком сокращении размеров приусадебных хозяйств рабочих и служащих совхозов и о запрещении содержать скот жителям городов и рабочих поселков, а также способствовал значительному сокращению индивидуального скота колхозников (прежде всего, коров) своими «разъяснениями» о бесперспективности ЛПХ, пропагандой опыта колхоза села Калиновка, колхозники которого отказались от личного скота, а главное поощрением «рекордсменов» типа Ларионова брать повышенные обязательства по мясопоставкам, дабы догнать и перегнать США по производству этой продукции на душу населения. Первый секретарь не уставая повторял, что общественное хозяйство колхозов и совхозов намного опережает производство ЛПХ в производительности труда, в производстве животноводческой продукции. И при этом неизменно ссылался на поставки этой продукции государству общественным сектором, игнорируя данные о валовой продукции. А если обратиться к этим показателям, то выясняется, что ЛПХ граждан в 1960-1961 гг. являлись в стране основными производителями не только картофеля и овощей, но и яиц (около 80%), давали около половины (45-46%) молочной и мясной продукции. А это означало, что они не только обеспечивали себя и свои семьи этой продукцией (а это тоже не мало!), но и значительную часть ее продавали на колхозных рынках горожанам.

На мой взгляд, недооценка реального значения личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих — первая и в какой-то мере роковая ошибка Хрущева в аграрной политике, а вторая, тесно связанная с первой, — повышение розничных цен на продукты животноводства. После этих двух акций, завершившихся новочеркасской трагедией, авторитет лидера партии и государства стал быстро падать — сначала среди селян, а отчасти и горожан

(бывших владельцев личного скота), а затем и среди основной массы горожан, рабочего класса, являющегося, по определению новой Программы КПСС «самой передовой, организованной силой советского общества», осуществляющего свою «руководящую роль и в период развернутого коммунистического строительства»⁷³. Он-то и выразил прежде всего свое возмущение хрущевской политикой, причем в совершенно необычной для страны Советов форме — забастовок.

Хрушев, большой любитель разъезжать по стране, проводить различного рода совещания, давать советы и рекомендации, особенно работникам сельского хозяйства, постоянно находится «в гуще народа» в связи с тревожными событиями в Новочеркасске не считал необходимым лично встретиться с рабочими, постараться разрядить обстановку, уладить конфликт. Может быть даже за счет обещания частично снизить цены на животноводческие продукты и уж во всяком случае отменить новые (увеличенные) нормы выработки, особенно возмутившие рабочий коллектив крупнейшего машиностроительного завода страны. Ф.Р.Козлов — председатель комиссии президиума ЦК не имел надлежащих полномочий для решения вопросов такого рода. В своем выступлении по местному радио в Новочеркасске он по сути дела повторил то, о чем говорилось в постановлении правительства от 31 мая 1962 г. и в Обращении ЦК и Совмина. А ситуация в городе в это время значительно обострилась, особенно после того, как был отдан приказ о применении оружия, и пролилась кровь мирных демонстрантов. И конечно же, масла в огонь подлило прозвучавшее в выступлении Козлова обвинение новочеркасских рабочих в безответственности и агрессивности, якобы спровоцировавших власти на введение в город воинских частей и применение оружия.

Уже в начале сентября 1962 г., едва отгремели новочеркасские выстрелы, и был вынесен судебный приговор по делу «активных участников беспорядков» и «уголовно-хулиганских и рваческих элементов», Хрушев занялся подготовкой нового пленума ЦК КПСС, посвященного перестройке партийного руководства промышленностью и сельским хозяйством, назначенного на ноябрь. А 10 сентября первый секретарь обратился в президиум ЦК с очередной запиской, в которой сообщил, что «много думал над совершенствованием структуры партийного и советского аппарата» с тем, чтобы поднять его роль в руководстве экономикой страны. Тем более, что это вытекало из Программы КПСС, принятой XXII съездом партии год назад. Провозгласив превращение на современном этапе государства диктатуры пролетариата в «общенародное государство», Программа тем не менее подчеркнула, что «период развернутого строительства коммунизма характеризуется дальней-

шим возрастанием роли и значения Коммунистической партии, как руководящей и направляющей силы советского общества»⁷⁴. Таким образом, вопреки тезису об общенародном государстве, партия фактически не только не собиралась делиться своей властью ни с общественными организациями, ни с трудовыми коллективами, но и претендовала на возрастание своей роли как руководящей и направляющей силы, по крайней мере, на ближайшие 10, а то и 20 лет, до построения (в основном) коммунистического общества.

Конкретизируя это положение Программы применительно к экономике, Хрущев предложил разграничить партийное руководство промышленностью и сельским хозяйством, создать в каждой области два областных комитета, один из которых будет руководить промышленностью, другой — сельским хозяйством. Под крылом всесильного сельского обкома предполагалось объединить всех коммунистов, работающих в колхозах, совхозах, научных сельскохозяйственных учреждениях, опытных станциях, всех, кто обслуживал сельское хозяйство (переработчиков сырья, занятых в консервной промышленности и т.д.). А конкретное руководство всеми ими должно было осуществлять бюро обкома, отделы, сектора и т.д. Аналогичным образом формировался и промышленный обком⁷⁵. Иначе говоря, численность партийных чиновников, коль скоро вместо одного обкома создавалось два, увеличивалась, по крайней мере, в два раза. Именно благодаря этому прежде всего Хрущев и рассчитывал добиться «возрастания руководящей роли» партии. Все эти предложения и должен был обсудить и, разумеется, одобрить назначенный на ноябрь 1962 г. пленум ЦК. А за полторы недели до пленума, 10 ноября, неутомимый реформатор представил в президиум ЦК КПСС еще одну записку «О подведении итогов года и увеличении производства и закупок зерна». «Готовясь к докладу на Пленуме ЦК, — начинал он свое послание, — я интересовался итогами сельскохозяйственного года. Хочу поделиться некоторыми мыслями». А итоги эти его интересовали прежде всего с точки зрения выполнения решений мартовского пленума. Но поскольку они были не очень впечатляющими, начал с жалоб на погоду: «Сложилась тяжелые климатические условия в Сибири и Казахстане» (засуха), «холодное и дождливое лето» в центральных областях РСФСР, в Белоруссии и Прибалтике. Правда, по сравнению с 1953 г. (Хрущев, как правило, итоги по выполнению семилетки подводил, оперируя данными за 1953 г., хотя следовало бы сравнивать с 1958 годом), были большие достижения. Радовало то, что «почти вся товарная продукция поставлена государству колхозами и совхозами», которые стали «решающей силой в обеспечении страны сельскохозяйственными продуктами». Но нужны были, как уже

отмечалось, данные и о соотношении валовой продукции между двумя секторами (общественным и индивидуальным), которое далеко не по всем ее видам было в пользу колхозов и совхозов.

«Сдвиги» сомнительной ценности произошли в связи с осуществлением мер по борьбе с травопольем и чистыми парами: площади под многолетними и однолетними травами сократились на 8 млн. га (с 36,1 до 28 млн.), под парами на 7 млн. (с 16,1 млн. до 9 млн. га).

Неважно дело обстояло на целине: Казахстан продал государству лишь 500 млн. пуд. зерна вместо 950 млн. по плану. Недобрала товарного зерна Украина. Всего в стране было заготовлено 3 млрд. 450 млн. пуд., а рассчитывали на 4 млрд.⁷⁶ Руководители Казахстана критиковались за то, что «не учитывают особенности целинного земледелия, не прислушиваются к голосу передовой науки и практики». «Партийным и советским работникам, — писал Хрущев, — надо прежде всего самим учиться, а не стараться подменять научные учреждения, поучать других».

Это уже не столько критика, сколько самокритика, правда, без публичного признания собственных ошибок. Хорошо хоть так. И тем более странно прозвучало выступление на том же пленуме Д.Кунаева в связи с целиной. Мало того, что он полностью признал справедливость критики Хрущевым руководства Казахстана, которое «не учитывает особенности целинного земледелия» (все выступления первого секретаря ЦК КП республики было выдержано в плане «товарищ Н.С.Хрущев совершенно правильно указывает...»), но даже не упомянул о системе целинного земледелия, разработанной в Институте Бараева, о том, что для предотвращения эрозии почвы необходимо вводить травополье, а против сорняков есть только одно эффективное средство — чистые пары. Настроенный на прежнюю волну, Кунаев продолжал отчитываться о «ликвидации последствий травополья», о расширении посевов пропашных культур за счет чистых паров и т.д. и т.п. Примерно в том же духе выступал и первый секретарь Целинного крайкома партии Т.И.Соколов.

Опираясь на свои расчеты в записке, Хрущев подтвердил на пленуме, что в 1963 г. необходимо довести заготовки зерна в стране до 4,2-4,5 млрд. пуд., а в последующие 2-3 года — до 5 млрд., из которых 2,5-2,6 млрд. должна дать Россия, 950 млн. — 1 млрд. пуд. — Казахстан, 700-800 млн. — Украина. А основной путь получения дополнительного хлеба — лучшее использование земли и повышение урожайности. Продолжал настаивать на распахке трав и чистых паров (исключение сделал только для засушливых зон), засеая их, как рекомендовал мартовский пленум 1962 г., пшеницей, рожью, кукурузой, горохом, сахарной свеклой и ячменем⁷⁷.

А главное — перестроить партийные органы в соответствии с за-

дачами коммунистического строительства, а именно «положить в основу построения партийных органов сверху донизу производственный принцип и таким образом обеспечить более конкретное партийное руководство промышленностью, строительством и сельским хозяйством». Этому вопросу были посвящены основные разделы доклада Хрущева, а 4-ый, заключительный, — целиком вопросу восстановления и строгого соблюдения ленинских принципов партийно-государственного руководства и контроля.

В конце доклада члены пленума под бурную овацию дружно поднялись со своих мест («Все встают», — засвидетельствовала стенограмма).

Серьезного обсуждения недостаточно осмысленной, поспешно вынесенной на партийный форум проблемы, как и следовало ожидать, не произошло. Как и на предыдущем пленуме, все выступавшие хвалили «замечательный доклад» Хрущева и предлагали наспех разработанные планы очередной перестройки. Так, первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Г.И.Воронов отметил «исключительную важность» постановления на пленуме «по инициативе Н.С.Хрущева» этого вопроса. «Вся партия, весь советский народ, — утверждал он, — рассматривают это как своевременный, мудрый и дальновидный шаг». И традиционно подытожил: «Мы горячо одобряем, полностью поддерживаем все предложения, изложенные в докладе Н.С.Хрущева». А далее огласил предложения по организационной перестройке партийных органов и партийного руководства РСФСР⁷⁸.

Первый секретарь ЦК КП Белоруссии К.Т.Мазуров сказал: «Полностью одобряя предложения Никиты Сергеевича Хрущева... мы разработали новую структуру партийных органов, положив в основу производственный принцип партийного руководства». Он, как и почти все выступавшие, подчеркнул тесную связь этой реорганизации с решением предыдущего (мартовского 1962 г.) пленума о создании территориальных производственных колхозно-совхозных управлений⁷⁹. Тем самым кардинальная, как казалось (а в действительности административно-бюрократическая), перестройка системы партийно-государственного управления (командования) сельским хозяйством на основе производственного принципа была доведена до логического конца.

Пленум одобрил мероприятия по перестройке партийного руководства народным хозяйством, признав необходимым «реорганизовать руководящие органы партии снизу доверху, положив в основу производственный принцип», и благодаря этому обеспечить более конкретное руководство промышленным и сельскохозяйственным производством.

Этот прогноз не оправдался. Ровно через два года, 16 ноября 1964 г. пленум ЦК по докладу Н.В.Подгорного принял постановление «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций», восстановив прежний принцип построения партийных организаций и их руководящих органов — территориально-производственный, а заодно реорганизовал партийные комитеты производственных колхозно-совхозных управлений в районные комитеты партии, сосредоточив в них руководство всеми партийными организациями на территории данного района⁸⁰. Таким образом, обе хрущевские реорганизации в области партийно-государственного руководства сельским хозяйством были признаны неудачными, причем уже через месяц после отстранения их инициатора от власти. Понял это и сам Хрущев. В последней записке в президиум ЦК КПСС, направленной 18 июня 1964 г., он поставил вопрос о ликвидации партийных комитетов производственных колхозно-совхозных управлений, а затем и самих управлений⁸¹. Этот и другие назревшие вопросы должен был рассмотреть пленум ЦК по сельскому хозяйству, назначенный на ноябрь 1964 г. Октябрьский пленум помешал этим намерениям.

А ситуация в сельском хозяйстве в 1963 г. продолжала ухудшаться. В декабре 1963 г. был созван пленум с вопросом об ускоренном развитии химической промышленности как важнейшем условии подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа. Хрущев, выступивший с докладом, с пафосом говорил об успехах промышленности, правда, как и раньше, сравнения делал с 1953 г., что позволило придти к выводу о росте производства важнейших видов промышленной продукции в 2-4 раза. С переходом к сельскому хозяйству мажорный тон уступил минорному. Как всегда, начал с жалоб на «исключительно неблагоприятные климатические условия»: «суровая зима, а затем жестокая засуха нанесли ущерб важнейшим сельскохозяйственным районам страны. Урожай получен ниже, чем в прошлом году, а озимые на миллионах гектаров погибли». В данном случае все это соответствовало действительности: валовой сбор зерна в стране снизился до 107,5 млн. т против 140,2 млн. в 1962 г. (почти на 30%), урожайность — до 8,3 ц против 10,9. Все расчеты на значительное увеличение заготовок зерна (с 3,5 млрд. пуд. в 1962 г. до 4,2-4,5 млрд.) рухнули. В 1963 г. было заготовлено всего 2,7 млрд. пуд.⁸²

Конечно, не только погода была тому виной, хотя, надо признать, что 1963 г. был самым неблагоприятным для страны по климатическим условиям за все годы хрущевского периода. Объективный фактор сыграл здесь основную роль, вынудив Хрущева решиться на крайние, своего рода чрезвычайные меры — прибегнуть

к массовому импорту зерна за рубежом. Вот что в связи с этим он сказал на пленуме ЦК в декабре 1963 г.: «Хотя в стране в нынешнем году заготовлено хлеба на 836 млн. пуд. больше, чем в 1953 г., все же в этом году зерна у нас не хватает. Правительство вынуждено было купить известное количество хлеба за рубежом»⁸³. Закупили немало — 9,4 млн. т., около 10% от всего валового урожая»⁸⁴. Такая «квота» сохранялась и в последующие годы, поскольку и после отставки Хрущева «импортные операции» по хлебу продолжались⁸⁵.

Однако подобная ситуация сложилась не вдруг. Она как бы готовилась исподволь, начиная с 1959 г., когда расход зерна стал превышать заготовки, начал сокращаться государственный резерв — неприкосновенный запас зерна. Вот данные на этот счет⁸⁶:

Годы	Заготовки, млн. т	Расход, млн. т	Госрезерв на 1 июля, млн. т
1950	32,3	30,5	16,0
1958	56,6	49,1	13,7
-1959	46,6	-46,9	11,8
1960	46,7	50,0	10,2
1961	52,1	54,2	7,5
1962	56,6	56,6	6,3
1963	44,8	51,2	6,3
1964	68,3	58,2	7,0

Таким образом, систематическое превышение расходов зерна над заготовками началось в годы печально знаменитой семилетки и неизбежное в такой ситуации «проедание» государственного резерва, а после начала импорта зерна — сокращение золотого запаса страны. Вот какое объяснение в связи с этим дал сам Хрущев на упомянутом пленуме: «Нашлись, оказывается, и такие люди, — недоумевал он, — которые рассуждают: как же так, раньше при меньших валовых сборах зерна мы сами продавали хлеб, а теперь покупаем. Что можно сказать таким людям? Если в обеспечении населения хлебом действовать методом Сталина-Молотова, то тогда и в нынешнем году можно было бы продавать хлеб за границу. Метод был такой: хлеб за границу продавали, а в некоторых районах люди из-за отсутствия хлеба пухли с голоду и даже умирали». А в качестве примера он сослался на 1947 год⁸⁷.

Разумеется, Хрущев прав: в случае чрезвычайной ситуации (стихийные бедствия, массовый голод, война и т.д.) государство не только имеет право, но и обязано во имя спасения людей разбросать государственные резервы продовольствия, на то они в принципе и создаются. А потом, когда положение стабилизируется, возобновить их пополнение. Однако с начала 60-х годов покупки зерна за рубежом производились из года в год, стали своего рода

закономерностью. Государственные резервы зерна при этом не только не восполнялись, но непрерывно сокращались, а с ними и государственный золотой запас*.

Не дала должного эффекта и такая административная мера, как повышение розничных цен на важнейшие животноводческие продукты в целях компенсации убытков государства в связи с повышением закупочных цен, а поэтому повисло в воздухе обещание ЦК партии и правительства восстановить прежние цены на продукты питания в ближайшее время. Хрущева очень беспокоила реакция населения по этому поводу, особенно после новочеркасских событий. По его указанию, во второй половине 1962 г., было проведено специальное обследование бюджетов семей рабочих промышленности и колхозников для выяснения вопроса — как сказалось повышение цен в доходах и расходах населения, на уровне потребления продуктов питания.

20 декабря 1962 г. начальник ЦСУ В. Старовский представил в ЦК КПСС Хрущеву обстоятельный доклад «Об итогах обследования бюджетов населения за девять месяцев 1962 г. и о влиянии на бюджет семьи повышения розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное». В преамбуле сообщалось, что в основу доклада положены данные выборочного обследования семейных бюджетов рабочих промышленности, колхозников и служащих. Всего по программе ЦСУ было обследовано 51 тыс. семейных бюджетов, в том числе 16,4 тыс. семей рабочих промышленности, 26,9 тыс. семей колхозников и 7,7 тыс. семей рабочих совхозов. Данные обследования показали, что по сравнению с 1961 г. *денежные доходы (в среднем на члена семьи)*

- рабочих промышленности выросли на 2-6% и составили 1,6-1,7 тыс. руб.;
- рабочих совхозов выросли на 10% и составили 1,3 тыс. руб.;
- колхозников выросли на 13% и составили 0,7 тыс. руб.

Денежные расходы на продукты питания (в среднем на члена семьи)

- рабочих промышленности выросли на 5-7% и составили 216-220 руб.
- рабочих совхозов выросли на 12 % и составили 96,5 руб.
- колхозников выросли на 14% и составили 50,7 руб.;

Денежные расходы на покупку промышленных товаров (в среднем на члена семьи)

* По данным Р.Г.Пихоя, в 1963 г. на закупку продовольствия было израсходовано 372,2 т золота (более трети общего запаса), в 1965 г. — 335,3 т. (Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 370).

– рабочих промышленности выросли на 2-4% и составили 158-170 руб.

– рабочих совхозов выросли на 8% и составили 124,6 руб.

– колхозников выросли на 13% и составили 76,7 руб.⁸⁸

Бросается в глаза, что денежные доходы члена семьи рабочего совхоза были почти в 1,5 раза меньше, а колхозника более чем в 2 раза меньше, чем рабочего промышленности. Правда, относительный рост доходов члена рабочего совхоза и колхозника был примерно в 2 раза больше, чем у члена семьи рабочего промышленности, что отчасти произошло и за счет повышения закупочных и розничных цен. Соответственно и расходы на продукты питания, и промышленные товары у тружеников села в относительном исчислении были выше, а в абсолютном – значительно ниже, несмотря на то, что повышение розничных цен заставило горожан, в частности рабочих промышленности, выделять из своего бюджета больше средств.

Ведомство Старовского, по указанию Хрущева, провело специальное обследование потребления продуктов питания семьями рабочих промышленности и колхозников в июле-сентябре 1962 г., т.е. после повышения розничных цен, сравнив полученные данные с аналогичными за 1961 г. «В семьях промышленных рабочих, – сделали вывод обследователи, – потребление продуктов животноводства снизилось на 5%, потребление молока и молочных продуктов – на 10%, мясопродуктов – на 3%, а потребление рыбы, рыбопродуктов, масла растительного и яиц увеличилось на 9-12%». Таким образом, резкого, а тем более катастрофического снижения уровня питания в семьях обследованных рабочих не произошло; некоторое снижение потребления мясных и молочных продуктов компенсировалось за счет роста потребления рыбы, растительного масла и яиц. Но был и известный положительный эффект: поступление мясной продукции в городские магазины увеличилось на 5%, складские запасы мяса и мясной продукции в городах возросли на 56%, колбасных изделий – на 67%, сливочного масла – на 81%. Правда, аналитики ЦСУ с полным основанием отметили, что «повышение розничных цен в большей степени повлияло на потребление в семьях рабочих со сравнительно низкими доходами на члена семьи». А расходы на покупку непродовольственных промышленных товаров остались почти на прежнем уровне, а у колхозников возросли.

Обследователи подкрепили фактическими данными ту очевидную истину, что от повышения цен выиграли колхозники, большинство жителей села. «Особенно увеличились, – говорилось в отчете, – денежные доходы колхозников от продажи продуктов животноводства на государственных и колхозных рынках – в среднем на 17%». Семьи колхозников, как показали бюджетные обследования, стали

потреблять больше мяса и мясопродуктов на 7%, сахара – 19%, а потребление молока и молочной продукции оставалось на уровне 1961 г.⁸⁹, видимо, больше и не требовалось. Пожалуй, это единственная в советской истории правительственная акция, которая проводилась прежде всего *в интересах крестьянства, деревни* и с совершенно очевидными потерями для рабочего класса, горожан.

Вынесение в качестве основного вопроса декабрьского 1963 г. пленума ЦК проблем ускоренного развития химической промышленности как важнейшего условия подъема сельского хозяйства – свидетельство серьезного переосмысления Хрущевым приоритета факторов развития сельскохозяйственного производства. На первый план, в отличие от повестки большинства других предыдущих пленумов, выдвинут фактор интенсификации, повышения эффективности производства, урожайности полевых культур (за счет внесения в почву минеральных удобрений) и продуктивности животноводства (путем укрепления и улучшения кормовой базы, развития комбикормовой промышленности). «Химия, – подчеркнул Хрущев в своем докладе на пленуме, – могучее средство развития сельскохозяйственного производства», «для того, чтобы добиться устойчивых, гарантированных урожаев зерновых культур и получить хлеба столько, сколько нужно для полного удовлетворения потребностей страны. Необходимо ускоренными темпами развивать химию, наращивать производство минеральных удобрений»; «Задача более эффективного использования удобрений в настоящее время является одной из важнейших в борьбе за увеличение производства зерна и других продуктов сельского хозяйства», «химия и механизация – вот то, что должно быть сегодня предметом заботы партии, правительства, всего народа в области сельского хозяйства»⁹⁰.

Расчеты Хрущева о потребностях государства в продовольственных продуктах с учетом численности населения (по прогнозам ЦСУ она должна была увеличиться с 226 млн. человек в январе 1964 г. до 250 млн. к концу 1970 г. и 280 млн. к концу 1980 г.) распространяются уже не только на 70-е, но и на 80-е годы. В стране, считает он, должно производиться:

	В конце 70-х гг.	В конце 80-х гг.
Зерна	14-16	18-19 млрд. пуд.
Мяса (уб. весе)	20-25	30-32 млн. т
Молока	115-135	170-180 млн. т
Сахара	10	12 млн. т

При составлении зернового баланса, подчеркивает он, надо учитывать не только потребности в продовольственном зерне, но и

полное обеспечение животноводства в кормах: концентрированные корма должны стать главной расходной статьей зернового баланса. «Можно ли, — ставит он вопрос, — и дальше в развитии зернового хозяйства идти по пути расширения посевных площадей?». И отвечает: «Видимо, в дальнейшем мы не можем идти по такому пути... Куда выгоднее теперь, когда лучшие земли уже освоены, направить средства на развитие химии, на производство минеральных удобрений. Советская страна располагает теперь реальными возможностями для того, чтобы в земледелии пойти по пути интенсификации, увеличения производства зерна с гектара пашни за счет значительного повышения урожайности»⁹¹.

По существу, он уже готов признать допущенные ошибки в связи с кукурузной кампанией: «Не должно быть приоритета какой-нибудь одной культуре... Та культура, которая в условиях определенной зоны дает наиболее высокий урожай, лучше оплачивает вложенный труд, эта культура в хозяйстве и должна быть такой культурой».

Согласен пойти на некоторые уступки «травопольщикам»: «Ориентироваться в производстве кормов в расчете на луга — значит ожидать, как говорили в старину, что даст господь... Луга надо окультурировать, известковать, не допускать закисления, а со временем придется для этого выделять и минеральные удобрения... Однако подходить к этому делу надо конкретно. Возьмите Латвию, Литву, Эстонию... там определенную роль играют и пастбища... Нужно, чтобы работники сельского хозяйства каждой зоны видели, за счет чего они произведут фуражное зерно и другие корма».

А в заключительном слове, отвечая на записку: «Не пора ли вам решить вопрос о переводе Министерства сельского хозяйства СССР в Москву», поскольку каждый сотрудник министерства тратит на дорогу четыре часа, признает, что «вопрос заслуживает внимания», а затем долго и путано объясняет, почему было принято такое решение⁹².

Постановление пленума по существу означало начавшуюся разработку нового курса аграрной политики партии, нацеленного на последовательную, глубокую и всестороннюю интенсификацию сельского хозяйства. Пленум провозгласил главной и неотложной задачей партии и государства «сосредоточение средств и усилий на создание мощной химической индустрии, чтобы в предстоящем семилетии резко увеличить производство минеральных удобрений, химических средств защиты растений и других химических продуктов для растениеводства и животноводства. Минеральные удобрения — это основа подъема сельского хозяйства. Широкое применение их открывает путь для интенсивного ведения сельскохозяйственного производства»⁹³.

Была одобрена программа развития, химической промышленности на предстоящие семь лет (1964-1970 гг.), на реализацию которой выделялись крупные капиталовложения. «Пленум считает, подчеркивалось в постановлении, — что в первую очередь огромные возможности химии должны быть использованы для дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства и создания в стране достатка продовольствия». В годы новой семилетки (итоги предыдущей, до завершения которой оставалось еще два года, видимо, подводить не собирались) производство минеральных удобрений предполагалось довести до 70-80 млн. т, гербицидов и других средств защиты растений — до 800-900 тыс. т. Подтверждались приведенные в докладе Хрущева расчеты, сколько должно производиться продовольственных продуктов в 1970 г. для удовлетворения всех потребностей государства и народа (из постановления выясняется, что речь шла о прикидке заданий на новую семилетку): зерна 14-16 млрд. пуд., мяса (в убойном весе) 20-25 млн. т, молока 115-135 млн. т, яиц 38 млрд. шт., сахара 10 млн. т⁹⁴.

Словно предчувствуя, что его время пребывания в Кремле истекает, Хрушев на февраль 1964 г., как бы на одном дыхании, всего через два месяца после пленума 1963 г., назначает проведение нового пленума ЦК, специально посвященного интенсификации сельскохозяйственного производства, призванной завершить разработку нового курса аграрной политики партии, начатую в конце 1963 г. Этот последний пленум, проведенный Хрущевым, по принципиальной важности обсуждаемому на нем вопросу и принятому постановлению, является как бы завещанием реформатора своим преемникам, его напутствием в области аграрной политики и развития сельского хозяйства.

Повестка пленума формулировалась так: «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрейшего производства сельскохозяйственной продукции». С докладом выступал новый (после М.А.Ольшанского, сменившего в 1962 г. «непотопляемого» Лысенко на посту президента ВАСХНИЛ) министр сельского хозяйства СССР И.П.Воловченко — недавний директор подмосковного совхоза. Содокладчиками были А.А.Ежевский, председатель Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» и Е.Е.Алексеевский, председатель Государственного комитета по орошаемому земледелию и водному хозяйству СССР, а также министры сельского хозяйства союзных республик. С большой речью, объем которой почти в 1,5 раза превышал доклад Воловченко, выступил Хрушев. Эта речь фактически и подвела итоги обсуждения основного вопроса пленума.

Известной сенсацией явилось выступление на пленуме директора Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства в Казахстане академика ВАСХНИЛ А.И. Бараева, на протяжении ряда лет, как уже отмечалось, подвергавшегося резким нападкам со стороны Хрущева, являвшегося до этого фактически персоной нон-грата, тем более для совещаний такого рода. Воспользовавшись такой возможностью, ученый (судя по всему, по согласованию с Хрущевым) остановился на некоторых особенностях целинного земледелия и на способах повышения урожайности, увеличения производства зерна в Целинном крае и степных районах Сибири. При этом ссылался на опыт возглавляемого им института. «Установлено, — подчеркнул он, — что безотвальная обработка с сохранением стерни на поверхности поля обеспечивает наиболее надежную защиту почвы от ветровой эрозии». И что «наиболее надежное увлажнение почвы с гарантийными запасами влаги во всем корнеобитаемом слое в любой год обеспечивается на чистых парах». Закончил же так: «ученые-целинники не пожалеют своих сил и окажут помощь труженикам сельского хозяйства в их благородном и самоотверженном труде по повышению культуры земледелия, увеличению производства зерна (Аплудисменты)»⁹⁵. Примечательно, что Г.Наливайко на пленуме не присутствовал.

Говоря о значении данного пленума, Хрущев подчеркнул его тесную связь с предыдущим, декабрьским 1963 г., решения которых назвал «историческими», олицетворяющими «всесторонне разработанный, конкретный план, выполнения основных положений Программы КПСС». Он снова назвал показатели производства основных продуктов земледелия и животноводства, которые должны быть достигнуты к 1970 г., несколько расширив их круг (за счет включения хлопка-сырца и подсолнечника); сообщил и о планах закупок на 1964 и 1970 гг.: зерно соответственно 4,1 и 5,5 млрд. пуд.; сахарная свекла — 70,2 и 86 млн. т; хлопок-сырец — 5,0 и 6,8 млн. т; подсолнечник — 3,8 и 5,7 млн. т; скот и птица — 9,4 и 18 млн. т; молока — 32 и 60 млн. т. Ставилась задача, опираясь на развитие химии, полностью удовлетворить потребление страны в самых ценных продуктах. Производство минеральных удобрений за 1964-1970 гг. должно было возрасти с 25 до 80 млн. т.⁹⁶ Такими виделись контуры новой семилетки по сельскому хозяйству.

Далее, переходя к коренным вопросам дальнейшего развития сельского хозяйства, Хрущев подчеркнул, что это — интенсификация сельского хозяйства, которую партия смогла выдвинуть только тогда, когда был достигнут определенный уровень развития технико-экономической базы сельского хозяйства в результате огромной работы, произведенной за период с 1953 по 1963 год («великое де-

сятилетие»). А сделано было больше, чем за все предшествовавшие годы советской власти, коренным образом изменилась материально-техническая база сельского хозяйства. Государственные капитальные вложения в эту отрасль возросли с 985 млн. руб. до 5100 млн., т.е. более, чем в 5 раз⁹⁷.

В постановлении пленума было четко определено, что *«интенсификация — генеральное направление в подъеме сельского хозяйства, столбовая дорога развития его производительных сил»*. Она предусматривала развитие отрасли по трем главным направлениям: 1) *«Широкой химизации земледелия и животноводства»*, поскольку *«химизация — это революция в сельскохозяйственном производстве, в его развитии на основе интенсификации»*; 2) *«Всемерное развитие орошаемого земледелия»*, ибо это гарантированный сбор на поливных землях не только технических культур, но и большого количества зерна; предусматривалась также мелиорация заболоченных земель; 3) *«Внедрение комплексной механизации в сочетании с электрификацией производства»*⁹⁸. Заметим в этой связи, что широко разрекламированные при Брежневе «три кита» — комплексная механизация, мелиорация и химизация как основа подъема сельскохозяйственного производства⁹⁹, не могут претендовать на приоритет.

Принципиальное значение в плане реализации курса на интенсификацию сельского хозяйства имело указание пленума на осуществление *«последовательной специализации производства как по зонам, так и внутри хозяйств, создания крупных специализированных хозяйств по производству определенных видов товарной продукции»*, а также акцентирование внимания на дальнейшее развитие специализированных совхозов вокруг крупных городов и промышленных центров в целях *«решения задач полного обеспечения потребностей страны в овощах и картофеле»*. Снова обращалось внимание и решительно осуждались *«случаи списания земель хозяйственного оборота вследствие зарастания кустарниками, заболачивания и по другим причинам»*¹⁰⁰.

В докладе «Успешно осуществить решения февральского пленума ЦК КПСС об интенсификации сельскохозяйственного производства» на совещании руководящих работников партийных и сельскохозяйственных органов 22 февраля 1964 г. Хрущев особо подчеркнул, что для реализации этой программы на 1964 г. сельскому хозяйству выделены «самые крупные капиталовложения за всю историю советской власти» — 5 млрд. 400 млн. руб., причем только на производственные цели, в то время, как в 1953 г. на все нужды сельскому хозяйству было отпущено 985 млн. руб. Он привел закупочные цены за центнер сельскохозяйственной продукции на 1952 г., сравнив их с 1963 г. Разница была, в самом деле, очень

значительная: за 1 ц сданной пшеницы сельскохозяйственные производители получали почти в 8 раз больше, подсолнечника — в 9 раз, овощей — 16,5 раз, говядины — в 40 раз, молока — почти в 5 раз, яиц (за тысячу штук) — в 3,5 раза и т.д. «Нынешние закупочные цены, — сказал Хрущев, — позволяют вести хозяйство рентабельно, обеспечивать накопления для расширенного производства, достойно оплачивать труд людей»¹⁰¹.

Далее он остановился на проблемах планирования в колхозах в связи с тем, что «постановление 1955 г. грубо нарушается». «Некоторые местные органы вопреки установленному порядку навязывают колхозам планы сева по культурам, бесцеремонно устанавливают структуру посевных площадей, чем парализуют деятельность руководителей хозяйств, специалистов, глушат инициативу колхозников... Об этом сообщают в своих письмах в Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР председатели колхозов, специалисты, колхозники, работники совхозов» и в качестве примера зачитал отрывки из нескольких писем.

Приведем некоторые из них:

— «Мы до сих пор сеем под директиву областных и районных организаций. Нам дают непосильно большие задания по некоторым культурам... В 1962 году дали план кукурузы 740 гектаров. Ну как такую площадь обработать? Ее только сеять пришлось 35 дней» (счетовод Нучинского колхоза Ардатского района Горьковской области А.С.Кутяева);

— «Следовало бы навести порядок в планировании колхозного производства. Курс партии и правительства на планирование снизу — очень правильный, но на местах он нередко извращается. Колхозу сверху расписываются посевные площади, поголовье скота и т.д. Это снижает и сковывает инициативу, порождает безответственность... На мой взгляд, колхозам надо доводить только планы продажи государству сельскохозяйственных продуктов. А как выполнить планы — сколько и каких культур сеять — должны решать сами колхозники» (председатель колхоза «Украина» Хмельницкой области Г.И.Ткачук);

— «Земля — наше богатство. Кто, кроме хлеборобов, может лучше использовать ее для создания изобилия сельскохозяйственных продуктов... Казалось бы что проще: нам и всю полноту прав в использовании земли. Но этого нет. Из Ульяновска и Мелекеса нам устно и письменно диктуют: Сейте то-то и столько-то, делайте так-то» (группа колхозников колхоза «Маяк революции» Мелекесского района Ульяновской области).

Хрущев прокомментировал эти письма так: «Что это, единичные случаи? К сожалению, нет. Сейчас готовится постановление ЦК

партии и Совета Министров, в котором осуждается администрирование и извращения принятых ранее решений о планировании сельскохозяйственного производства». «К тем руководителям, которые не сделают выводов (напомню: Хрущев выступал на совещании руководящих работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов), будут продолжать нарушать установленный порядок планирования, придется применять другие меры». И пригрозил: «Возможно, следует ввести закон (призывов было уже много), который бы карал тех, кто нарушает принятые постановления. Тогда ответственность будет не только в партийном, но и в уголовном порядке... Тогда будет меньше любителей командовать колхозами, администрировать»¹⁰².

Предупреждение серьезное. Однако времени для осуществления этих намерений почти не оставалось... В этом же докладе Хрущев решил исправить еще одну ошибку, а заодно и поддержать идею агропромышленного интегрирования. В 1959 г., сказал он, была разрушена оправдавшая себя стройная система производства сахара на Украине, ликвидированы Главсахар и Сахсвеклотрест, реорганизованы сахарные комбинаты. Сахарные заводы были оторваны от совхозов — поставщиков сырья. (Все это — не без его ведома, видимо, поддержал «инициативу снизу»). «Сахарное производство, — подчеркнул он, — сложное. Здесь должны быть объединены усилия и тех, кто выращивает сахарную свеклу, и селекционеров, создающих новые сорта, и заводов, перерабатывающих свеклу... Надо навести порядок в этом важном деле... От решения этих вопросов зависит осуществление программы интенсификации сельского хозяйства, принятой на февральском пленуме ЦК»¹⁰³. Замечу, что такое взаимодействие сахарных заводов с крестьянами-плантаторами-поставщиками сахарной свеклы широко применялось в до-революционной России, а после Октября 1917 г. — в системе Сахаротреста. В роли поставщиков сырья для сахарных заводов выступали свеклосовхозы, заключавшие договоры с переработчиками. Свеклосовхозы, входившие в систему Сахаротреста, были наиболее устойчивой группой государственных сельских хозяйств¹⁰⁴.

В последние годы пребывания Хрущева во власти, особенно в 1962-1964 гг., когда он лихорадочно искал выхода из тупика, в котором оказалось сельское хозяйство, аграрный сектор в целом, его инициативы, в том числе в форме записок в президиум ЦК КПСС, следовали одна за другой. Порой их трудно было осмыслить, а тем более принять к исполнению. Но тем не менее почти каждая из них содержала рациональное зерно, а заложенные в них идеи оказались востребованными в последующие годы, правда, об авторе этих идей предпочитали не вспоминать. На некоторые из этих за-

писок я уже обращал внимание. Дополни теми, о которых не упоминалось, хотя они заслуживают этого.

Записка от 5 сентября 1962 г. «Назревшие вопросы дальнейшего улучшения сельскохозяйственного производства». Речь идет о дальнейшем развитии сети пригородных совхозов по выращиванию овощей и картофеля и молочно-животноводческих. Специализированные совхозы вокруг городов себя оправдали, но нужно помочь им становиться на ноги, оснастить техникой, укрепить кадрами. Надо расширять их сеть, выделить хозяйства по производству картофеля и овощей в Тульской, Рязанской, Орловской, Курской, Белгородской, Черниговской и Сумской областях¹⁰⁵.

17 марта 1963 г. Хрущев вновь обращается к вопросам зональной специализации сельского хозяйства применительно к Белоруссии, республик Прибалтики и Северо-Западным областям РСФСР, то есть к Нечерноземной зоне страны. Он рекомендует «превратить этот обширный район в зону молочно-мясного животноводства и свиноводства», а также птицеводства с уклоном на водоплавающую птицу¹⁰⁶.

31 июля 1963 г. Хрущев адресует членам президиума ЦК КПСС пространную записку «О некоторых вопросах подъема экономики отстающих колхозов и совхозов». Эта проблема давно его беспокоит.

Он приводит данные о совхозах, созданных на базе экономических слабых колхозов: за последние семь-восемь лет были преобразованы в совхозы около 19 тыс. колхозов, на их базе создан 3101 новый совхоз, в том числе 1739 в РСФСР, 445 — в Казахстане, 246 — в Белоруссии. Только за последние два года сумма убытков по этим совхозам составила свыше 600 млн. руб. И вот весьма ценное признание, по существу, критика этой весьма сомнительной акции: «Партийные и советские руководители в областях и краях увлеклись превращением отстающих колхозов в совхозы. В своих записках в ЦК они докладывали, какой экономический эффект будет получен от этого... Но как только руководители добивались решения ЦК и правительства, так... о своих обязательствах они забывали». «На деле все свелось к тому, что государство как бы приняло на свое обеспечение бывший отстающий колхоз. Государство платит зарплату, выплачивает пенсии работникам совхозов, а нужного количества продуктов от этих хозяйств не получает... Бывшие колхозники стали рабочими совхозов, получают определенную заработную плату, но отношение к труду у многих из них не изменилось»¹⁰⁷. «Настало время, — пишет он, — придать решению задачи подтягивания отстающих хозяйств четкую, определенную направленность и организованность. Следует составить списки отстающих колхозов и совхозов». И еще: «Принять безотлагательные и жесткие меры, запретить спекулятивным элементам содержать скот. Надо

освободить совхозы от спекулянтов». Мы по этому вопросу, напоминает он, уже принимали решения, и их надо неукоснительно выполнять¹⁰⁸.

Последняя записка, опубликованная в восьмитомнике, датирована 14 августа 1963 г. Она названа «О развитии орошаемого земледелия для получения гарантированного урожая зерновых культур»¹⁰⁹. Хрущев начал уже готовиться к февральскому пленуму 1964 г.

А после проведения пленума он дал указания аппарату, сельхозотделу ЦК, Министерству сельского хозяйства строго контролировать и докладывать ему, как реализуются решения этого пленума. 7 мая 1964 г. министр сельского хозяйства И.Воловченко направил в ЦК КПСС, лично Хрущеву информацию «О результатах рассмотрения замечаний и предложений участников февральского пленума ЦК КПСС 1964 г.»¹¹⁰.

12 марта 1964 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах подъема экономики отстающих колхозов». В нем отмечалось, что в стране имеется немало экономически слабых колхозов, что объясняется, как правило, низким уровнем руководства, текущей частью кадров, недостатками в организации и оплате труда, слабой материально-технической базой. В целях быстреего подъема их экономики предлагалось осуществить ряд мер, среди которых укрепление кадрами руководителей и производства, разработать и осуществить мероприятия по интенсификации производства, обеспечить уже в 1964 г. существенное повышение оплаты труда в каждом отстающем хозяйстве, а в дальнейшем довести их до уровня оплаты труда рабочих совхозов, причем расчеты с колхозниками деньгами производить ежемесячно, а выплату натурой в соответствии со сроками поступления продукции и т.д. Предусматривались также предоставление льгот по кредитам, списание задолженности за технику и оборудование, приобретенные у МТС, уменьшение подоходного налога на 75%. Подъем экономики отстающих колхозов провозглашался «важнейшей общенародной задачей»¹¹¹.

В конце сентября 1964 г. правление Госбанка СССР и Министерство финансов (А.Посконов и В.Гарбузов) представили в ЦК КПСС «Обобщающий отчет» о выполнении этого постановления. Приводились такие данные о численности экономически слабых колхозов в стране и союзных республиках: в СССР — 38772 или 22%; в РСФСР — 23,4%; в Белоруссии — 34,1%; в Литве — 39,4%; в Грузии — 27,9%; в Азербайджане — 26,4%; в Армении — 24,3%. В этих колхозах имелось 40 млн. га сельскохозяйственных угодий, из них 20,6 млн. га пашни (17,6% от пахотных угодий всех колхозов страны); трудоспособных колхозников насчитывалось 3,4 млн. или 16,4% от всех трудоспособных колхозников; основные средства производства

составляли 3979 млн. руб. (14,5% от всех колхозов). В 1963 г. оплата одного человека-дня равнялась 1,3 руб., в то время как в остальных колхозах 2,4 руб. (деньгами соответственно — 0,9 и 1,7 руб.). Многие отстающие колхозы расходовали средства, не сообразуясь с доходами: в 1963 г. их расходы превысили доходы на 110,9 млн. руб.¹¹²

На 1 сентября 1964 г. в соответствии с постановлением правительства в основном завершилось списание задолженности или ее отсрочка по всем отстающим колхозам; на льготных условиях им были предоставлены долгосрочные кредиты на капитальные вложения и краткосрочные — на покупку минеральных удобрений. Многие отстающие колхозы Белоруссии, Эстонии, ряда областей РСФСР увеличили производство животноводческой продукции, в связи с чем выросли их денежные доходы. Еще в первом полугодии 1964 г. отстающими колхозами страны было выплачено колхозникам в счет оплаты труда 264 млн. руб. против 218 млн. руб. в первом полугодии 1963 г. (на 21% больше). Кроме того, 16 экономически слабых колхоза были преобразованы в совхозы¹¹³.

О выполнении постановления правительства от 12 марта 1964 г. по состоянию на сентябрь-октябрь этого года отчитывались и руководители республик¹¹⁴.

Таким образом, значительная экономическая помощь отстающим колхозам была оказана. И это было гораздо важнее, чем бесконечные указания и требования центральных органов, переходящие из постановления в постановление: «исправить положение», «уделить больше внимания кадрам», «улучшить организацию труда» и т.д., и т.п.

В записке Хрущева в президиум ЦК КПСС от *13 апреля 1964 г.*, к сожалению, не опубликованной, был поставлен вопрос об организации производства животноводческой продукции на промышленной основе. В плане реализации этой идеи в мае этого года были разработаны и стали рассылаться для обсуждения в ЦК Компартий и Советов Министров союзных республик два проекта постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об организации производства яиц и мяса птицы на промышленной основе» и «Об организации производства свинины в крупных специализированных совхозах и фабриках по промышленному откорму свиней». Соображения и замечания по этим проектам поступали из республик вплоть до августа 1964 г.¹¹⁵

Таким образом, началась разработка широкой программы агропромышленной интеграции в птицеводстве и свиноводстве.

3 сентября 1964 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об организации производства яиц и мяса птицы на промышленной основе». В нем отмечалось, что со-

зданные за последние годы вокруг крупных городов и промышленных центров птицефабрики, используя передовые методы организации производства и достижения науки, добились значительного повышения продуктивности птицы, снижения затрат труда, более рационального использования кормов, что позволило резко снизить себестоимость яиц. Подавляющее большинство птицефабрик являются предприятиями рентабельными, а капитальные вложения государства в их организацию окупаются в короткие сроки. С учетом предложений ЦК Компартий и Советов Министров республик была определена программа развития птицефабрик вплоть до 1970 г. В 1965-1970 гг. предлагалось создать 508 новых птицефабрик по производству яиц и 258 по производству мяса птицы. Для руководства специализированными птицеводческими хозяйствами было создано союзно-республиканское Управление птицеводческой промышленностью СССР (Птицепром СССР)¹¹⁶. По существу это было первое в общесоюзном масштабе агропромышленное объединение, в дальнейшем полностью себя оправдавшее.

Хрушев, несомненно, был инициатором разработок проекта нового Устава сельскохозяйственной артели. 6 апреля 1961 г. президиум ЦК КПСС одобрил проект Устава, который стал рассылаться в союзные республики для внесения в него соответствующих изменений и дополнений. Учитывались устав 1935 г., а также принятые в 50-х годах постановления о планировании (март 1955 г.), об уставе сельскохозяйственной артели (6 марта 1956 г.) и др. Имеющиеся в нашем распоряжении поправки и дополнения, присланные из Армении, Азербайджана, Белоруссии, Таджикистана, Узбекистана и Латвии (сопроводительные письма были подписаны секретарями ЦК Компартий и председателями правительств республик) свидетельствуют о том, что особенно далеко в своих предложениях руководители республик не пошли, исходя, видимо, из разосланного документа, который в целом одобрили. Поправки и дополнения в основном касались некоторой специфики республик.

Варьирование просматривается в определении размеров личных подсобных хозяйств. В Армении решили размеры земельных участков устанавливать решением общих собраний, исходя из конкретных условий колхоза; в Белоруссии определили в пределах 0,20-0,30 га; в Латвии — 0,20-0,50 га. Во всех проектах личный скот ограничивался одной коровой, свиноматкой с приплодом или несколькими овцами, птицу можно было разводить в неограниченном количестве (Армения), или иметь не более 20 голов (Белоруссия). Во всех уставах предусматривался, видимо, в связи с указаниями новой Программы КПСС, добровольный отказ колхозников от ЛПХ, когда в них отпадет необходимость.

Гарантировалось пенсионное обслуживание колхозников за счет отчислений средств колхозов и колхозников. А в отношении оплаты труда речь шла о сочетании денежных и натуральных выдач, ежемесячном денежном авансировании, причем общие выплаты (деньги + натура) постепенно должны были достигнуть уровня зарплаты на государственных предприятиях. В Армении предложили ввести в колхозах «ежегодно оплачиваемый физиологический отпуск», а в Таджикистане — «еженедельные выходные дни и отдых в праздничные дни»; сдача продукции государству определялась как обязанность, а поставляться она должна была в точно определенные сроки на основе контрактационных договоров. Ну и, разумеется, земля, занимаемая колхозами, определялась как государственная (иногда общественная) собственность, передаваемая им в пользование. Сталинская формулировка Устава 1935 г. «в бессрочное пользование, то есть навечно» употреблялась редко, от нее уже веяло анахронизмом, она не работала¹¹⁷.

Судьба этих разработок была определена в апреле 1962 г., когда заведующий сельхозотделом ЦК по союзным республикам В. Поляков известил участников, что отдел «ознакомился с проектами Устава сельскохозяйственной артели, разработанными ЦК Компартий и Советами Министров республик. В соответствии с имеющимися указаниями новый Примерный устав будет рассмотрен после принятия новой Конституции СССР»¹¹⁸. Несомненно, такие указания исходили от Хрущева, председателя Конституционной комиссии. Решили подождать до лучших времен, которые наступили в ноябре 1969 г., когда состоялся Третий Всесоюзный съезд колхозников, а Хрушев как «пенсционер союзного значения» коротал свои дни в подмосковном Петрово-Дальнем.

Последние год — полтора его пребывания у власти, как мы видим, ознаменовался каскадом инициатив в аграрном секторе экономики, которые в целом можно оценить, как окончательный отказ от экстенсивных методов ведения сельского хозяйства и твердые намерения без промедления переходить к всесторонней и глубокой интенсификации. Важные шаги по этому пути были сделаны. Свет в конце туннеля был найден, но времени для движения по этому спасительному пути у реформатора оставалось крайне мало. Лимит времени, отпущенный ему историей, подходил к концу. Завершался период «оттепели», приближались «заморозки».

«Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов» был принят Верховным Советом СССР 15 июля 1964 г. В нем впервые в истории советской деревни устанавливалась государственная система социального обеспечения колхозников. Вводились пенсии по старости для мужчин-колхозников с 65 лет, женщин-колхозниц — с 60

лет. Центральный Союзный фонд социального обеспечения колхозников создавался за счет отчислений от доходов колхозов и ежегодных ассигнований по государственному бюджету СССР¹¹⁹.

А последняя крупномасштабная акция аграрной политики Хрущева намечалась на ноябрь 1964 г. — проведение специального пленума ЦК по вопросам сельского хозяйства, среди которых был и вопрос о новой реорганизации руководства отраслью, ликвидации производственных колхозно-совхозных управлений и уточнении структуры партийных органов. К сожалению, прямых документальных данных о подготовке этого пленума пока обнаружить не удалось. Поделюсь в связи с этим некоторыми личными воспоминаниями.

В конце сентября — начале октября 1964 г. мне, как одному из сотрудников сектора по истории социалистического преобразования сельского хозяйства Института истории АН СССР, было дано задание в связи с предстоящим пленумом предоставить документальный материал критического характера о сплошной коллективизации (письма крестьян, сводки о положении в деревне, высказывания представителей оппозиции и т.д.). Задание поступило непосредственно от вице-президента АН СССР, курирующего общественные науки, члена ЦК КПСС академика П.Н.Федосеева. Указания такие: приводить только выдержки из документов без каких-либо комментариев и оценок, дескать, сами разберемся что к чему. В то время я, как один из авторов готовившегося в Институте двухтомника по истории коллективизации, получил доступ к некоторым документам секретного хранения Центрального партийного архива (ЦПА ИМЛ, ныне РГАСПИ) и Центрального Государственного архива народного хозяйства (ныне РГАЭ). Выполняя задание, сделал пространную выписку (более 20 с. машинописи), рисующую картину массового голода в деревне в 1932-1933 гг., своеволия заготовителей, жесточайших репрессий, обрушившихся на крестьян. Все это за моей подписью пошло «наверх». А вскоре «оттепель» кончилась, и возникла опасность быть обвиненным в «очернительстве», что потом и было предъявлено Отделом науки ЦК КПСС всем авторам упомянутого труда. А в данном случае все обошлось — то ли мой материал не дошел до адресата, то ли решили предать все забвению. А по одной из версий критический материал о сталинской коллективизации должен был содержаться в докладе Хрущева, а более подробный — в выступлении Федосеева на пленуме.

Жаль, что этого не произошло. Наступившие «заморозки» растянулись почти на 20 лет. Не удалось издать и «Очерки по истории коллективизации», первый том которых был уже набран, а второй — подготовлен к печати.

3. ОБЩИЕ ИТОГИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. ЭКОНОМИСТЫ-АГРАРНИКИ О СИТУАЦИИ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ К КОНЦУ 1964 ГОДА

Анализ развития сельскохозяйственного производства уместно предварить данными о динамике численности населения страны, прежде всего сельского, определить характер, закономерности и особенности происходящих изменений, соотношение между жителями города и села в хронологических рамках рассматриваемого периода, исходя из того, что демографические процессы не только влияли, но и во многом предопределяли развитие аграрного сектора экономики (см. табл. 19).

К началу 1950 г. население страны насчитывало 178,5 млн. человек, из которых в городах проживало 69,4 млн. (39%), а в сельской местности — 109,1 млн. (61%). Через 15 лет в СССР проживало 229,2 млн. чел., причем преобладали уже горожане (121,7 млн., или 53%), а селян было 107,5 млн., или 47%. Применительно к селу можно выделить три хронологических этапа этих изменений: 1950-1953 гг., 1954-1957 гг. и 1958-1964 гг. На первом из них общее число сельских жителей сократилось на 1,7 млн. человек, на втором — увеличилось на 2 млн., на третьем — вновь стало сокращаться, уменьшившись почти на 0,5 млн. А в основе этих изменений — такой субъективный фактор, как аграрная политика — сначала сталинская, ее последний этап, затем хрущевская — кульминация аграрных реформ, потом ослабление их потенциала, зигзаги аграрной политики, поиски новых решений.

Примечательно, что самый низкий естественный прирост населения за весь период был зафиксирован в 1953 и 1964 гг. — 3 млн. человек, самый высокий в 1958 г. — 3,9 млн. В среднем же за год на протяжении всего 15-летия население страны увеличилось на 3,3 млн. в год¹²⁰. Среднегодовой естественный прирост населения составлял (млн. чел.):

Годы	Город	Село
1950-1953	5,1	7,3
1954-1957	5,7	8,2
1958-1963	9,2	12,1 ¹²¹

Таким образом, естественный прирост населения (за счет снижения смертности и роста рождаемости) на селе был значительно выше, чем в городе. Этому способствовали более благоприятные условия проживания в сельской местности (близость к природе, чистый воздух, меньшая загрязненность окружающей среды и др.). В 1955-1956 гг. в СССР средняя продолжительность жизни населения составляла 67 лет (против 47 лет в 1938-1939 гг.), а в 1958-1959 гг. — 69 лет¹²².

**Динамика численности населения СССР, соотношение городского
и сельского населения в 1950-1965 гг. (на январь месяц)***

Год	Общая численность насе- ления, млн. чел.	В том числе		в %		Прирост, млн. чел.	В том числе	
		городское	сельское	городское	сельское		городское	сельское
1950	178,5	69,4	109,1	39	61	-	-	-
1951	181,6	73,0	108,6	40	60	3,1	+3,6	-0,5
1952	184,8	76,8	108,0	42	58	3,2	+3,8	-0,6
1953	188,0	80,2	107,8	43	57	3,2	+3,4	-0,2
1954	191,0	83,6	107,4	44	56	3,0	+3,4	-0,4
1955	194,4	86,3	108,1	44	56	3,4	+2,7	+0,7
1956	197,9	88,2	109,7	45	55	3,5	+1,9	+1,6
1957	201,4	91,4	110,0	45	55	3,5	+3,2	+0,3
1958	204,9	95,6	109,3	47	53	3,5	+4,2	-0,7
1959	208,8	100,0	108,0	48	52	3,9	+4,4	-0,5
1960	212,3	103,6	108,7	49	51	3,5	+3,8	-0,3
1961	216,1	107,9	108,2	50	50	3,8	+4,5	-0,7
1962	219,8	111,2	108,6	51	49	3,7	+3,6	+0,1
1963	223,4	114,3	109,1	52	48	3,3	+3,2	+0,1
1964	226,2	117,7	108,5	52	48	3,1	+3,4	-0,3
1965	229,2	121,7	107,5	53	47	3,0	+3,2	-0,2

* Население СССР. 1987. Статистич. сб. М., 1988. С. 8; *Игнатовский П.А.* Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966. С. 13.

Но действовали и другие факторы этих изменений. В первые послевоенные годы (до начала 50-х годов) преобладали восстановительные («компенсаторные» — по терминологии демографов) факторы: демобилизация военнослужащих, репатриация военнопленных и мирных граждан, угнанных в Германию, и др., а также и рост рождаемости. В 1956-1957 гг. (после XX съезда КПСС) началось возвращение в родные места депортированных по распоряжению Сталина и КГБ народов Северного Кавказа и Поволжья — чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, немцев Поволжья и др., более половины которых до войны проживали в сельской местности, занимались земледелием и животноводством. В период хрущевских реформ 50-х годов одним из источников пополнения колхозно-совхозных кадров были посылки горожан в колхозы в качестве председателей («тридцатитысячники»); перевод в штаты колхозов и совхозов специалистов сельского хозяйства, работавших ранее в различного рода ведомствах, управлениях и министерствах; направление в колхозы, совхозы и МТС окончивших сельскохозяйственные вузы и техникумы, училища механизации и т.д. В середине 50-х годов в деревню стала возвращаться часть ее прежних жителей, ранее выбывшие в другие отрасли народного хозяйства или оставшиеся в городе после окончания сельскохозяйственных учебных заведений. Многие изменили свое отношение к деревне под влиянием аграрных реформ или откликнулись на призывы и обещания властей.

Однако продолжал действовать и постепенно усиливаться, особенно с конца 50-х — начала 60-х гг. по мере пробуксовки аграрных реформ, такой фактор, как миграция сельского населения в город. Этому в немалой степени способствовало ослабление после XX съезда КПСС паспортного режима в городах. С февраля 1958 г. началась постепенная паспортизация жителей села, в том числе колхозников, лишенных права получения паспортов согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. Колхозникам, выезжавшим в другие области, края и республики на сезонные работы («отходникам»), органы милиции стали выдавать краткосрочные паспорта. Временные паспорта получали и выезжавшие из деревни в город на постоянную работу, учебу и т.д. Ранее селяне, перебивавшиеся в город, вынуждены были довольствоваться справками председателей колхозов (если отпустят) или сельсоветов¹²³.

Однако полностью и окончательно «крепостное право» советского образца в деревне было отменено только после принятия 28 августа 1974 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, иезуитски названного «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР»¹²⁴.

Таблица 22

Динамика и структура пашни (по всем категориям хозяйств)*

	1950	1958	1962	1963	1964	1950	1958	1962	1963	1964
	млн. га					%				
Пашня	178,3	219,6	223,4	224,8	224,4	100	100	100	100	100
в том числе:										
посевная										
площадь	146,3	195,6	216,0	218,5	212,8	82,0	89,1	96,7	97,2	94,8
Чистые пары	32,0	24,0	7,4	6,3	11,6	18,0	10,9	3,3	2,8	5,2

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1971. С. 108-109.

Структура посевных площадей (по всем категориям хозяйств)*

	1950 г.		1958 г.		1962 г.		1963 г.		1964 г.	
	млн. га	%	млн. га	%	млн. га	%	млн. га	%	млн. га	%
Вся посевная площадь	146,3	100	195,6	100	216,0	100	218,5	100	212,8	100
В том числе под										
Зерновыми	102,9	70,3	125,1	62,1	128,7	59,6	130,0	59,5	133,3	62,6
Техническими культурами	12,2	8,4	12,3	6,3	14,3	6,6	14,9	6,8	15,5	7,3
Картофелем и										
овоще-бахчевыми	10,5	7,1	11,7	6,0	10,7	4,9	10,5	4,8	10,6	5,0
Кормовыми культурами	20,7	14,2	50,2	25,6	62,3	28,9	63,1	28,8	53,4	25,1

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1960. С. 132-133; Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1971. С. 108-109.

Валовой сбор, урожайность и закупки зерновых культур*

Годы	Валовой сбор (млн. т)	Урожайность (ц с 1 га)	Государственные закупки (млн. т)
1950	81,2	7,9	32,3
1951	78,7	7,4	33,6
1952	92,2	8,6	34,7
1953	82,5	7,8	31,1
1954	85,6	7,7	34,6
1955	103,7	8,4	36,9
1956	125,0	9,9	54,1
1957	102,6	8,4	35,4
1958	134,7	11,1	56,6
1959	119,5	10,4	46,6
1960	125,5	10,9	46,7
1961	130,8	10,7	52,1
1962	140,2	10,9	56,6
1963	107,5	8,3	44,8
1964	152,1	11,4	68,3
1965	121,1	9,5	36,3
В среднем за год			
1950-1953 гг.	83,6	7,9	32,9
1954-1958 гг.	113,2	9,2	43,6
1959-1964 гг.	129,3	10,4	52,5

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1971. С. 152. Среднегодовые показатели рассчитаны автором.

В дополнение к тому, о чем говорилось о результатах освоения целинных земель (§ 2 II гл.) приведем более масштабные и дифференцированные данные о производстве зерна в районах освоения целинных и залежных земель (см. табл. 25).

Следует еще раз подчеркнуть, что освоение целинных земель, несмотря на известную нестабильность целинного земледелия, обусловленную как природными условиями («зона риска»), так и грубейшими просчетами и ошибками субъективного характера, допущенными в первые годы подъема целины, сыграло важную роль в решении зерновой проблемы, в развитии производительных сил на Востоке страны, где была создана крупнейшая база по производству зерна, а затем и продуктов животноводства. Самоотверженный труд десятков тысяч людей принес свои плоды, страна получила дополнительно миллионы тонн зерна и животноводческой продукции. Освоенная героическим трудом российских, казахстанских, украинских хлеборобов – всех народов бывшего СССР – целина продолжает служить и в настоящее время, в том числе ставшему независимым Казахстану, который, опираясь на северные области, куда переместилась из Алма-Аты столица республики (Астана, бывший Целиноград), не только решает зерновую проблему внутри страны, но и осуществляет выгодные операции по экспорту зерна за ее пределы.

В то же время в начале 60-х годов фактор освоения новых земель, расширения посевных площадей в СССР был исчерпан, дальнейшее развитие сельского хозяйства страны – и это понял Хрущев – могло осуществляться только на основе интенсификации производства.

Обратимся к животноводческой отрасли (см. табл. 26-29).

Непрерывный рост поголовья скота после сентябрьского пленума 1953 г., включая и первую половину 60-х годов, отмечен по всем видам животных, исключая коз и лошадей. Лошадь, начиная с периода коллективизации, теснил трактор, а поголовье коз стало сокращаться с конца 50-х годов, когда было принято решение о запрещении держать коз горожанам. Козы, которые являлись основным видом скота жителей городов и рабочих поселков, особенно раздражали Хрущева, поскольку они, как он заявил на пленуме ЦК КПСС в июне 1959 г., «являются врагами городских парков». Присутствовавшие в зале поддержали лидера партии возгласами: «Правильно!»¹³⁰.

Разумеется, тенденция миграции сельского населения в город — в целом прогрессивная, закономерная для высокоразвитых обществ, строящих экономику на индустриальной основе. В той или иной мере она обусловлена развитием производительных сил в аграрном секторе, ростом производительности крестьянского труда. Однако эти факторы применительно даже к периоду 1953-1958 гг. не являлись ведущими, определяющими, а на рубеже 50-60-х гг. их воздействие на производство снизилось. Возобладала миграция стихийного, не контролируемого властями характера. На протяжении 1960-1964 гг. из деревни в город переселилось почти 7 млн. селян. Здесь сказались и негативные последствия реорганизации МТС, ущемление интересов владельцев приусадебных хозяйств, грубые ошибки властей, допущенные при преобразовании колхозов в совхозы, сселения деревень и др. По мнению В.П.Попова, почти 7 млн. крестьян «убежавших из деревни» в 1960-1964 гг. — это главным образом следствие укрупнения колхозов и сселения деревень¹²⁵.

Замечу в этой связи, что термин «бегство из деревни» применительно к периоду конца 50-х — началу 60-х гг., когда крестьянам стали выдавать паспорта, пускай временные, не соответствует новым реалиям. «Убежавшие в город» крестьяне, как пишет сам Попов, «в период оттепели не преследовались»¹²⁶. Иначе говоря, получившим временные паспорта крестьянам было предоставлено юридическое право свободного выбора места проживания и работы. Правда, их выбор порой в пользу города был не случаен. «Итогом такого решения проблемы мелких деревень (их укрупнение, сселения жителей. — И.З.), — считает О.М.Вербицкая, — стало неожиданное для властей, однако вполне закономерное увеличение миграции из села. Многие сельские жители предпочитали сразу уехать в город, чем жить в чужой деревне»¹²⁷. Воистину: одна рука реформатора порой не ведала, что делает другая.

Полагаю все же, что укрупнение колхозов и сселение деревень отнюдь не главная, а тем более не единственная причина усиленной миграции из села в город в начале 60-х гг., поскольку на обочине укрупненных колхозов и сселенных деревень оказывались преимущественно люди преклонного возраста, не принимавшие активного участия в работе в общественном хозяйстве. Иное дело колхозная молодежь, которая по достижению 16 лет механически, даже без подачи заявления, зачислялась в члены колхоза. Она отнюдь не горела желанием после окончания школы продолжать труд родителей, тем более в животноводстве, где преобладал не ограниченный во времени, слабо механизированный труд. Всеми правда-

ми и неправдами молодежь стремилась перебраться в город — на учебу, после окончания службы в армии, по истечению срока набора и т.д. Труд в городе, даже в 1953-1958 гг., оставался все же значительно более перспективным и оплачиваемым, социально защищенным, чем в колхозе. Не говоря уже об уровне культурного обслуживания, возможности устроить личную жизнь. Да и класс крестьян-колхозников, несмотря на все теоретические постулаты о равноправии рабочих и крестьян (при ведущей роли первого) их нерушимой дружбе и т.д., оставался все же ущемленным, «второсортным». Достаточно напомнить, что «крепостное право» в советской деревне (прикрепление колхозников к земле, точнее к своему колхозу) отменялось постепенно, начиная с конца 50-х гг., и растянулось почти на 20 лет.

Ситуацию с молодежью в деревне в первой половине 60-х гг. предельно четко охарактеризовал первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П.Павлов в выступлении на пленуме ЦК партии в марте 1965 г. Молодежь, подчеркнул он, уходит из деревни. «Население сельских районов в возрасте от 17 до 29 лет сократилось за последние годы на 6 миллионов человек. Во многих колхозах в настоящее время средний возраст работающих составляет свыше 50 лет»¹²⁸. Сопоставляя цифры общей сельской миграции в эти годы (7 млн. чел.) и молодежи (6 млн.), при всей их условности, общий вывод не вызывает сомнения: абсолютное большинство «беглецов» была представлена молодежью.

Хрущевская «сверхпрограмма» сселения деревень, строительства «агрогородов» была, прежде всего, ориентирована на молодежь, подрастающее поколение, содержала своего рода «рациональное зерно», но, как всегда, не была подкреплена материально, плохо рассчитана по времени, замыслы и планы реформатора значительно опережали реальные возможности государства. А молодежь не хотела и не могла долго ждать...

Один из существенных просчетов хрущевской аграрной политики состоял в том, что не удалось в годы семилетки преодолеть быстрых, не подкреплённых экономически, темпов оттока сельского населения в город, благодаря чему сельскохозяйственное производство не в состоянии было удовлетворять растущего спроса на продукты питания, не обеспечивало создания прочной кормовой базы для животноводства.

Обратимся теперь к данным сельскохозяйственной статистики (табл. 20-24). Они свидетельствуют, что на всем протяжении хрущевского периода, после пленума 1953 г. и вплоть до конца 1964 г., наблюдалось поступательное развитие сельскохозяйственного про-

изводства; наиболее высокие темпы прироста продукции имели место в 1954-1958 гг., далее наблюдается их некоторый спад, но отнюдь не падение показателей, за исключением 1963 г., отмеченного крайне неблагоприятными погодными условиями. В то же время уровень 1958 г. — наиболее высокого за период после 1954 г. по валовой продукции был сохранен, а следующий, 1964 год, благоприятный для урожая, был отмечен значительным приростом как земледельческой, так и животноводческой продукцией. Сказанное подтверждается данными о сельскохозяйственных угодьях и посевных площадях, о производстве сельскохозяйственной продукции в натуральном исчислении.

Площадь сельскохозяйственных угодий за период с 1955 по 1964 гг. увеличилась на 52,4 млн. га или на 7,8%, прежде всего за счет вовлечения в хозяйственный оборот огромных земельных массивов на Востоке страны, что позволило получить дополнительно значительное количество зерна, в том числе товарного. Кроме того, были созданы сотни специализированных совхозов (овощеводческих, картофелеводческих, животноводческих) на пустующих и заброшенных землях колхозов. Однако в конце 50-х — начале 60-х гг. происходило неоправданное расширение пахотных угодий и посевных площадей за счет распашки естественных кормовых угодий — лугов и пастбищ, а также сокращения чистых паров (площадь последних за период с 1958 по 1963 г. уменьшилась с 24 млн. га до 6,3 млн., или с 24 до 2,8% в структуре пашни). Среди кормовых культур преобладали посевы кукурузы (в 1962 г., например, под силос и зеленую массу было отведено 30,1 млн. га — около половины общей площади кормовых культур). Урожайность кукурузы, используемой для получения зерна, в большинстве районов страны была крайне низкой. Только с 1964 г. началось сокращение посевов «чудо-культуры», используемых для получения зерна¹²⁹; в то же время посевы для получения зеленой массы себя оправдали.

Прогресс налицо, а спад производства наблюдался в неурожайных 1955, 1957 и 1963 гг. В то же время следует признать, что рост урожайности невелик (3 ц за 11 лет), поскольку в основе достижений зерновой отрасли лежали главным образом экстенсивные факторы — рост посевных площадей.

**Валовая и товарная продукция сельского хозяйства
(в сопоставимых ценах, в процентах к 1950 г.)***

Годы	Валовая продукция			Товарная продукция		
	Вся продукция	в том числе		Вся продукция	в том числе	
		земледелие	животноводство		земледелие	животноводство
1951	93	88	106	-	-	-
1952	101	98	109	-	-	-
1953	104	98	119	-	-	-
1954	110	102	129	-	-	-
1955	122	116	135	-	-	-
1956	138	133	150	-	-	-
1957	143	131	166	-	-	-
1958	158	151	174	-	-	-
1959	159	143	188	-	-	-
1960	163	150	186	186	149	247
1961	167	153	194	195	161	249
1962	169	152	200	209	163	281
1963	157	139	187	211	160	290
1964	179	179	184	227	210	261
1965	183	164	215	232	184	309

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1971. С. 35, 48.

Таблица 21

**Динамика расширения площади сельскохозяйственных
угодий и пашни***

Год	Площадь с.-х. угодий		Площадь пашни в обработке		Удельный вес пашни в с.-х. угодьях, %
	млн. га	%	млн. га	%	
1950	475,6	100,0	181,4	100,0	38,1
1955	487,1	102,4	215,7	118,9	42,4
1958	501,0	105,4	217,9	120,1	43,4
1960	515,4	108,3	220,0	121,2	42,0
1963	532,6	111,9	224,2	123,5	42,0
1964	539,5	113,4	223,3	123,1	41,4

* Игнатовский П.А. Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966. С. 34.

И завершим небольшой статистический раздел материалом о личных подсобных хозяйствах (табл. 29).

Таблица 29

Удельный вес личных подсобных хозяйств населения в производстве мяса, молока, шерсти и яиц в процентах*

Годы	Мясо всех видов (в уб. весе)	Молоко	Яйца	Шерсть
1950	67	75	89	39
1960	41	47	80	78
1961	46	46	78	78
1962	44	45	76	82
1963	43	45	75	79
1964	42	42	73	71
1965	40	39	67	73

* Сельское хозяйство СССР. Статист. сб. М., 1971. С. 289, 299, 307, 314.

Мы снова убеждаемся в весьма значительной доле ЛПХ колхозников и работников совхозов в производстве животноводческой продукции страны (более 40% мяса, около половины молока, до 75% яиц, почти 80% шерсти), причем значительного спада в производстве этой продукции вплоть до 1964 г. включительно не произошло, хотя известные колебания и неустойчивость в ее производстве наблюдались. Здесь сказались запас прочности, созданный для них в 1953-1958 гг., умение селян приспосабливаться к зигзагам политики.

Хрущев, как уже отмечалось, допускал серьезный просчет, игнорируя данные о валовой продукции ЛПХ, оперируя, как правило, показателями об их товарной продукции, удельный вес которой, по данным ЦСУ (видимо, заниженной) был небольшим, значительно уступал колхозно-совхозному производству. Но так было только в зерновой отрасли, в производстве технических культур, сахарной свеклы и некоторых других. Да и невысокая товарность ЛПХ – отнюдь не свидетельство их непродуктивности, отмирания. Уже одно то, что подсобные хозяйства колхозников обеспечивали потребности своих семей в овощах, картофеле, животноводческих продуктах, а зачастую и фруктах, причем продукции высококачественной, экологически чистой, опровергает это утверждение. Надо еще принять во внимание, что на сельское население, вплоть до конца 50-х годов, приходилось более половины граждан страны, а вплоть до середины 60-х годов – 48-49%. Замечу еще, что в настоящее время на основе, прежде всего и главным образом, приусадебных хозяйств

происходит возрождение «раскрестьяненного» крестьянства, становление фермерских хозяйств.

Приведенные выше данные характеризуют развитие сельскохозяйственного производства в целом, по всем категориям хозяйств. О ЛПХ, статистика по которым, к сожалению, крайне неполна, уже говорилось. В дифференцированном подходе нуждаются основные производители сельскохозяйственной продукции страны — колхозы и совхозы. Как уже отмечалось, Хрущев явное предпочтение отдавал совхозам, считая их ведущей формой производства, призванных служить примером для колхозов — более низкой форме обобществления и организации производства. Так было записано и в третьей Программе КПСС. Лидер партии внимательно следил за результатами работы, эффективностью как совхозов, так и колхозов, регулярно получал отчеты (годовые и за ряд лет) об их работе непосредственно от начальника ЦСУ СССР В.Н.Старовского. Один из таких отчетов «Итоги о работе совхозов за 1953-1962 гг.» датирован 15 июля 1963 г.

1 июля того же года директор ВНИИ экономики сельского хозяйства К.П.Оболенский направил секретарю ЦК КПСС по сельскому хозяйству В.И.Полякову аналитическую записку и статистическую справку «Об итогах развития сельскохозяйственного производства и уровне рентабельности в совхозах за 1953-1962 гг.». Этот материал был подготовлен сотрудниками института, известными экономистами-аграрниками М.Н.Волковым, В.А.Казанским, М.Г.Вайнером, К.И.Панковой и др.¹³¹

Воспроизведем основные положения этих документов. В отчете Старовского отмечалось, что на всем протяжении этого периода проходил интенсивный рост совхозного производства, главным образом за счет создания совхозов на целинных и залежных землях (было создано 425 крупных совхозов), а также за счет преобразования в различных районах страны экономически слабых и многоземельных колхозов в совхозы. Всего было организовано 3132 совхоза и укрупнено путем прирезки колхозных земель и земель государственного фонда около 4 тыс. старых совхозов. Заметим, что прирезка земель колхозам из государственного фонда производилась за счет целинных земель; прирезали столько, что колхозы, ставшие «многоземельными», не могли их освоить. И тогда многие из них были преобразованы в совхозы. Хрущев, сделав вывод, что совхозы — основная и лучшая форма освоения целины, был, конечно, прав, хотя, к сожалению, не сразу это понял.

Всего к началу 1963 г., сообщал Старовский, в стране было 8570 совхозов, или в 1,8 раза больше, чем в 1953 г. Их удельный вес в поголовье крупного рогатого скота за это время вырос с 6 до 24%,

свиней — с 11 до 24%, овец и коз — с 9 до 28%; производство зерна увеличилось более, чем в 6 раз (с 10 до 62%), животноводческой продукции — в 4 раза, овощей — в 5 раз и т.д. Однако в результате производственной деятельности совхозы в 1962 г. получили убыток в сумме 877 млн. руб., хотя по плану должны были получить прибыль в сумме 1018,1 млн. руб. Это объяснялось многими организационными недостатками вновь созданных и преобразованных на базе колхозов хозяйств: не было четко выраженной специализации, скот размещался в многочисленных населенных пунктах из-за отсутствия животноводческих помещений на центральной усадьбе и в отделениях, уровень механизации в животноводстве был низким. И в то же время Старовский отмечал, что государство через налог с оборота получило значительные доходы, которые полностью покрыли убытки. Так, в 1962 г. эти доходы составили 4 млрд. руб.

3123 совхоза, организованные на базе экономически слабых и многоземельных колхозов (37% от общей численности совхозов РСФСР), почти достигли уровня механизации остальных совхозов и в 2 раза превосходили оснащенность колхозов. В них получены более высокие урожаи зерновых культур по сравнению с колхозами, на базе которых они были созданы (за исключением совхозов Северо-Западного и Восточно-Сибирского районов), снижена себестоимость получаемой продукции¹³².

Материал, подготовленный учеными отличался фундаментальностью (его объем составил 150 машинописных страниц), глубиной анализа. В нем были широко использованы закрытая статистика ЦСУ, специальные обследования. Более подробными, развернутыми были показатели совхозного строительства. Отмечалось, что в стране сложились зоны размещения специализированных совхозов: в Казахстане преобладали зерновые совхозы, в которых получила развитие как дополнительная животноводческая отрасль; в Узбекистане около 70% совхозов являлись хлопководческими; вокруг крупных городов и промышленных центров сложилась сеть овощеводческих, картофеле-овощеводческих и овоще-молочных совхозов; получили развитие государственные птицеводческие хозяйства. Приводились данные о значительных капиталовложениях в совхозное строительство, оснащение их новой техникой.

В то же время отмечалось, что после 1958 г. заметно повысилась себестоимость основной продукции совхозов и, как следствие этого, снизилась рентабельность производства, «сумма убытков превышает сумму прибыли, идет снижение совокупной рентабельности производства». В 1962 г. в РСФСР 67% совхозов принесли убытки. Это было связано, прежде всего, с «включением в общее число совхозов новых хозяйств, организованных на базе экономически от-

сталых колхозов». И еще с тем, что имело место «многоотраслевое развитие хозяйства, недостаточная концентрация производства, мелкие размеры отраслей»; «робко решались вопросы более углубленной специализации, разделения труда между зонами страны, межхозяйственного кооперирования». И, конечно же, «недостаточность вооруженности средствами производства». На одного среднегодового работника в совхозах приходилось 9,7 л.с. всех энергетических мощностей, в то время как на фермах США в 1961 г. — 40 л.с., или больше в 4 с лишним раза. Совхозная система была обеспечена техникой для выполнения работ в оптимальные агротехнические сроки по тракторам на 50%, по зерновым комбайнам — на 75, грузовыми автомашинами — на 40-50%; потребность животноводческих ферм в оборудовании удовлетворялась менее чем на 50%.

подавляющая часть механизаторов уходила из совхозов в другие отрасли народного хозяйства «из-за плохих жилищных условий, серьезных недостатков в культурно-бытовом обслуживании, отсутствии регулярного заработка, особенно в зимнее время». В связи с этим «на уборку урожая в совхозы приходится ежегодно направлять большое количество работников из городов и промышленных центров, перебрасывать механизаторов за тысячи километров из южных и западных районов страны на восток, расходуя на это огромные средства». Особенно неблагоприятная обстановка в этой связи сложилась на севере Казахстана, т.е. на целине.

И, кроме того: «многочисленные факты свидетельствуют, что новый порядок планирования нарушается», а в качестве примера приводилось произвольное расширение товарной продукции хозяйств; говорилось о «необходимости устранить администрирование и грубое вмешательство в оперативную работу руководителей и специалистов местных организаций»; «совершенствовать сдаточные цены, устанавливать их на более обоснованном уровне, дифференцировать по зонам».

Вслед за Старовским, ученые отмечали, что, «с народнохозяйственной точки зрения, совхозы не являются убыточными хозяйствами; на каждый рубль, вложенный государством в совхозы, оно получает отдачу в виде чистой прибыли в размере 60-70 коп.»¹³³.

По существу, это была развернутая программа укрепления и совершенствования совхозного производства на ближайшие годы, преодоления трудностей, недостатков и ошибок, допущенных в период массовой «совхозизации».

В конце 1964 г. традиционно, но уже после отставки Хрущева, В. Старовский подготовил и представил в сельхозотдел ЦК КПСС отчет «Об итогах хозяйственной и финансовой деятельности колхо-

Валовые сборы и заготовки зерна в районах освоения целинных и залежных земель*

	1950 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.
1	2	3	4	5	6	7
<i>Посевная площадь, млн. га</i>						
СССР	32,4	60,3	60,5	65,9	65,0	65,8
РСФСР	26,4	38,4	38,5	41,3	40,9	41,4
Районы Сибири и Д. Востока	12,1	19,1	19,2	20,5	19,8	19,9
Районы Урала	6,1	8,6	8,8	9,4	9,9	9,8
Районы Поволжья	8,2	10,7	10,5	11,4	11,2	11,7
Казахская ССР	6,0	21,9	22,0	24,6	24,1	24,4
<i>Валовой сбор, млн. т</i>						
СССР	25,6	58,7	50,6	55,8	37,9	66,4
РСФСР	20,9	40,0	36,0	39,9	27,3	42,5
Районы Сибири и Д. Востока	9,9	19,4	18,1	15,3	10,4	18,8
Районы Урала	6,0	10,5	8,2	10,2	7,6	9,7
Районы Поволжья	5,0	10,1	9,7	14,4	9,3	14,0
Казахская ССР	4,7	18,7	14,6	15,9	10,6	23,9
<i>Уд. вес производства зерна в общем производстве в СССР, в %</i>						
СССР	31,5	46,8	38,8	39,8	35,3	43,6
РСФСР	25,7	31,9	27,6	28,5	25,4	27,9
Казахская ССР	5,8	14,9	11,2	11,3	9,9	15,7
<i>Госуд. закупки зерна, млн. т</i>						
СССР	11,3	29,0	23,8	27,1	16,3	37,5
РСФСР	9,2	18,5	16,3	18,9	11,5	22,1
Районы Сибири и Д. Востока	4,7	8,8	7,5	5,5	3,0	9,0
Районы Урала	2,4	5,0	3,7	5,3	3,7	4,8

1	2	3	4	5	6	7
Районы Поволжья	2,1	4,7	5,1	8,1	4,8	8,3
Казахская ССР	2,1	10,5	7,5	8,2	4,8	15,4
Уд. вес закупок зерна в общих закупках СССР, %						
СССР	35	62	45	48	37	55
РСФСР	28	40	31	33	26	32
Казахская ССР	7	22	14	15	11	23

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1971. С. 158-160.

Таблица 26

Поголовье скота во всех категориях хозяйств на 1 января, млн. голов*

Годы	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Свиньи	Овцы	Козы	Лошади	Всего продуктивного скота (в пересчете на крупный)
1950	58,1	24,6	22,2	77,6	16,0	12,7	58,9
1951	57,1	24,3	24,4	82,6	16,4	13,8	59,0
1952	58,8	24,9	27,1	90,5	17,1	14,7	61,6
1953	56,6	24,3	28,5	94,3	15,6	15,3	60,3
1954	55,8	25,2	33,3	99,8	15,7	15,3	61,1
1955	56,7	26,4	30,9	99,0	14,0	14,2	61,1
1956	58,8	27,7	34,0	103,3	12,9	13,0	63,6
1957	61,4	29,0	40,8	108,2	11,6	12,4	67,3
1958	66,8	31,4	44,3	120,2	9,9	11,9	73,1
1959	70,8	33,3	48,7	129,9	9,3	11,5	78,0
1960	74,2	33,9	53,4	136,1	7,9	11,0	81,9
1961	75,8	34,8	58,7	133,0	7,3	9,9	83,8
1962	82,1	36,3	66,7	137,5	7,0	9,4	90,7
1963	87,0	38,0	70,0	139,7	6,7	9,1	95,4
1964	85,4	38,3	40,9	133,9	5,6	8,5	88,3
1965	87,2	38,3	52,8	125,2	5,5	7,9	91,0

* Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1971. С. 245.

**Производство основных продуктов животноводства
во всех категориях хозяйств***

Годы	Мясо всех видов (в убойном весе), млн. т	Молоко, млн. т	Яйца, млрд. шт.	Шерсть, тыс. т
1950	4,9	35,3	11,7	180
1951	4,7	36,2	13,3	192
1952	5,2	35,7	14,4	219
1953	5,8	36,5	16,1	235
1954	6,3	38,2	17,2	230
1955	6,3	43,0	18,5	256
1956	6,6	49,1	19,5	261
1957	7,4	54,7	22,3	289
1958	7,7	58,7	23,0	322
1959	8,9	61,7	25,6	356
1960	8,7	61,7	27,4	357
1961	8,7	62,6	29,3	366
1962	9,5	63,9	30,1	371
1963	10,2	61,2	28,5	373
1964	8,3	63,3	26,7	341
1965	10,0	72,6	29,1	357

* Сельское хозяйство СССР. Статист. сб. М., 1971. С. 287.

Таблица 28

Продуктивность скота во всех категориях хозяйств (кг)*

Годы	Средн. годовой удой молока от одной коровы	Средний вес 1 головы кр. рог. скота	Средний годовой на- стриг шерсти с 1 овцы
1950	1370		2,2
1960	1779	236	2,6
1961	1744	244	2,7
1962	1693	248	2,7
1963	1600	230	2,7
1964	1655	231	2,5
1965	1853	256	2,8

* Сельское хозяйство СССР. Статист. сб. М., 1971. С. 324, 328.

зов в 1964 г.». Глава статистического ведомства отметил, что в конце года в стране было 37,6 тыс. колхозов с числом дворов 15,9 млн.; число дворов за год увеличилось на 24,4 тыс., а колхозов сократилось на 1483 (705 были преобразованы в совхозы, многие были укрупнены).

Приводились такие данные о динамике средних размеров колхозов¹³⁴:

В среднем на 1 колхоз	1958 г.	1963 г.	1964 г.
Колхозных дворов	276	411	418
Сел.-хоз. угодий, га	4501	6067	6191
Обществен. посевов, га	1881	2896	2881
Общественного скота, гол.			
крупного рогатого	463	944	967
в том числе: коров	166	349	357
свиней	334	405	581
овец и коз	1083	1555	1406

Пояснялось, что размеры колхозов увеличились в основном из-за продолжающегося укрупнения: «в настоящее время один колхоз в среднем объединяет 9 населенных пунктов. Однако имеется свыше 2 тыс. колхозов, которые объединяют свыше 20 населенных пунктов». По сравнению с 1963 г. (крайне неблагоприятным для урожая по погодным условиям) в 1964 г. валовая продукция колхозов выросла на 18%, в том числе производство зерна — на 30%, картофеля — на 53, овощей — на 23%, сахарной свеклы — почти в 2 раза, молока — на 4%, мяса — на 19%, яиц и шерсти — на 10%.

«Некоторые из основных показателей» развития общественного хозяйства колхозов за 1964 г. в сопоставлении с 1958 и 1963 гг. тоже благоприятны: рост денежных доходов (с 11,2 и 15,8 до 17,9 млрд. руб.), валовой продукции сельского хозяйства (с 19,2 и 18,8 до 22,2 млрд. руб.); оплата труда одного работника в среднем в месяц повысилась (с 30 и 38 до 45 руб.). Себестоимость зерна снизилась (по сравнению с 1958 г.) на 14%, картофеля — на 12, молока — на 5% и т.д. В 1964 г. по сравнению с 1963 г. колхозы продали государству больше зерна на 23%, картофеля — на 46%, овощей — на 25%, сахарной свеклы — на 82% и т.д.

Приводились данные и о том, что в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совмина от 12 марта 1964 г. (о подъеме экономики отстающих колхозов) к концу года число таких колхозов сократилось с 8556 до 8385. Увеличилась оплата труда колхозников за

работы в общественном хозяйстве: на один человеко-день в 1964 г. было выдано (деньгами и натурой) в пересчете на деньги 2,26 руб., а на одну среднегодовую семью — 45 руб. против 1,92 и 38 руб. в 1963 г. А общий вывод такой: «колхозы переходят на денежную оплату труда без начисления трудодней». В 1964 г. таких колхозов в стране было около трети (31%), в том числе в Эстонии — 100%, в Молдавии — 94, в Узбекистане — 89, в Туркмении — 66, в Таджикистане — 65, в Казахстане — 44%.

По колхозам, распределяющим доход по трудодням, выдачи зерна за один день работы в отчетном году составили 2,8 кг или на 52% больше, чем в 1963 г., и на 9% больше, чем в 1962 г. А в колхозах, перешедших на денежную оплату труда, выдачу зерна в счет оплаты труда заменили его продажей по сниженным ценам. Наиболее высокая оплата человеко-дня в общественном хозяйстве в 1964 г. была в Казахстане — 3 руб. 16 коп., Северном Кавказе — 3 руб. 4 коп., Киргизии и Эстонии около 3 руб.; наиболее низкой — в колхозах Волго-Вятского района (1 руб. 61 коп.), Северо-Западе РСФСР и Белоруссии (1 руб. 60 коп.), а в целом по колхозам России — 1 руб. 75 коп.

По данным выборочного обследования хозяйств колхозников их доход от общественного хозяйства составлял 43%, от ЛПХ — 44% и 13% — от заработков членов семьи. И, пожалуй, всего один негативный показатель был зафиксирован в отчете Старовского: в 1964 г. трудовая активность колхозников в общественном хозяйстве снизилась по сравнению с 1962 и 1963 г. по числу отработанных человеко-дней (соответственно до 237 против 238 и 240); к тому же и участвовало в работах колхозников в 1964 г. на 28 тыс. человек меньше, чем в 1963 г.¹³⁵

Таким образом, отчет Старовского был предельно обтекаемым, фактологичным, по-видимому, из-за неосведомленности главного статистика (человека весьма осторожного, привыкшего угождать начальству) о сложившейся ситуации в верхних эшелонах власти, отсутствия ясности, под каким углом зрения надо анализировать проблемы сельского хозяйства. В интересах личной безопасности лучше было воздержаться от каких-либо резких оценок, самостоятельных суждений, подождать указаний новых руководителей. И такие указания вскоре последовали.

Во второй половине октября 1964 г. в связи с подготовкой пленума ЦК по сельскому хозяйству Всесоюзному научно-исследовательскому институту экономики сельского хозяйства от имени ЦК партии было дано задание подготовить аналитическую записку по вопросам экономической политики в области сельского хозяйства с соответствующим обоснованием. Документ был разработан

учеными института, рассмотрен и одобрен Ученым Советом. 30 октября за подписью директора института К.П.Оболенского он был направлен новому первому секретарю ЦК КПСС Л.И.Брежневу под заголовком «О некоторых вопросах, связанных с проведением экономической политики в области сельского хозяйства».

В преамбуле отмечалось, что некоторые вопросы этой политики «требуют или уточнения, или исправления, или новой постановки», ибо «в руководстве сельским хозяйством чрезмерно большая роль отводится мерам административного порядка, в то время как меры экономического воздействия применяются в ограниченном объеме. Между тем на первом плане должны быть именно меры экономического воздействия на развитие сельского хозяйства». Одной из главных причин серьезного отставания сельского хозяйства, по мнению авторов, являлось «недостаточное вложение государственных средств в его развитие». А поэтому на первое место в предлагаемых мерах по преодолению этого отставания выдвигалось направление дополнительных средств на усиление механизации, химизацию, орошение и осушение, снижение цен на минеральные удобрения, ядохимикаты, а также на повышение закупочных цен на продукты животноводства¹³⁶.

Если на зерно, сахарную свеклу, хлопок, горох и подсолнечник, говорилось в документе, в последние годы закупочные цены были выше многолетней их себестоимости в 2-5 раз, то на продукты животноводства (за исключением овцеводства) доходы от реализации их государству покрывали затраты производителей не более чем на 80%, а по отдельным областям и республикам — на 55-70%. «В 1962-1963 гг. в 12 союзных республиках производство продуктов животноводства было убыточно».

«Особую тревогу, — по мнению авторов, — вызывало положение с оплатой труда в колхозах и совхозах». Уровень заработка рабочих совхозов в 1962 г. составил 65,4%, а колхозников — лишь 35,3% к заработку рабочих и служащих промышленности. «За последние годы почти в 2 раза уменьшилась выдача и продажа колхозникам зерна и картофеля в счет оплаты труда». «Необходимо рассмотреть вопрос об установлении гарантированного минимума оплаты труда в колхозах, поставив задачу в ближайшие 2-3 года подтянуть оплату труда колхозников к уровню оплаты работников совхозов»¹³⁷.

Обращалось внимание на «волонтаризм и субъективизм» в планировании. «Любые мероприятия в области сельского хозяйства необходимо подкреплять конкретными расчетами и необходимой материально-технической базой, а также мерами экономического стимулирования. Это относится и к внедрению в колхозах и совхозах опыта передовиков и достижений науки». «Хорошие законы об

улучшении планирования (март 1955 г. и др.) систематически нарушаются».

Большой ущерб колхозному и совхозному производству наносился сложившейся в течение ряда лет привычкой установления завышенных планов урожайности. Приводились данные о том, что в 1961-1963 гг. фактическая урожайность была значительно ниже плановой. Так, в 1962 г. по зерну — на 25%, по картофелю — на 58%, по овощам — на 29%, по кукурузе на силос — на 63%. «Высокие показатели плановой урожайности, — делался вывод, — сказываются прежде всего на животноводстве, так как совхозы и колхозы устанавливают поголовье скота в соответствии с планом выхода кормов, а потом недокармливают животных». А строгий контроль за соблюдением этого «соответствия» устанавливали местные партийные и советские органы, постоянно вмешиваясь в работу колхозных и совхозных специалистов, правлений колхозов и дирекции колхозов. «Необходимо, — заключали ученые, — отказаться от вмешательства со стороны местных организаций в работу руководителей и специалистов колхозов и совхозов»¹³⁸.

И еще одна рекомендация, реализованная в постановлении мартовского 1965 г. пленума ЦК КПСС: «Целесообразно внести существенные изменения в практику заготовок сельскохозяйственных продуктов. Решительно прекратить изменения объема заготовок в течение года, а также практику произвольных встречных обязательств... План по заготовкам необходимо доводить до колхозов и совхозов... на более длительный период». В записке резко осуждалось «огульное охаивание травосеяния, в том числе в тех районах, где оно дает высокие и устойчивые урожаи», «внедрение административными методами посевов кукурузы и сахарной свеклы в те районы, где они удаются плохо и в таких масштабах, которые непосильны для хозяйств», «необоснованный поход против чистых паров в тех районах, где они являются неизменным условием получения высоких урожаев зерновых культур».

Обращалось внимание на то, что «сотни тысяч гектар пойменных земель затоплены и ничем не возмещены в связи со строительством энергосистем». Рекомендовалось «принять общесоюзный закон о землепользовании, а в союзных республиках Земельные кадастры». И заслуживающая особого внимания рекомендация: «целесообразно рассмотреть вопрос о размерах наших колхозов и совхозов и пойти по пути частичного разукрупнения чрезмерно крупных и трудноуправляемых хозяйств. Совхозы и колхозы должны иметь оптимальные размеры». И конечно же, не был обойден вниманием и вопрос о политике в отношении ЛПХ: рекомендовалось ее пересмотреть с тем, чтобы «восстановить права колхозника,

рабочих и служащих держать в определенных нормах скот, выделять и продавать им корм»¹³⁹.

Озабоченность ученых вызвало и состояние сельского хозяйства целинных районов; посоветовали рассмотреть вопрос о путях его дальнейшего развития, имея в виду повышение культуры земледелия, укрепление материально-технической базы, закрепление и повышение квалификации кадров и др. По ассоциации вспомнили и о Нечерноземной зоне России, постепенно превращающуюся во «вторую целину». «Государству, — говорилось в записке, — нужно пойти на известные затраты для подъема сельского хозяйства в этих районах» (имелось в виду проведение мелиоративных работ, известкование почвы, использование минеральных удобрений).

Был поставлен вопрос о «преодолении недооценки роли экономической науки», о предоставлении научным учреждениям права «по ряду вопросов давать рекомендации самим», т.е. без согласования с различного рода ведомствами и инстанциями; и еще: «экономические институты должны иметь возможность в полной мере использовать материалы ЦСУ СССР»¹⁴⁰.

Профессор сельскохозяйственной академии имени Тимирязева академик ВАСХНИЛ С.Г. Колеснев 30 октября 1964 г. (совпадение даты отправления с изложенным выше документом, видимо, не случайно) направил в президиум и ЦК КПСС записку «О неотложных мерах по подъему сельского хозяйства СССР». Его анализ состояния отрасли в основном совпадал с тем, о чем писали ученые ВНИИ экономики сельского хозяйства. Остановлюсь на некоторых оценках и предложениях Колеснева, дополняющих и расширяющих содержание ранее изложенной записки. Чрезмерно высокую, растущую из года в год себестоимость продуктов животноводства, академик объяснял тем, что в структуре себестоимости 50-80% составляли корма, считая, что «главные усилия должны быть направлены на удешевление кормовой базы». В качестве примера он привел Нечерноземную зону России, где животноводство лишилось устойчивой кормовой базы, из-за чрезмерного насаждения кукурузы, вследствие чего ежегодный дефицит кормов составлял 30-50%. И предложил «в первую очередь поднять продуктивность природных кормовых угодий, которые при минимальных затратах могут в короткий срок обеспечить резкое увеличение кормовых ресурсов животноводства зоны»¹⁴¹.

Он обратил внимание и на то, что по уровню урожайности основных сельскохозяйственных культур СССР занимает одно из последних мест в Европе, что объясняется «главным образом низкими дозами как органических, так и минеральных удобрений, вносимых в почву», причем цены на них «самые высокие в Евро-

пе». Колеснев, как и его коллеги из ВНИИ экономики сельского хозяйства, резко осудил «непрерывное наступление государства на ЛПХ колхозников и рабочих совхозов», что не только снижало уровень материальной обеспеченности колхозников (их заработная плата составляла 65% от уровня заработной платы работников совхозов и 35% от заработной платы промышленных рабочих), но и наносило немалый ущерб государству. А в доказательство привел такие убедительные данные: в 1961 г. в приусадебных хозяйствах колхозников и рабочих совхозов производилось 44% всего производства молока в стране, 42% мяса и 48% яиц; они давали около четверти товарной продукции животноводства страны. «Общественное производство, — подчеркнул ученый, — не компенсирует до сих пор этого уровня. Надо снять рогатки, мешающие существованию подсобного хозяйства и создать условия для его нормального развития».

Был поставлен вопрос и о разукрупнении совхозов, которые, по его мнению, «настолько велики по своим размерам, что стали малоправляемыми, что является одной из причин большой убыточности совхозов». Колеснев, в свою очередь, предложил усовершенствовать систему государственных заготовок. «Надо установить, — писал он, — на предстоящие 3-5 лет научно рассчитанные и обоснованные нормы продажи государству натуральной продукции сельского хозяйства и предоставить право распоряжаться остальной продукцией колхозам и совхозам. За продажу сверх установленного плана сельскохозяйственной продукции надо платить дороже, как это делается в ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии». Как видим, в разработке этой проблемы он пошел значительно дальше своих коллег из Института экономики сельского хозяйства.

И одна из главных рекомендаций автора записки: «Необходимо значительно усилить капитальные вложения в сельское хозяйство как из государственного бюджета, так и за счет колхозов и совхозов»¹⁴².

Кроме того, академики и члены-корреспонденты ВАСХНИЛ П.П.Лобанов, А.И.Тулупников, Г.М.Лоза, С.А.Удачин в конце 1964 г. внесли в ЦК КПСС свои предложения по развитию сельскохозяйственного производства, укреплению материально-технической базы сельского хозяйства, рационального использования земли и капиталовложений, повышению заинтересованности колхозов и совхозов в производстве сельскохозяйственной продукции, совершенствованию заготовок и планирования. Согласно информации зам. заведующего сельхозотделом ЦК КПСС Ф.Крестянинова, их предложения были учтены при подготовке мартовского пленума ЦК партии 1965 г.¹⁴³

Рекомендации авторов названных записок и других экономистов-аграрников были использованы при подготовке доклада Брежнева на пленуме ЦК партии в марте 1965 г. и в постановлении пленума. К сожалению, при этом докладчик не счел нужным отметить участие ученых в разработке «неотложных мер по дальнейшему развитию сельского хозяйства». Все преподносилось от имени партии, ее руководящих органов. В заключительном слове Брежнев от имени членов президиума ЦК и секретарей ЦК выразил «чувство глубокого удовлетворения» тем, что пленум «с таким единодушием одобрил меры по подъему сельского хозяйства и его дальнейшего развития», которые президиум ЦК представил на его рассмотрение¹⁴⁴. Хорошо хоть, что мнение ученых не было отвергнуто, как это нередко было при Хрущеве, когда его собственные представления не совпадали со взглядами ученых.

* * *

При всей глубине анализа состояния сельского хозяйства страны к середине 60-х годов, проведенного ведущими экономистами-аграрниками, серьезности сделанных ими предложений по оздоровлению ситуации, новаций как таковых было немного.

По существу, речь шла о возвращении к той программе (с известной корректировкой), которая была разработана сентябрьским пленумом 1953 г. и последовавших за ней экономических и социальных мер по ее реализации, осуществленных во второй половине 50-х гг. Брежнев имел все основания в докладе на мартовском пленуме отметить, что сентябрьский пленум «разработал правильный курс в области сельского хозяйства... и пока его решения проводились в жизнь, мы имели определенные результаты». Однако «положительные результаты, к сожалению, не были закреплены и развиты дальше. Мы оказались перед фактом, что в последние годы сельское хозяйство замедлилось в своем развитии. Наши планы по подъему сельскохозяйственного производства остались невыполненными... Если до 1959 года происходил заметный подъем сельского хозяйства, то в последующий период оно, по существу, стало топтаться на месте».

М.С.Горбачев на «своем» мартовском пленуме ЦК 1989 г., в свою очередь, подчеркнул, что после сентябрьского пленума 1953 г. «Сельское хозяйство стало двигаться вперед довольно высокими темпами... В целом за пять лет после 1953 года по сравнению с предыдущим пятилетием прирост сельскохозяйственного производства составил 34 процента. Усилилось воздействие интенсивных факторов на результаты хозяйствования... Были сделаны действительно крупные шаги вперед. Но скоро вновь последовало нео-

правданное вмешательство в деятельность колхозов и совхозов, навязывание им из центра различного рода указаний, проведение надуманных реорганизаций... Все это в конечном счете привело к падению темпов роста сельскохозяйственного производства, к резкому обострению зерновой проблемы, к ухудшению продовольственного снабжения»¹⁴⁵.

Опыт нашей страны в области аграрного реформирования после Октября 1917 г., показывает, что потенциал аграрных реформ (будь то нэп, коллективизация, завершение реконструкции сельского хозяйства, программа его восстановления после Великой Отечественной войны, хрущевские реформы, Продовольственная программа 1982 г. и т.д.), как правило, не превышал 5-6 лет, а далее требовалось определение новых ориентиров, разработка новых концепций и конкретных программ. Через 5 лет после сентябрьского пленума 1953 г. потребовалась существенная корректировка процесса аграрного развития, прежде всего по линии устранения допущенных ошибок и издержек, неизбежных при проведении любой реформы. К сожалению, события стали развиваться в ином русле. Ошибки и издержки не только не устранялись, но возобладала тенденция к их нарастанию и углублению, что приводило к топтанию на месте, или движению по принципу «шаг вперед, два шага назад». Этому в немалой степени способствовало установление личной диктатуры Хрущева, одолевшего своих политических противников (июньский пленум 1957 г.), сосредоточившего в своих руках ключевые посты в партии и государстве.

Осознание тупиковости создавшейся ситуации пришло к реформатору в 1963-1964 гг., когда в полной мере определился провал не подкрепленного достаточными материальными ресурсами волюнтаристского семилетнего плана, оторванностью от реальной жизни прожектерских идей третьей Программы КПСС об этапах построения коммунистического общества в СССР. Курс на всемерную, последовательную и глубокую интенсификацию сельского хозяйства — единственно возможный в создавшихся условиях, был определен в постановлениях пленумов ЦК 1963-1964 гг. и постановлениях правительства, были сделаны важные шаги по его реализации. Однако авторитет реформатора стремительно падал, не было гарантии, что в условиях установившегося авторитарного правления, превалирования административно-командных методов руководства новая программа будет реализована.

Терпение иссякало как у народа, недовольного значительным повышением («временным») розничных цен на продукты животноводства, притеснением владельцев приусадебных хозяйств, началом позорных для страны массовых закупок зерна за рубежом и т.д.,

общим снижением уровня жизни, о чем предупреждали кровавые новочеркасские события, так и у правящей верхушки КПСС, особенно возмущавшейся полным попранием в аграрной сфере норм и принципов «коллективного руководства», своеволием, доходящим до самодурства, лидера партии и государства. Развязка приближалась.

4. «ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ». ГРОЗНЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ: КАМНИ БРОСАЮТ ВСЕ. ПЛЕНУМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ. РЕФОРМЫ НЕОБРАТИМЫ

16 октября 1964 г. в газетах было опубликовано информационное сообщение о том, что 14 октября состоялся пленум ЦК КПСС, который «удовлетворил просьбу тов. Хрущева Н.С. об освобождении его от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена президиума ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». Одновременно сообщалось, что пленум избрал первым секретарем ЦК КПСС Л.И.Брежнева. Все логично, благопристойно: человек отработал свое, устал, плохо себя чувствует, попросился на пенсию, просьбу его уважили.

В действительности все обстояло далеко не так. Из опубликованных почти 40 лет спустя материалов этого пленума (Постановление президиума ЦК от 13-14 октября и стенограмма пленума) под характерным заголовком «Как снимали Н.С.Хрущева» выясняется, например, что все было решено на заседаниях президиума, проходивших 12, 13 и 14 октября, на первом из которых Хрушев не присутствовал. Партийный заговор готовился тайно, исподволь. 12 октября, когда Хрушев еще находился на отдыхе в Пицунде (вместе с А.И.Микояном), члены президиума, договорившись между собой об его отстранении, приняли решение о вызове его в Москву. На заседании президиума 13 октября, согласно договоренности, выступали все члены президиума с резкими обвинениями против лидера партии и с обязательным предложением о его смещении со всех постов. Только Микоян, не участвовавший в сговоре, выступил в защиту Хрущева, предложив оставить его главой правительства, но никто его не поддержал. Хрушев сначала пытался протестовать, перебивал ораторов, но скоро понял, что все бесполезно. Однако на этом заседании согласия на добровольную отставку не дал и, покинув заседание, уехал на дачу. На следующее утро, приехав в Кремль, сразу же подписал подготовленный аппаратом ЦК текст заявления о своей отставке «по состоянию здоровья». После этого молча выслушал постановление президиума ЦК

«О мерах по восстановлению ленинских принципов коллективного руководства в деятельности ЦК КПСС», принятое единогласно (он сам не голосовал) и покинул заседание. Позже он скажет: «Они смогли меня снять простым голосованием, тогда как Сталин велел бы их всех расстрелять».

В постановлении президиума отмечалось, что в результате ошибок и неправильных действий т. Хрущева, нарушающих ленинские принципы коллективного руководства, в президиуме ЦК за последнее время создалась совершенно ненормальная обстановка. «Сосредоточив в своих руках большую власть», он перестал считаться с мнением членов президиума ЦК и членов ЦК КПСС, решал важнейшие вопросы без должного коллективного обсуждения... допустил ряд крупных ошибок в практическом осуществлении линии, намеченной решениями XX, XXI и XXII съездов партии».

Посчитали, что «при сложившихся отрицательных качествах как работника, преклонности возраста и ухудшении здоровья т. Хрущев не способен исправить допущенные им ошибки и непартийные методы в работе», а в связи с этим удовлетворить его просьбу об освобождении от обязанностей первого секретаря ЦК, члена президиума ЦК и председателя Совета Министров СССР¹⁴⁶.

Пленум ЦК начал и закончил свою работу 14 октября. По поручению президиума кратким вступительным словом его открыл Брежнев, а затем с пространным и весьма сумбурным сообщением от имени президиума и секретариата ЦК выступил М.А.Суслов. Примечательно, что в июне 1957 г. он же выступал в защиту Хрущева, разоблачая «антипартийную группу» Маленкова, Кагановича, Молотова. И на этот раз его выступление носило резко обвинительный характер. Правда, несколькими словами он отметил «положительную роль т. Хрущева в разоблачении культа личности Сталина», его «определенный вклад» «в разработку коллективно выработанной партией» «правильной линии в области внутренней и внешней политики». «В особенности, — подчеркнул он, — необходимо указать на ошибки, допущенные в области руководства сельским хозяйством».

Среди них он назвал такие:

- навязывание посевов кукурузы всюду, вплоть до северных районов Архангельской области. Лишь после горьких уроков начал делать исключение для отдельных районов;
- была брошена директива, повсеместно запрещающая сеять травы;
- без всяких на то оснований поднял на щит такое позорное дело, как рязанское; подобным авантюристическим экспериментам

был нанесен серьезный урон общественному животноводству колхозов и совхозов;

- до неприличия захлебывался успехами колхоза села Калиновки, хотя, как выясняется, для подъема этого колхоза было затрачено немало государственных средств;

- с 1959 по 1963 г. сельское хозяйство увеличило свою продукцию в среднем за год на 1,7% против 8% по плану. Поэтому мы имеем трудности в снабжении населения мясом, хлебом, крупами и др. продуктами;

- многочисленные записки т. Хрущева и сопровождавшие их бесконечные реорганизации буквально задержали всех наших работников, посеяли среди них чувство неуверенности;

- особенно грубые ошибки содержала последняя записка т. Хрущева от 18 июля 1964 г., в которой предлагалось заменить партийные комитеты производственных управлений политотделами, провести своеобразную военизацию партийных организаций;

- в последнее время стал высказывать идею о ликвидации даже производственных территориальных управлений, предлагая руководить колхозами и совхозами непосредственно из областей и краев;

- единолично внес предложение заменить проект пятилетнего плана развития народного хозяйства на 1966-1970 гг., который разрабатывал Госплан, на семилетний или восьмилетний;

- страдал зудом всевозможных реорганизаций и перестроек, слепо веря в какую-то их магическую таинственную силу; на деле эти перестройки и реорганизации лишь дергали людей, сеяли среди них растерянность, неуверенность;

- создание промышленных и сельскохозяйственных обкомов и облисполкомов привело к смешению функций, прав и обязанностей партийных, государственных и хозяйственных органов;

- стремился ликвидировать Тимирязевскую сельскохозяйственную академию лишь на том основании, что большинство ученых не разделяли его взглядов;

- фактически собирались не пленумы ЦК, а Всесоюзные совещания с участием до 5-6 тыс. человек, с трибуны которых звучали восхваления в адрес Хрущева¹⁴⁷.

Прения решили не открывать, исходя из того, что, как подчеркнул Брежнев в своей вступительной речи, мнение по данному вопросу членов и кандидатов в члены президиума ЦК и секретарей ЦК, было единодушным, которое и поручено доложить Суслову. Не осведомился председатель и о том, не возникло ли у членов пленума в связи с выступлением Суслова вопросов. Боялись, видимо, не выступит ли кто-либо прямо или косвенно в защиту ушедшего в отставку Хрущева. Члены пленума также единодушно, как

некогда Хрущева в 1957 г., поддержали и Брежнева (он был избран первым секретарем ЦК КПСС), а также Суслова, президиум ЦК. «Вождистский» менталитет «верных ленинцев», а до этого «сталлинец», как видно, далеко еще не был изжит.

В то же время большинство из выдвинутых в сообщении Суслова обвинений в адрес Хрущева, уже бывшего лидера партии, в целом справедливы, хотя имели место натяжки, спорные положения, неточности. Так, к примеру, Хрущев, как уже отмечалось, не собирался ликвидировать Тимирязевскую академию, а предлагал перебазировать ее из Москвы поближе к сельскохозяйственным угодьям; трудно согласиться с огульным охаиванием всех записок Хрущева в президиум ЦК, среди которых было и немало таких, где ставились важные вопросы аграрной политики (например, об освоении целины), предлагались разумные решения тех или иных проблем, критиковались неправильные решения центральных и местных организаций, а иногда и собственные ошибки (например, в связи с рязанским «феноменом»). Или, допустим, обвинение лидера партии в том, что он превращал пленумы ЦК во Всесоюзные конференции, участники которых занимались его восхвалением. Стенограммы пленумов по вопросам сельского хозяйства свидетельствуют, что тон на них всегда задавали отнюдь не приглашенные, а члены ЦК, именно они были основными выступающими, причем неизменно соблюдалось территориальное представительство авторов — сначала выступали первые секретари союзных и автономных республик, затем — краев и областей. Именно к ним в первую очередь надо предъявлять претензии за неумное славословие (начиная с декабрьского пленума 1959 г.) в адрес лидера партии, участием в формировании его личной диктатуры.

Но дело даже не в обвинениях Суслова. Режим личной власти Хрущева формировался постепенно в течение ряда лет. Это происходило на глазах у всех членов президиума, оргбюро и секретариата ЦК КПСС. Все они имели возможность, исходя из печального опыта сталинского периода, опираясь на антикультовские решения XX и XXII съездов, даже июньского пленума 1957 г., предотвратившего заговор сталинистов, предостеречь Хрущева от возвращения к авторитаризму, пресечь или хотя бы смягчить, ограничить некоторые его волюнтаристские действия, заставить считаться с разумными доводами, напомнить о коллективном руководстве, не доводить дело до крайностей, до последней черты. Были и заседания президиума, и пленумов ЦК, да и съезды партии (XX, XXI, XXII), о выработке правильного курса которых вспомнил даже Суслов. Значительно раньше следовало потребовать от Хрущева (а возможности для этого были) отчитаться на президиуме ЦК о реаль-

ном положении в сельском хозяйстве, которое он курировал, не забыть о том, что не только он отвечает за аграрный сектор экономики. Да и те его записки в президиум, которыми он в последние годы явно злоупотреблял, могли явиться основанием для серьезного и непредвзятого обмена мнениями. И тогда не потребовалось бы тайных заговоров «верных ленинцев», закулисных действий с подключением КГБ и Министерства обороны.

Эти простые истины хорошо понимали многие граждане, далекие от политических интриг и властных амбиций. Об этом свидетельствует, например, их реакция на октябрьский 1964 и мартовский 1965 г. пленумы ЦК, проявившаяся, в частности, когда одна из элитных лекторских групп ЦК партии была послана для «разъяснения» населению решений этих пленумов. Сельхозотдел ЦК включил в ее состав членов и кандидатов в члены ЦК, участвовавших в работе этих пленумов. Среди них президент ВАСХНИЛ П.П.Лобанов, председатель Всесоюзного объединения «Сельхозтехника» А.А.Ежевский, министр сельского хозяйства В.В.Мацкевич и др. Они выступали в коллективах наиболее крупных московских предприятий, организаций и учреждений, вынуждены были отвечать на многие острые вопросы. Содержание большинства из них встревожило нового заведующего сельхозотделом ЦК Ф.Кулакова. 4 мая 1965 г. он направил в президиум ЦК специальную информацию с перечнем этих вопросов. В сопроводительном письме говорилось: «Сельхозотдел считает необходимым информировать ЦК КПСС о характере этих вопросов». Вот некоторые из них:

— «Как можно объяснить, что мы на протяжении многих лет не можем разобраться в правильном руководстве сельским хозяйством. Хрущев считался знатоком сельского хозяйства и его поддерживали на всех пленумах, а результаты?».

— «Только теперь поняли, какой вред причинил Хрущев сельскому хозяйству. Ведь он подлежит суду народа».

— «Встречал ли Хрущев хоть какой-то отпор со стороны членов президиума ЦК или они его также активно хвалили, как теперь ругают?».

— «Чем можно гарантировать недопущение субъективных ошибок в будущем? Почему ошибки признают через много лет, когда государству и народу нанесен огромный ущерб?».

— «Хрущев, оказывается, наделал много ошибок, был безграмотный, создал свой культ. Где же был президиум ЦК, где гарантия, что у нас не возникнет новый культ? Почему Хрущева не отдают под суд за нанесенный ущерб?».

— «Все недостатки в сельском хозяйстве приписывают только

Хрущеву. Какая же роль в этом деле ЦК КПСС, секретарей крайкомов и обкомов?».

— «Почему я должен верить мартовскому пленуму ЦК КПСС? Ведь на прошедших ранее пленумах приводились не менее веские доводы, а положение все ухудшалось?».

— «Всегда материалы руководителям готовят специалисты сельского хозяйства, экономисты, академики. Что их не слушались или они сознательно готовили “нужные” материалы?».

— «Как теперь относиться к спорам в президиуме ЦК в 1957 году по вопросам целины и др.».

— «Предполагается ли снижение розничных цен на мясо, молоко, масло?».

— «Будет ли разрешено колхозникам, рабочим и служащим, имеющим корову, скашивать траву на сено в лесу, по берегам рек, в оврагах и т.д.».

— «Почему академик Лысенко мог в течение десятилетий терроризировать сельскохозяйственную науку? Как сейчас контролируется его работа?».

— «Чем вызвано возвращение Мацкевича в Министерство сельского хозяйства? Он тоже повинен в допущенных ошибках»¹⁴⁸.

По существу, это — вопросы-обвинения в адрес ЦК КПСС, его президиума, предъявление высшим органам партии некоего счета ответственности за положение в сельском хозяйстве, несогласие с тем, что всю вину за ошибки и серьезные просчеты они возложили на Хрущева, тем более после его смещения. Информация Кулакова давала основание, как старым, так и новым руководителям и кураторам аграрного сектора серьезно задуматься над тем, что произошло, поразмышлять над тем, что власть — это не только слава (отнюдь не всегда заслуженная) и материальная обеспеченность по высшей категории, но и величайшая ответственность перед народом, который все видит и понимает и в любое время может предъявить свой счет партийной элите, самозванным «слугам народа».

Поделюсь еще личными впечатлениями о том, как проходило «обсуждение» материалов октябрьского пленума ЦК 1964 г. в парторганизации Института истории. В печати были опубликованы только информационные сообщения об этом пленуме.

Через несколько дней после публикации в газетах этой информации представители коммунистов института (я в том числе) были приглашены в Октябрьский райком КПСС. Секретарь райкома сделал краткое сообщение об этом пленуме, мало что добавившее к официальной информации, а на заданные вопросы отвечал крайне уклончиво, невразумительно. Одним из первых выступил бывший директор института известный ученый, коммунист с дореволюци-

онным стажем А.Л.Сидоров. Суть его выступления сводилась к тому, что без ознакомления с конкретными материалами состоявшегося пленума (на чем он настаивал) очень трудно, практически невозможно, определить свое мнение о принятом на нем решении об отставке Хрущева. Раздались голоса в поддержку этого мнения, поскольку в «добровольную» отставку лидера партии мало кто верил. Однако были и другие выступления, в частности, заместителя директора института, предложившего одобрить решение пленума. С дополнительными разъяснениями выступил секретарь райкома, сообщивший, что со стенограммой пленума он не имел возможности ознакомиться, а свое сообщение сделал на основе информации секретаря горкома партии. Большинство голосов (при нескольких воздержавшихся) постановление пленума было одобрено.

Подобного рода реакция на октябрьский (1964 г.) и мартовский (1965 г.) пленумы вполне объяснима. Благодаря Хрущеву, его решительной и бесстрашной борьбе с культом личности Сталина, за преодоление его последствий, за свободное от доносительства, насилия и расправ общество у людей стал исчезать страх за открытое выражение своих мыслей и взглядов, росла уверенность в том, что время доносчиков-осведомителей прошло, массовые бездоказательные обвинения во вредительстве, антисоветской деятельности ушли в прошлое, как и термин «враг народа». Просьбы и требования к высокопоставленным информаторам и лекторам из «большого дома» ответить на острые вопросы (по прежней терминологии — «провокационные») — это уже само по себе свидетельство результативности проводимых Хрущевым курса на обновление общества, движение его по пути к демократии, подлинной, а не декларируемой, свободе, свидетельство необратимости начатых реформ. Да и затеявая «дворцовый переворот», его организаторы и исполнители могли рассчитывать на успех своего дела только в условиях «хрущевской оттепели». То, что реформатор был смещен путем «простого голосования» — беспрецедентное событие в истории советского государства. И в этом огромная заслуга свергнутого лидера, реальные плоды его усилий в борьбе против культа личности, в том числе, как показали рассматриваемые события, и его собственного.

* * *

Мартовский пленум ЦК 1965 г., на который был вынесен вопрос «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР», был созван почти через полгода после смещения Хрущева. Ждали, когда разрядится обстановка после переворота, основательно готовились. Брежнев задал тон. В небольшом, тша-

тельно продуманном, сбалансированном докладе, имя Хрущева не упоминалось ни разу. Участники обсуждения вынуждены были строго соблюдать правила игры. Речь шла о замедлении темпов развития сельскохозяйственного производства после 1958 г., о невыполнении заданий по подъему сельского хозяйства, определенных планом семилетки, «о топтании на одном месте». А основные причины такие: игнорировались (или недостаточно учитывались) требования экономических законов развития социалистического хозяйства (законов планомерного и пропорционального развития, расширенного социалистического производства), а также принципа сочетания общественных и личных интересов, материальной заинтересованности и др.; волюнтаризм и субъективизм, проявившиеся в практике руководства сельским хозяйством в последние годы; непродуманные перестройки и реорганизации в области управления сельским хозяйством, практика администрирования и командования колхозами и совхозами; перед сельским хозяйством ставились очень большие задачи, но они недостаточно подкреплялись экономически, государственными капитальными вложениями (даже в 1953-1958 гг. эти вложения составили 11,3% всех вложений в народное хозяйство, а в годы семилетки снизились до 7,5%); практически очень мало делалось для подъема культуры земледелия и животноводства, интенсификации производства.

Даже о субъективизме и волюнтаризме вопрос ставился абстрактно, без упоминания фамилии.

Один раз все же в выступлении Д.А.Кунаева имя Хрущева прозвучало, но отчасти он был на это спровоцирован Брежневым. Говоря о проблемах сельского строительства, первый секретарь ЦК КП Казахстана посетовал, что было ликвидировано Министерство сельского строительства. На реплику Брежнева: «А зачем ликвидировали?» ответил: «Вы хорошо знаете, что нас не спрашивали, это делалось в волевом порядке... приезжали, давали указание, командовали. Сейчас мы об этом мягко говорим, но все знают, что это была работа тов. Хрущева... в этом деле нам “повезло” — он часто к нам приезжал...»¹⁴⁹.

После мартовского пленума фактически до конца пребывания Брежнева у власти, почти на 20 лет, в отношении Хрущева применялась некая фигура умолчания: печатание его трудов по сельскому хозяйству было приостановлено, мемуары объявлены фальшивкой, в многотомной истории КПСС его записка в президиум ЦК от 22 января 1954 г. «Пути решения зерновой проблемы...» была названа «документом ЦК КПСС»¹⁵⁰.

В то же время на пленуме 1965 г. в докладе Брежнева, а затем и в выступлениях отмечались и положительные стороны аграрной

политики Хрущева, правда, без упоминания его имени. Брежнев отмечал, что «за годы текущего семилетия несколько возросла материально-техническая база колхозов и совхозов, увеличился парк тракторов, грузовых автомобилей и сельскохозяйственных машин. Повысилась также энерговооруженность сельскохозяйственного труда». Брежнев даже выступил в защиту кукурузы, подчеркнув, что «во многих районах страны эта культура дает высокие урожаи как на зерно, так и на силос и было бы неправильно не использовать ее богатых возможностей для укрепления кормовой базы», предупредив от проявлений «неправильного отношения» к ней, «шарахания из одной крайности в другую».

Говоря о конкретном проявлении грубейших недостатков и ошибок в руководстве сельским хозяйством волюнтаристского характера, квалифицируя их как отступление от разработанного сентябрьским пленумом 1953 г. «правильного курса», Брежнев по существу воспроизвел основные положения записок экономистов-аграрников, представленных в ЦК и лично ему как первому секретарю в конце 1964 г. Просматриваются даже прямые текстологические совпадения ряда формулировок. Сказанное относится и к мерам по преодолению этих отступлений от правильного курса. Остановлюсь в этой связи на вопросах, впервые поставленных (применительно к данному периоду) на общепартийном уровне или получивших более широкую и глубокую разработку.

1) Прежде всего это, конечно, проблема капитальных вложений в сельское хозяйство о необходимости их соответствия, адекватности выдвигаемым задачам по росту производства. В связи с этим речь шла как о недостаточности выделяемых средств, так и об их малой эффективности («не давали экономического эффекта», чем «наносился ущерб народному хозяйству»). «Президиум ЦК КПСС, — заявил Брежнев, — считает необходимым пойти на значительное увеличение капиталовложений, в сельское хозяйство... В новом пятилетнем плане намечается по линии государства и колхозов вложить 71 миллиард рублей». Это аргументировалось тем, что в годы семилетки «практически очень мало делалось для подъема культуры земледелия и животноводства». И это соответствовало действительности, поскольку Хрущев, как уже отмечалось, только в 1963-1964 гг. осознал необходимость проведения курса на всестороннюю и глубокую интенсификацию сельского хозяйства, стал принимать меры к решению этой задачи.

2) Далее по степени важности и новизны подхода — предложение о переходе к твердым планам заготовок зерна на ряд лет, «которые должны гармонично сочетать общегосударственные и внутрихозяйственные интересы». Прежний план был снижен с

4 млрд. пуд. до 3,4 млрд. на период с 1965 по 1970 г.; сданную сверх плана продукцию предусматривалось закупать государством с надбавкой 50% к основной закупочной цене; намечалось общее повышение закупочных цен с учетом особенностей отдельных зон и районов страны.

3) В разделе об укреплении материально-технической базы сельского хозяйства Брежнев не мог не коснуться такой в принципе разумной и даже необходимой акции, как реорганизация МТС. «В период реорганизации МТС, — подчеркнул он, — оказалась серьезно подорванной ремонтная база в сельском хозяйстве. Более 600 хорошо оборудованных ремонтных заводов и мастерских были переданы совнархозам и другим несельскохозяйственным организациям. Многие мастерские проданы отдельным колхозам, которые не могут их полностью использовать, в то же время рядом расположенные хозяйства лишены возможности отремонтировать машины... За последние четыре года сельскому хозяйству было поставлено всего 36 тысяч металлорежущих станков. Это меньше, чем один станок на хозяйство. Необходимо исправить такое ненормальное положение». Он сообщил, что принято решение по укреплению ремонтной базы и по линии «Союзсельхозтехники» путем строительства и передачи ей около 200 ремонтных заводов и свыше тысячи специализированных мастерских, а также построить и реконструировать большое количество мастерских в совхозах и колхозах.

4) По-новому был поставлен вопрос о сельском хозяйстве Нечерноземной зоны РСФСР, Прибалтики, Белоруссии и Полесья Украины как зоны устойчивого увлажнения, где сосредоточено более 40 млн. га посевов, или пятая часть всех посевных площадей страны. Поскольку этой зоне «не уделялось должного внимания», она превратилась в зону «запущенного земледелия». Брежнев сообщил, что в перспективных планах предусматривается выделение ей соответствующих средств для подъема сельского хозяйства¹⁵¹. Напомню, что Хрущев ставил этот вопрос, но после того, когда был исчерпан фактор расширения посевных площадей за счет целины, и исходил из того, что до этого не было возможности заниматься сельским хозяйством этой зоны. Ее «запустение» как бы было запрограммировано. В докладе же Брежнева этот вопрос ставился иначе, без увязки с целиной, да и о специальной программе освоения Нечерноземья вопрос ставился впервые. Правда, «руки дошли» до ее реализации только в 1974 г., когда был, наконец, принят обещанный документ.

5) Хрущев неоднократно затрагивал вопрос о совхозах и колхозах как форме организации сельскохозяйственного производства и типе хозяйства. Высказывания его носили противоречивый харак-

тер, хотя предпочтение все же отдавал (особенно после принятия новой Программы КПСС) совхозам. На практике в годы его правления были допущены ошибки в связи с массовым преобразованием колхозов (сначала экономически слабых, а потом и крепких) в совхозы («совхозизация»). Совхозы впервые стали преобладающей формой, что нельзя рассматривать как закономерное, естественное явление, да и практика этого не подтверждала.

В докладе Брежнева на мартовском пленуме 1965 г. вопрос был поставлен четко и принципиально. «Надо полагать, — сказал он, — что эти два типа общественного хозяйства еще длительное время будут существовать и развиваться». И особо подчеркнул: «На современном этапе наша обязанность состоит не в том, чтобы ускорить превращение одной формы в другую, а всемерно способствовать развитию и процветанию обоих типов общественного хозяйства». Он пообещал от имени ЦК КПСС создать условия для успешного развития как колхозов, так и совхозов.

6) Столь же четко и определенно он высказался против укрупнения колхозов в широких масштабах, осудил проводившееся в последние годы укрупнение хозяйств во многих областях страны на основе «волевых решений», «противоречащих существу колхозного строя, реальным условиям жизни». «Колхоз, — подчеркнул докладчик, — эта общественная, кооперативная организация, она не может нормально жить и развиваться, если нарушены ее демократические основы». По его мнению, настало время приступить к выработке нового Устава сельскохозяйственной артели, в котором необходимо учесть все положительное, накопленное в практике колхозного строительства за последние годы. А для утверждения его созвать III Всесоюзный съезд колхозников «в будущем году» (т.е. в 1966г., фактически же он состоялся в ноябре 1969 г.).

7) Новый первый секретарь объявил, что подготовлен проект указа об изменении существующего порядка обложения колхозов подоходным налогом: он будет взиматься не с валового, а чистого дохода хозяйства, то есть значительно снижен¹⁵².

Таким образом, доклад Брежнева отнюдь не только не был направлен на приостановку, замораживание хрущевских аграрных реформ, а на их дальнейшее продолжение в соответствии с тем, как они были замыслены в сентябре 1953 г. и получили развитие во второй половине 50-х годов. И конечно же, с разумной корректировкой, определенной мартовским пленумом, исправлением волюнтаристских ошибок и просчетов, допущенных нетерпеливым реформатором. «Оттепель» по отношению к сельскому хозяйству, к аграрному сектору не перешла в «заморозки», во всяком случае в годы восьмой пятилетки.

«Заморозки» стали проявляться и нарастать в политико-идеологической сфере, провозвестником которых стал «дворцовый переворот», предание ostracismу свергнутого лидера. Но даже и на этот раз до сталинских методов яростных публичных обличений и проклятий, а тем более физических расправ, дело не дошло. Это было невозможно после XX и XXII съездов КПСС, принятых ими по инициативе Хрущева антикультовских решений, отстоявших их в опасной борьбе с «наследниками Сталина».

Сказанное подтверждается и выступлениями на мартовском пленуме всех без исключения его участников, правда, с известными нюансами. Разумеется, по сложившимся традициям и «вождистскому» менталитету, вне критики был доклад нового лидера, ритуальные славословия в его адрес, восхваление доклада. Особенно усердствовали руководители некоторых восточных республик. «Мы, — заявил первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш.Р.Рашидов, — горячо одобряем и полностью поддерживаем все меры по укреплению экономики колхозов и совхозов, изложенные в докладе тов. Леонида Ильича Брежнева... Нет сомнения, что они встретят единодушное одобрение всей партии, всего советского народа». А первый секретарь ЦК КП Литвы А.Ю.Снечук утверждал, что решения пленума «открыли неограниченные возможности для проявления творческой инициативы широких масс трудящихся. Теперь уже все зависит от нас самих!». Д.Р.Расулову, лидеру ЦК КП Таджикистана, ничего уже не оставалось, как разделить восторги по поводу доклада предшествующих ораторов. «Как и другие выступающие товарищи, — сказал он, — я полностью поддерживаю эти предложения... Можно не сомневаться в том, что решения данного пленума найдут горячую поддержку у коммунистов, у всех советских людей»¹⁵³. Вспомним, однако, как реагировали на славословия в адрес новых руководителей и их «мудрых» решений, расточаемых лекторами сельхозотдела ЦК, рядовые граждане, на какие непростые («провокационные») вопросы им приходилось отвечать.

Но все эти заклинания участников пленума — дежурные, своего рода ритуальные фразы, сами по себе ничего не означавшие и ничего не доказывающие. Однако произошел и реальный обмен мнениями по поводу тех или иных реформаторских идей Хрущева, их воплощения в жизнь. Например, в связи с реорганизацией МТС.

Первый секретарь ЦК КП Армении Я.Н.Заробян резко негативно оценил эту реорганизацию. «Так, как у нас это сделано, — сказал он, — нельзя ни в какой-либо степени реорганизацию МТС считать прогрессивным мероприятием. Это было сделано преждевременно, необдуманно. По существу это была не реорганизация, а просто

меры по подрыву ремонтно-технической базы машинно-тракторного парка сельского хозяйства». При этом он исходил из того, что значительная часть ремонтных баз в республике фактически была растрянжирена, здания МТС переданы под складские помещения; в республике из имевшихся в 1959 г. 52 хорошо оборудованных ремонтных мастерских удалось сохранить только 35. Качество ремонта в большинстве случаев ухудшилось, часть квалифицированных кадров механизаторов перешла на другую работу. Он предложил продумать вопрос о создании в более широких размерах хозрасчетных машинных станций, которые обслуживали бы колхозы на договорных началах.

Иную точку зрения высказал первый секретарь Костромского райкома партии, вскоре назначенный министром сельского хозяйства РСФСР, Л.Я.Флорентьев. «Реорганизация МТС, — подчеркнул он, — прогрессивное мероприятие, но осуществлялось оно так, что экономика многих колхозов была подорвана. Колхозы всей Нечерноземной зоны, платившие ранее относительно небольшую нату-роплату, с ликвидацией МТС были поставлены в исключительно тяжелые экономические условия». И в этой связи он полностью поддержал изложенные Брежневым меры по подъему сельского хозяйства Нечерноземья, разработанные президиумом ЦК¹⁵⁴.

Председатель Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» А.А.Ежевский говорил о серьезных просчетах семилетнего плана, предусматривавшего снижение производства сельскохозяйственных машин, поскольку исходили из того, что после продажи техники колхозам возрастет производительность тракторов и другой техники. Однако участники пленума в связи с этим и к нему самому, возглавлявшему в то время один из отделов Госплана, предъявили претензии. Ежевский стал оправдываться, перекладывая вину на вышестоящих руководителей, в частности, председателя Госплана Кузьмина, однако не получил поддержки. «Вы должны правду сказать товарищам, — заметила Попова, — нужно отвечать за дело. Если вы были не согласны с руководством Госплана, почему официально не доложили об этом президиуму ЦК»¹⁵⁵.

Весьма неожиданными были выступления представителей Литвы и Латвии в защиту сселения хуторов, фактически за продолжение политики укрупнения колхозов и сельских поселений. «Хуторское расселение, мелкоконтурность земельных участков, — заявил А.Ю.Снечук, — затрудняют развитие колхозного производства. Это самое большое препятствие на пути дальнейшего подъема сельского хозяйства, повышения его рентабельности. И вообще задачу сселения хуторов нам следовало бы решать активнее, а то до сих пор все говорили, но очень мало делали». С этим согласился и

А.Я.Пельше, первый секретарь ЦК КП Латвии: «Серьезные трудности в работе колхозов и совхозов республики создает хуторская система, хуторское расселение колхозников, которое препятствует дальнейшему укреплению общественного хозяйства». В республике, сообщил он, почти 90% колхозников и рабочих совхозов живет в 163 тыс. хуторах. А в результате «хуторского расселения» колхозные и совхозные поля изрезаны на мелкие участки, что мешает производительно использовать сельскохозяйственную технику и приводит к дополнительным затратам, по нашему расчету, до 10 млн. руб. в год»¹⁵⁶. Думали, разумеется, прежде всего об интересах производства — крупного, колхозно-совхозного.

А лидер ЦК КП Эстонии И.Г.Кэбин удивил участников пленума заявлением о благоденствии в республике ЛПХ колхозников в последние годы правления Хрущева: «Если прямо говорить, у нас в республике таких ограничений в отношении хозяйств колхозников не существовало. Личное хозяйство колхозников за эти годы, правда, не расширялось, но и не было резкого спада производства... Все колхозники, которые желают, имеют коров и другой скот... имеют возможность обеспечить при хорошей работе в колхозе его кормами». А.Снечкус сообщил, что в Литве, даже «когда был взят курс против многолетних трав», «с помощью разумных людей из центра мы выдержали этот натиск»¹⁵⁷.

Так что не такой уж непробиваемой была личная диктатура Хрущева.

Пожалуй, наибольшее возмущение республиканской партийной элиты, а соответственно и дружный отпор на пленуме, вызвали выступления средств массовой информации, получивших в период «оттепели» известную свободу, с критикой партийных руководителей, местных органов власти. Первым эту животрепещущую тему на пленуме затронул первый секретарь ЦК КП Белоруссии К.Т.Мазуров. «В нашей печати, — возмущался он, — критические материалы о тех или иных недостатках подаются в таком плане, что это направляет огонь критики не на конкретных носителей недостатков, а на партийные органы, на партийное руководство, а это не повышает авторитет партии и наносит вред делу». Эстафету подхватил первый секретарь Орловского обкома Н.Ф.Игнатов. «Я не знаю, как ваше мнение, — начал он, — но мне представляется, что выпуск таких фильмов, как «Председатель», «Секретарь обкома», — это не в интересах нашей партии, не в интересах партийных организаций. Это написано людьми, не знающими жизнь и оторвавшимися от нашей советской действительности»¹⁵⁸. Особенно отличалось широтой постановки этого вопроса и конкретными примерами выступление первого секретаря ЦК Компартии Молдавии

И.И.Бодюла. «Наши кинематографисты, — утверждал он, — не создав подлинного образа секретаря райкома и не предложив зрителю ни одного запоминающегося положительного примера, в последние годы показали целую серию отрицательных типов партийных работников, случайно попавших на это поприще. Первые секретари райкомов партии Молдавии, просмотревшие, находясь на семинаре, фильмы «Наш честный хлеб», «Криницы», «Председатель», были крайне огорчены надуманностью и неправдивостью образов секретарей райкомов. После таких кинокартин у иных зрителей может сложиться неправильное мнение, что руководство из района лишь мешает делу, что партийные кадры являются чуть ли не главной причиной всех наших недостатков. Подобные произведения искусства воспитывают нигилистическое отношение к партийным работникам. К руководству райкомами, производственными управлениями, райисполкомами народ, партия выдвигают лучших организаторов. Их большой жизненный опыт служит примером для остальных кадров, они полностью отдаются большому и трудному делу и, кроме критики, нуждаются в помощи, поддержке и, я бы сказал, в уважении к их профессии». Голоса: «Правильно». Далее Бодюл «прошелся» и по печати. Обрушился на статью Радова в «Литературной газете» «Царек и время», в которой «речь шла о колхозе, в котором за короткое время сменилось одиннадцать председателей, и все они были пьяницами. Двенадцатым оказался бывший крупный партийный работник, который окружил себя ограниченными и бесталанными бригадами, всех зажал в кулак». В этой связи Бодюл напомнил таким журналистам «слова Ленина, который предупреждал от того, чтобы не опорочивать все и вся, не переносить ошибки и недостатки, характерные для отдельных лиц или учреждений, на все кадры, на весь аппарат»¹⁵⁹.

Это — не только наказ, но серьезное предупреждение новому первому (вскоре генеральному) секретарю ЦК партии — какого идеологического курса надо придерживаться, чтобы получать поддержку всесильного партаппарата. И Брежнев это хорошо понял. Постепенно, по мере укрепления своей власти, он стал переходить к более умеренному, консервативному курсу. Поворот начался прежде всего в идеологической сфере.

Стали вспоминать о заслугах Сталина. А впервые это сделал новый лидер партии, выступая 8 мая 1965 г. с докладом на торжественном собрании в Кремлевском Дворце Съездов в связи с Днем Победы¹⁶⁰. Окончательно от реформаторского курса Хрущева к умеренно-консервативному он перешел в конце 60-х — начале 70-х годов. Знаковый характер имело выступление Брежнева на заседании политбюро ЦК 17 декабря 1969 г. по вопросу о публикации в

«Правде» статьи к 90-летию Сталина. Вот что он сказал в конце обсуждения: «Я вначале занимал отрицательную позицию... При этом исходил из того, что у нас сейчас все спокойно, все успокоилось, вопросов нет в том плане, как они в свое время взбудоражили людей... Но вот, побеседовал с секретарями обкомов партии, продумав дополнительно и прослушав ваши выступления, я думаю, что все-таки действительно больше пользы будет, если мы опубликуем статью. Ведь никто не оспаривает и не оспаривал никогда его революционных заслуг... В спокойном тоне дать статью...». Главное, конечно, что за публикацию высказались секретари обкомов и члены политбюро. Суслов утверждал даже, что «такую статью ждут в стране»; Мазуров пошел еще дальше, высказавшись не только за публикацию статьи, но и за установление памятника на могиле Сталина; Кириленко, правда, предупредил, что «нет такой партии в Европе, которая будет аплодировать подобного рода статье», а Подгорный полагал, что, если публиковать статью о Сталине, то «надо писать, кто погиб и сколько погибло от его рук...». Но все остальные члены политбюро, включая генерального секретаря, безоговорочно были «за»¹⁶¹.

Приведу еще пример, свидетельствующий, как чутко реагировал Брежнев на предупреждения Мазурова, Игнатова, Бодюла на мартовском пленуме 1965 г. В ноябре 1969 г., выступая с речью на третьем Всесоюзном съезде колхозников, посвященном принятию нового Примерного устава колхоза, он неожиданно вышел на проблему о перегибах при проведении коллективизации в начале 1930 г. В это время советские историки вели дискуссии в связи с причинами этих перегибов — кто за них несет большую ответственность — Сталин, объявивший в конце 1929 г. о начале «великого перелома» в деревне и инициировавший форсированную коллективизацию во всех регионах страны, или местные партийные руководители, ревностно проводившие в жизнь установки вождя, обвиненные вскоре им же в головотяпстве, «головокружении от успехов». Брежнев «авторитетно» с вершин кремлевского Олимпа разъяснил: «В процессе колхозного строительства мы не избежали известных ошибок. Но это были ошибки поиска, ошибки из-за отсутствия опыта. Партия сама смело вскрывала ошибки, открыто говорила о них народу и исправляла их. К сожалению, еще и по сей день находятся любители преувеличивать издержки в большом революционном деле... Колхозный строй — это наше великое историческое завоевание (Бурные аплодисменты)»¹⁶².

Так, несколькими фразами из уст генсека на многие годы была снята с обсуждения острая проблема, а исследовавшие ее историки обвинены в «очернительстве», в клевете на советский строй. А вы-

шеприведенная цитата, по некоторым данным, была вписана в текст выступления Брежнева новым заведующим отделом науки ЦК КПСС печально знаменитым С.П.Трапезниковым, по указанию которого были сняты с публикации упоминавшиеся уже «Очерки по истории коллективизации».

Активизация сталинистов на идеологическом фронте сказалась и на судьбе опального реформатора, сосланного на казенную дачу в Петрово-Дальнем (ранее ее занимал В.М.Молотов) в 35 км от Москвы. С конца 60-х годов Хрущев стал диктовать свои воспоминания на магнитофон, которые обрабатывали домашние и передавали знакомой машинистке. КГБ, установившему за бывшим лидером партии постоянное наблюдение, это вскоре стало известно. По указанию Брежнева Хрущев был вызван в ЦК КПСС на беседу к А.П.Кириленко, который предложил ему прекратить диктовки. «Разве я не имею права писать свои воспоминания?» — возразил Хрущев. В марте 1970 г. этот вопрос был вынесен на заседание президиума ЦК. И.В.Капитонову и Ю.В.Андропову было поручено довести до сведения Хрущева мнение президиума ЦК. Однако, как докладывал шеф КГБ, «предупреждение не оказало нужного воздействия», а заодно сообщил, что для печатания и обработки магнитофонных пленок Хрущев использует своего сына Сергея, однако место обработки и хранения пленок установить не удалось.

В ноябре 1970 г. Хрущев вновь был вызван в Кремль для дачи показаний Комитету партийного контроля ЦК партии, который возглавлял А.А.Пельше. Последний сообщил, что в США в ближайшее время выйдет книга «Хрущев вспоминает», полную ответственность за которую будет нести автор. В ответ на это Хрущев заявил, что «никогда никому никаких воспоминаний не передавал и никогда бы этого не позволил. А то, что я диктовал, я считаю это право каждого гражданина и члена партии. Я отлично помню, что диктовал. Не все можно опубликовать в данное время». А после повторных обвинений и угроз взорвался: «Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте. Мне жизнь надоела... Я не доволен, что живу». Настаивал: «Все, что я диктовал, является истиной. Никаких выдумок, никаких усиления нет, наоборот, есть смягчение. Я рассчитывал, что мне предложат написать. Опубликовали же воспоминания Жукова». Хрущева перебивали, забрасывали вопросами, угрожали особой ответственностью.

В конце концов добились своего: он подписал составленное членами КПК заявление о том, что предполагаемая публикация его воспоминаний — фальшивка, никаких материалов мемуарного характера он никогда никому не передавал¹⁶³. И тем не менее. «Голос Америки» начал систематически передавать магнитофонные записи

хрущевских воспоминаний. Можно было даже неспециалисту определить его голос, установить, что запись велась на лоне природы. Мне не раз доводилось слушать («по голосам») эти передачи. Слушал их и сам Хрущев в Петрово-Дальнем, хотя никак не мог понять, когда, кем и как пленки были переправлены на Запад.

А из кабинета Пельше он вышел, держась за сердце, «беседа» завершилась вторым инфарктом (первый произошел после «бесед» с Кириленко и Андроповым). Спустя год, 11 сентября 1971 г., он умер в Центральной клинической больнице. 13 сентября «Правда» сообщила, что на 78 году жизни скончался бывший первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущев. И никаких некрологов, похоронных комиссий, речей руководителей партии и государства. Похоронили на Новодевичьем кладбище. И еще 10 лет продолжалось полное забвение его имени, пока не ушел в небытие «четвертый вождь», сохранявший (юридически) всю полноту власти до последнего дня жизни и был, разумеется, похоронен на Красной площади со всеми подобающими генсеку почестями.

«В начале 80-х годов, — пишет В.П.Наумов, — политбюро восстановило в партии Молотова. Он был реабилитирован по всем статьям, получил возможность выступать в печати. В отношении Хрущева таких жестов прощения или реабилитации сделано не было. Хрущев, а не Молотов, в глазах ЦК оказался в конце концов «антипартийным человеком»¹⁶⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реформаторский путь Н.С.Хрущева был тернистым, многотрудным, весьма противоречивым. «Социалистическая система сельского хозяйства», сложившаяся в годы сталинской коллективизации, в начале 50-х годов была придавлена и полузадушена прогнившим тоталитарным режимом. Она почти не поддавалась реформированию. Попытки Хрущева и некоторых других «правдоискателей» из сталинского руководства в предреформенный период несколько смягчить в интересах крестьян этот режим (снизить налоговое бремя, отказаться от «первой заповеди» хлебобоба, хотя бы только в пользу создания семенного фонда, внедрить элементы хозрасчета в колхозно-совхозную систему) встретили полное непонимание и активное противодействие со стороны вождя. После его смерти пришедший к власти Хрущев стремился создать условия для возрождения страны на основе ее освобождения, прежде всего деревни, многострадального крестьянства, от пут тоталитаризма, культа личности и его последствий.

Первое пятилетие после сентябрьского пленума 1953 г. — наиболее успешный и результативный период реформаторской деятельности Хрущева, когда аграрное реформирование было нацелено на решение назревших экономических и социальных проблем деревни, освобождение аграрного сектора экономики от тоталитарных оков, предоставление крестьянству, работникам совхозов и МТС большей самостоятельности в планировании и управлении производством, внедрение принципа материальной заинтересованности в труде, начало паспортизации деревни и др. Отдача пришла очень быстро. Хрущев имел все основания заявить на пленуме ЦК партии в декабре 1958 г., что был совершен «гигантский скачок в развитии сельского хозяйства». Валовая продукция выросла почти в 1,5 раза, а товарная — в 1,8 раза, в том числе животноводческая — почти вдвое. Это было достигнуто как за счет интенсивных факторов, так и экстенсивных (около половины товарного зерна давала целина). Денежные доходы колхозников в 1958 г. по сравнению с 1953 г. возросли в 2,8 раза. Многие колхозные семьи всех регионов страны в конце 50-х годов получали от общественного и личного подсобного хозяйства, полностью освобожденного от обязательных поставок государству натуральной продукции, доход, обеспечивающий им сравнительно высокий достаток.

Мощный позитивный заряд аграрных реформ, созданный решениями сентябрьского пленума и последующими законодательными

актами, был в основном исчерпан к концу 50-х годов. Здесь сказались непродуманность ряда решений и директив, медлительность по преодолению недостатков и издержек реформирования. Так, крайне непоследовательно, противоречиво вводилась научно-обоснованная система земледелия на целине, затягивалось решение проблем жилья и быта целинников; волюнтаристский лозунг Хрущева «догнать и перегнать США по производству животноводческой продукции на душу населения», ставший партийной директивой, обернулся на практике опасной погоней за «рекордами» вплоть до очковитирательства; с большим опозданием и оговорками отказывался лидер партии от кукурузы как «чудо-культуры», достойной распространения на всей территории огромной страны; крайне непродуманной оказалась постановка Хрущевым на декабрьском пленуме ЦК 1958 г. вопроса о резком сокращении индивидуального скота работников совхозов, а в июне 1959 г., тоже на пленуме, — о запрещении содержать скот жителям городов и рабочих поселков. Эти указания, обличенные в форму партийных директив или юридических актов, в начале 60-х годов обернулись настоящим бедствием для семей сельских жителей и многих горожан. «Рязанский феномен» дал о себе знать сокращением поголовья скота и в колхозно-крестьянском секторе.

Одна из самых прогрессивных, антитоталитарных социально-экономических реформ Хрущева — реорганизация МТС (февраль-март 1958 г.) из-за предельно сжатых сроков осуществления (вместо 3-х лет, предусмотренных законом, «уложились» за один год) привела к крайне негативным последствиям (была подорвана ремонтная база бывших МТС, колхозы, особенно слабые, понесли большие убытки при покупке техники, произошла «утечка» кадров механизаторов и др.), на преодоление которых потребовалось несколько лет.

Одна из причин таких «забеганий вперед» — идеологическая зашоренность, вера в незыблемость принципов социализма, в огромные преимущества социалистического строя, неизбежность перерастания его в бесклассовое коммунистическое общество не в столь уж отдаленном будущем. Об этом сначала возвестила резолюция XXI съезда КПСС о контрольных цифрах семилетнего плана (февраль 1959 г.), а затем новая Программа КПСС, принятая XXII съездом в октябре 1961 г.

А другая причина — складывавшаяся внутри высшего партийного руководства диктатура личной власти Хрущева, что в полной мере проявилось на пленуме ЦК КПСС в декабре 1959 г. в докладах и выступлениях его участников, единодушно восхвалявших и полностью одобрявших деятельность Хрущева по руководству сель-

ским хозяйством. В оборот был введен термин «наш дорогой Никита Сергеевич», славословия в его адрес сопровождались «продолжительными аплодисментами». Менее чем через два года был восстановлен ритуал «вставания» всех членов пленума при прославлении лидера партии. Руководство сельским хозяйством было полностью отдано на откуп Хрущеву, явно переоценены достижения сельского хозяйства в 1959-1960 гг.

Хрущев это понял в конце 1960 г. В записке в президиум ЦК КПСС (29 октября 1960 г.) он предостерег от «благодушия, самоуспокоенности и зазнайства первыми успехами в развитии сельского хозяйства»; вынужден был признать, что ситуация в животноводстве столь серьезна, что если не принять необходимые меры, «мы можем скатиться к положению, которое у нас было к 1953 г.»; крайне был озабочен тем, что «не все чисто» с выполнением обязательств по животноводству; писал о серьезных недостатках в земледелении, особенно на целине.

Анализ аграрной политики Хрущева в годы семилетки (с рубежа 50-60-х гг. до сентября 1964 г.), проведенный на основе совокупности различного вида источников (политических, социально-экономических, демографических) показывает, что эта политика далеко не была однородной, последовательной, отражая попытки и поиски реформатора, весьма энергичные, хотя порой хаотичные и противоречивые, найти выход из трудной ситуации, не допустить падения производства и жизненного уровня населения, закрепить достигнутые результаты предшествующего пятилетия. Отчасти это удалось. Однако сначала Хрущев начал действовать на основе отвергнутых сентябрьским пленумом административно-командных методов, усиления диктатуры партии. Особенно это проявилось на пленуме ЦК в марте 1962 г., обсуждавшем задачи партии по укреплению руководства сельским хозяйством на «современном этапе коммунистического строительства». А начало этого этапа определялось новой Программой КПСС, которая, исходя из того, что страна вступила в «период развернутого строительства коммунизма», провозгласила «возрастание роли Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества». Это несмотря на то, что, по определению той же программы, «государство диктатуры пролетариата превратилось в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа».

Хрущев потребовал от партийных организаций отрешиться от принципа невмешательства в дела колхозов и совхозов, «активно вмешиваться в их работу», «повсеместно влиять на ход производства». Тем самым фактически дезавуировались постановления 1955-1956 гг. об изменении практики планирования сельского хозяйства, о расширении прав колхозов и совхозов в управлении хозяйствами.

В соответствии с этими установками была осуществлена перестройка управления аграрным сектором — созданы производственно-территориальные управления сельским хозяйством, а затем краевые и областные партийные организации разделены на промышленные и сельские, в результате чего численность партийных чиновников на селе возросла примерно в два раза.

Хрущев также надеялся добиться перелома в сельском хозяйстве и прежде всего в животноводстве путем «искоренения» последствий несостоятельной (экстенсивной) травопольной системы земледелия академика Вильямса, заменив ее наиболее прогрессивной, на его взгляд, пропашной. Это означало отказаться на всей территории страны от посевов многолетних и однолетних трав, распахать луга и засеять их, а также чистые пары кукурузой и другими культурами. Подобные рекомендации были совершенно неприемлемы для Казахстана и других районов освоения целины, где чистые пары являлись основным средством борьбы с сорняками, и Прибалтики, для которой распашка лугов могла нанести серьезный урон животноводству. Да и сам Хрущев, видимо, не очень верил в скорую отдачу предложенной им меры. Менее чем через три месяца после пленума он «дополнил» ее более быстродействующей — повышением розничных цен на животноводческую продукцию при одновременном повышении закупочных цен примерно на 35% (постановление Совета Министров СССР от 31 мая 1962 г.). Исходили из того, что повышение последних создаст дополнительные стимулы для колхозов и совхозов, позволит увеличить производство мяса, мясной продукции и сливочного масла. Эта разумная и оправданная мера должна была проводиться исключительно за счет населения, главным образом горожан. Реакция последних была незамедлительной и, разумеется, резко негативной, о чем информировали высшее руководство страны сводки КГБ.

Стихийные выступления рабочих происходили в Новочеркасске и в других городах, но Хрущев их быстро пресек, опираясь на всю мощь «общенародного» государства в лице милиции и даже войск. Пролилась кровь нескольких десятков рабочих, многие «зачинщики и активные участники массовых беспорядков» были приговорены к различным срокам заключения. О «новочеркасской трагедии» средства массовой информации ничего не сообщали. Это «строго секретная» государственная тайна стала достоянием общества только спустя 30 лет.

За счет повышения закупочных цен и других мер властям удалось несколько улучшить положение в животноводстве, до «возвращения к уровню 1953 г.» дело не дошло. Однако 1963 год выдался крайне неблагоприятным для урожая, самым засушливым

после 1946-1947 гг. Расчеты государства на значительное увеличение заготовок рухнули. Для предотвращения голода Хрущеву пришлось впервые прибегнуть к массовым закупкам зерна за рубежом. (В 1963 г. они составили 9,4 млн. т — почти 10% от валового сбора). В то же время предпосылки к этому начали складываться с 1960 г., когда расходы зерна в стране стали значительно превышать заготовки. Началось быстрое сокращение («проедание») государственного резерва зерна, а затем и золотого запаса страны (он сократился более чем на треть). И это несмотря на рост валовых сборов и государственных закупок, на объявленное решение зерновой проблемы.

Этот «феномен» объяснялся тем, что на рубеже 50-х — 60-х гг. по мере пробуксовки аграрных реформ, отступлений от принципов сентябрьского пленума 1953 г. усиливается миграция сельского населения в город, особенно за счет молодежи. В условиях, когда селянам по существу было предоставлено право свободного выбора, где жить и работать, стала преобладать стихийная, не регулируемая государством миграция, причин для которой было более чем достаточно. Тут и негативные последствия реорганизации МТС, и ущемление интересов владельцев личных подсобных хозяйств, и грубые ошибки, допущенные при укрупнении колхозов, и особенно при сселении деревень, и возвращение к методам административно-хозяйственного руководства колхозами и совхозами со стороны партийных органов и др. Примечательно, что из покинувших деревню в 1960-1964 гг. 7 млн. чел. 6 млн. приходилось на лиц в возрасте от 17 до 29 лет, т.е. на молодежь. А это означало не только рост городских потребителей сельскохозяйственной продукции, но и снижение производительности труда в сельском хозяйстве в связи с оттоком молодежи, постарением деревни. В начале 1962 г. впервые за послевоенные годы численность городского населения в стране превысила численность сельских жителей — соответственно 111,2 и 108,6 млн. человек (51 и 49%).

Следует учитывать и значительный рост потребностей в продуктах питания как горожан, так и селян в связи с повышением общего уровня жизни. И здесь, несомненно, сказалось позитивное значение хрущевских реформ.

Нельзя не сказать и о таком факторе, сдерживающем развитие сельского хозяйства, как отвлечение значительных средств от аграрного сектора в пользу военно-промышленного комплекса, втягивание СССР, несмотря на многочисленные миротворческие заявления Хрущева, в гонку вооружений. Яркий тому пример — Карибский кризис 1962 г. На склоне жизни «персональный пенсионер союзного значения» вынужден был признать, что форсированное

ракетостроение в стране имело и свои «отрицательные стороны», поскольку «зря выбрасывало деньги из бюджета и истощало наши финансовые возможности»¹.

Таким образом, как по объективным, так и субъективным причинам, сельское хозяйство все больше и больше отставало от потребностей граждан, не могло удовлетворить и нужды животноводческой отрасли в кормах. Возник и стал углубляться продовольственный кризис.

В конце 1963 – начале 1964 г. Хрущев полностью осознал, что из тупиков аграрной политики можно выйти только на основе возвращения к курсу сентябрьского пленума 1953 г. В феврале 1964 г., выступая с докладом на совещании руководящих работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов он отметил большое значение постановлений 1955 и 1956 гг. о введении нового порядка планирования и расширения прав колхозников, обратил внимание на то, что в ЦК партии и Совет Министров СССР поступают письма председателей колхозов, специалистов, рядовых колхозников, свидетельствующие о том, что местные органы в последнее время грубо нарушают эти постановления, навязывают колхозам планы сева по культурам, структуру посевных площадей, чем парализуют деятельность руководителей хозяйств, глушат инициативу колхозников. А затем зачитал отрывки из нескольких писем, подчеркнув, что это не единичные случаи и проинформировал местных начальников, что готовится постановление партии и правительства, в котором осуждается администрирование и извращения принятых решений. И даже пригрозил, что к тем руководителям, которые не сделают выводов, будут применяться другие меры, в том числе карательные, и «тогда будет меньше любителей командовать колхозами, администрировать»².

Новый курс аграрной политики был окончательно определен и обоснован на двух последних пленумах, прошедших под руководством Хрущева. Первый, в декабре 1963 г., посвященный ускоренному развитию химической промышленности как важнейшему условию подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа; второй (своего рода знаковый) – в феврале 1964 г., на котором в комплексе рассматривались меры по интенсификации сельскохозяйственного производства (применение удобрений, развитие орошения, комплексной механизации, внедрение достижений науки и передового опыта). Было четко определено, что интенсификация – это генеральное направление в подъеме сельскохозяйственного производства, столбовая дорога развития производительных сил, раскрыто содержание трех основных составляющих этого процесса – комплексная механизация,

мелиорация и химизация сельского хозяйства. Подчеркнуто значение последовательной специализации сельскохозяйственного производства в зональном разрезе и внутри хозяйств, создания крупных специализированных и высокомеханизированных хозяйств по определенным видам товарной продукции с ориентацией на крупные города и промышленные центры.

Был принят ряд партийно-государственных решений по реализации программы интенсификации сельского хозяйства и решения социальных проблем. Среди них, например, постановление ЦК и Совета Министров СССР от 3 сентября 1964 г. об организации производства яиц и мяса птицы на промышленной основе, в котором отмечалось, что созданные за последние годы вокруг крупных городов и промышленных центров птицефабрики, используя передовые методы организации производства и достижения науки, добились значительного повышения производительности. Подавляющее большинство птицефабрик рентабельны, вложенные государством в их организацию средства быстро окупаются. Было создано союзно-республиканское управление птицеводческой промышленностью СССР – Птицепром, намечена программа его дальнейшего расширения. Это было первое в общесоюзном масштабе агропромышленное объединение, в дальнейшем полностью себя оправдавшее.

А 15 июля 1964 г. Верховный Совет СССР принял Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов, в котором впервые в истории советской деревни устанавливалась государственная система социального обеспечения колхозников. Вводились пенсии по старости для мужчин-колхозников с 65 лет и женщин – с 60 лет. Выплаты производились из центрального фонда, созданного за счет отчислений от доходов колхозов и ежегодных ассигнований по государственному бюджету СССР.

Общую оценку реформ первого постсталинского реформатора дали участники мартовского пленума 1965 г., как докладчик (Л.И.Брежнев), так и все выступавшие. Фактически была признана необратимость хрущевских реформ, весьма высокую оценку получил курс сентябрьского пленума 1953 г., которым, как вытекало из намеченных пленумом «неотложных мер по дальнейшему развитию сельского хозяйства», решили следовать и дальше с некоторыми дополнениями. Новаций как таковых было немного – основных две: введение плана заготовок сельскохозяйственных продуктов на ряд лет с надбавками за сверхплановую сдачу пшеницы и ржи на 50% и повышение капитальных вложений в аграрный сектор. А.А.Никонов, безусловно, прав, когда пишет, что «решения мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС и следовавшие за ним меры были в русле политики, обозначенной сентябрьским (1953 г.)

пленумом ЦК... Поворот на путь, намеченный Н.С.Хрущевым в первые годы его руководства, оказался и на этот раз благотворным. Он дал заметный рост производства»³.

А вот оценка М.С.Горбачева: «После 1953 года были предприняты довольно крупные экономические, политические, организационные меры, направленные на укрепление сельского хозяйства. В соответствии с решениями сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС введены более обоснованные закупочные цены на продукцию сельского хозяйства, провозглашен принцип планирования снизу, упорядочена налоговая политика. Повысилась материальная заинтересованность тружеников села, стали вводиться пенсии, отменяться ограничения паспортного режима. Колхозы получили право вносить изменения в свои уставы с учетом местных условий. Была реализована крупная программа освоения 42 миллионов гектаров целинных и залежных земель... Сельское хозяйство стало двигаться вперед высокими темпами»⁴.

Правда, все это было сказано с акцентом на 1953-1958 гг. Однако и в годы семилетки, о чем свидетельствует статистика, продолжался поступательный рост аграрного производства при снижении темпов прироста валовой и товарной продукции. Имел место кризис потребления, резкое отставание зерновой и животноводческой отрасли от потребностей населения. А основная причина – серьезные просчеты аграрной политики, лично Хрущева, не сумевшего правильно оценить характер и глубину происходивших в деревне деконструктивных процессов, вовремя исправить или смягчить ситуацию.

На мой взгляд, хрущевские аграрные реформы – это, прежде всего, прорыв нескольких звеньев сталинской закоряченной административно-бюрократической системы, ликвидация крайних проявлений тоталитарного режима, завершившиеся впечатляющими результатами. В начале 60-х гг. были сбои и пробуксовки, возвращение к методам администрирования, принимались ошибочные решения. В то же время в 1963-1964 гг. были определены пути и способы дальнейшего движения вперед на основе углубленной интенсификации и модернизации аграрного сектора экономики, включая и социальную сферу, сделаны важные шаги по реализации этого курса.

Разумеется, все эти новации, определения «нового курса» – моделирование на основе социалистической парадигмы. Никакие альтернативные варианты, основанные на допущении перехода к многоукладной экономике, свободного развития семейных, а тем более фермерских крестьянских хозяйств, предпринимательской деятельности селян не предусматривались. До признания права

земледельцев на свободный выбор той или иной формы хозяйствования (кроме колхозно-совхозной), в том числе основанной на частной собственности на землю, было еще очень далеко. Такое Хрущеву и другим социалистическим реформаторам его поколения, заикнувшимся на «социалистической системе сельского хозяйства» (в ленинско-сталинской интерпретации), не могло присниться даже в страшном сне. Грозным предупреждением звучало одно из высказываний Ленина, канонизированное Сталиным в Кратком курсе Истории ВКП(б): «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель»⁵.

В то же время Хрущев, в отличие от Сталина, исходил из необходимости в рамках социализма совершенствовать экономические отношения между государством и сельскохозяйственными производителями на основе развития товарно-денежных отношений. Об этом свидетельствуют такие меры, как значительное повышение заготовительных цен, отмена натуроплаты МТС и обязательных поставок не только для колхозов, но и ЛПХ, введение системы закупок. В докладе на декабрьском пленуме ЦК 1958 г. он подчеркнул, что «экономическая связь между государством и колхозами через налоговую систему... не стимулировала рост производительности труда», что «сейчас наступил такой период, когда отпадает необходимость в обязательных поставках, на смену налогов приходит продажа и покупка продуктов по ценам, отражающим уровень производства и производительности труда». При этом он исходил из того, что свободная продажа колхозами своих продуктов не приведет к стихийности в развитии сельского хозяйства, поскольку «наше хозяйство ведется на основе государственных планов, государство в соответствии с потребностями народа во всех необходимых случаях будет регулировать производство продукции, а также цены»⁶.

Такой подход в той или иной мере сближает концепцию Хрущева с современной китайской моделью рыночного хозяйства, но коренным образом отличается от сталинского товарного производства «особого рода». Рассуждая порой о торговой смычке между городом и деревней, о развитии рынка и даже рыночных отношений между государством и колхозами при социализме, Сталин никогда, ни словом, ни делом, не посягнул на систему государственных обязательных поставок, натуроплату МТС, на повышение, хотя бы до уровня себестоимости, заготовительных цен на зерно и животноводческую продукцию, на отмену или снижение обязательных поставок государству приусадебных хозяйств.

Однако время, отпущенное Хрущеву историей, подходило к концу. Рейтинг реформатора стремительно падал. Терпение иссяк-

ло как у народа, недовольного значительным повышением («временным») розничных цен на основные продукты животноводства, притеснением владельцев приусадебных хозяйств, началом массовых закупок зерна на Западе и др., так и у правящей верхушки КПСС, особенно возмущавшейся полным попранием в аграрной сфере норм и принципов «коллективного руководства», своеволием лидера партии и государства. Принятые в 1963-1964 гг. решения имели в основном долговременный характер. Изменить ситуацию в пользу Хрущева, на мой взгляд, могли только решения немедленного действия и, прежде всего, постановления правительства о снижении розничных цен на продукты животноводства (хотя бы частичном); о строжайшем запрете ущемлять интересы граждан (колхозников, работников совхозов, горожан) в ведении ЛПХ; отказе от позорных для России закупок зерна за рубежом (урожай 1964 г. это позволял: он, по иронии судьбы, был самым высоким за все годы хрущевского периода — 152,1 млн. т против 134,7 млн. в рекордном 1958 г.). Надо было исправить три «роковые ошибки», допущенные реформатором. Этого сделано не было. Развязка приближалась.

И тем не менее, есть основание говорить не о двух, а о трех периодах аграрных реформ Хрущева или о третьем этапе внутри второго (1963-1964 гг.), связанного с разработкой нового курса и началом его осуществления. Это как бы завешание или напутствие Хрущева будущим реформаторам России.

В заключении — два малоизвестных факта из истории аграрного реформирования Хрущева, весьма поучительных. Первый относится к декабрю 1959 г. В речи на пленуме ЦК Хрущев решительно отверг предложение некоторых зарубежных «доброжелателей», которые советовали России покупать водку за границей. «Зачем же нам, — заявил он, — покупать водку на стороне? Мы вам свою можем предложить, пожалуйста, покупайте». Второй, заимствованный из беседы Хрущева с министром сельского хозяйства США О.Л.Фримэном в июле 1963 г. Тот настойчиво предлагает: «У меня, г-н Председатель, своя проблема. Я готов продать вам значительное количество птицы (бройлеров). Этот продукт очень хороший и дешевый». Хрущев: «Мы сами создадим у себя бройлерное производство и будем иметь достаточно птицы... А вот машины для производства минеральных удобрений и комбикормов мы у вас купим»⁷.

Неплохие рекомендации для реформаторов новой России!

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- 1 В краю просторов и подвигов. Молодежь на целине. Сб. док. М., 1962.
- 2 Великий подвиг партии и народа — массовое освоение целинных и залежных земель. Сб. док. и мат. М., 1979.
- 3 *Брежнев Л.И.* Вопросы аграрной политики и освоение целинных и залежных земель в Казахстане. Речи и доклады. М., 1974.
- 4 *Моргун Ф.Т.* Думы о целине. М., 1968; *Куликов В.И.* Исторический опыт освоения целинных земель. М., 1978.
- 5 *Брежнев Л.И.* Воспоминания. М., 1981. С. 254-255. Первое издание брошюры Брежнева «Целина» вышло в 1978 г.
- 6 Великий подвиг партии и народа. Материалы торжественного заседания в Алма-Ате, посвященного 20-летию освоения целинных и залежных земель. М., 1974. С. 25, 39-40, 71-72.
- 7 История КПСС. М., 1980. Т. 5. Кн. 2. С. 258.
- 8 *Богденко М.Л.* Проблемы массового освоения целинных и залежных земель в советской литературе. К 20-летию освоения целинных и залежных земель // История СССР. 1974. № 4. С. 83.
- 9 См.: Великий подвиг партии и народа... Сб. док. Раздел I. Док. № 1, 2.
- 10 КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 6. С. 352, 409.
- 11 *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. Т. 1-8. М., 1962-1964.
- 12 См.: *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953). Сб. док. М., 1993; *его же.* Голод и государственная политика // Отечественные архивы. 1992. № 6; *его же.* Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян) // Отечественные архивы. 1993. № 2; *его же.* «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х годов) // Отечественные архивы 1994. № 1; *его же.* Паспортная система в СССР (1932-1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 8-9; *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. Мои рец. на книги В.П.Попова и В.Ф.Зимы см.: Отечественная история. 1995. № 2; 1997. № 2. См. в этой связи: *Волков И.М.* Деревня СССР в 1945-1953 гг. в новейших исследованиях историков // Отечественная история. 2000. № 6.
- 13 *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы 1945-1964. М., 1993. С. 45-51, 91-93; Как снижали цены в конце 40-х — начале 50-х гг. и что об этом говорил народ. (Публикация А.Краюшкина и Н.Тепцова) // Неизвестная Россия XX век. Кн. II. М., 1992.
- 14 Вопросы истории КПСС. 1988. № 9.
- 15 Там же. С. 43.
- 16 Там же. С. 58; *Денисов Ю.П.* Избегать односторонности // Вопросы истории КПСС. 1989. № 4.
- 17 Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 48; Дружба народов. 1988. № 11. С. 225.
- 18 История советского крестьянства. Т. 4. 1945 — конец 50-х годов. М., 1988.
- 19 Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985; Крестьянство и сельское хозяйство Сибири 1960-

- 1980-е гг. Новосибирск, 1991. Мою рец. (в соавторстве с В.П.Даниловым) на 5 том этого издания см.: Отечественная история. 1992. № 3.
- 20 *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х годов. М., 1992.
- 21 *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг. Вологда, 1991; *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е годы. М., 1996; и др.
- 22 *Безнин М.А.* Указ. соч. С. 225-228, 230.
- 23 *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале (1930-1985). Екатеринбург, 1991; *Тюрина А.П.* Социально-экономическое развитие советской деревни 1965-1980. М., 1982. Мою рец. на кн. М.Н.Денисовича см.: Вопросы истории. 1993. № 9.
- 24 О политике «агрокородов» см.: *Сенявский А.С.* Российский город в 1960-е — 80-е годы. М., 1995. С. 72-87.
- 25 *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.). М., 1995. Мою рец. на эту книгу см.: Вопросы истории. 1997. № 3.
- 26 Вопросы истории. 1998. № 3-12.
- 27 *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. М., 1996. Кн. 1. Гл. 3.
- 28 КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 6, 7, 8, 9; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3 (1946-1952 гг.); Т. 4 (1953-1957 гг.). М., 1958; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3 (1953-1961 гг.); Т. 5 (1962-1965 гг.). М., 1968.
- 29 Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1960; Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1971.
- 30 *Мотревич В.П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941-1950 гг.). Екатеринбург, 1993; *Зеленин И.Е.* О некоторых показателях сельскохозяйственной статистики (30-60-е годы) // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1995; *Денисов Ю.П.* Аграрная политика Н.Хрущева: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1996. № 1.
- 31 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 205. Л. 1-4.
- 32 *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 332.

Глава I

- 1 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 746-750.
- 2 Там же. С. 765-801, 818-822, 827-828, 856-860, 862-866.
- 3 См.: *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР 1941-1950. М., 1969. С. 117-119.
- 4 Там же. С. 120-121.
- 5 Там же. С. 123-124.
- 6 Правда. 1946. 10 февраля.
- 7 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. Т. 3. С. 11, 13, 33.
- 8 *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 196-197.
- 9 *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945-1964. М., 1993. С. 34.
- 10 Литературная газета. 1990. 12 сентября.
- 11 КПСС в резолюциях... Изд. 8-е. Т. 6. С. 150-153.

- 12 Там же. Т. 6. С. 175; Т. 5. С. 398-404.
- 13 См.: *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993. С. 115-116.
- 14 КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 177-179.
- 15 См.: *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953). Сб. док. М., 1993. С. 11-24.
- 16 КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 194.
- 17 *Попов В.П.* Российская деревня после войны. Сб. док. С. 63-65.
- 18 Там же. С. 101-105.
- 19 *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т. 5. С. 348-349.
- 20 Вопросы истории. 1991. № 11. С. 39-40.
- 21 КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 213, 214, 219, 247, 259.
- 22 Там же. С. 215.
- 23 *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 26, 64.
- 24 Там же. С. 22, 27, 149.
- 25 История СССР. 1983. № 2. С. 13.
- 26 Вопросы истории. 1991. № 11. С. 38.
- 27 *Попов В.П.* Российская деревня после войны. Сб. док. С. 90.
- 28 См.: Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 46-47.
- 29 *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 64, 170, 179.
- 30 Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 3. М., 2001. С. 31-35.
- 31 См.: *Бомешко Б.С.* Засуха и голод в Молдавии 1946-1947 гг. Кишинев, 1990. С. 45-63; *Волков И.М.* Засуха, голод 1946-1947 гг. // История СССР. 1991. № 4. С. 38.
- 32 *Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988.
- 33 См.: *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 146-147; Вопросы истории. 1996. № 7. С. 27, 29.
- 34 Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 256.
- 35 Там же. С. 260-261.
- 36 См.: *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы 1945-1964. М., 1993. С. 47.
- 37 См.: *Зеленин И.Е.* Общественно-политическая жизнь советской деревни 1946-1958 гг. М., 1978. С. 222-223.
- 38 См.: *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 37.
- 39 *Зубкова Е.Ю.* Указ. соч. С. 60.
- 40 Неизвестная Россия. XX век. Кн. II. М., 1992. С. 282-284 (публикация А.Краюшкина и Н.Тепцова).
- 41 Правда. 1949. 1 марта.
- 42 См.: Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 года о выселении крестьян) // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 33-36.
- 43 Там же. С. 36-38.
- 44 *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 181.
- 45 Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 37-38.
- 46 Там же. С. 38; *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 193.
- 47 *Попов В.П.* Российская деревня после войны. Сб. док. С. 110, 172-173.
- 48 Там же. С. 167-171.
- 49 См.: *Зеленин И.Е.* Общественно-политическая жизнь советской деревни. С. 125.

- 50 Правда. 1948. 24 октября.
- 51 См.: *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 205.
- 52 См.: *Вылцан М.А.* План полезащитных лесонасаждений и борьба за его осуществление (1948–1953 гг.) // Развитие сельского хозяйства в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972. С. 119–135.
- 53 *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 276.
- 54 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 6. С. 387–388.
- 55 Коммунист. 1969. № 16. С. 70.
- 56 КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 304–305.
- 57 *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 277.
- 58 Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 31.
- 59 КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 305–306.
- 60 *Попов В.П.* Деревня после войны. Сб. док. С. 69–74.
- 61 История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4. С. 84–85; Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 35.
- 62 Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 44.
- 63 Там же. С. 45–46.
- 64 См.: *Зайдинер В.И.* Совхоз «Гигант»: прошлое, настоящее, будущее. Ростов-на-Дону, 1993; *Зайдинер В.И., Ковынева С.А.* Черноград и черноградцы. Ростов-на-Дону, 1996.
- 65 Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 46.
- 66 Там же. С. 48.
- 67 См.: *Маленков Г.* Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 5 октября 1952 г. М., 1952. С. 43–44.
- 68 Там же. С. 44.
- 69 См.: *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992. С. 81–84.
- 70 Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1960. С. 399, 416–417, 420; Советская деревня в первые послевоенные годы 1946–1950. М., 1978. С. 84–87.
- 71 Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М., 1971. С. 245.
- 72 См.: История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4. С. 108–111.
- 73 Пленум ЦК КПСС 15–19 декабря 1958 года. Стенограф. отчет. М., 1959. С. 31–32.
- 74 См.: *Попов В.П.* Российская деревня после войны. Сб. док. С. 143–149.
- 75 См.: *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 42, 50, 136, 142–143, 152 и др.
- 76 *Попов В.П.* Российская деревня после войны. Сб. док. С. 75–78.
- 77 Там же. С. 174–177.
- 78 См.: *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР 1941–1950. С. 215–219.
- 79 *Хрущев Н.Г.* Указ. соч. Т. 8. С. 466–467.
- 80 Пленум ЦК КПСС 15–19 декабря 1958 года. Стеногр. отчет. С. 32; *Богденко М.Л.* Совхозы СССР 1951–1958. М., 1972. С. 80–83.
- 81 Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 161.
- 82 *Попов В.П.* Российская деревня после войны. Сб. док. С. 148–149.
- 83 Там же. С. 190, 191.
- 84 Население СССР 1987. Стат. сб. М., 1988. С. 8; *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 83, 85.
- 85 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 86.
- 86 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 259. Л. 148.
- 87 *Маленков Г.* Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). С. 78, 84–85.

- 88 Вопросы истории. 1992. № 1. С. 57.
- 89 См.: *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 67-68, 91-94.
- 90 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5324. Л. 32-35; Оп. 10. Д. 127. Л. 48-49.
- 91 См.: *Жуков Ю.Н.* Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 гг. // Вопросы истории. 1995. № 11. С. 37. Есть основание полагать, что постановление политбюро от 16 февраля 1951 г. о прекращении издания сочинений Сталина было вскоре отменено, поскольку в 1953 г. были изданы 9-13 тома, а сигнальный экземпляр 14 тома был подготовлен в 1956 г. и, видимо, не был издан в связи с докладом Хрущева о культе личности на XX съезде КПСС.
- 92 Вопросы истории. 1992. № 1. С. 50-51; Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 164.
- 93 См.: *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. Кн. 1. М., 1996. С. 312-314.
- 94 *Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А.* История Отечества XX век. М., 1995. С. 411-412.
- 95 *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. М., 1993. С. 348.
- 96 См.: *Сойфер В.Н.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1993. С. 385-409.
- 97 О положении в биологической науке. Стенограф. отчет сессии ВАСХ-НИЛ 31 июля – 7 августа 1948 г. М., 1948. С. 512.
- 98 См.: *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 216.
- 99 О положении в биологической науке... С. 474-475.
- 100 *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 289-290.
- 101 Вестник Академии Наук СССР. 1988. № 3. С. 144.
- 102 *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 291-292.
- 103 Вестник Академии Наук СССР. 1988. № 9. С. 134-135.
- 104 Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 131.
- 105 *Волкогонов Д.А.* Указ. соч. С. 206-207.

Глава II

- 1 См.: *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. М., 1996. Кн. 1. С. 325-328; Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 160; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти 1945-1991. М., 1998. С. 98-99.
- 2 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 185.
- 3 См.: Хрущев вспоминает. М., 1971. С. 318-321; *Волкогонов Д.А.* Указ. соч. С. 313.
- 4 *Аксютин Ю.В., Волобуев О.В.* XX съезд КПСС: новации и догмы. М., 1991. С. 44.
- 5 *Жуков Ю.Н.* Тихая десталинизация. Борьба с культом личности началась в марте 1953 года // Независимая газета. 1997. 27 мая.
- 6 Там же.
- 7 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 140-147, 149, 155.
- 8 Там же. С. 182-185; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 37-38.
- 9 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 194-195.
- 10 Там же. С. 196.
- 11 *Маленков Г.* Речь на V сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. М., 1953. С. 8-10.
- 12 Там же. С. 12-15.
- 13 Там же. С. 13, 15, 17.

- 14 Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 149.
- 15 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 35.
- 16 Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. С. 16-18; Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. Указ. соч. С. 19, 21.
- 17 Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 1. С. 7, 11.
- 18 КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 387-388.
- 19 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 57.
- 20 Хрущев Н.С. Указ. соч. Т. 1. С. 422-423.
- 21 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. Л. 107-111.
- 22 Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 185, 197.
- 23 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 138. Л. 112-119.
- 24 Волкогонов Д.А. Указ. соч. С. 569-573; Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. Указ. соч. С. 188-191.
- 25 Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 142-143; Хрущев вспоминает. М., 1971. С. 332-333; Волкогонов Д.А. Указ. соч. С. 373-375.
- 26 Огонек. 1987. № 23. С. 22.
- 27 Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945-1964. М., 1993. С. 131.
- 28 Там же. С. 136-137.
- 29 Барсуков Н. На переломе советского общества в послевоенное десятилетие // Свободная мысль. 1994. № 6. С. 102; Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 150.
- 30 КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 209.
- 31 Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 154-155; Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 167.
- 32 Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества XX век. М., 1995. С. 436.
- 33 См.: Барсуков Н. Провал «антипартийной группы». Июньский Пленум ЦК КПСС 1957 г. // Коммунист. 1990. № 8. С. 98-101; КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 271-273.
- 34 Исторический архив. 1994. № 2; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 259.
- 35 См.: Стреляный А.И. Последний романтик // Дружба народов. 1998. № 11. С. 190; Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. Указ. соч. С. 131.
- 36 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 62. Л. 29, 42, 49.
- 37 Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 159.
- 38 См.: Хрущев Н.С. Указ. соч. Т. 1. С. 11-13.
- 39 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 4-5.
- 40 Хрущев Н.С. Указ. соч. Т. 1. С. 14.
- 41 Там же. С. 16-18, 31.
- 42 Там же. С. 48, 75; КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 428.
- 43 Хрущев Н.С. Указ. соч. Т. 1. С. 34, 40.
- 44 Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.). М., 1995. С. 302.
- 45 КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 52-58.
- 46 Там же. С. 183-190.
- 47 Там же. С. 316-338.
- 48 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 89. Л. 93.
- 49 Хрущев Н.С. Указ. соч. Т. 1. С. 85-100; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 1. Л. 1-74. В опубликованном тексте записка Хрущева воспроизведена с некоторой корректировкой и редакторской правкой; приложения опущены.
- 50 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 1. Л. 32-34.
- 51 Хрущев Н.С. Указ. соч. Т. 1. С. 10.
- 52 Там же. С. 42-43.
- 53 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 46.

- 54 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 85, 88.
- 55 Там же. С. 85-87, 89.
- 56 Там же. С. 89-90.
- 57 См.: *Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А.* Указ. соч. С. 430.
- 58 *Брежнев Л.И.* Воспоминания. М., 1981. С. 263.
- 59 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 331, 334. ✓
- 60 См.: *Зеленин И.Е.* Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х — 30-е годы) // Отечественная история. 1996. № 2.
- 61 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 89. Л. 93. В докладе на февральско-мартовском пленуме Хрущев отметил, что «незрелость» проявили секретари ЦК КП Казахстана (Шаяхметов и Афонов), а также члены бюро. В то же время «члены пленума значительно острее оценили обстановку, сложившуюся в республике, чем члены бюро». «Глубокое понимание задач, стоящих перед республикой» проявили и делегаты съезда Компартии Казахстана, высказавшись за «укрепление руководства республикой» (*Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 275-276). Такое, угодное Хрущеву поведение членов пленума и делегатов съезда, определялось тем, что среди них была проведена соответствующая «разъяснительная работа», секретари же и члены бюро оказались в изоляции.
- 62 *Брежнев Л.И.* Указ. соч. С. 223-224.
- 63 Брежнев Леонид Ильич. Краткий биографический очерк. М., 1977. С. 48; XX съезд КПСС. Стенограф. отчет. М., 1956. Т. 1 С. 218.
- 64 В краю просторов и подвигов. Молодежь на целине. Сб. док. М., 1962. С. 12-14.
- 65 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 89. Л. 92-94.
- 66 Там же. Л. 24.
- 67 Там же. Л. 27, 55, 92; *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 296.
- 68 Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за освоение целинных и залежных земель. Сб. док. и материалов. Алма-Ата, 1958. С. 106, 112; *Брежнев Л.И.* Указ. соч. С. 326, 332.
- 69 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 10. Л. 7-9.
- 70 *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 308-309, 312.
- 71 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 329, 331.
- 72 Правда. 1954. 17 августа; *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 414.
- 73 *Брежнев Л.И.* Указ. соч. С. 261.
- 74 КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 269.
- 75 Исторический архив. 1993. № 3. С. 81; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 259. Л. 24, 142, 146-147.
- 76 См.: Отечественная история. 1996. № 2. С. 55-70.
- 77 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 275-276.
- 78 *Моргун Ф.Т.* Думы о целине. М., 1968. С. 62-63, 94. У
- 79 *Брежнев Л.И.* Указ. соч. С. 308, 309.
- 80 В отчетном докладе ЦК партии на XX съезде Хрущев сказал: «Крайне важно значительно расширить производство машин для раздельной уборки урожая с тем, чтобы в основных зерновых районах в ближайшие годы перейти на раздельную уборку хлебов» (*Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 204).
- 81 *Моргун Ф.Т.* Указ. соч. С. 46-48.
- 82 Там же. С. 49, 52.
- 83 *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 310.
- 84 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 5. С. 180-181; Т. 6. С. 62, 142-143, 183; Т. 7. С. 138.

- 85 *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 326; Пленум ЦК КПСС 24-26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. М., 1965. С. 105.
- 86 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 216. Л. 58-64.
- 87 Там же. Д. 240. Л. 26-32.
- 88 *Моргун Ф.Т.* Указ. соч. С. 94-95.
- 89 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 157; Великий подвиг партии и народа. Сб. док. М., 1979. С. 21.
- 90 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 426-427.
- 91 Там же. С. 427-430.
- 92 Там же. С. 431-436.
- 93 Там же. Т. 6. С. 388; Т. 2. С. 27-28.
- 94 Там же. Т. 2. С. 28-29, 113, 118-119, 196-197; Т. 3. С. 354-355; Т. 6. С. 25-26, 444; Т. 8. С. 291-292.
- 95 *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 303.
- 96 Пленум ЦК КПСС 15-19 декабря 1958 г. Стенограф. отчет. М., 1959. С. 368-369; Пленум ЦК КПСС 22-25 декабря 1959 г. Стенограф. отчет. М., 1960. С. 301.
- 97 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 5. С. 120-121.
- 98 Там же. Т. 8. С. 292.
- 99 Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1971. С. 119, 126, 178; Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1960. С. 246, 247.
- 100 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 448.
- 101 Там же. С. 449-450.
- 102 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 259. Л. 3-4.
- 103 КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 269, 332, 356.
- 104 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 5-6.
- 105 Пленум ЦК КПСС 15-19 декабря 1958 г. Стенограф. отчет. С. 38.
- 106 Пленум ЦК КПСС 22-25 декабря 1959 г. Стенограф. отчет. С. 379.
- 107 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 27.
- 108 Пленум ЦК КПСС 22-25 декабря 1959. Стенограф. отчет. С. 167-169, 172.
- 109 Там же. С. 378-383.
- 110 См.: Там же. С. 7, 35, 64, 66, 109-110, 114, 132, 135, 149.
- 111 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 4. С. 162-168.
- 112 Там же. С. 199, 204, 206.
- 113 Там же. С. 193.
- 114 Там же. Т. 2. С. 499-500, 203.
- 115 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 193. Л. 2.
- 116 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 522-524.
- 117 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 193. Л. 1-50.
- 118 КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 316-321.
- 119 См.: *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 111; *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 84-93.
- 120 См.: *Зеленин И.Е.* Политотделы МТС (1933-1934 гг.) // Исторические записки. 1965. Т. 76. С. 56.
- 121 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 110.
- 122 Там же. С. 118, 122-123.
- 123 Там же. С. 131-133, 80, 142.
- 124 Там же. С. 147-149.
- 125 Там же. С. 77, 92, 138.
- 126 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 4. С. 397-401; Правда. 1958. 20 апреля.

- 127 КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 330-338.
- 128 Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1960. С. 41.
- 129 См.: *Игнатовский П.А.* Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966. С. 208-209.
- 130 См.: *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945-1958). М., 1976. С. 222-223.
- 131 Там же. С. 220.
- 132 *Ольшевская Г.К.* К истории реорганизации МТС // Проблемы истории современной советской деревни 1946-1973. М., 1975. С. 187.
- 133 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 397-398.
- 134 *Ольшевская Г.К.* Указ. соч. С. 189.
- 135 *Вылцан М.А.* Указ. соч. С. 223.
- 136 Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1960. С. 76.
- 137 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 397-398.
- 138 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 202. Л. 52, 54, 57.
- 139 Там же. Д. 203. Л. 84, 86, 87, 90-91, 94-95.
- 140 Там же. Д. 243. Л. 96, 98, 99.
- 141 Пленум ЦК КПСС 24-26 марта 1965 года. Стенограф. отчет. М., 1965. С. 148-149.
- 142 См.: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 259. Л. 147-148; Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 49-50.
- 143 См.: *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992. С. 39.
- 144 *Вылцан М.А.* Указ. соч. С. 209-214; История советского крестьянства. Т. 4. С. 228, 239.
- 145 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 5. С. 347.
- 146 *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 41-42.
- 147 Там же. С. 44.
- 148 Партия – организатор крутого подъема сельского хозяйства. Сб. док. (1953-1958). М., 1958. С. 414-416; История советского крестьянства. Т. 4. С. 328.
- 149 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 210. Л. 6-7, 9.
- 150 Там же. Д. 209. Л. 1-2.
- 151 Там же. Л. 3-7.
- 152 Там же. Д. 310. Л. 6, 10, 16, 20-21.
- 153 Там же. Л. 65-68.
- 154 История советского крестьянства. Т. 4. С. 326-327.
- 155 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 439.
- 156 Там же. Т. 2. С. 457-458.
- 157 КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 274-277.
- 158 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 391-392.
- 159 КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 361-362.
- 160 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 404-406.
- 161 Там же. С. 497.
- 162 Там же. Т. 4. С. 25-26.
- 163 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 232. Л. 69; Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1959. № 30. В литературе без ссылки на источник называется другая дата этих решений – август 1958 г. (Исторический архив. 1993. № 1. С. 110; *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. М., 1996. Кн. 1. С. 386; *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 194, 196). Здесь явная ошибка, ибо государственные решения (законы) по данному вопросу не могли быть приняты до постановки этого вопроса Хрущевым на пленуме ЦК в июне 1959 г.

Речь, конечно, идет не о формальном уточнении даты, а начальном (юридическом и фактическом) рубеже полномасштабного наступления государства на ЛПХ граждан.

- 164 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 232. Л. 21-23.
165 Там же. Л. 2-18.
166 Там же. Л. 63.
167 Там же. Л. 24.
168 Там же. Л. 69.
169 *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 78-79.
170 См.: *Венжер В.Г.* Колхозный строй на современном этапе. М., 1966. С. 46, 87-91.
171 Пленум ЦК КПСС 24-26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. С. 176.
172 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 1. С. 298-301.
173 Там же. С. 466-467.
174 Там же. Т. 3. С. 67-70.
175 Там же. С. 128-129.
176 Там же. С. 245.
177 Там же. С. 479-481.
178 КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 61.
179 См.: *Богденко М.Л.* Совхозы СССР 1951-1958 гг. М., 1972. С. 148-149.
180 История советского крестьянства. Т. 4. С. 275-276; *Тюрина А.П.* К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы // История СССР. 1983. № 5. С. 5.
181 *Тюрина А.П.* Указ. соч. С. 3, 5.
182 См.: Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946-1970). М., 1972. С. 161.
183 *Богденко М.Л.* Указ. соч. С. 168.
184 Пленум ЦК КПСС 22-25 декабря 1959 г. Стенограф. отчет. С. 320-321.
185 Там же.
186 *Богденко М.Л.* Указ. соч. С. 168.
187 Там же. С. 344-345.
188 *Тюрина А.П.* Указ. соч. С. 9.
189 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 8. С. 66; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 313. Л. 2.
190 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 8. С. 66, 67, 71.
191 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 451-458; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 358. Л. 1-9, 101-114, 131-183.
192 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 7. С. 143-162; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 376. Л. 4.
193 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 6. С. 52-54.
194 Там же. Т. 8. С. 254; КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 254.
195 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 245, 259-261.
196 Там же. Т. 9. С. 27.
197 Пленум ЦК КПСС 15-19 декабря 1958 г. Стенограф. отчет. С. 6-7, 12.
198 Там же. С. 8.
199 Там же. С. 14-15.
200 Пленум ЦК КПСС 22-25 декабря 1959 г. Стенограф. отчет. С. 402-403, 427.
201 Пленум ЦК КПСС 22-25 декабря 1958 г. Стенограф. отчет. С. 20-21.
202 Там же. С. 34, 35, 38.
203 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 4. С. 167.
204 Пленум ЦК КПСС 22-25 декабря 1959 г. Стенограф. отчет. С. 351, 354.
205 Пленум ЦК КПСС 15-19 декабря 1958 г. Стенограф. отчет. С. 79-81.

- 206 Там же. С. 77-78.
- 207 Там же. С. 78.
- 208 *Столяров С.Г.* О ценах и ценообразовании СССР. М., 1969. С. 96; История советского крестьянства. Т. 4. С. 274, 326-327.
- 209 См.: *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 141. ✓
- 210 История советского крестьянства. Т. 4. С. 332-333. ✓
- 211 См.: Народное хозяйство СССР в 1958 году. Статистич. ежегодник. М., 1959. С. 796-797.
- 212 Электрификация СССР. М., 1970. С. 482.

Глава III

- 1 КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 343-345, 373-374.
- 2 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 3. С. 440-443.
- 3 Там же. С. 474-477.
- 4 Там же. С. 479-481. ✓
- 5 Там же. С. 479-481, 497.
- 6 КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 437.
- 7 Там же. С. 387, 390, 381.
- 8 Там же. С. 495.
- 9 Там же. Т. 8. С. 245.
- 10 Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 140. ✓
- 11 Вопросы истории. 1989. № 1. С. 112-113. ✓
- 12 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 253-254, 259-261.
- 13 Там же. Т. 7. С. 401.
- 14 Пленум ЦК КПСС 24-25 марта 1965 г. Стенограф. отчет. М., 1965. ✓ С. 148-150.
- 15 Там же. С. 193-194, 127-128.
- 16 Там же. С. 125.
- 17 Там же. С. 176, 179.
- 18 Пленум ЦК КПСС 22-25 декабря 1959 г. Стенограф. отчет. М., 1960. С. 7, 10, 19, 34.
- 19 Там же. С. 35, 36, 62.
- 20 Там же. С. 64, 87.
- 21 Там же. С. 92-93, 110.
- 22 Там же. С. 114, 117.
- 23 Там же. С. 131, 132, 136, 148.
- 24 Там же. С. 149, 156, 166.
- 25 Там же. С. 90.
- 26 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 325.
- 27 Свободная мысль. 1994. № 6. С. 105.
- 28 Вопросы истории. 1989. № 1. С. 115-116.
- 29 Там же. С. 116.
- 30 Там же. № 2. С. 107-108.
- 31 Там же.
- 32 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 6. С. 224.
- 33 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 3-6, 20, 21, 25.
- 34 Там же. Л. 69-71.
- 35 Там же. Л. 51-63.

- 36 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 5. С. 156-160; *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 8. С. 405-406.
- 37 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 80-86, 98.
- 38 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 4. С. 162-163.
- 39 Там же. С. 164-166.
- 40 Там же. С. 167, 169, 171, 172, 177.
- 41 Там же. С. 281-378, 193-280.
- 42 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 132-134.
- 43 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 4. С. 363-364.
- 44 Там же. С. 345-346, 349.
- 45 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 133-135.
- 46 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 4. С. 298-299; КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 497-499.
- 47 Пленум ЦК КПСС 5-9 марта 1962 г. Стенограф. отчет. М., 1962. С. 18-23, 94-95.
- 48 Там же. С. 30.
- 49 Там же. С. 36-39.
- 50 См.: *Никонов А.А.* Указ. соч. С. 204.
- 51 *Тулайков Н.М.* Борьба с засухой в зерновом хозяйстве. Л., 1933. С. 14-15, 20-23.
- 52 Пленум ЦК КПСС 5-9 марта 1962 г. Стенограф. отчет. С. 169.
- 53 Там же. С. 130-131, 208-299.
- 54 *Моргун Ф.Т.* Думы о целине. М., 1968. С. 99-101, 112, 155.
- 55 Пленум ЦК КПСС 5-9 марта 1962 г. Стенограф. отчет. С. 415, 342, 223, 189.
- 56 Там же. С. 428-429, 388, 455.
- 57 Пленум ЦК КПСС 24-26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. С. 99-100, 104.
- 58 Пленум ЦК КПСС 5-9 марта 1962 г. Стенограф. отчет. С. 59-60, 64; *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 223.
- 59 Пленум ЦК КПСС 5-9 марта 1962 г. Стенограф. отчет. С. 75.
- 60 Там же. С. 64-66.
- 61 Там же. С. 70-77; КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 340-341.
- 62 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 339-340.
- 63 Пленум ЦК КПСС 5-9 марта 1962 г. Стенограф. отчет. С. 101.
- 64 Там же. С. 98, 457-458.
- 65 Правда. 1962. 1 июня.
- 66 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 4. С. 662-663.
- 67 РГАНИ. Ф. 89. Перечень 6. Док. 11; Исторический архив. 1993. № 1. С. 111-113; В записке Ивашутина, а также в вступном тексте к публикации в ж. «Исторический архив» документ назван постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, хотя в газетных публикациях речь шла о постановлении правительства, а Обращение к населению публиковалось от имени ЦК и Совета Министров.
- 68 РГАНИ. Ф. 89. Перечень 6. Док. 13. Л. 1-2; Исторический архив. 1993. № 1. С. 113-114.
- 69 Исторический архив. 1993. № 4. С. 143, 174, 176.
- 70 *Наумов В.П.* Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 34.
- 71 Исторический архив. 1993. № 1. С. 114-118; РГАНИ. Ф. 89. Перечень 6. Док. 6. Л. 1-13; Док. 14. Л. 1-2.
- 72 Исторический архив. 1993. № 1. С. 118-121.

- 73 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 273.
- 74 Там же. С. 245, 273-274, 301.
- 75 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 7. С. 163, 168.
- 76 Там же. С. 294, 296, 301-305.
- 77 Пленум ЦК КПСС 19-23 ноября 1962 г. Стенограф. отчет. С. 72, 74-76, 182-183, 407-413.
- 78 Там же. С. 101-103.
- 79 Там же. С. 156-157.
- 80 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 390-391, 395, 495-496.
- 81 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 753. Л. 11.
- 82 Пленум ЦК КПСС 9-13 декабря 1963 г. Стенограф. отчет. М., 1964. С. 7; Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1971. С. 35, 152.
- 83 Пленум ЦК КПСС 9-13 декабря 1963 г. Стенограф. отчет. С. 9.
- 84 Народное хозяйство СССР в 1963 году. М., 1964. С. 549, 550.
- 85 Авторы некоторых работ, в том числе и вышедших в самое последнее время, не ссылаясь на источники, не приводя каких-либо конкретных данных, утверждают, что массовые закупки зерна за рубежом при Хрущеве якобы начались с 1962 г. (См.: Новейшая история Отечества. XX век. Учебник для вузов. М., 1998. Т. 2. С. 308; *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 198).
- 86 *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. М., 1996. Кн. 1. С. 382, 384.
- 87 Пленум ЦК КПСС 9-13 декабря 1963 г. Стенограф. отчет. С. 9.
- 88 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 310. Л. 116-119, 122.
- 89 Там же. Л. 125-135.
- 90 Пленум ЦК КПСС 9-13 декабря 1963 г. Стенограф. отчет. С. 18, 23, 37, 41.
- 91 Там же. С. 18-19, 21.
- 92 Там же. С. 33, 400-401, 406-407.
- 93 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 455.
- 94 Там же. С. 458-459.
- 95 Пленум ЦК КПСС 10-15 февраля 1964 г. Стенограф. отчет. М., 1964. С. 256-262.
- 96 Там же. С. 398-400.
- 97 Там же. С. 401-402.
- 98 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 476-477.
- 99 Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 49-50.
- 100 КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 478, 480, 481.
- 101 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 8. С. 465-467, 523-524.
- 102 Там же. С. 525-528.
- 103 Там же. С. 539.
- 104 См.: *Зеленин И.Е.* Совхозы в первое десятилетие советской власти 1917-1927. М., 1972. С. 271.
- 105 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 7. С. 143-150, 154-155.
- 106 Там же. Т. 8. С. 478-480, 482.
- 107 Там же. С. 62-63, 66-67.
- 108 Там же. С. 71-77.
- 109 Там же. С. 91-102.
- 110 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 7515. Л. 25-26, 37.
- 111 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.). Т. 5. С. 451-458.
- 112 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 357. Л. 101-102.
- 113 Там же. Л. 103-114.

- 114 Там же. Л. 159-171, 172-175.
- 115 Там же. Д. 376. Л. 4-9, 71, 111-117.
- 116 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.). Т. 5. С. 488-500.
- 117 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 293. Л. 2-81, 111-191, 230-237.
- 118 Там же. Л. 1. О разработке проекта новой конституции СССР в начале 60-х гг. см.: *Пыжиков А.В.* Политические преобразования в СССР (50-60-е годы). М., 1999. Гл. VI.
- 119 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.). Т. 5. С. 395-416, 458-460, 472-478, 484-500.
- 120 См.: Народное хозяйство СССР в 1964 году. Статистич. ежегодник. М., 1965. С. 7.
- 121 Население СССР 1987. Статистич. сб. М., 1988. С. 8.
- 122 Народное хозяйство СССР в 1973 г. Статистич. ежегодник. М., 1974. С. 637.
- 123 См.: *Попов В.П.* Паспортная система СССР (1932-1976) // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 11-12.
- 124 Собрание постановлений СССР. 1974. № 19. Ст. 109.
- 125 Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 35.
- 126 Социологические исследования. 1995. № 9. С. 12.
- 127 *Вербицкая О.М.* Указ. соч. С. 96.
- 128 Пленум ЦК КПСС 24-26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. С. 162.
- 129 См.: Сельское хозяйство СССР. Статистич. сб. М., 1971. С. 109.
- 130 *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 4. С. 25.
- 131 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 313. Л. 2-13, 19-50.
- 132 Там же. Л. 5-12.
- 133 Там же. Л. 20-32, 38-42, 85.
- 134 Там же. Д. 366. Л. 115.
- 135 Там же. Л. 116-129.
- 136 Там же. Л. 16-18.
- 137 Там же. Л. 19-22.
- 138 Там же. Л. 23-24.
- 139 Там же. Л. 25-30.
- 140 Там же. Л. 31-36.
- 141 Там же. Л. 40-41.
- 142 Там же. Л. 43-47, 50.
- 143 Там же. Л. 113.
- 144 Пленум ЦК КПСС 24-26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. С. 232.
- 145 Там же. С. 6-7; Материалы Пленума ЦК КПСС 15-16 марта 1989 г. М., 1989. С. 44-45.
- 146 Исторический архив. 1993. № 1. С. 3-5; *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. Кн. 1. С. 441-445.
- 147 Исторический архив. 1993. № 1. С. 6-14; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 753. Л. 3-16; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти 1945-1991. М., 1998. С. 251-271.
- 148 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 384. Л. 20-24.
- 149 Пленум ЦК КПСС 24-26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. С. 104.
- 150 История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1980. Т. 5. Кн. 2. С. 358.
- 151 Пленум ЦК КПСС 24-26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. С. 8-13, 20-22.
- 152 Там же. С. 27-29.
- 153 Там же. С. 59, 181, 225.

- 154 Там же. С. 177-179, 216-218.
155 Там же. С. 148-150, 153.
156 Там же. С. 138, 222.
157 Там же. С. 203, 220.
158 Там же. С. 79, 188.
159 Там же. С. 211-213.
160 *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. М., 1970. Т. 1. С. 123.
161 *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. М., 1996. Кн. 2. С. 9-10.
162 Третий Всесоюзный съезд колхозников 25-27 ноября 1969 года. Стенограф. отчет. М., 1970. С. 21.
163 *Волкогонов Д.А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 447-450.
164 Вопросы истории. 1997. № 7. С. 34.

Заключение

- ¹ См.: *Нежинский Л.Н., Чельшев И.А.* Проблемы внешней политики; *Быстрова И.В.* Развитие военно-промышленного комплекса // СССР и холодная война. М., 1995. Гл. 2, 6.
² *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства М., 1964. Т. 8. С. 523-528.
³ *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.). М., 1995. С. 332.
⁴ Материалы пленума ЦК КПСС 15-16 марта 1989 года. М., 1989. С. 44.
⁵ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 274.
⁶ Пленум ЦК КПСС 15-19 декабря 1958 г. Стенограф. отчет. М., 1958. С. 77-78.
⁷ *Хрущев Н.С.* Указ. соч. Т. 4. С. 121-122; Т. 8. С. 48-49, 57.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В.С. 69
 Абрасимов П.А. 197
 Азовский 207
 Аксютин Ю.В. 289, 290
 Алексеевский Е.Е. 219
 Андреев А.А. 24, 37, 52, 58, 60, 63, 69
 Андреева 207
 Андропов Ю.В. 273, 274
 - Анисков В.Т. 287
 Аристов А.Б. 116, 117
 Афонов И.И. 90
 Ахундов В.Ю. 178, 181
 - Бараев А.И. 10, 38, 39, 93, 98-102, 191, 196, 211, 220
 Барсуков Н.А. 182, 290
 Безнин М.А. 9, 286
 - Беляев Н.И. 116-117, 161, 178, 179
 Бенедиктов И.А. 85, 95, 124
 Бениловская 207
 Берзнов И. 127
 Берия Л.П. 11, 16, 23, 27, 35, 55, 60, 61-63, 68, 70
 Богденко М.Л. 52, 155, 285, 288, 294
 Бодюл И.И. 271, 272
 Бомешко Б.С. 287
 Бородин А.М. 5
 Бражка Ф.К. 141
 Брежнев Д.Д. 100
 Брежнев Л.И. 4-9, 14, 88, 90-97, 116, 140, 159, 202, 221, 251, 255-273, 281, 285, 291, 299
 Брек Я. 18
 Булганин Н.А. 69, 70, 73
 Булычев 207
 Бушинский В.П. 185
 Вавилов Н.И. 56, 57, 58
 - Вайнер М.Г. 246
 Венжер В.Г. 54, 118, 149, 294
 Вербицкая О.М. 9, 15, 50, 149, 233, 286, 288, 293-295, 298
 Вильямс В.Р. 10, 38-40, 92, 102, 185, 194, 195, 278
 Виноградов В.Н. 56
 Вознесенский Н.А. 39, 55
 Войтенко С. 32
 Волков И.М. 9, 285, 287
 Волков М.Н. 246
 Волкогонов Д.А. 10, 55, 61, 70, 286, 289-293, 298, 299
 Волобуев О.В. 289, 290
 Воловченко И.П. 193, 219, 225
 Воронов Г.И. 202, 212
 Ворошилов К.Е. 27, 63, 70, 73, 75
 Вылцан М.А. 123, 288, 293
 Гарбузов В.Ф. 177, 189, 225
 Гендель Г. 57
 Генералов Ф.С. 119, 151
 Гиталов А.В. 32
 Голубев Г. 24
 Гончаров А.М. 141
 Горбачев М.С. 4, 12, 140, 255, 282
 Готвальд К. 27
 Гушин Н.Я. 9
 Даллес А. 163
 Данилов В.П. 8
 Дементьев В. 129
 Демидов С. 85
 Денисевич М.Н. 9, 286
 Денисов Ю.П. 8, 285, 286
 Денисов 116
 Денисова Л.Н. 286
 Дербинов 40
 Дмитренко В.П. 290, 291
 Докучаев В.В. 38
 Дорошенко П. 14, 116
 Дубинин Н.П. 57
 Дьяконов М. 37
 Ежевский А.А. 128, 177, 189, 219, 261, 268
 Ежов Н.И. 70
 Емельянов Н.М. 142
 Есаков В.Д. 290, 291
 Ефимов С.Н. 127
 Ефремова А.И. 163
 Жебрак А.Р. 57
 Жданов А.А. 35
 Жданов Ю.А. 56
 Жуков Г.К. 61, 273
 Жуков Ю.Н. 55, 76, 289

Жуков 77
Жуковский П.М. 57

Зайдинер В.И. 288
Заробян Я.Н. 268
Засядько А.Ф. 176, 192
Зверев А.Г. 51, 61, 65, 116
Зеленин И.Е. 4, 8, 15, 33, 177,
229, 262, 263, 286-288, 291,
292, 297
Зима В.Ф. 7, 15, 27-31, 285-287
Золотухин Г.С. 197, 198
Зонов 207
Зубкова Е.Ю. 7, 15, 20, 33, 71,
285-287, 290

Ивашутин П. 205, 206, 296
Ивашенко О.И. 134
Игнатов Н.Г. 52, 116
Игнатов Н.Ф. 270, 272
Игнатовский П.А. 231, 236, 293
Ильичев Л.Ф. 13, 14
Ицков Н.Я. 136, 187, 189

Кабузан В.М. 31
Каганович Л.М. 25, 27, 34, 69,
70, 73, 76, 77, 95, 111, 258
Казанский В.А. 246
Камоцкий 207
Капитонов И.В. 273
Карасев С. 50
Кириленко А.П. 272, 273, 274
Кириченко А.И. 70, 116, 117
Кисткин И.А. 142
Ковынева С.А. 288
Козлов А. 77, 85, 116
Козлов Ф.Р. 206, 207, 209
Колеснев С.Г. 253, 254
Коляда В.К. 140
Конквест Р. 30, 287
Коняев А.С. 126
Корниец Л.Р. 85, 95
Коротков А.В. 10
Костычев П.А. 38
Косыгин А.Н. 30
Краснопевцев Л.Н. 74
Краюшкин А. 287
Крестьянинов Ф. 143, 254
Критов 141
Круглов С.Н. 35
Кузьмин 269
Кулаков Ф.Д. 261, 262
Куликов В.И. 5, 285
Кунаев Д.А. 3, 6, 161, 196-198,
211, 264
Кутяева А.С. 222

Кучумов П. 116
Кэбин И.Г. 270

Ларионов А.Н. 113, 114, 141
Лаптев И.Д. 77
Лемешев М.Я. 189, 193
Ленин В.И. 54, 59, 63, 67, 78,
107, 172, 198, 271, 283
Лобанов П.П. 85, 254, 261
Лоза Г.М. 185, 254
Ломако П.Ф. 177, 189
Лушников 108
Лысенко Т.Д. 10, 56, 57, 85, 87,
92, 93, 219, 262

Мазуров К.Т. 178, 180, 182, 212,
270, 272
Макеев С.А. 197
Маленков Г.М. 11, 12, 25, 27, 35,
40, 44-47, 52, 53, 56, 59-71,
75-77, 80, 86, 95, 111, 115,
129, 160, 258, 288, 289
Мальцев Т.С. 10, 38, 92, 93, 98,
108, 196
Маме Г.С. 126
Мартынов 18
Мануковский Н.Ф. 173
Мацкевич В.В. 53, 85, 95, 116,
117, 129-154, 158, 261-262
Медведев Ж.А. 56
Мендель Г. 57
Мехлис Л.З. 21, 23, 27
Микоян А.И. 27, 52, 55, 116, 117,
206, 257
Михайлов 77
Михайлова 207
Мичурин И.В. 195
Молотов В.М. 29, 55, 69-77, 86,
95, 96, 111, 129, 214, 258, 273-
274
Морган Т. 57
Моргун Ф.Т. 5, 96-98, 102, 197,
285, 291, 292, 296
Мотрович В.П. 286
Мухитдинов Н.А. 116
Мыларшиков В.П. 116, 183

Наливайко Г.А. 10, 99-101, 220
Наумов В.П. 206, 274, 296
Недосекин 66
Нежинский Л.Н. 299
Некрасов В.П. 21
Немчинов В.С. 57, 58
Ника И.В. 126
Николаева М. 66
Никонов А.А. 10, 16, 39, 40, 58,

82, 93, 94, 98, 108, 281, 286-292, 296, 299
 Новиков В.Н. 15, 175, 183, 184
 Ноткин А.И. 54
 Оболенский К.П. 136, 186, 246, 251
 Ольшанский М.А. 196, 219
 Ольшевская Г.К. 293
 Островский В.Б. 149
 Павлов С.П. 234
 Пальгунов Н.Г. 61
 Панкова К.И. 246
 Патоличев Н.С. 26, 27
 Пельше А.Я. 198, 270, 273, 274
 Первицкий В. 133
 Первухин М.Г. 70, 75
 Писарев В.Е. 198, 202
 Пихоя Р.Г. 11, 215, 216, 293, 297
 Плеханов С. 127
 Подгорный Н.В. 178, 179, 213, 272
 Поляков В.И. 77, 228, 246
 Полянский Д.С. 178
 Пономаренко П.К. 69, 84, 85, 89, 90, 93, 97
 Попов В.П. 7, 14, 28, 30, 233, 285-288, 298
 Попова 269
 Посконов А. 225
 Поскребышев А.Н. 56
 Пospelов П.Н. 70
 Презент И.И. 57
 Прозоров П.А. 192
 Пыжиков А.В. 298
 Прянишников Д.Н. 10, 58, 59, 195
 Радов 271
 Рапопорт И.А. 57
 Расулов Д.Р. 268
 Рашидов Ш.Р. 178, 180, 268
 Рид Д. 198
 Романова 207
 Руденко Р.А. 206
 Румянцева А.А. 51
 Русинов И.В. 7, 8, 13, 109
 Сабуров М.З. 55, 70, 75
 Санина А.В. 54, 118
 Сафонов Г. 37
 Сафронюк И.И. 126
 Семенов П. 142
 Семичастный В.Е. 205, 206
 Сеньянский А.С. 286

Серов И.А. 76
 Серпенинов 92
 Сидоров А.Л. 263
 Сиротин А. 126, 141
 Снечкус А.Ю. 108, 268-270
 Сойфер В.Н. 289
 Соколов Т.И. 196, 197, 211
 Сталин И.В. 11, 19-78, 88, 96, 118, 127, 137, 151, 182, 194, 199, 232, 258, 263, 268-272, 283, 286, 289, 296
 Старовский В.Н. 13, 14, 49, 77, 186, 215, 216, 246-250
 Столетов В.Н. 58
 Столяров С.Г. 295
 Стреляный А.И. 8, 290
 Сумонова 207
 Суслов М.А. 35, 76, 111, 258-260, 272
 Тарасов П. 17
 Тевосян И.Ф. 63
 Тепцов Н.А. 287
 Тихонов Н.А. 176, 192
 Ткачук Г.И. 222
 Трапезников С.П. 273
 Тулайков Н.М. 10, 38, 39, 195, 196
 Тулупников А.И. 134, 254
 Тупицын 41
 Тюрина А.П. 9, 153, 286, 294
 Тютюник 41
 Удачин С.А. 254
 Ульджабаев Т.У. 178, 180
 Феденко П.А. 126
 Федосеев П.Н. 229
 Флорентьев Л.Я. 150, 189, 197, 198, 269
 Фримэн О.Л. 284
 Фурсева Е.А. 72
 Хрушев Н.С. 3-299
 Чайкин П. 143
 Чельшев И.А. 299
 Чернов М.А. 59
 Чижевский М.Г. 92, 93, 98, 185, 196
 Шаяхметов Ж. 84, 89, 96, 199
 Шевченко А. 77
 Шевченко С.В. 154
 Шепилов Д.Т. 10, 75-77
 Шестаков В.А. 290, 291

Шклиба Е.И. 142
Шмальгаузен И.И. 57
Штерн Л. 59
Штыков 116
Шуйский Г. 77

Эдельштейн В.И. 92
Эренбург И.Г. 71

Юркин Т.А. 85, 95

Яковлев Я.А. (Эпштейн) 59
Якушкин И.В. 92
Ярошенко А.Д. 54

Компьютерная верстка:

*Андреанова Л.П.,
Сапрыкина Л.Г.*

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
ЛР № 020768 от 15.04.98.

Подписано в печать 01.11.01. Формат 60х84/16. Заказ №
Тираж 300 экз. 19,25 п.л. 20,30 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19